

Захватывающая, великолепно придуманная и изысканная головоломка

ДЖОН
Вердон

**ПИТЕР ПЭН
ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ**

MASTER DETECTIVE

CoRpus

НОВОЕ ДЕЛО ДЭЙВА ГУРНИ

ДЖОН
Вердон

MASTER**DETECTIVE**

JOHN VERDON

PETER PAN

MUST DIE

MASTER**DETECTIVE**

ДЖОН ВЕРДОН ПИТЕР ПЭН ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

Перевод с английского

Марии Виноградовой

издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

В-31

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

This edition is published by arrangement with THE FRIEDRICH AGENCY
and THE VAN LEAR AGENCY

Вердон, Джон.

В-31 Питер Пэн должен умереть: роман / Джон Вердон; пер. с англ. М. Виноградовой. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 640 с. (Masterdenective).

ISBN 978-5-17-090059-6

В своем последнем остросюжетном романе Джон Вердон (р. 1942), признанный мастер детективного жанра, предлагает читателю на редкость замысловатую головоломку, поручив решить ее Дэйву Гурни — полицейскому в отставке, который уже успел прославить Вердона блестящими разгадками сложнейших убийств. На этот раз Гурни, действуя как частный детектив, не просто распутывает нити парадоксального преступления, но и разоблачает полицейских, которые провели ложное, недобросовестное расследование, ошибочно вычислили убийцу и закрыли дело, в результате чего в тюрьму попала Кэй Спалтер, обвиненная в убийстве собственного мужа. Подвергая свою жизнь опасности, Гурни нападает на след истинного преступника и, найдя наконец разгадку “дела Спалтеров”, сам цепенеет от того, насколько абсурдной и ужасной оказалась правда.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-090059-6

© 2014 by John Verdon

© М. Виноградова, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО “Издательство АСТ”, 2017

Издательство CORPUS ®

Содержание

Пролог
Задолго до начала убийств
11

Часть первая
Невозможное убийство
15

Часть вторая
Питер Пэн
177

Часть третья
Все мировое зло
403

Часть четвертая
Триумф справедливости
523

Посвящается Наоми

В делах людей прилив есть и отлив,
С приливом достигаем мы успеха.
Когда ж отлив наступит, лодка жизни
По отмелям несчастий волочится¹.

“Юлий Цезарь”, акт 4, сцена 3

1   Перевод М. Зенкевича.
      (Здесь и далее примеч. перев.)

Пролог

Задолго до начала убийств

Было время, когда он мечтал стать главой великой страны. Ядерной державы.

У него, президента, всегда под рукой была бы ядерная кнопка. Одним движением пальца он мог бы запускать ядерные ракеты. Уничтожать целые города. Мог бы положить конец вонючему человечеству. Стереть все с этой чертовой грифельной доски — начисто.

Однако с возрастом пришло осознание своих перспектив, более реалистичное понимание возможностей. Он понял: до спускового механизма ядерного оружия ему не дотянуться.

А вот до других спусковых механизмов — запросто. Раз за разом, выстрел за выстрелом — так много чего можно добиться.

И пока он думал обо всем этом — а в подростковые годы он не думал почти ни о чем другом, — планы на будущее медленно обретали контуры. Теперь он знал, кем станет, когда вырастет, — что будет его сферой деятельности, его искусством, областью совершен-

ства. А это уже немало, поскольку до тех пор он не знал о себе почти ничего, не ведал, кто он и что он.

У него не осталось почти никаких воспоминаний о том, что было в его жизни до двенадцати лет.

Только кошмар.

Кошмар, повторяющийся снова и снова.

Цирк. Его мать, совсем крошечная — меньше всех прочих женщин. Ужасный смех. Музыка с карусели. Басовитый, неумолчный звериный рык.

Клоун.

Огромный клоун, который дал ему денег, а потом сделал ему очень больно.

Сипящий клоун, чье дыхание отдавало рвотой.

И слова. В кошмаре они звучали отчетливей некуда — как острые осколки льда, разбитого о камень.

“Это наш секрет. Скажешь кому, я тебе язык вырву и тигру скормлю”.

Часть первая
Невозможное
убийство

Глава 1

Тень смерти

В сельской глуши расположенных к северу от Нью-Йорка Катскильских гор август месяц выдался переменчивым и своенравным, все метался между солнечным блаженством июля и свинцовыми шквалами грядущей долгой зимы.

Такой месяц у кого угодно притупит ощущение времени и пространства. Погода словно бы подпитывала внутренний разлад Дэйва Гурни, его неуверенность насчет собственного места в жизни — разлад, что начался три года назад, когда Дэйв ушел из Департамента полиции Нью-Йорка, и усилился, когда они с Мадлен переехали из города, где оба росли, учились и работали, в сельскую местность.

И вот сейчас, в первую неделю августа, когда близился пасмурный вечер, а вдалеке рокотал гром, Дэйв с Мадлен поднимались на Барроу-хилл по грязной разбитой дороге, что соединяла меж собой три небольшие каменоломни, давным-давно заброшенные и поросшие дикой малиной. Устало плетясь за Мадлен к невысокому валуну, где они обычно останавливались передох-

нуть, он старался по мере сил следовать извечному ее совету: *“Смотри по сторонам. Тут так красиво. Расслабься и впитывай красоту”*.

— Каровое, да? — спросила она.

Гурни захлопал глазами.

— Что?

— Да озеро же.

Мадлен кивнула на глубокий спокойный водоем более или менее правильной округлой формы, образовавшийся на месте выработанного много лет назад карьера. Он тянулся от того места у тропы, где они сидели, до полосы водолюбивых ив на другом берегу — зеркальная гладь футов около двухсот в поперечнике, с почти фотографической точностью отражающая плакучие ветви деревьев.

— Каровое?

— Я тут прочла дивную книгу о пеших прогулках в шотландских горах, — с энтузиазмом отозвалась Мадлен, — так там автор то и дело натывается на “каровые озера”. У меня сложилось впечатление, это что-то вроде озерца среди скал.

— Хм-хм.

Повисла долгая пауза. И снова Мадлен первой нарушила молчание:

— Видишь вон там, внизу? По-моему, курятник надо строить именно там, прямо рядом с аспарагусом.

Гурни понуро разглядывал отражения ив. Подняв голову, он увидел, что Мадлен показывает просвет в лесу чуть ниже по склону. Когда-то там пролегалла просека, по которой возили бревна.

Одной из причин для остановки передохнуть именно у валуна на краю старой каменоломни было то, что

за всю дорогу только отсюда и открывался вид на их владения. Старый фермерский дом, клумбы, яблони-переростки, маленький прудик, недавно отстроенный амбар, неухоженные пастбища на склонах холма (поросшие в это время года ваточником и рудбекией), тот кусочек пастбища, который Дэйв с Мадлен подстригали и называли газоном, да выкошенную широкую полосу по самому низу, они величали ее подъездной аллеей. Примостившись на валуне, Мадлен неизменно радовалась этой картине в роскошном обрамлении окрестных лесов.

Гурни не разделял восторгов жены. Мадлен обнаружила это место вскоре после переезда, и в первый же раз, как она показала его Гурни, у того возникла одна лишь ассоциация: находка для снайпера, вздумавшего подстрелить кого-нибудь на входе в дом. (Ему достало ума не делиться этой мыслью с женой. Она три дня в неделю работала в местной психиатрической клинике: не хватало только, чтобы она решила, будто его пора лечить от паранойи.)

Разговор о курятнике — насущная необходимость его постройки, размеры и конструкция, а также место расположения — возникал у них каждый день, к очевидной радости Мадлен и умеренному раздражению Дэйва. По настоянию Мадлен в конце мая они купили четырех кур и пока держали в амбаре, но мысль переселить их на новые квартиры никуда не делась.

— Можно построить отличный курятничек с загончиком между аспарагусом и яблоней, тогда в жаркие дни у них там будет тень, — предложила Мадлен.

— Давай.

Ответ прозвучал безразличнее, чем Дэйву хотелось бы.

Тут разговор и омрачился бы, не отвлекись Мадлен. Она вскинула голову.

— Что такое? — спросил Гурни.

— Прислушайся.

Он замер — дело для него нередкое. Сам он был наделен совершенно обыкновенным слухом, а вот Мадлен — феноменальным. Через несколько секунд, когда шорох ветра в листве затих, Гурни различил где-то вдали, ниже по холму, скорее всего, на ведущей из города дороге, что заканчивалась тупиком у начала их “подъездной аллеи”, смутный гул. Постепенно гул усилился, и он распознал характерное урчание не в меру большого и не в меру шумного восьмицилиндрового мотора.

Он знал человека, который ездил на старом “маслкаре” с точно таким же шумным мотором — переделанном красном “Понтиаке” 1970 года выпуска. Человека, для которого этот треск двигателя служил визитной карточкой.

Джек Хардвик.

Гурни стиснул зубы. Предстоящий визит детектива, с которым его связывала причудливая цепочка пережитых вместе опасностей, профессиональных успехов и постоянных пикировок, не радовал. Не то чтобы такой поворот событий застал Гурни врасплох. В сущности, он ожидал этого с той минуты, как услышал, что Хардвика вынудили уволиться из государственного полицейского бюро криминальных расследований. Гурни понимал: напряжение, испытываемое им сейчас, напрямую связано с тем, что случилось до увольнения Хардвика. Он в большом долгу перед Хардвиком, теперь придется платить по счетам.

Череда низких темных туч быстро скользила над дальним гребнем, словно отступая перед свирепым ревом красного автомобиля. С того места, где сидел Гурни, уже видно было, как машина движется вверх по склону через скошенный луг к дому. На миг Гурни завладело искушение: просто-напросто пересидеть на холме, пока Хардвик не уедет. Но это ведь делу не поможет, лишь удлинит период тоскливого ожидания неминуемой встречи. Решительно хмыкнув, он поднялся с камня.

— Ты его ждал? — спросила Мадлен.

Гурни удивился, что она помнит машину Хардвика.

— Такой рев не забудешь, — пояснила она, словно бы прочтя по лицу мужа его мысли.

Гурни посмотрел вниз. “Понтиак” остановился рядом с его запылившимся “универсалом” на крохотной самодельной парковке рядом с домом. Могучий мотор неистово взревел, когда ему поддали газу, перед тем как выключить.

— Ждал, в общем. Но не обязательно сегодня.

— А сам-то ты хочешь с ним повидаться?

— Я бы сказал, это он хочет увидаться, а мне хочется поскорее с этим покончить.

Мадлен кивнула и поднялась.

Когда они повернули обратно на тропу, зеркальная гладь озера задрожала под порывом внезапного ветра. Перевернутое отражение неба и деревьев разбилось на тысячи мелких серых и зеленых осколков.

Если бы Гурни верил в предзнаменования, то сказал бы, пожалуй, что разбившееся отражение предвещает беду.

Глава 2

Мразь земли

На полпути к Барроу-хилл, в лесу, откуда дом уже не был виден, у Гурни зазвонил телефон. Он узнал номер Хардвика.

— Привет, Джек.

— Обе ваши машины на месте. Прячетесь в подвале?

— Спасибо, у меня все хорошо. А ты как?

— Где ты, черт побери?

— Иду через вишневую рощу, в четверти мили к западу от тебя.

— По тому склону, где листья от клеща жухнут?

Хардвик всегда умел задеть Гурни за живое. И дело было не просто в беспрестанных мелких уколах и выпадах, и даже не в том, с каким явным удовольствием Хардвик отпускал эти замечания. Нет, это было злое эхо голоса из детства Гурни — безжалостного, язвительного тона отца.

— Ага, по тому самому. Чем могу служить, Джек?

Хардвик кашлянул, прочищая горло.

— Весь вопрос в том, чем мы оба можем друг другу услужить, — с омерзительным пылом откликнулся

он. — Ты мне, я тебе, как-то так. Кстати, я заметил, у тебя дверь не заперта. Не против, если я подожду в доме? Чертова мошкара вконец задрала.

Хардвик стоял посередине просторной комнаты, занимавшей добрую половину нижнего этажа. Вдоль стены была устроена кухня в деревенском духе. В закутке рядом с застекленной двойной дверью стоял круглый сосновый стол, за которым они завтракали. Другая половина комнаты была отведена под гостиную. Здесь главенствовал массивный камин, и еще имелась дровяная печька. По центру стоял обеденный стол в шейкерском стиле и с полдюжины деревянных стульев.

Первое, что поразило Гурни, едва он вошел в комнату, — какое-то странное, потерянное выражение на лице Хардвика.

Даже насмешливый возглас, которым он их приветствовал, звучал чуточку вымученным:

— А где же наша несравненная Мадлен?

— Я здесь, — отозвалась та, с приветливой и в то же время встревоженной улыбкой выходя из кладовки и направляясь к раковине. В руках она держала букетик только что сорванных на лугу цветов, что-то вроде маленьких астрочек. Положив их в сушилку для посуды, она посмотрела на мужа. — Оставлю пока здесь. Найду вазу попозже. Мне надо наверх — пора упражняться.

Когда шаги ее стихли, Хардвик усмехнулся и прошептал:

— Упражнения — путь к совершенству. И в чем она упражняется?

— Виолончель.

— А. Ну да, конечно. А знаешь, за что все так любят виолончель?

— За то, что красиво играет?

— Ах, малыш Дэйви, типичный ответ в стиле “все всерьез, без дураков”, какими ты и знаменит. — Хардвик облизал губы. — Но знаешь, почему именно она красиво играет?

— А попроще сказать слабо?

— И лишить тебя возможности разгадать великолепную загадку? — Он театрально покачал головой. — Да ни в жизнь! Гениям вроде тебя необходимо напрягать мозги. А то прямиком на помойку.

Глядя на Хардвика, Гурни начал потихоньку понимать, что именно с ним сегодня не так. Под покровом язвительной болтовни — обычной манеры Хардвика общаться с миром — чувствовалось непривычное напряжение. Он всегда был резковат, но сегодня в его голубых глазах Гурни читал скорее нервозность, чем резкость. Что-то грядет? Нехарактерное беспокойство Хардвика действовало чертовски заразительно.

Да еще и Мадлен, как назло, выбрала для упражнения особенно дерганую пьесу.

Хардвик бродил по комнате, проводил рукой то по спинкам стульев, то по уголкам столов, растениям в горшках, декоративным площадкам, бутылкам и подсвечникам, купленным Мадлен по сносной цене в местных антикварных лавочках.

— А мне тут нравится! Красота! Чертовски аутентично. — Остановившись, он провел пятерней по рано поседевшим коротко стриженным волосам. — Ты ж понимаешь, о чем я?

— О том, что это чертовски аутентично?

— Глубинка в чистом виде. Погляди только на эту железную печку — сделано в Америке, — она ж насквозь американская, как какие-нибудь чертовы блинчики. А энти вот широкие половицы — прямые и честные, как деревья, из которых вытесаны.

— Эти вот половицы.

— Что-что?

— Не энти, а эти.

Хардвик прекратил рыскать по комнате.

— Ты, черт возьми, о чем?

— Ты просто так приехал или у тебя дело есть?

Хардвик поморщился.

— Ах, Дэйви, Дэйви, деловой, как всегда. Напрочь игнорируешь мои попытки обменяться парой приятных фраз, соблюсти светские приличия, подпустить пару дружеских комплиментов пуританской простоте твоего домашнего убранства...

— Джек...

— Ладно. Дело превыше всего. Где сядем?

Гурни показал на круглый столик рядом с застекленной дверью.

Они уселись друг напротив друга. Гурни выжидающе подался вперед.

Хардвик прикрыл глаза и с силой потер лицо руками, словно пытаясь избавиться от глубоко въевшегося зуда. Потом положил руки на стол и начал:

— Ты спросил, есть ли у меня дело к тебе. Да, есть. Возможность. Знаешь эти строчки из “Юлия Цезаря” про прилив в делах людей?

— Это о чем?

Хардвик весь подался вперед, словно в этих словах заключалась глубинная тайна жизни.

— “В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха. Когда ж отлив наступит, лодка жизни по отмелям несчастий волочится”.

— Ты это специально для меня заучил?

— Со школы помню. Через всю жизнь пронес.

— Что-то никогда от тебя не слышал.

— Просто подходящей ситуации не возникало.

— А теперь?

Уголок рта Хардвика дернулся, как от тика.

— А теперь настал момент.

— Прилив в твоих делах?

— В наших.

— Наших с тобой?

— Именно.

Гурни немного помолчал, глядя на возбужденное, озабоченное лицо собеседника. Этот неожиданный облик Джека Хардвика — открытый и серьезный — лишил душевного равновесия куда сильнее, чем извечный его цинизм.

На мгновение воцарилась тишина. Слышалась лишь ломаная мелодия пьесы начала двадцатого века, над которой Мадлен билась всю прошлую неделю.

Губы Хардвика снова чуть заметно дрогнули.

Видеть это во второй раз и ждать, когда они дернутся в третий, было уже совсем неважно. Для Гурни это означало лишь одно: расплата, которую потребуют от него за многомесячный долг, окажется очень весомой.

— Так ты намерен объяснить, о чем это ты? — спросил он.

— Я о деле по убийству Спалтера. — Последние слова Хардвик подчеркнул с неповторимым сочетанием

значимости и презрения. Глаза его были устремлены на Гурни, словно в ожидании должной реакции.

Гурни нахмурился.

— Женщина, застрелившая богатого мужа-политика в Лонг-Фоллсе?

Несколько месяцев назад эта история стала сенсацией.

— Именно.

— Насколько я помню, приговор был стопроцентно обвинительный, без сомнений. Дамочку буквально завалило уликами и показаниями свидетелей. Не говоря уж о маленькой дополнительной детали — ее муж, Карл, скончался во время суда.

— Именно.

К Гурни начали возвращаться подробности.

— Она стреляла в него на кладбище, прямо над могилой матери, верно? Выстрелом его парализовало, превратило в овощ.

Хардвик кивнул.

— Овощ в инвалидном кресле. Овощ, которого обвинение каждый день притаскивало на заседание суда. Омерзительное зрелище. Постоянное напоминание присяжным, что его жену судят за то, что она с ним сотворила. Пока, разумеется, он не помер в разгар процесса, после чего они его привозить перестали. Но процесс продолжили — просто сменили обвинение с покушения на убийство.

— Спалтер ведь был богатым брокером по недвижимости, да? И незадолго до того объявил, что баллотируется в губернаторы как независимый кандидат.

— Ага.

— Против преступности. Против коррупции. Бой-

кий лозунг. “Пришла пора избавиться от мрази”. Что-то такое.

Хардвик подался вперед.

— Точно. Дословно, малыш Дэйви. Он в каждой речи умудрялся ввернуть что-нибудь про мразь земли. Каждый раз, чтоб меня. “Мразь земли плавает на поверхности выгребной ямы политической коррупции”. Мразь земли то, мразь земли это. Любил Карл подчеркнуть основную идею.

Гурни кивнул.

— Припоминаю, что жена вроде изменяла ему и боялась развода, который вылился бы ей в миллионы, если только муж не умрет раньше, чем изменит завещание.

— Все так, — улыбнулся Хардвик.

— Так? — Гурни недоверчиво уставился на него. — Это и есть та самая неповторимая возможность, о которой ты говорил? Дело Спалтеров? Если ты не заметил, дело Спалтера закончено, закрыто и убрано в архив. Если мне не изменяет память, Кэй Спалтер отбывает свои двадцать пять в тюрьме строгого режима в Бедфорд-Хиллс.

— Чистая правда, — подтвердил Хардвик.

— Тогда о чем, черт возьми, мы толкуем?

Хардвик растянул губы в медленной улыбке, на чисто лишенной настоящего веселья, — одна из тех типично драматических пауз, которые он так любил, а Гурни терпеть не мог.

— Мы говорили о том, что... дамочку подставили. Обвинение против нее — бред собачий, от начала и до конца. Чистейший... незамутненный... бред. — Снова то же подрагивание уголков губ. — Суть такова: речь идет о том, чтобы снять с нее обвинение.

— Откуда ты знаешь, что это все бред?

— Ее подставили. Коп попался нечестный.

— Откуда ты знаешь?

— Я вообще много чего знаю. И мне много чего рассказывают. У того копа есть враги — и не без причины. Он не просто нечестный, он настоящая дрянь. Законченный сукин сын.

Гурни никогда еще не видел в глазах Хардвика столько ярости.

— Отлично. Скажем, ее подставил нечестный коп. Скажем даже, она ни в чем не виновата. Какое это имеет отношение к тебе? Или ко мне?

— Помимо такой мелочи, как правосудие?

— Что-то выражение твоих глаз к правосудию никакого отношения не имеет.

— Еще как имеет. Самое прямое, и именно к правосудию. Система меня поимела. Так что теперь я хочу поиметь систему. Честно, законно и исключительно на стороне справедливости. Они меня выставили, потому что всегда хотели. Я самую малость налажал с теми документами по делу о Добром Пастыре, которые передавал тебе. Обычное бюрократическое дерьмо, а этим гадам только дай предлог, тотчас же ухватились.

Гурни кивнул. Он все гадал, всплывет ли в разговоре этот долг — полученная им выгода, понесенный Хардвиком убыток. Что ж, можно больше не гадать.

Хардвик продолжил:

— Так что теперь я начинаю свое дело как частный детектив. По найму. И моей первой клиенткой будет как раз Кэй Спалтер — через адвоката, который занимается ее апелляцией. Так что моя первая победа должна наделать шума.

Гурни помолчал, обдумывая услышанное.

— А я?

— Что?

— Ты сказал, это шанс для нас обоих.

— Так и есть. Для тебя эта история может стать венцом, чтоб ее, карьеры. Прими участие в деле, порви его на куски и сложи снова в правильном порядке. Дело Спалтеров было сперва преступлением десятилетия, а потом — подставой века. Ты разберешься в нем, выступишь, а заодно надерешь задницы кое-каким ублюдкам. И сделаешь еще одну зарубку на прикладе, Шерлок. Здоровенную, твою мать, зарубку.

Гурни медленно кивнул.

— Идет, но... ты же приехал в эту даль не только для того, чтобы дать мне возможность надрать ублюдкам задницы. Почему ты хочешь привлечь именно меня?

Хардвик пожал плечами и набрал в грудь побольше воздуха.

— По массе самых разных причин.

— И самая главная?

Похоже, Хардвику впервые стало трудно подобрать слова.

— Чтоб ты помог мне повернуть ключ на четверть оборота и заключить сделку.

— Так никакой сделки еще нет? Мне казалось, ты сказал, Кэй Спалтер — твоя клиентка.

— Я сказал — она станет моей клиенткой. Только сперва требуется уладить кое-какие юридические мелочи.

— Мелочи?

— Поверь мне, все схвачено, надо просто нажать на правильные кнопки.

Снова нервное подергивание. У Гурни у самого челюсти сжались.

— Кэй Спалтер представлял в суде назначенный сверху осел, — торопливо продолжал Хардвик. — Технически он все еще остается ее поверенным, а это ослабляет аргументы для пересмотра приговора, сами по себе очень даже весомые. Одна из потенциальных пуль в обойме на апелляцию — это некомпетентность защиты, но не может же он сам про себя такое заявлять. Нельзя же сказать судье — освободите моего клиента, потому что я облажался. Такое должен говорить кто-то другой. Неписанные правила. Так что основная идея...

Гурни не выдержал.

— Погоди! У семьи же денег куры не клюют. С какой радости вдруг государственный защитник?

— Денег у них и впрямь уйма. Беда в том, что все записано на имя Карла. Он все контролировал. Нетрудно догадаться, что за тип он был. Кэй жила на широкую ногу, а за душой у нее — ни гроша. На деле, она неплатежеспособна. Вот и получила государственного адвоката, как все неимущие. Не говоря уже о тощем бюджете на накладные расходы. Ну и вот, как я уже сказал, — ей нужен новый представитель. У меня есть подходящая кандидатура, уже все устроено, точит зубы. Ловкий, изворотливый, беспринципный сукин сын — вечно голодный. Ей только и нужно подписать пару бумаг, чтобы оформить замену официально.

Гурни гадал, не ослышался ли.

— И ты ждешь, что я продам ей эту идею?

— Нет-нет! Ничего подобного! Никому ничего продавать не надо! Мне просто хотелось бы, чтобы ты стал частью общей картины.

— Какой еще частью?

— Крутой детектив из большого города, спец по убийствам. Масса раскрытых дел и до хрена всяких регалий. Тот самый, кто вывернул дело Доброго Пастыря наизнанку и повытряс дерьмо из всех этих козлов.

— То есть ты хочешь, чтобы я сыграл для тебя с этим “беспринципным сукиным сыном” роль вывески?

— Ну, он не то чтоб совсем беспринципный. Скорее... напористый. Умеет работать локтями. И нет, ты не будешь ни для кого “просто вывеской”. Ты будешь одним из игроков. Членом команды. Одной из причин, по которым Кэй Спалтер стоит нанять нас, чтобы провести повторное расследование, подстегнуть апелляцию и пересмотреть чертов приговор.

Гурни покачал головой.

— Что-то не догоняю. Если с самого начала денег на крутого адвоката не было, откуда теперь-то возьмутся?

— С самого начала, учитывая весомость обвинения, у Кэй особых надежд не было. А если она проигрывает, у нее нет денег, чтобы заплатить по счетам.

— Но теперь...

— Теперь дело другое. Ты, я и Лекс Бинчер об этом позаботимся. Поверь мне, она выиграет, а плохим парням останется только проглотить пилюлю. А когда ее оправдают, она получит огромный куш как основная наследница Карла.

— Выходит, этот твой Бинчер работает над криминальным случаем с оплатой по результату? Разве это не против закона — или, по крайней мере, этики?

— Да ну брось. В соглашении, которое она подпишет, так прямо о гарантиях результата ничего не говорится. Ты, конечно, можешь сказать, что гонорар Лекса вроде как зависит от успеха апелляции, но текст соглашения

никакой такой связи не предусматривает. Если апелляция провалится, с точки зрения закона Кэй просто останется должна ему кучу денег. Не бери в голову. Это проблема Лекса. Кроме того, апелляция не провалится!

Гурни откинулся назад, глядя через открытую дверь на заросли аспарагуса в дальнем конце вымощенного голубоватым песчаником старого дворика. В этом году побег вымахали гораздо выше, чем в прошлые два. Пожалуй, высокий человек мог бы стоять там, выпрямившись во весь рост, и остаться незамеченным. Обычно голубовато-зеленые, сейчас, под серым беспокойным небом, листья аспарагуса словно выпцвели и покачивались в порывистом ветерке, непредсказуемо налетавшем то с одной, то с другой стороны.

Гурни сморгнул, с силой потер лицо обеими руками и попытался сосредоточиться на том, как бы распутать весь этот тягучий клубок проблем, выявив основные составляющие.

Насколько он мог судить, его просили запустить в плавание новый детективный бизнес Хардвика — помочь тому заключить первое крупное соглашение с клиентом. Вот это и станет платой за все маленькие услуги в обход правил, которые Хардвик оказывал ему в прошлом — ценой своей полицейской карьеры. Тут, по крайней мере, все ясно. Однако было, о чем подумать и кроме этого.

Одной из характерных черт Хардвика была невозмутимость из разряда “а там хоть трава не расти”, истекающая из полного отсутствия привязанностей или строго определенной цели. И все же сейчас он явно уцепился за свой новый проект и предвкушал прибыль, которую этот проект сулил. Перемена, пожалуй,

не к лучшему. Каково-то будет работать с Хардвиком, одержимым этой новой идеей, — с прежней ершистостью, поставленной отныне на службу обиженной воинственности?

Он перевел взгляд с покачивающихся побегов аспарагуса на лицо Хардвика.

— Так что же это значит, Джек, — “член команды”? Что от меня требуется, кроме как с умным видом брехать медалями?

— Да чем, черт побери, захочешь, тем и занимайся. Послушай, я же тебе говорю. Обвинение было насквозь гнилым с самого начала. Если в итоге всего этого старший следователь не загремит в Аттику, я... я, черт возьми... заделаюсь веганом. Стопроцентно гарантирую: во всех фактах и показаниях окажется до черта нестыковок. Их, твою мать, даже в судебных протоколах выше крыши. И, малыш Дэйви, хочешь соглашайся, хочешь — нет, а ты и сам прекрасно знаешь: ни у одного копа нет такого глаза и чутья на нестыковки, как у тебя. Вот и все. Ты мне нужен в команде. Делаешь это для меня?

“Сделаешь это для меня?” Просьба эхом звучала в голове Гурни. Отказаться он был не в силах. Во всяком случае, сейчас. Он глубоко вздохнул.

— Протоколы заседаний у тебя есть?

— Есть.

— С собой?

— В машине.

— Я... взгляну. Надо прикинуть, куда от них плясать.

Хардвик поднялся из-за стола. Теперь нервозность его больше походила на возбуждение.

— Оставляю тебе еще и копию официального досье

по делу. Уйма интересного дерьма. Может оказаться полезным.

— Откуда ты раздобыл досье?

— У меня еще остались кое-какие друзья.

Гурни натянуто улыбнулся.

— Ничего не обещаю, Джек.

— Отлично. Нет проблем. Пойду принесу все из машины. Поизучай на досуге. Посмотрим, что ты скажешь по этому поводу. — Шагая к двери, он остановился и обернулся. — Не пожалеешь, Дэйви. В деле Спалтеров есть все — ужас, ненависть, гангстеры, безумие, политика, крупные деньги, крупная ложь и, возможно, капелька инцеста. Тебе, черт возьми, понравится!

Глава 3

Что-то в лесах

Мадлен приготовила незамысловатый ужин, и они поели довольно быстро, почти не разговаривая. Гурни ожидал, что она втянет его в утомительное обсуждение встречи с Хардвиком, но она задала лишь один вопрос: — Что ему от тебя надо?

Гурни описал ситуацию с некоторыми подробностями — само дело Кэй Спалтер, новое положение Хардвика как частного детектива, его пылкую вовлеченность в пересмотр приговора Кэй, просьбу о помощи.

Мадлен в ответ только легонько кивнула и еле слышно хмыкнула. Поднявшись, она собрала со стола посуду, унесла ее к раковине, помыла, сполоснула и поставила в сушилку. Потом взяла из буфета большой кувшин и полила растения, стоявшие на сосновом столе под окнами кухни. Она не затрагивала щекотливую тему, но с каждой минутой Гурни все сильнее и сильнее подмывало добавить еще несколько слов, что-то объяснить, оправдаться. Когда он уже готов был заговорить сам, Мадлен предложила прогуляться к пруду.

— Слишком хороший вечер, чтобы дома сидеть.

“Хороший” — пожалуй, не то слово, какое сам Гурни употребил бы по отношению к этому вечеру с переменчивым небом и чередой туч. Но он удержался и не стал возражать, а прошел за Мадлен в прихожую, где она надела одну из своих нейлоновых ветровок яркой тропической расцветки, а он натянул зеленовато-желтый кардиган, служивший ему верой и правдой уже чуть ли не двадцать лет.

Мадлен, как всегда, посмотрела на него, скептически сощурившись.

— Надеешься сойти за чьего-то дедушку?

— В смысле — за человека надежного, внушающего доверие и располагающего к себе?

Она иронически приподняла бровь.

Больше они не говорили, пока не прошли через луг и не уселись на старой деревянной скамейке около пруда. Если не считать просвета напротив скамейки, берега пруда заросли высоким камышом, где с мая по середину июля гнездились красноплечие трупиялы, реагирующие на вторжение чужаков агрессивными криками и пикирующими налетами. К началу августа птицы исчезали.

— Пора бы нам время от времени срезать тут камыш, — заметила Мадлен, — а не то весь пруд затаянет.

Каждый год кольцо камышей становилось толще, вторгалось в воду чуть дальше. Как уже выяснил Гурни, выкорчевывать их было занятием грязным, утомительным и тоскливым.

— Ага, — понуро отозвался он.

Вороны в кронах деревьев на краю луга галдели всю — резкий неумолчный гай, каждый вечер достигавший пика к закату и быстро сходивший на нет по наступлению сумерек.

— И с этой штукой надо бы что-то сделать. — Мадлен показала на покосившуюся ветхую шпалеру, которую предыдущий владелец установил в начале тропинки, идущей вокруг пруда. — Но с этим придется подождать, пока не построим курятник с большой вольерой. Курам же надо и побегать, не сидеть же им все время в темном сарае.

Гурни промолчал. В сарае имелись окна, а внутри было не так уж темно — но эта линия аргументации гарантированно ни к чему бы не привела. Да, сарай был меньше прежней постройки, сгоревшей в загадочном пожаре несколько месяцев назад посреди расследования дела Доброго Пастыря, но уж точно достаточно просторным для петуха и трех несушек. Однако в глазах Мадлен замкнутые помещения годились, в лучшем случае, на роль временного пристанища, а открытое пространство приравнивалось к раю. Ясно было: она сочувствует курам в их мнимом заточении и убедить ее, что в сарае им вполне хорошо, столь же нереально, как уговорить самой там поселиться.

Кроме того, они пришли к пруду не для того, чтобы обсуждать камыши, шпалеры или кур. Наверняка она вот-вот снова поднимет тему Джека Хардвика. Гурни начал уже выстраивать линию доводов в обоснование своего потенциального участия в деле.

Она спросит, неужели он и на своей так называемой пенсии возьмется за очередное полномасштабное расследование убийства, а если да, то зачем вообще было выходить в отставку?

Он снова объяснит, что Хардвика уволили из нью-йоркской полиции за помощь Гурни в деле Доброго Пастыря, так что теперь помочь ему — вопрос элементарной справедливости. Взял в долг — плати.

Она укажет, что Хардвик сам виноват, что его уволили, — погубила его не передача нескольких секретных документов, а долгая история неподчинения и непочтительности, подростковая тяга уязвить эго начальства. Такое поведение сопряжено с очевидным риском, вот топор наконец и упал.

Он возразит расплывчатым доводом о долге дружбы.

Она отметит, что они с Хардвигом никогда не были настоящими друзьями — просто вечно пикирующимися коллегами, у которых время от времени совпадали интересы.

Он напомним ей об уникальных узах, связавших их много лет назад в деле Питера Пиггерта, когда они в один и тот же день нашли по половине тела миссис Пиггерт — на расстоянии нескольких сотен миль.

Она покачает головой и сведет “узы” до гротескного совпадения в прошлом — жалкого основания для действий в настоящем.

Гурни откинулся на расслаивающуюся деревянную спинку скамьи и посмотрел вверх, на слоистое небо. Возможно, он и не жаждал пикировки, но хотя бы чувствовал, что готов к ней. Над головой стремительно, словно опаздывая на ночлег, пролетело несколько мелких птах, то парами, то поодиночке.

Однако когда Мадлен наконец заговорила, то совсем иным тоном, чем ожидал Гурни, совсем в другом ключе.

— Ты ведь понимаешь, что он совершенно одержим, — то ли констатировала, то ли спросила она, глядя на пруд.

— Ну да.

— Одержим тем, как бы отомстить.

— Возможно.

— Возможно?

— Ну ладно. Скорее всего.

— Ужасный мотив.

— Я это понимаю.

— А понимаешь, что это делает его версию событий недостоверной?

— Я вовсе не собираюсь принимать его версию. Ни в чем. Не настолько уж я наивен.

Мадлен посмотрела на него и снова уставилась на пруд. Некоторое время оба молчали. Гурни ощутил холодок в воздухе — сырой, земляной холодок.

— Тебе стоило бы поговорить с Малькольмом Кларетом, — буднично сказала Мадлен.

Гурни замигал, повернулся и уставился на нее.

— Что?

— Перед тем как впутаться в это, тебе надо поговорить с ним.

— Какого черта?

К Кларету он испытывал смешанное чувство: не потому, что имел что-нибудь против него самого или сомневался в его профессиональных способностях, — но воспоминания о прошлых их встречах до сих пор были полны боли и смятения.

— Вдруг он тебе поможет... хотя бы разобраться, почему ты это делаешь.

— Разобраться, почему я это делаю? Что ты имеешь в виду?

Мадлен ответила не сразу. Да и Гурни не настаивал — сам опешив от того, как резко прозвучал его вопрос.

Они уже проходили это, и не раз — вопрос, почему он занимается тем, чем занимается, отчего вооб-

ще стал детективом, отчего его всегда влекло именно к убийствам и почему они до сих пор его завораживают. Знакомая почва. Почему же он вдруг так вскинулся?

Высоко в темнеющем небе спешила в какое-то знакомое, а верно, и безопасное место очередная пара птиц — скорее всего, в то место, которое считала домом.

— Не возьму в толк, что ты имеешь в виду под “почему я это делаю”, — добавил он чуть мягче.

— Тебя столько раз могли убить.

Он чуть отодвинулся.

— Когда имеешь дело с убийцами...

— Пожалуйста, не надо, — перебила она, поднимая руку. — Хватит уже разглагольствовать об Опасной Профессии. Мы говорим не о том.

— Тогда о чем...

— Ты самый умный человек, какого я только знаю. Самый. Все эти возможности, подходы, версии — никто не разбирается в этом лучше или быстрее тебя. И все-таки...

Голос ее задрожал и умолк.

Гурни выждал долгих десять секунд, прежде чем мягко напомнить:

— И все же...

Прошло еще секунд десять, прежде чем она продолжила.

— И все же... почему-то... три раза за последние два года ты оказывался лицом к лицу с вооруженным психом... в трех разных ситуациях. И каждый раз — на волосок от смерти.

Он промолчал.

Она печально глядела куда-то за пруд.

— Неправильная какая-то картина получается.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы ответить.

— Думаешь, я ищущ смерти?

— А ты ищешь?

— Ну разумеется, нет.

Она все так же смотрела прямо перед собой.

На лугу и в лесах на склоне холма за прудом уже начинало темнеть. Золотые пятна крестовника и лавандовые стрелки гадючьего лука уже выпцвели, посерели. Мадлен зябко передернулась, застегнула молнию ветровки до подбородка и сложила руки на груди, крепко прижимая к себе локти.

Они долго сидели молча. Разговор словно бы зашел в тупик, покатился под уклон, и неясно было, как выкарабкаться.

Когда посередине пруда замерцало пятнышко дрожащего серебристого света — отражение луны, как раз выбившейся в просвет между туч, — из глубины лесов за скамьей донесся звук, от которого волоски на руках у Гурни встали дыбом, — пронзительная, заунывная нота, вопль нечеловеческого отчаяния.

— Что за...

— Я такое уже слышала, — с легкой тревогой в голосе промолвила Мадлен. — С разных сторон, ночь на ночь не приходится.

Гурни выждал, прислушиваясь. Минуту спустя крик повторился — нездешний, тоскливый.

— Наверное, сова, — сказал Гурни без малейших оснований для этого вывода.

Он не стал говорить, что для него это прозвучало криком заблудившегося ребенка.

Глава 4

Абсолютное зло

Было уже за полночь, а Гурни все так и не удавалось уснуть — как будто он выпил пять-шесть чашек кофе.

Луна, ненадолго выглянувшая над прудом, исчезла за толщей облаков. Оба окна наверху были открыты, выпуская в комнату сырой холодок. Темнота и липнувший к коже влажный воздух обволакивали, точно коконом, исподволь навевали сосущую клаустрофобию. В этом тесном, гнетущем пространстве невозможно было отгонять прочь неуютные мысли о временно отложенном, но вряд ли законченном разговоре с Мадлен про его тягу к смерти. Однако мысли эти были напрасны и не приводили ни к каким выводам. От разочарования Гурни решил вылезти из постели и подождать, пока глаза не начнут слипаться сами собой.

Поднявшись, он на ощупь пробрался к креслу, на котором оставил штаны и рубашку.

— Раз уж ты встал, закрой окна наверху.

Голос Мадлен с другой стороны кровати звучал на удивление бодро, совсем не сонно.

— Зачем?

— Гроза. Разве не слышишь, гром приближается?

Он не слышал. Но доверял ее слуху.

— Может, тогда еще и в спальне закрыть?

— Пока не надо. Воздух как атлас.

— Хочешь сказать — как сырой атлас?

Он услышал, как Мадлен вздыхает, взбивает подушку и укладывается поудобнее.

— Сырая земля, сырая трава, так хорошо...

Она с тихим умиротворением зевнула и умолкла. Поразительно, как она умела черпать источник новых сил в той самой стихии, от которой он инстинктивно бежал.

Гурни натянул штаны и рубашку, поднялся наверх и закрыл окна в двух гостевых спальнях и в комнате, которую Мадлен отвела под вышивание, вязание и игру на виолончели. Снова спустившись вниз, в кабинет, он взял пластиковый пакет с привезенными Хардвиком материалами по делу Спалтеров и притащил на обеденный стол.

Пакет оказался на удивление тяжелым. Точно недвусмысленное предостережение.

Гурни начал раскладывать содержимое пакета на столе, но потом, вспомнив, как недовольна была Мадлен, когда он в прошлый раз занял стол бумагами по делу об убийстве, перетащил все на кофейный столик перед камином в другом конце комнаты.

В число бумаг входили полные протоколы заседаний суда “Штат Нью-Йорк против Кэтрин Р. Спалтер”, досье следственного управления нью-йоркской полиции по убийству Спалтера (включая оригинал многостраничного отчета о происшествии с фотографиями и схемами, составленная оперативной группой

по сбору доказательств описать всего найденного на месте убийства, отчеты лаборатории судебной экспертизы, отчеты по допросам свидетелей, отчеты по ходу следствия, отчеты и фотографии по результатам вскрытия, отчет баллистической экспертизы и гора всевозможных памятных записок и записей телефонных разговоров), список ходатайств, предъявленных до судебного разбирательства (все крайне поверхностные, скопированные на скорую руку из руководства по ходатайствам по делу о тягчайших преступлениях) и принятых по этим ходатайствам решений (все отклонены), папка со статьями, распечатками из блогов, стенограммами новостных передач и списком ссылок на онлайн-новое освещение преступления, ареста и суда; конверт из темной бумаги с комплектом DVD с самого суда, обеспеченным местной студией кабельного телевидения, которой, судя по всему, был дан допуск на заседания. И, наконец, записка от Джека Хардвика, нечто вроде дорожной карты: намеченный им маршрут через устрашающую грудку информации, расстеленной сейчас на кофейном столике.

У Гурни эта записка вызвала смешанные чувства. Положительные — поскольку указания и расставленные приоритеты могут сберечь время. И не такие положительные — поскольку они могут оказаться манипулятивны. Или и то, и другое сразу. Однако игнорировать их было никак нельзя — как и первые пару фраз записки Хардвика.

“Следуй по расставленным мной вешкам. Сойдешь с тропы — потонешь в болоте дерьма”.

Дальше шли пронумерованные шаги маршрута — на целых два листа.

“Шаг первый. Вкуси аромат дела против Кэй Спалтер. Возьми из конверта DVD с пометкой “А” и насладись вступительным словом прокурора. Классика жанра”.

Гурни принес из кабинета лэптоп и вставил туда диск.

Как и многие другие виденные им записи из зала суда, эта начиналась с кадров, где прокурор стоит перед судейским столом лицом к присяжным: невысокий человек лет сорока с небольшим, с короткими темными волосами.

Слышался шелест бумаг, скрип стульев, неразборчивый гул голосов, кашель — почти все смолкло после нескольких резких ударов судейского молотка.

Прокурор откашлялся и бросил взгляд на судью, коренастого чернокожего мужчину с кислым лицом. Тот небрежно кивнул. Прокурор глубоко вздохнул, на несколько секунд потупил глаза, а затем поднял взгляд на присяжных.

— ЗЛО, — наконец провозгласил он зычным голосом и выждал, пока не воцарится абсолютная тишина, после чего продолжил: — Мы все считаем, будто знаем, что такое зло. Учебники истории и сводки новостей полны злых поступков, злых мужчин и злых женщин. Но деяние, что сейчас откроется пред вами, свершенное безжалостной хищницей, которой вы вынесете приговор в конце суда, прольет на понятие зла новый свет, и вы глубже поймете суть этого понятия.

Он еще немножко поглядел на пол, а потом снова продолжил:

— Это подлинная история женщины и мужчины, жены и мужа, хищницы и жертвы. История брака, отравлен-

ного изменой. История человекоубийственного замысла — покушения на убийство, результат которого, как вы убедитесь, оказался еще хуже собственно убийства. Вы не ослышались, дамы и господа. Хуже убийства.

После паузы, во время которой прокурор, похоже, пытался заглянуть в глаза как можно большему числу присяжных, он повернулся и прошел назад к столу обвинения. Прямо за столом, перед местами, отведенными для публики, сидел мужчина в громоздком инвалидном кресле — изощренном механизме, напомнившем Гурни приспособления, в каких изредка появлялся на людях Стивен Хокинг, парализованный и лишенный речи физик. Кресло, по всей видимости, поддерживало все части тела пациента, в том числе и голову. К носу тянулись кислородные трубки, другие трубки, спрятанные от посторонних взглядов, несомненно, вели и в другие места.

Хотя угол съемки и освещение оставляли желать лучшего, изображение на экране передало состояние Карла Спалтера вполне наглядно, и Гурни поморщился. Оказаться вот так парализованным, запертым в немом неподвижном теле, не способном ни мигнуть, ни кашлянуть... не захлебываться слюной лишь благодаря специальному механизму... Боже! Все равно что быть похороненным заживо, когда тело становится твоей могилой. Томиться в западне полумертвой плоти и костей. Гурни пробрал приступ запредельной, жуткой клаустрофобии. Передернувшись от одной мысли об этом, он увидел, что прокурор снова обращается к жюри, простирая руку к человеку в инвалидном кресле.

— Трагическая история, ужасное завершение которой и привело нас сегодня в суд, началась ровно год

назад, когда Карл Спалтер принял отважное решение баллотироваться в губернаторы — поставив перед собой идеалистическую цель раз и навсегда избавить наш штат от организованной преступности. Похвальная цель, но его жена — подсудимая — с самого начала выступала против, поддавшись чужому тлетворному влиянию, о котором вы узнаете в ходе слушания. С того самого мига, как Карл вступил на поприще служения обществу, жена не только публично высмеивала его и делала все, что было в ее силах, лишь бы пригасить его пыл, но также прервала все супружеские контакты с ним и начала изменять ему с другим — ее так называемым “личным тренером”. — На этих словах он приподнял брови, адресуя присяжным хмурую улыбку. — Обвиняемая проявила поистине дьявольскую целеустремленность в том, чтобы добиваться своего — любой ценой. Когда слухи о ее неверности достигли Карла, сперва он не хотел верить, однако в результате вынужден был серьезно поговорить с ней. Он сказал жене, что она должна сделать выбор. Что ж, дамы и господа, она свой выбор сделала. Вы услышите убедительнейшие показания касательно этого выбора — а именно, установления контакта с представителем преступного мира Джакомо Флатано, иначе говоря Джимом Флэтсом, и предложения пятидесяти тысяч долларов за убийство мужа.

Прокурор помолчал и обвел присяжных многозначительным взглядом.

— Она решила, что оставаться в браке больше не хочет — но и денюжки Карла терять не хочет тоже, — и попыталась нанять убийцу. Однако тот отказался от предложения. Что же подсудимая сделала тогда? Попыта-

лась подбить на убийство своего любовника, личного тренера, прельщая его перспективами беззаботной жизни где-нибудь на тропическом острове на деньги, которые она унаследует после смерти Карла — потому что, дамы и господа, Карл все еще надеялся наладить отношения и не изменил завещания.

Он простер руки к присяжным, словно моля их о сострадании.

— Карл все еще надеялся спасти брак. Надеялся остаться с женой, которую по-прежнему любил. А чем же в это время занималась жена? Сговаривалась сперва с гангстером, потом со своим грошовым Ромео — убить мужа. Каким нужно быть человеком?

Откуда-то из-за пределов видимости камеры слышался новый голос, тоненький и нетерпеливый:

— Возражение! Ваша честь, эмоциональные домыслы мистера Пискина не имеют никакого...

— Каждое сказанное мной слово будет подкреплено показаниями под присягой, — хладнокровно прервал его прокурор.

Щекастый судья из верхнего угла экрана пробормотал:

— Отклоняется. Продолжайте.

— Благодарю, ваша честь. Как я уже говорил, подсудимая буквально из кожи вон лезла, чтобы убедить юного любовника убить ее мужа. Однако он отказался. И отгадайте, что предприняла подсудимая тогда? Что, по-вашему, сделает в такой ситуации человек, твердо решившийся на убийство?

Он добрых пять секунд испытующе смотрел на присяжных и лишь потом ответил на собственный же вопрос:

— Мелкий бандит побоялся стрелять в Карла Спалтера. “Личный тренер” побоялся стрелять в Карла Спалтера. *Так что Кэй Спалтер начала сама брать уроки стрельбы!*

Закадровый голос снова возопил:

— Возражение! Ваша честь, употребление оборота “так что” подразумевает наличие у подзащитной мотива. Никакого мотива тут не...

Прокурор снова перебил:

— Ваша честь, я изменяю формулировку лишь на основании подтвержденных неоспоримыми доказательствами фактов. Бандит отказался стрелять в Карла. Тренер отказался стрелять в Карла. *И в этот момент обвиняемая сама начала брать уроки стрельбы.*

Судья слегка поменял положение своего массивного корпуса в кресле. Было видно, что ему чисто физически неудобно.

— Занесите в протокол утверждение мистера Пискина в переформулированном виде. Продолжайте.

Прокурор повернулся к присяжным.

— Обвиняемая не просто начала брать уроки стрельбы, вы услышите показания сертифицированного инструктора о том, каких высот она достигла в этом искусстве. Что и приводит нас к трагической кульминации истории. В конце ноября скончалась мать Карла Спалтера, Мэри Спалтер. Она умерла в одиночестве в результате несчастного случая, какие, увы, случаются слишком часто — упала в ванной комнате дома престарелых, в котором провела последние годы жизни. Во время похорон, состоявшихся на кладбище “Ивовый покой”, Карл собрался было произнести несколько слов над ее могилой. Вы увидите, как он сделал па-

ру шагов, внезапно качнулся — и рухнул на землю лицом вниз. Больше он не шевелился. Все подумали, что он просто споткнулся и потерял сознание в результате падения. Лишь несколько секунд спустя кто-то заметил струйку крови у него на голове сбоку — струйку крови из крохотного отверстия в виске. Последующее медицинское обследование подтвердило то, что сразу же заподозрила следовательская группа: в Карла попала пуля, выпущенная из огнестрельного оружия малого калибра и высокой мощности. Полицейские эксперты, реконструировавшие сцену стрельбы, расскажут вам, что пулю выпустили из окна квартиры примерно в пятистах ярдах от жертвы. Вы увидите карты, фотографии и схемы, иллюстрирующие, как именно все произошло. Не останется никаких сомнений, — добавил он с ободряющей улыбкой и, покосившись на часы, продолжил, расхаживая взад-вперед перед скамьей присяжных:

— Этот многоквартирный дом, дамы и господа, принадлежал компании “Спалтер Риэлти”. Квартира, откуда стреляли, пустовала: в ней, как и в большинстве квартир этого дома, собирались провести ремонт. Подсудимой было проще простого раздобыть ключи. Но это еще не все. Вы услышите обличительные показания, свидетельствующие, что Кэй Спалтер... — прокурор прервался и указал на женщину, сидевшую за столом защиты вполоборота от камеры, — ...что Кэй Спалтер не только побывала в этом здании утром дня похорон, но и находилась в той самой квартире, откуда был произведен выстрел, ровно в то время, когда пуля попала в Карла Спалтера... Более того, вы услышите свидетельские показания, подтверждаю-

щие, что она вошла в ту пустую квартиру одна — и вышла из нее тоже одна.

Он помолчал и пожал плечами, словно факты дела и вывод, из этих фактов вытекающий, были так неоспоримы, что и говорить больше не о чем. Впрочем, затем продолжил:

— Обвинение гласит: покушение на убийство. Однако что означает сей юридический термин? Обдумайте вот что. За день до рокового выстрела Карл был полон жизни, энергии и честолюбивых устремлений. На следующий день после... Что ж, смотрите сами. Посмотрите хорошенько на этого человека, прикованного к инвалидному креслу, удерживаемого в нем при помощи металлических скреп и ремней, поскольку мышцы, прежде выполнявшие эту задачу, теперь бездействуют. Посмотрите ему в глаза. Что вы увидите? Человека, настолько изувеченного рукой зла, что он, возможно, мечтает о смерти. Человека, настолько подкошенного предательством любимого существа, что он, возможно, жалеет, что вообще родился на свет.

Снова вмешался голос за кадром:

— Возражение!

Судья кашлянул.

— Поддерживаю, — устало пророкотал он. — Мистер Пискин, вы перешли черту.

— Прошу прощения, ваша честь. Слегка увлекся.

— Тогда вовлекитесь обратно.

— Да, ваша честь. — После короткой паузы, во время которой прокурор словно бы собирался с мыслями, он снова повернулся к присяжным. — Дамы и господа, как ни печально, но Карл Спалтер не в состоянии больше ни двигаться, ни говорить, ни хоть как-то общаться

ся с нами. Однако застывшее на его лице выражение ужаса подсказывает мне, что он прекрасно сознает, что с ним случилось, знает, кто сделал это с ним, — и что у него нет сомнений насчет того, существует ли в мире такая вещь, как Воплощенное Зло. И когда вы будете выносить вердикт, гласящий, что Кэй Спалтер виновна в покушении на убийство — ибо я знаю, вы сочтете ее виновной, — помните: то, что вы сейчас видите перед собой, и есть подлинное значение невыразительной юридической формулировки “покушение на убийство”. Вот этот человек в инвалидном кресле. Разбитая, погубленная жизнь без малейшей надежды на будущее. Растоптанное счастье. Жуткая реальность, ужас которой не передать никакими словами.

— Возражаю! — выкрикнул голос.

— Мистер Пискин... — пророкотал судья.

— У меня все, ваша честь.

Судья объявил получасовой перерыв и вызвал прокурора и адвоката защиты в свой кабинет.

Гурни пересмотрел видео еще раз. Никогда еще он не слышал подобной вступительной речи. По эмоциональной насыщенности и содержанию она куда больше напоминала заключительную обвинительную речь. Однако он знал репутацию Пискина — отнюдь не дилетант в своем деле. Так с какой целью он разыграл это все? Создать впечатление, что осуждение Кэй Спалтер неизбежно, что игра закончена, не начавшись? Неужели настолько уверен в себе? Произнеся такое вступительное слово, что еще он сумеет добавить к своему обвинению в свершении Абсолютного Зла?

Кстати об Абсолютном Зле... Гурни захотелось взглянуть на то самое выражение лица Карла Спалтера, на которое Пискин обращал внимание присяжных, но которого не засняли на судебную камеру. Интересно, не найдется ли фотографии в предоставленном ему объемном досье? Гурни взял инструкции Хардвика, рассматривая, нет ли там намека.

Должно быть, неслучайно это оказалось вторым пунктом.

“Шаг второй. Оцени ущерб. Материалы дела, собранные в бюро криминальных расследований, третья таблица. Все в глазах. Вот уж не хотел бы увидеть то, что вызвало этакий взгляд”.

Через минуту Гурни уже смотрел на крупную, во весь лист, фотографию. Портрет: голова и плечи. Даже после слов прокурора про ужас в глазах жертвы выражение этих глаз потрясло. В последнем своем витиеватом пассаже Пискин ничуть не преувеличивал.

В глазах жертвы и вправду читалось осознание жуткой правды — как сказал Пискин, реальности, ужас которой не передать никакими словами.

Глава 5

Кровожадные хорьки

Скрежещущий скрип правой створки французской двери — она всегда поддавалась с некоторым трудом — вырвал Гурни из бредового сна, который улетучился, стоило только открыть глаза.

Он обнаружил, что обмяк в кресле-качалке возле камина, а документы по делу Спалтеров разложены на кофейном столике перед ним. Когда он поднял голову, шея заныла. В приоткрытую дверь сочился по-расветному неяркий свет.

Мадлен вырисовывалась силуэтом на фоне двери, вдыхая холодный застывший воздух.

— Слышишь? — спросила она.

— Что? — Гурни протер глаза и выпрямился.

— Гораций. Вот он, снова.

Гурни вполуха прислушался, но кукареканья молодого петушка не расслышал.

— Подойди к двери, тогда услышишь.

Гурни чуть было не ответил, что, мол, не так уж и интересно, но сообразил, что день с такого лучше не начинать. Выкарабкавшись из кресла, он подошел к двери.

— Вот, — сказала Мадлен. — Теперь слышал, да?

— Кажется.

— Когда построим вот там курятник, — жизнерадостно заверила Мадлен, показывая на поросший травой участок между зарослями аспарагуса и старой яблоней, — слышно будет гораздо лучше.

— Ничуть не сомневаюсь.

— Они это, чтобы за столбить территорию.

— Гм-гм.

— Отпугивают других петухов, сообщают им: “Этот мой двор, я его первый занял”. Мне так нравится! А тебе?

— Что нравится?

— Да кукареканье же.

— А. Да. Очень... по-деревенски.

— Не уверена, хочу ли держать много петухов. Но одного — очень здорово.

— Ага.

— *Гораций*. Сперва я еще сомневалась, но теперь кажется, это имя для него — то, что надо, правда?

— Пожалуй.

Сказать по правде, имя Гораций без каких бы то ни было разумных причин напоминало ему имя Карл. А имя Карл, едва всплыв в памяти, тянуло за собой те полные ужаса глаза с фотографии, глаза, словно бы увидевшие самого дьявола.

— А как быть с остальными? Пеструшка, Резвушка и Толстушка — как, по-твоему, не слишком глупые клички?

Гурни потребовалось несколько секунд, чтобы включиться.

— Слишком глупые? Это для кур-то?

Мадлен засмеялась и пожала плечами.

— Вот построим домик и вольеру, не придется им больше сидеть в душном сарае.

— Ну да.

Недостаток энтузиазма в его голосе был очевиден.

— Позаботишься, чтобы никакие хищники туда пролезть не могли?

— Да.

— Директор нашей клиники на той неделе потерял одну из своих род-айлендских красных. Только что была — и вот уже нет.

— Когда их выпускаешь, всегда рискуешь.

— Нет, если построить правильную вольеру. Тогда они смогут выходить, бегать, копошиться в траве, они ведь любят это, — и все-таки оставаться в безопасности. Будет так весело — наблюдать за ними, прямо вот отсюда.

Она снова показала выбранный участок, выразительно ткнув туда указательным пальцем.

— Так что, по его мнению, случилось с пропавшей курицей?

— Кто-то утащил. Небось, койот или орел. Он, скорее, ставит на орла, потому что после засухи этим летом они стали охотиться не только на рыбу.

— Гмм.

— Он говорит, если мы собираемся строить вольеру, надо обязательно натянуть проволочную сетку сверху — и врыть ее по меньшей мере на шесть дюймов в землю. А не то какая-нибудь тварь подкопается.

— Тварь?

— Он упоминал хорьков. Вот кто, судя по всему, полный кошмар.

— Кошмар?

Мадлен поморщилась.

— Он говорит, если хорек добирается до кур, то... то откусывает им головы, всем, сколько есть.

— И не ест? Просто убивает?

Она кивнула, плотно сжав губы. Не просто поморщилась, скривилась, как от физической боли.

— Говорит, хорек просто в амок впадает... как только попробует крови. Как начнет, не может остановиться, пока всех не перебьет.

Глава 6

Страшная правда

Вскоре после восхода, ощущая, что достаточно потрудились на ниве решения куриной проблемы — набросав схему курятника и огороженного загончика вокруг, — Гурни отложил блокнот и уселся со второй чашкой кофе за стол для завтрака.

Когда Мадлен присоединилась к нему, он решил показать ей фотографию Карла Спалтера.

Работая в приемном отделении местной психиатрической клиники, она привыкла находиться в эпицентре негативных эмоций — паники, ярости, страдания, отчаяния. Но все равно при виде лица Спалтера у нее невольно распахнулись глаза.

Она отложила фотографию на стол, а потом отодвинула еще на несколько дюймов.

— Он что-то знает. Что-то, чего не знал до того, как жена стреляла в него.

— Может, это и не она. Послушать Хардвика, дело против нее сфабриковано.

— И ты этому веришь?

— Не знаю.

— Может, это она, а может, и нет. Но Хардвику ведь на самом деле не важно, правда?

Гурни подмывало возразить, поскольку ему не нравилось, в каком положении он тогда сам оказывается. Но он лишь пожал плечами.

— Что ему важно, так это снять с нее обвинения.

— Что ему по-настоящему важно, так это поквитаться — и полюбоваться, как его бывшие боссы корчатся.

— Знаю.

Она наклонила голову набок и посмотрела на него с таким видом, точно собиралась спросить, ему-то с какой стати впутываться в столь неприглядную и наверняка грязную затею.

— Я ничего не обещал. Но, признаюсь, — добавил он, показывая на фотографию на столе, — это меня и правда заинтересовало.

Мадлен поджала губы, повернулась к открытой двери и уставилась на жидкий, редеющий туман, подсвеченный косыми лучами раннего солнца. Потом ее внимание привлекло что-то на краю каменного двора, сразу за порогом.

— Вернулись.

— Кто? Что?

— Муравьи-древоточцы.

— Где?

— Да везде.

— Везде?

Ее тон был столь же кроток, сколь его — нетерпелив.

— Снаружи. И внутри. На порогах. В шкафах. У раковины.

— Какого черта ты мне не говорила?

— Сказала. Только что.

С губ у него рвался уже ответ, который пустил бы всю беседу под откос, но благоразумие возобладало.

— Терпеть эту пакость не могу, — только и сказал он. Гурни их и впрямь на дух не переносил. Муравьи-древоточцы были термитами Катскильских гор и прочих нежарких краев — они выгрызали внутренности балок и перегородок, в темноте и молчании превращая несущие структуры в опилки. Служба по борьбе с насекомыми каждые два месяца обрабатывала специальным составом фундамент дома снаружи. И порой казалось, что победа близка. Но муравьи-разведчики неизменно возвращались, а потом... орды и батальоны.

На миг Гурни забыл, о чем они с Мадлен говорили до отступления про муравьев. А когда вспомнил, его охватило гнетущее чувство, будто он пытается оправдать сомнительное решение.

Пожалуй, стоит попробовать максимальную открытость.

— Слушай, я понимаю, в чем тут опасность — и что за всем этим кроются далеко не благородные мотивы. Но я и правда в долгу перед Джеком. Может, и не очень большом, но все же в долгу. Кроме того, а вдруг невинная женщина действительно осуждена на основании показаний продажного копа. Терпеть не могу продажных полицейских.

— Да Хардвику плевать, виновата она или невиновна! — взорвалась Мадлен. — Ему пофиг.

— Знаю. Но я не Хардвик.

Глава 7

Мак Мудак

— Так пока не обнаружили пулю у него в мозгу, все считали, он просто споткнулся? — уточнил Гурни.

Он сидел на пассажирском сиденье грохочущего “Понтиака” Хардвика — не тот способ передвижения, что он выбрал бы в обычных обстоятельствах, но поездка из Уолнат-Кроссинга к женской исправительной колонии “Бердфорд-Хиллс”, согласно “Туглу”, должна была занять три часа, что представляло удачную возможность позадавать вопросы.

— Ну, маленькое круглое входное ранение уже вроде кое о чем намекнуло, — ответил Хардвик. — Но после компьютерной томографии сомнений и вовсе не осталось. В результате хирург извлек почти все фрагменты пули.

— “Свифт” двадцать второго калибра?

Дожидааясь Хардвика, Гурни умудрился просмотреть половину судебных записей и треть материалов дела из бюро и хотел теперь уточнить детали.

— Ага. Самая быстрая пуля в мире. Самая пологая траектория. Заряди ей правильное оружие с подходя-

щим радиусом действия — и снесешь голову бурундуку в четверти мили от тебя. Точность поразительная. Других таких нет. Добавь ко всему комплекту глушитель, вот тебе и...

— *Глушитель?*

— Ну да, глушитель. Поэтому-то и выстрела никто не услышал. Да еще петарды...

— *Петарды?*

Хардвик пожал плечами.

— Свидетели в то утро слышали от пяти до десяти наборов петард. Откуда-то со стороны здания, из которого был произведен выстрел. Последние — аккуратно в то время как Спалтера подстрелили.

— А как определили, из какого именно здания стреляли?

— Реконструкция на месте преступления. Свидетельские описания позиции жертвы перед падением. И потом — последовательный обход зданий в поисках потенциального места засады.

— Но в первый момент никто не понял, что в него стреляли, да?

— Просто увидели, что он падает. Он направлялся к трибуне в изголовье могилы. Пуля попала ему в висок слева, упал он вперед. В тот миг слева от Карла был пустой участок кладбища, река, оживленное шоссе, а за всем этим ряд частично пустующих многоквартирных домов, принадлежащих семейству Спалтеров.

— Как определили, из какой именно квартиры стреляли?

— Легче легкого. Она... в смысле, стрелявший... кто бы ни... короче, ружье бросили на месте преступления, прямо на треноге.

— С оптическим прицелом?

— Наивысшего класса.

— А глушитель?

— Нет. Его стрелявший снял.

— Тогда откуда вы знаете...

— Дуло подгоняли под глушитель. Кроме того, петарды сами по себе не перекрыли бы выстрел “Свифтом” двадцать второго калибра. Там очень мощный заряд.

— А глушитель гасит лишь дульную волну, тогда как сверхзвуковая составляющая сама по себе все равно была бы достаточно громкой — что и объясняет необходимость петард. Выходит... тщательное планирование, вдумчивый подход. Именно так это все и проинтерпретировали?

— Должны были, а на деле хрен его знает, как они там что проинтерпретировали. На суде это все никак не всплывало. Да уйма всякого дерьма так и не всплыла на суде. Уйма дерьма, которое просто обязано было всплыть.

— Но зачем оставлять оружие, зато снимать глушитель?

— А хрен его знает. Разве что это одна из тех штучек за пять тысяч баксов — рука не поднялась бросить.

Гурни в такое как-то не верилось.

— По версии обвинения, из всех способов, какими мстительная жена может убить мужа, Кэй Спалтер выбрала самый мудреный, затратный, требующий самого современного...

— Малыш Дэйви, меня можешь не уговаривать. Я и сам знаю, что версия отстой. Дыр в ней больше, чем у нарка в вене. Вот почему я и выбрал это дело для разгона. Большой потенциал для пересмотра.

— Отлично. Итак, глушитель был, но его сняли и унесли. Предположительно сам стрелок.

— Верно.

— Отпечатков нигде никаких?

— Никаких. Работали в латексных перчатках.

— Этот твой продажный детектив — он ничего там не подбросил в квартиру, чтобы подставить жену Спалтера?

— Тогда он ее еще не знал. Он решил ее подставить только после того, как увидел, невзлюбил и решил, что наверняка она и есть убийца.

— Это как раз его имя указано на папке? Старший следователь Майкл Клемпер?

— Мак Мудак, он и есть. Башка бритая, глазки заплывшие, грудь колесом. Темперамент ротвейлера. Фанат всяких единоборств. Обожает ломать кирпичи голыми руками, особенно на публике. Ну о-о-очень сердитый тип. Что и возвращает нас к нынешней проблеме. Мак Мудак развелся несколько лет назад. Причем с треском. Мак... тут мы вторгаемся в область... гм... неподтвержденных слухов. Клевета, очернительство, повод для возбуждения дела, ну ты понимаешь?

Гурни вздохнул.

— Валяй дальше, Джек.

— По слухам, жена Мака закрутила с неким влиятельным типом из организованной преступности, с которым и познакомилась-то потому, что — если верить все тем же слухам — он Мака купил с потрохами. — Хардвик выразительно помолчал. — Видишь проблему?

— И не одну.

— Мак, значит, выяснил, что она трахается с прикормившим его мафиози, но тут перед ним возникла ди-

лемма. Ну, то есть, это не та корзина с грязным бельем, которую хочешь открыть в суде, да и где-либо еще. Так что обычных законных мер он принять не мог. Зато в частной жизни неоднократно выражал желание придушить сучку, открутить ей голову и скормить своему псу. Судя по всему, он и ей это время от времени говорил. Ну и в один из таких разов она записала на видео, как он, малость перебрав, в красочных деталях распиывает, как скормит питбулю всякие ее деликатные части тела. Ну и угадай, что дальше.

— Ты мне скажи.

— На следующий день она пригрозила выложить видео на Ютубе и спустить в унитаз его карьеру вместе с честно заработанной пенсией, если он не даст ей развода, причем на очень щедрых условиях.

В узкогубой улыбке Хардвика сквозило нечто вроде извращенного восхищения.

— Вот тогда-то Мак Мудак и начал истекать всей этой смертоубийственной ненавистью — как гноем. Он бы уже и рад прибить женушку, несмотря ни на какого мафиози, но она сказала, если с ней что случится, запись разлетится по всему свету. Пришлось ему дать ей развод. И деньги. И с тех пор он вымещает злость на всякой бабе, которая хоть отдаленно напоминает ему жену. Мак всегда был малость психованным, но как обжег задницу на истории с разводом, превратился в двести пятьдесят фунтов чистой ярости. Так и ищет, на ком бы выместить злобу.

— Хочешь сказать, он подставил Кэй Спалтер потому, что она трахалась на стороне, как его жена?

— Еще хуже. Еще ненормальнее. По-моему, из-за этой вот слепой ненависти ко всем, кто похож на его жену,

он свято уверен, что Кэй Спалтер и в самом деле убила своего мужа, а его долг теперь заставить ее поплатиться. Для него, психа этакого, она стопроцентно виновна, а значит, должна попасть за решетку любой ценой. Эта, мол, лживая сучка от него не ускользнет. А если для этого понадобится слегка подправить картинку в интересах правосудия, так отчего бы и нет.

— Хочешь сказать, он полный псих?

— Еще мягко сказано.

— А ты-то откуда это все знаешь?

— Говорю же, у него есть враги.

— А поконкретней?

— Кое-кто, кто к нему достаточно близок и много чего видит и знает, мне описывал, как он брызжет злобой на работе, и пересказывал обрывки его телефонных звонков жене и фразочки, брошенные там и сям, про баб вообще, а его бывшую и Кэй Спалтер в частности. Мудака иногда заносит, и он напрочь забывает про осторожность.

— А имя у этого осведомителя есть?

— Есть, но назвать не могу.

— Еще как можешь.

— Ни за что.

— Послушай, Джек. Начнешь скрывать — договоренности конец. Мне надо знать все, что известно тебе. Получить ответ на каждый вопрос. Уговор таков. Точка.

— Боже, Дэйви, до чего ж с тобой нелегко.

— А с тобой-то.

Гурни покосился на спидометр. Стрелка подползла к восьмидесяти. Челюсти Хардвика были крепко сжаты, руки на руле тоже. Прошла добрая минута, прежде чем он коротко произнес:

— Эсти Морено. — И еще минута прошла, прежде чем он продолжил. — Она работала на Мака со времени его развода до самого завершения дела Спалте-ров. В конце концов умудрилась получить новое на-значение — подразделение то же, начальство другое. Пришлось заняться офисной работой, сплошная воз-ня с бумагами, она этого просто не выносит. Но Муда-ка не выносит еще больше. Эсти хороший коп. Отлич-ные мозги. Отличные уши и глаза. И принципы. У нее, у Эсти, есть принципы. Знаешь, что она сказала про Мудака?

— Нет, Джек. Так что?

— Сказала: “Какое дерьмо творишь, такая тебя и кар-ма потом цапнет за задницу”. Люблю Эсти. Ей палец в рот не клади. Кстати, я упоминал, что она — горячая штучка из Пуэрто-Рико? Но и утонченной может быть. Утонченная горячая штучка. Ты б видел ее в полицей-ской шляпе!

Хардвик улыбался во весь рот и выстукивал паль-цами по рулю латиноамериканский ритм.

Гурни довольно долго просидел молча, стараясь осмыслить услышанное, причем как можно объектив-нее. Загвоздка состояла в том, чтобы усвоить все фак-ты — но при этом держать их на расстоянии вытяну-той руки: вот как собирают с места преступления ули-ки, которые возможно истолковать по-разному.

До чего же странные очертания это дело начинало принимать у него в голове — учитывая полную иро-нии параллель между желанием Клемпера любой це-ной добиться обвинительного приговора и желани-ем Хардвика любой ценой добиться отмены пригово-ра. Старания обоих лишний раз доказывали, что люди

не слишком-то рациональные существа и вся наша так называемая логика — всего лишь радужный фасад куда как более темных мотивов: попытка прикрыть страсть аксиомами.

Занятый этими мыслями, Гурни лишь мельком замечал холмы и долины, мимо которых лежал их путь, — стелящиеся вдоль дороги поля, поросшие сорняками и чахлыми деревцами, изнуренные засухой зеленые и желтые просторы, солнце, то пробивающееся сквозь неизменную белесую дымку, то снова тонущее в ней, ладные фермы с десятилетиями не крашеными амбарами и сараями, печальные полунищие деревеньки, старые оранжевые тракторы, ржавые плуги и ворошилки для сена, тихое и старомодное сельское запустение — гордость и проклятие округа Делавер.

Глава 8

Бессердечная сука

В отличие от сурово-прекрасных, экономически ущербных и малолюдных округов центральной части штата Нью-Йорк, северный округ Вестчестер был полон небрежного очарования сельской зажиточности. Однако исправительная колония “Бедфорд-Хиллс” посреди открытого пейзажа казалась неуместной, как дикобраз в контактном зоопарке для малышей.

Гурни сразу же получил повод вспомнить, что охранная система тюрьмы особо строгого режима включает широкий спектр приборов всех степеней изошренности. Начиная от самых навороченных сенсоров и контрольных систем до сторожевых вышек, двенадцатифутовых сетчатых изгородей и колючей проволоки.

Несомненно, в один прекрасный день достижения технологии окончательно вытеснят колючую проволоку. Но пока именно она проводила самую четкую демаркационную линию между миром внутри тюрьмы и миром снаружи. Она несла в себе простое, грубое и жестокое послание. Одно ее присутствие сразу сделало бы тщетной любую попытку создать атмосфе-

ру нормальной жизни — ясно, что в исправительных колониях не предпринимались серьезные шаги в этом направлении. Гурни подозревал, что в реальности колючая проволока не ограничится своей непосредственной функцией — нести людям особое послание.

Внутри же тюрьма “Бедфорд-Хиллс” ничем не отличалась от большинства мест заточения, которые он посещал на протяжении многих лет. Выглядела она столь же уныло-функционально, соответствуя своему предназначению. И вопреки тысячам и тысячам страниц, написанным на тему современной пенологии, это предназначение — сама суть — сводилось к одному.

Клетка.

Клетка с многочисленными замками, пропускными пунктами и процедурами, предназначенными для того, чтобы никто не вошел сюда и не вышел отсюда, не предоставив должных доказательств своего на это права. Контора Лекса Бинчера внесла Гурни и Хардвика в список посетителей, которым разрешено посещать Кэй Спалтер, так что проникнуть внутрь им не составило труда.

Длинная комната для посещений, куда их провели, ничем не отличалась от аналогичного помещения в любой из тюрем. Окон там не имелось, зато основной структурной особенностью была длинная стойка высотой примерно по грудь, разделявшая комнату на две половины — сторону заключенных и сторону посетителей. По обе стороны от стойки тянулся ряд стульев, а в двух концах, так, чтобы видеть стойку по всей длине и предотвратить любые недозволенные контакты, стояли надзиратели.

Гурни с облегчением увидел, что посетителей сейчас немного — это давало вполне достаточно места и хоть какую-то приватность.

Женщина, которую привела коренастая чернокожая надзирательница, оказалась невысокой и хрупкой. Темные волосы, мальчишеская короткая стрижка, тонкий нос, выступающие скулы, полные губы. Поразительно зеленые глаза, под одним из которых темнел небольшой синяк. Лицо ее приковывало взгляд, но не столько красотой, сколько написанной на нем страстной, напряженной целеустремленностью.

Гурни и Хардвик поднялись ей навстречу. Хардвик первым нарушил молчание, разглядывая ее синяк.

— Боже, Кэй, что это с вами?

— Ничего страшного.

— По мне, очень даже чего.

Натужная заботливость в его голосе неприятно задела Гурни.

— С этим уже разобрались, — отмахнулась Кэй, обращаясь к Хардвику, но с откровенным любопытством рассматривая Гурни.

— Как это разобрались? — не унимался Хардвик.

Она нетерпеливо моргнула и улыбнулась — коротко и невесело.

— Кристалл Рок. Моя покровительница.

— Та лесбиянка, наркодилерша с метадоном?

— Ну да.

— Ваша фанатка?

— Фанатка той, кем меня считает.

— Любит мужеубийц?

— Обожает.

— И как она воспримет отмену приговора, которой мы добьемся?

— Отлично — если не сочтет, что я и впрямь невиновна.

— Что ж... это как раз не проблема. Повод нашей апелляции — не сам вопрос невиновности, а то, должным ли образом проводился процесс, и мы намерены доказать, что в вашем случае процесс проводился не так, как положено. Кстати, позвольте представить вам человека, который поможет нам доказать судье, до чего скверным образом все проводилось. Кэй Спалтер — Дэйв Гурни.

— Мистер Суперкоп, — произнесла она с толикой сарказма и чуть помолчала, словно проверяя, как он отреагирует, но, не дождавшись реакции, продолжила: — Я читала про вас и все ваши регалии. Весьма впечатляет.

Вид у нее, однако, был ни капельки не впечатленный.

Гурни гадал, способны ли вообще эти холодные, оценивающие зеленые глаза принимать впечатленное выражение.

— Приятно познакомиться, миссис Спалтер.

— Кэй. — В тоне не было и намека на сердечность. Имя прозвучало скорее недвусмысленной поправкой, способом выразить отвращение к фамилии мужа. Она продолжала разглядывать его, словно товар на ярмарке. — Вы женаты?

— Да.

— Счастливо?

— Да.

Она словно бы немного покрутила эту информацию у себя в голове перед тем, как задать следующий вопрос.

— Вы верите в мою невиновность?

— Я верю, что солнце утром встало.

Губы ее дрогнули — что-то вроде мимолетной

улыбки. А может, это просто рвалась наружу энергия, заключенная в маленьком теле.

— И как это понимать? Что вы верите лишь в то, что видите своими собственными глазами? Что вы крепкий орешек и опираетесь лишь на факты?

— Что я познакомился с вами минуту назад и знаю еще слишком мало, чтобы составить собственное мнение, не говоря уж о том, чтобы во что-то поверить.

Хардвик нервно кашлянул.

— Может, сядем?

Они уселись за маленький столик. Кэй Спалтер все так же разглядывала Гурни.

— А что вам надо знать, чтобы у вас сложилось мнение касательно моей виновности?

— Или насчет того, насколько честно вас судили, — вмешался Хардвик, подавшись вперед. — Ведь дело-то сейчас именно в этом.

Кэй проигнорировала его. Глаза ее были устремлены на Гурни.

Он откинулся на спинку стула, внимательно изучая эти поразительные, немигающие зеленые глаза. Что-то подсказывало, что лучшим вступлением к делу будет обойтись без вступлений.

— Вы стреляли в Карла Спалтера или организовывали его убийство?

— Нет.

Ответ вырвался резко и быстро.

— У вас и правда был роман на стороне?

— Да.

— И ваш муж все узнал?

— Да.

— И намеревался с вами развестись?

— Да.

— И развод в таких обстоятельствах крайне отрицательно сказался бы на вашем финансовом положении?

— Именно.

— Но к тому времени, как ваш муж был смертельно ранен, он еще не принял окончательного решения о разводе и не изменил завещания — так что вы по-прежнему оставались главной наследницей. Верно?

— Да.

— Вы просили любовника убить его?

— Нет.

На лице ее вспыхнуло и угасло отвращение.

— Так что его история на суде — выдумка чистой воды?

— Да. Но только никак не его личная выдумка. Дарил работал у нас в бассейне спасателем и так называемым “личным тренером” — тело на миллион долларов, мозгов на два цента. Он просто повторил то, что ему велел говорить этот козел Клемпер.

— Вы просили имеющего судимость Джимми Флэтса убить вашего мужа?

— Нет.

— Так что его рассказ на суде — тоже выдумка?

— Да.

— Сфабрикованная Клемпером?

— Полагаю, что да.

— Вы бывали в том здании, откуда стреляли, — в день выстрела или когда-либо прежде?

— Уж точно не в день выстрела.

— Значит, свидетельские показания, будто бы вы находились в здании, в той самой квартире, где нашли оружие убийства, — это все тоже фальшивка?

— Верно.

— Если не в тот самый день, то когда?

— Не знаю. За несколько месяцев? За год? Я там была, наверное, два-три раза, заглядывала вместе с Карлом, когда мы проезжали мимо, а ему надо было что-то там проверить или сделать, как-то так.

— Большинство квартир пустовало?

— Да. “Спалтер Риэлти” скупает по дешевке здания, требующие капитального ремонта.

— Квартиры держали запертыми?

— По большей части. А то бездомные понабежали бы.

— У вас были ключи?

— Не у меня лично.

— В смысле?

Кэй Спалтер впервые заколебалась с ответом.

— Для каждого здания имелся основной ключ. Я знала, где он.

— И где же?

Она словно бы покачала головой — а может, опять же, это была лишь едва уловимая внутренняя дрожь.

— Всегда считала, что это ужасно глупо. Карл держал при себе все ключи, но хранил по запасному в каждом доме. В подвале, в прачечной. На полу за батареями.

— Кто кроме вас с Карлом знал про эти спрятанные ключи?

— Понятия не имею.

— Они и сейчас хранятся за батареями?

— Думаю, да.

Гурни несколько мгновений сидел молча, вбирая в себя этот примечательный факт, а потом продолжил:

— Вы утверждали, что во время стрельбы находились с любовником.

— Да, с ним. В постели.

Она смотрела Гурни прямо в глаза, спокойно и ровно, не моргая.

— Так что, когда он показал под присягой, будто был в тот день один, — это снова неправда?

— Да. — Она сжала губы.

— И как, по-вашему, детектив Клемпер сфабриковал всю эту изощренную паутину лжи... чего ради? Просто потому, что вы напомнили ему бывшую жену?

— Это теория вашего друга. — Она показала на Хардвика. — Не моя. Лично я не сомневаюсь, что Клемпер подонок и женоненавистник, но уверена, что тут кроется нечто большее.

— Например?

— Может, мое осуждение на руку кому-то, кто стоит за Клемпером.

— Кому, например?

— Ну, например, мафии.

— Хотите сказать, это организованная преступность в ответе за...

— Покушение на Карла? Да. По-моему, в этом есть смысл. Во всяком случае, больше, чем в чем-нибудь еще.

— Покушение на Карла. Не холодноватый ли тон для...

— Для обсуждения смерти моего мужа? Да, мистер Суперкоп, вы совершенно правы. Я не собираюсь проливать слезы на публике, чтобы продемонстрировать свою невиновность присяжным, вам или кому бы то ни было еще. — Она смотрела на него испытующе. — Чутьочку осложняет дело, да? Не так-то легко доказывать невиновность бессердечной суки.

Хардвик побарабанил пальцами по столу, привле-

кая ее внимание, а потом подался вперед и медленно, выразительно повторил:

— Нам и не надо доказывать, что это не вы. Дело не в виновности или невиновности. Все, что от нас требуется, — это доказать, что ваш процесс был серьезно и злонамеренно искажен старшим следователем по делу. Именно этим мы и займемся.

Кэй снова проигнорировала его, неотрывно глядя на Гурни.

— И как? На чьей вы стороне? Успели сформировать мнение?

Гурни ответил очередным вопросом:

— Вы брали уроки стрельбы?

— Да.

— Зачем?

— Думала, может, придется в кого-нибудь стрелять.

— В кого же?

— В какого-нибудь бандита. Мне не нравились связи Карла. Я видела, что называют проблемы, и хотела подготовиться заранее.

Грозная, подумал Гурни, выискивая подходящее слово для определения этого маленького, отважного и бесстрашного существа, сидевшего напротив него. А может даже, слегка *пугающая*.

— Проблемы с бандитами потому, что Карл основал политическую партию против преступности? И проносил все эти речи про “мразь земли”?

Она только коротко фыркнула.

— Ничего-то вы про Карла не знаете, верно?

Глава 9

Черная вдова

Глаза Кэй Спалтер были закрыты — судя по всему, от сосредоточенности. Полные губы сжаты в узкую линию, голова склонена, руки крепко стиснуты под подбородком. Она сидела вот так напротив Гурни и Хардвика вот уже добрых две минуты. Гурни догадывался, что она силится решить, насколько может довериться этим двум мужчинам, которые ей едва знакомы и чьих подлинных целей она не знает, но которые, вполне может статься, дают ей последний шанс на свободу.

Хардвика, похоже, молчание угнетало. Уголки губ у него начали подергиваться.

— Послушайте, Кэй, если вас что-то беспокоит, просто скажите напрямик, и мы...

Она подняла голову и обожгла его взглядом.

— Беспокоит?

— Ну, я имел в виду, если у вас есть вопросы...

— Если у меня возникнут вопросы, я их задам. — Она снова перевела взгляд на Гурни, внимательно разглядывая его лицо и глаза. — Сколько вам лет?

— Сорок девять. А почему вы спрашиваете?

— Не рановато ли для пенсии?

— И да, и нет. Двадцать пять лет в нью-йоркской полиции...

— Да вся штука в том, что он до конца так и не вышел на пенсию, — вмешался Хардвик. — Просто переехал за город. Чем раньше занимался, тем и сейчас занимается. С тех пор как он покинул отдел, он раскрыл уже три крупных убийства. Три крупнейших дела за последние два года. Я бы это пенсией не назвал.

Гурни были не по душе эти хвалебные слова Хардвика.

— Послушай, Джек...

На этот раз его перебила Кэй:

— Почему вы это делаете?

— Что?

— Принимаете участие в моем процессе.

Гурни оказалось нелегко подыскать слова для ответа, который он был бы готов произнести вслух.

— Из любопытства, — наконец произнес он.

Хардвик снова встрял:

— Да Дэйви у нас прирожденный умелец докапываться до сути. Одержимый прямо. Светоч мысли как есть. Снимает слой за слоем, пока не доберется до истины. Так что, когда он говорит “из любопытства” — для него это гораздо больше...

— Не надо мне объяснять, что это для него. Он здесь. И я здесь. Пусть сам объясняет. В прошлый раз я уже выслушала вас и вашего приятеля-адвоката. — Она чуть сдвинулась на стуле и устремила пристальный взгляд на Гурни. — Теперь я хочу выслушать вас. Сколько они вам платят за работу над делом?

— Кто?

Она показала на Хардвика.

— Он и его адвокат — Лекс Бинчер из “Бинчер, Фенн и Бласкетт”.

Кэй произнесла название с таким видом, точно глотала противную на вкус, но необходимую микстуру.

— Они ничего мне не платят.

— Не платят?

— Нет.

— Но вы рассчитываете на какую-нибудь оплату в будущем, если ваши усилия обеспечат желательный результат?

— Нет, не рассчитываю.

— Правда? Тогда, если не считать всего этого вздора про докапывание до истины, почему вы этим занимаетесь?

— Должен отплатить Джеку за одну услугу.

— За что?

— Он мне помог в деле Доброго Пастыря. Я ему помогаю в этом.

— Любопытство. Уплата долга. Что еще?

Что еще? Гурни гадал, знает ли она, что третья причина и вправду есть. Он откинулся на спинку стула, задумавшись, что именно сказать. А потом негромко произнес:

— Я видел фотографию вашего покойного мужа в инвалидном кресле — должно быть, за несколько дней до его смерти. Лицо крупным планом.

Наконец-то Кэй проявила хоть какие-то признаки эмоциональной реакции. Зеленые глаза ее расширились, лицо чуть побледнело.

— И что?

— Выражение его глаз. Я хочу понять, что оно означает.

Она прикусила нижнюю губу.

— Может, это просто... ну, как любой смотрит, если знает, что скоро умрет.

— Не думаю. Я видел множество умирающих. Застреленных продавцами наркотиков. Совершенно незнакомыми людьми. Родственниками. Полицейскими. Но никогда не видел ни у кого такого вот выражения.

Она испустила глубокий, прерывистый вздох.

— Вам нехорошо? — спросил Гурни. Сотни, может быть, даже тысячи раз он видел, как люди пытаются изображать эмоции, которых не испытывают. Но тут фальши не было и в помине.

Кэй на несколько мгновений закрыла глаза, а потом снова открыла.

— Обвинитель сказал присяжным, что лицо Карла выражало отчаяние человека, которого предал тот, кого он любил. Вы тоже так считаете? Что это мог быть взгляд человека, чья жена желала ему смерти?

— Думаю, это возможный вариант. Но не единственный.

Она ответила еле заметным кивком.

— Последний вопрос. Ваш приятель все твердит мне, что успех апелляции не имеет никакого отношения к тому, я ли застрелила Карла или нет. Мол, главное — показать “заметные недочеты в ведении дела”. Так скажите мне вот что. Для *вас* лично имеет значение, виновна я или нет?

— По мне, так только это и имеет значение.

Она смотрела ему в глаза долго-долго, а потом легонько кашлянула, повернулась к Хардвику и заговорила другим голосом — более ломким, легким.

— Отлично. Договорились. Скажите Бинчеру, пусть присылает мне договор.

— Будет сделано, — заверил Хардвик с быстрым серьезным кивком, еле скрывавшим восторг.

Кэй подозрительно глянула на Гурни.

— Что это вы на меня так смотрите?

— Впечатлен тем, как вы принимаете решения.

— Я их принимаю, как только внутреннее чутье у меня приходит в согласие с головой. Что у нас там дальше по списку?

— Вы сказали чуть раньше, что я ничего не знаю о Карле. Просветите меня.

— С чего начать?

— С чего угодно, что кажется вам важным. Например, был ли Карл замешан во что-нибудь, что могло привести к его убийству?

По губам у нее скользнула быстрая горькая улыбка.

— Что его убили — вовсе не удивительно. Удивительно только, как это не убили гораздо раньше. Причина его смерти — сама его жизнь. Карл был очень честолюбив. Честолюбив до безумия. У него это в отца, тот еще был гнусный тип, весь мир заглоти́л бы, если б только мог.

— Что вы имеете в виду — “до безумия”?

— Честолюбие просто пожирало его, съедало заживо. Больше, лучше, важнее. Еще, еще, еще. А каким способом — уже не важно. Да он, чтобы только добиться своего, с такими людьми общался, с какими вы в одной комнате находиться побрезговали бы. А ведь поиграй с гремучей змеей... — Она замолчала. Зеленые глаза пылали гневом. — До чего же нелепо — что именно я теперь заперта в этом зверинце! Ведь это же я предупреждала его держаться подальше от хищников. Я твер-

дила, что он увяз по уши, что он доиграется и его убьют. А он не желал меня слушать — и доигрался. И именно меня осудили за его убийство!

Она посмотрела на Гурни взглядом, яснее слов выражавшим: “Ну не гнусная ли шутка — жизнь?”

— У вас есть предположения, кто его застрелил?

— Ну, тут опять сплошная жизненная ирония. Тип, без чьего одобрения в штате Нью-Йорк вообще ничего не случается, — иными словами, тот гад, который либо заказал Карла, либо, по крайней мере, дал согласие, — так вот, он трижды бывал у нас дома. Я три раза могла бы сама его прибить. На третий раз — так была к этому очень близка. И знаете, что? Поддайся я тогда искушению, сейчас и Карл был бы жив, и я не сидела бы тут. Улавливаете суть? Меня осудили за убийство, которого я не совершала, — из-за убийства, которое я не совершила, когда надо было.

— Как его зовут?

— Кого?

— Гада, которого вам следовало бы убить.

— Донни Ангел. Также известен как Грек. Также известен как Адонис Ангелидис. Три раза у меня была возможность избавиться от него. И все три раза я эту возможность упустила.

Оборот, который принял разговор, отметил про себя Гурни, выявил новую сторону личности Кэй Спалтер. Внутри поразительного, умного и хрупкого существа таился лед.

— Постойте минутку, — попросил Гурни, желая получить более ясное представление о мире, в котором обитали Спалтеры. — Расскажите подробнее о бизнесе Карла.

— Могу рассказать только то, что знаю. Верхушка айсберга.

За следующие полчаса Кэй успела описать не только бизнес Карла с его странноватой корпоративной структурой, но и его не менее странноватое семейство.

Отец Карла, Джо Спалтер, унаследовал компанию по торговле недвижимостью от своего отца. В итоге “Спалтер Риэлти” владела здоровенным куском от общего массива сдаваемых в аренду помещений штата Нью-Йорк, включая половину многоквартирных домов в Лонг-Фоллсе, — и все это к тому времени как Джо, незадолго до смерти, передал компанию двум своим сыновьям, Карлу и Йоне.

Карл пошел в Джо и унаследовал его честолубие и жадность до денег. А вот Йона походил на мать, Мэри, ревностную поборницу безнадежных идей. Йона был мечтателем-утопистом, харизматическим спиритуалистом, приверженцем “нью эйдж”. Как сформулировала Кэй: “Карл хотел владеть миром, а Йона — спасти его”.

По представлениям их отца, у Карла было все необходимое, чтобы “взобраться на вершину” — стать самым богатым человеком в Америке, а может, и в мире. Одна беда, Карл был столь же неуправляем, сколь и безжалостен. Он ни перед чем не остановился бы, лишь бы получить то, что хочет. В детстве он как-то поджег соседского пса: чтобы отвлечь внимание соседей, пока воровал видеоигру. И это был вовсе не одиночный приступ безумия. Такого рода случаи повторялись регулярно.

Джо, сам ничуть не менее безжалостный, усматривал в этой черте своего отпрыска потенциальную проблему — не то чтобы его смущали поджог собаки или кража. Нет, его волновал недостаток осмотрительности,

неумение должным образом рассчитать соотношение риска и прибыли. В конечном счете он решил объединить Карла и Йону в семейном бизнесе. Пусть Йона обуздывает Карла, напоминает ему об осторожности, которой и самому Джо так недостает.

Чтобы воплотить в жизнь идею этого плодотворного союза столь разнонаправленных дарований, оба сына Джо подписали нерасторжимое соглашение, когда отец передавал им корпорацию. Все пункты и положения этого соглашения имели одну цель: сделать так, чтобы нельзя было принять ни одного решения, внедрить ни одно новшество, начать ни одного нового дела без совместного одобрения Карла и Йоны.

Однако мечта Джо о слиянии противоположных наклонностей его сыновей в единую непобедимую силу так и не воплотилась в жизнь. Все, что из этого вышло, — лишь постоянные конфликты, застой в делах, упадок “Спалтер Риэлти” и нарастающая вражда между братьями. Карла это толкнуло в политику — как альтернативный путь к деньгам и власти, причем проник он туда через черный ход при помощи организованной преступности. Йону же это толкнуло в религию, побудило основать свое грандиозное учреждение, Церковь Киберпространства, при закулисной поддержке матери, которую Джо обеспечил с поразительной щедростью. Той самой матери, на чьих похоронах Карла смертельно ранили.

Когда Кэй наконец завершила семейную сагу Спалтеров, Гурни первым нарушил молчание.

— Выходит, эта кампания Карла против организованной преступности, речи про “мразь земли” и обещания очистить Нью-Йорк — не более, чем...

Она договорила за него:

— Вранье, притворство. Разве можно придумать лучшее прикрытие для политика, втайне закрутившего роман с мафией, чем образ самого яркого во всем штате борца с преступностью?

Гурни кивнул, стараясь уместить в голове все подробности разветвленного, как мыльная опера, повествования.

— Так, по вашим словам, Карл в конце концов рассорился с этим самым Ангелом? Поэтому его и убили?

— Ангел всегда был самым опасным игроком в салуне. Карл далеко не первый и даже не десятый из деловых партнеров Ангела, кто заканчивает подобным образом. В некоторых кругах говорят, что Грек за столом переговоров выставляет только два предложения: “Делай, как я скажу. А не то снесу голову нафиг”. Ручаюсь, наверняка в какой-то момент Карл отказался следовать указаниям Донни. Ну вот голову ему и снесли, верно?

Гурни не ответил, размышляя, кто же она такая на самом деле, эта напрочь лишенная сентиментальности, суровая особа.

— Кстати, — добавила она, — вам бы стоило еще взглянуть на фотографии Карла до этого происшествия.

— Зачем?

— Понять, какой он был. Карл был создан для политики. Продал душу дьяволу — с ангельской улыбочкой.

— Почему вы не ушли от него, когда дело приняло дурной оборот?

— Потому что я пустая и мелочная авантюристка, жадная до денег и власти.

— В самом деле?

Ответом ему стала ослепительная загадочная улыбка.

— Еще вопросы?

Гурни задумался.

— Да. Что такое, черт возьми, Церковь Киберпространства?

— Да очередная религия без Бога. Наберите это название в каком-нибудь поисковике — узнаете больше, чем хотите знать. Что-нибудь еще?

— У Карла или Йоны есть дети?

— Только не у Йоны. Слишком занят своей эзотерикой. У Карла есть дочь от первого брака. Слабоумная шлюха.

Голос Кэй звучал ровно и бесстрастно, как будто она сказала, например, что девочка учится в колледже.

Гурни даже сморгнул от такого несоответствия.

— Не хотите рассказать подробнее?

Сперва она вроде бы согласилась, но потом помотала головой.

— Лучше судите сами. Я в этом вопросе необъективна.

После еще нескольких вопросов и ответов, договорившись об очередном звонке, Хардвик с Гурни поднялись, собравшись уходить. Хардвик многозначительно посмотрел на синяк Кэй.

— Уверены, что все в порядке? Я тут кое-кого знаю. Она бы могла за вами присмотреть, может, на время изолировать от соседей.

— Говорю же вам, мы разобрались.

— А вы не складываете все яйца в одну корзину, надеясь только на Кристалл?

— Это очень крепкая и прочная корзина. Да и мое прозвище помогает. Я разве не говорила? В здешнем зоопарке меня очень уважают.

— Что за прозвище?

Кэй оскалила зубы в быстрой, леденящей улыбке.

— Черная вдова.

Глава 10

Слабоумная шлюха

Покинув исправительную колонию “Бедфорд-Хиллс” и направившись к мосту Таппан Зи, Гурни поднял тему, которая уже давно жгла ему язык:

— Сдается мне, ты знаешь об этом деле что-то важное, чего не сказал мне.

Хардвик прибавил газу и с выражением отвращения на лице обогнул медленно плетущийся минивэн.

— Видать, торопиться ему некуда, все равно, когда доедет. Был бы бульдозер — в лепешку бы ленивую тварь раскатал.

Гурни ждал.

Наконец Хардвик соизволил ответить на его вопрос.

— Ты получил общее представление, старичок, — все ключевые моменты, основные персонажи. Какого хрена тебе еще?

Гурни обдумал и саму фразу, и тон, каким она была произнесена.

— Ты куда больше похож на себя, чем с утра.

— И какого хрена ты имеешь в виду?

— Сам отгадай. Помни, я еще вполне могу бросить

всю эту затею — и брошу, если не буду уверен, что знаю про дело Спалтеров ровно столько же, сколько и ты. Не собираюсь играть роль вывески, чтобы заставить дамочку подписать договор с твоим юристом. Как там, она сказала, его звать?

— Полегче, полегче. Не лезь на рожон. Лекс Бинчер. Ты с ним еще встретишься.

— Вот видишь, Джек, в том-то и проблема.

— Какая еще проблема?

— Ты слишком рано делаешь выводы.

— Какие выводы?

— Что я с тобой заодно.

Хардвик нахмурился, сосредоточенно глядя на пустую дорогу впереди. Нервное подергивание вернулось.

— А разве нет?

— Может, да, а может, нет. В том-то и дело. Я дам тебе знать.

— Отлично. Хорошо.

Между ними опустилось напряженное молчание, длившееся, пока они не переехали Гудзон и не помчались на запад по I-287. Гурни размышлял, с чего это он так взбеленился, и пришел к заключению, что дело не в Хардвике, а в том, что он сам покривил душой.

Ведь он уже был с ним заодно. Определенные аспекты дела — помимо жуткой фотографии Карла Спалтера — успели заинтриговать его. Однако он прикидывался, будто еще не принял решение. И притворство это предназначалось скорее Мадлен, чем Хардвику. Гурни прикидывался — и преподносил это Мадлен как правду, — будто его выбор рационален и основывается на вполне объективных критериях. В действительности же ничем подобным и не пахло. Рациональной

подоплеку в том, станет он участвовать в деле или нет, было не больше, чем в вопросе, поддаваться ли силе гравитации.

Правда состояла в том, что ничто в мире не привлекало и не будоражило его так, как запутанное убийство. Гурни мог бы привести тому вполне разумные объяснения. Мог бы сказать — речь идет о справедливости. О том, как выправить безобразный дисбаланс в устройстве мира. Встать на сторону пострадавших. Выступить в поход за истиной.

Однако бывали и времена, когда он не видел в процессе расследования ничего, кроме разгадывания головоломок, навязчиво-невротическое стремление свести воедино все оборванные концы. Интеллектуальная игра, соревнование умов и воли. Игровая площадка, на которой он умел побеждать.

Где-то рядом стояло и мрачное предположение Мадлен: что на самом деле его привлекает нечеловеческий риск и некая самоненавистническая часть его психики слепо влечет Гурни на орбиту смерти.

Разум его отвергал эту возможность, хотя сердце леденело при мысли о ней.

Однако в конечном итоге он сам не верил ни во что, что думал или говорил по поводу причин, заставивших его избрать именно эту профессию. Все это были лишь гипотезы, ярлычки.

Упоминалась ли хоть в каких-то из этих ярлычков сила гравитации?

Кто знает.

Суть состояла вот в чем: сколь он ни рационализировал, сколь ни тянул время, а отвернуться от вызова вроде дела Спалтеров не мог — точно так же, как ал-

коголик не в состоянии отказаться от martinis после первого глотка.

Внезапно на него навалилась усталость. Он закрыл глаза, а когда снова открыл их, впереди проглянуло водохранилище Пепактон. Выходит, они уже миновали Кэт-Холлоу и вернулись в округ Делавэр: то есть, осталось меньше двадцати минут езды до Уолнат-Кроссинга. Вода в озере после засушливого лета стояла удручающе низко. За таким летом чаще всего следует тусклая осень.

Мысли Гурни вернулись к встрече в “Бедфорд-Хиллс”.

Он посмотрел на Хардвика. Тот словно бы затерялся в собственных невеселых думах.

— Так скажи, Джек, что ты знаешь о дочери Карла Спалтера — “слабоумной шлюхе”?

— Ты явно пропустил эту страницу в протоколах суда — дочь свидетельствует, что накануне того дня, когда стреляли в Карла, слышала, как Кэй говорит кому-то по телефону, мол, все улажено и не пройдет двадцати четырех часов, как ее проблемы закончатся. Милую барышню зовут Алисса. Постарайся относиться к ней добрее. Возможно, ее слабоумная шлюховатость станет ключом к освобождению нашей клиентки.

Хардвик выжимал шестьдесят пять миль в час на петляющем участке дороги с ограничением скорости в сорок пять. Гурни проверил ремень безопасности.

— Не объяснишь, почему?

— Алиссе девятнадцать, красotka, что твоя кинозвезда, сладчайший яд. Мне говорили, у нее в очень интимном месте вытатуирована надпись “Без границ”. — Лицо Хардвика расплылось в ухмылке. — А еще она сидит на героине.

— И чем это поможет Кэй?

— Терпение. Похоже, Карл на дочурку не скупился. Баловал так, что вконец испортил, то есть, даже переборщил. Пока был жив. А вот с завещанием совсем другая история. Может, на него снизошло прозрение, что вертихвостка вроде Алиссы способна натворить бед, получив в распоряжение несколько миллионов баксов. Так что по завещанию все переходит к Кэй. И на момент покушения он ничего не поменял — может, еще не решил насчет развода или просто руки не дошли: факт, который прокурор особенно подчеркивал и считал главным мотивом Кэй к убийству.

Гурни кивнул.

— А после выстрела он уже не мог ничего менять.

— Именно. Но тут дело в другом. Как только Кэй осудили, это означало, она не унаследует ни цента, поскольку закон воспрещает наследнику получать имущество того, в чьей смерти он виновен. Все средства, которые должны отойти виновнику, распределяются среди ближайших родственников. В данном случае это Алисса Спалтер.

— Она получила деньги Карла?

— Не совсем. Это дело небыстрое, мягко говоря, а апелляция приостановит процесс до вынесения окончательного решения.

Гурни начал терять терпение.

— Так с какой радости мисс “Без границ” становится ключом ко всему?

— У нее, безусловно, имелся крайне весомый мотив сделать все возможное, чтобы Кэй признали виновной. Ты можешь сказать, у нее был еще и весомый мотив самой убить отца при условии, что обвинят кого-то другого.

— И что? В деле — ни единого упоминания хоть о каких-нибудь уликах, связывающих ее со стрельбой. Я что-то упустил?

— Ничего.

— Так куда эта дорожка тебя приводит?

Улыбка Хардвика стала еще шире. Куда бы ни приводила его эта дорожка, а процесс расследования явно заводил его. Кстати, Гурни покосился на спидометр и отметил, что стрелка колебалась уже в районе семидесяти. Они ехали вниз по холму близ западной части водохранилища, приближаясь к крутому повороту возле “Проката каноэ Барни”. Гурни стиснул челюсти. У старых спортивных машин уйма лошадиных сил, но на крутых поворотах сладить с ними непросто.

— Куда это меня приводит? — Глаза Хардвика сверкали от удовольствия. — Что ж, позволь тебя кое о чем спросить. Ты сказал бы, что тут намечается конфликт интересов... некоторое нарушение служебной процедуры... не совсем беспристрастное расследование... если потенциальная подозреваемая по делу об убийстве трахается с главным следователем?

— Что? Клемпер? И Алисса Спалтер?

— Мак Мудак и Слабоумная Шлюха.

— Бог ты мой. А доказательства у тебя есть?

На миг широкая улыбка сделалась еще шире и лущезарнее.

— Знаешь, Дэйви, старичок, я как раз думаю, что это еще одна мелочь, в которой ты нам можешь помочь.

Глава 11

Пташки малые

Гурни промолчал. И молчал следующие семнадцать минут, пока они ехали от водохранилища к Уолнат-Кроссингу, а оттуда вверх по петляющему и грязному проселку от сельской дороги к его пруду, лугу и дому.

Уже возле дома, сидя в трясущемся на холостом ходу “Понтиаке”, он понял, что должен что-то сказать, — и хотел, чтобы его слова прозвучали недвусмысленно.

— Джек, у меня такое ощущение, будто мы с тобой в этом деле движемся в разных направлениях.

Вид у Хардвика стал, точно он проглотил какую-то кислятину.

— Это как?

— Ты все толкаешь меня к проблемам предвзятого расследования, некачественного судопроизводства и так далее.

— Ну так все апелляции об этом.

— Понимаю. И к этому я еще приду. Но я не могу с этого начинать.

— Но если Мак Клемпер...

— Знаю, Джек, знаю. Если ты в состоянии доказать, что главный следователь проигнорировал целую линию расследования только потому...

— Потому что трахался с потенциальной подозреваемой! Да этого одного хватит, чтобы оспорить приговор. Бинго! Что тут плохого?

— Плохого ничего. Проблема в том, что у меня другой подход и я движусь в другом направлении.

— Нужно сделать первый шаг, крошечный: поболтать с умопомрачительной Алиссой, прикинуть, с кем мы имеем дело: на какие кнопки нажимать, чтобы расположить ее к нам, под каким углом...

— Вот видишь, именно это я и имею в виду, когда говорю, что мы движемся в разных направлениях.

— Да о чем ты?

— Для меня такой вот разговор может стать разумным десятым шагом, а не то одиннадцатым, но уж никак не первым.

— Твою мать! Ты делаешь из мухи слона.

Гурни смотрел в боковое окно. Над гребнем холма за прудом медленно кружил ястреб.

— Помимо завлечения Кэй Спалтер — что еще, по твоим раскладам, я приношу на эту вечеринку?

— Я уже говорил.

— Ну так повтори снова.

— Ты — член команды по стратегии. Боец. Один из тех, кто принимает основные решения.

— И что?

— А что тебя не устраивает-то?

— Если хочешь, чтобы я внес свою лепту, дай мне делать это на мой лад.

— Ты кто, долбаный Фрэнк Синатра?

— Если ты хочешь, чтобы я сделал десятый шаг раньше первого, я тебе помочь не смогу.

Хардвик издал нечто вроде раздраженного вздоха.

— Отлично. И что ты хочешь?

— Мне надо начать с начала. С Лонг-Фоллса. Кладбища. Дома, откуда стреляли. Мне надо побывать там, где это все произошло. Увидеть самому.

— Какого хрена-то? Хочешь провести расследование с самого, твою мать, начала?

— Не такая уж и плохая идея.

— Да не надо тебе этого.

Он уже собирался сказать Хардвику, что тут затронуто нечто большее, нежели практические цели апелляции. Вопрос истины. Истины с большой буквы. Но звучало бы это все так претенциозно, что он промолчал.

— Мне надо выйти к истокам. В буквальном смысле слова.

— Не понимаю, какого черта ты за это цепляешься. Мы фокусируемся на ляпах Клемпера, а не на гребаном кладбище.

Они спорили еще добрых десять минут.

В конце концов Хардвик капитулировал, качая головой от возмущения.

— Делай, что хочешь. Только не трать понапрасну все время мира, хорошо?

— Я время тратить понапрасну вообще не намерен.

— Как скажешь, Шерлок.

Гурни вылез из машины. Тяжелая дверца захлопнулась за ним с таким стуком, какой был не свойствен машинам вот уже лет десять.

Хардвик наклонился к раскрытому пассажирскому окну.

— Только держи меня в курсе, хорошо?

— Обязательно.

— И не торчи слишком долго на кладбище. То еще местечко.

— В каком это смысле?

— Скоро сам поймешь.

Хардвик прибавил оборотов и без того невозможно шумному мотору. Горловое бурчание перешло в рев. Затем он отпустил педаль, развернул старый красный “Понтиак” на пожухшей траве и покатил вниз к дороге.

Гурни снова посмотрел на ястреба, плавно скользящего над хребтом, а потом вошел в дом, рассчитывая увидеть Мадлен или услышать звуки виолончели. Окликнул ее. Однако на его голос отозвалось лишь странное ощущение пустоты, неизменно воцарявшееся в доме, стоило Мадлен уйти.

Какой сегодня день недели? Не один ли из трех, когда она работает в клинике? Да вроде нет. Гурни пошарил в памяти, не упоминала ли она какие-нибудь встречи общественного комитета, занятия йогой, собрание добровольцев по прополке общественного сада или поездку по магазинам в Онеонту. Но ничего не припоминалось.

Он снова вышел и обвел взглядом пологие склоны по обеим сторонам от дома. С верхнего луга на него смотрели три оленя. Ястреб все так же парил, на этот раз по широкой дуге, лишь легонько меняя положение распростертых крыльев.

Гурни снова окликнул Мадлен и поднес сложенные чашечкой ладони к ушам, прислушиваясь. Никакого ответа. Однако тем временем он краем глаза заметил внизу, ниже луга, за деревьями мимолетное движе-

ние — мелькнуло что-то ярко-красное, оттенка фуксии, за углом сарайчика.

В их маленьком укромном мире, насколько он мог припомнить, на самом конце дороги могло оказаться только две вещи оттенка фуксии: нейлоновая ветровка Мадлен и сиденье велосипеда, подаренного им ей на день рождения вместо того, что сгорел при пожаре в старом амбаре.

Снедаемый любопытством, Гурни зашагал через луг, снова выкликая имя жены — теперь уже твердо уверившись, что видел именно ее ветровку. Но ответа снова не дождался. Пройдя через нестройный ряд саженцев, окаймлявших луг, и оказавшись на выкошенной полянке возле сарая, он обнаружил, что Мадлен сидит на траве у дальнего края, сосредоточенно глядя на что-то, чего ему отсюда видно не было.

— Мадлен, почему ты не...? — В его голосе явственно сквозило раздражение на ее молчание. Но Мадлен, не поворачивая головы в его сторону, подняла руку предостерегающим жестом — мол, либо не шуми, либо не подходи.

Он остановился и замолчал. Мадлен поманила его к себе. Подойдя ближе, он встал у нее за спиной и заглянул за угол сарая. И тут-то увидел их: четырех кур, которые безмятежно сидели на травке, опустив головы и поджав лапы. Петушок устроился с одной стороны от вытянутых ног Мадлен, а курицы с другой. Уставившись на столь неожиданную живую картинку, Гурни услышал тихое кудактанье — то самое умиротворенное квохтанье, что издают курицы на насесте перед тем, как заснуть.

Мадлен подняла взгляд на мужа.

— Им нужен домик и огороженный дворик вокруг, чтобы побегать. Чтобы они могли вволю бывать на свежем воздухе. Только и всего. Уж это-то мы должны им обеспечить.

— Ну да. — Напоминание о маячившей впереди стройке раздражало. Гурни посмотрел на кур в траве. — А обратно в сарай ты их как загонишь?

— Запросто. — Она улыбнулась, скорее курам, чем ему. — Запросто, — повторила она шепотом. — Мы скоро вернемся в сарай. Просто хотим еще несколько минут понежиться на травке.

Через полчаса Гурни сидел перед компьютером у себя в кабинете, продираясь через сайт Церкви Киберпространства — “Ваш Портал к Жизни Радостной”. Вполне предсказуемо, учитывая название организации, было то, что ему никак не удавалось найти ни фактического адреса, ни фотографии какого-либо реального, из кирпичей и известки, штаба организации.

Раздел “Контакты” предлагал лишь один-единственный вариант связи: по электронной почте. На выскакивающей форме имелся адрес: jonah@cyber-cathedral.org.

Гурни призадумался — до чего же обезоруживающее, трогательное предположение, будто любой комментарий, вопрос или просьба о помощи отправятся напрямую отцу-основателю. Что, в свою очередь, наводило на размышления о том, какие комментарии, вопросы и просьбы о помощи появлялись на этом веб-сайте. В поисках ответа он бродил по сайту еще добрых двадцать минут.

В конце концов у Гурни сложилось впечатление, будто обещанная жизнь радостная была в нью-эйджев-

ской тональности: расплывчатая философия, картинки в пастельных тонах, хорошая погода. Вся организация словно бы источала сладенькую заботливость, что сродни присыпке для младенцев. Как будто производители открыток “Холмарк” вдруг решили основать собственную религию.

Дольше всего внимание Гурни удерживала фотография самого Йоны Спалтера, размещенная на гостевой страничке. Сделанная в высоком разрешении и, судя по всему, почти без ретуши, она казалась даже неуместной, до того контрастировала со всей этой приторной чепухой своей строгой искренностью.

Очертаниями лица Йона слегка напоминал Карла — те же густые, чуть волнистые волосы, прямой нос, решительный подбородок. Но на том сходство и заканчивалось. Если глаза Карла на предсмертной фотографии были полны беспредельного отчаяния, глаза Йоны словно бы смотрели в будущее, исполненное нескончаемого успеха. Лица братьев, точно классические маски трагедии и комедии, были поразительно схожи — и абсолютно различны. Если, как говорила Кэй, братья увязли в бесконечных раздорах и если фотография Йоны правдиво передавала нынешний его облик, не оставалось сомнений, кто из братьев вышел из схватки победителем.

Помимо фотографии Йоны на гостевой страничке висел длинный список разнообразных тем. Гурни выбрал одну из верхних: “Всего лишь человек”. Он кликнул на ссылку, открылась страничка с переплетенными маргаритками, и из столовой раздался голос Мадлен:

— Ужин на столе.

Сама она уже сидела за маленьким круглым столиком в закутке у французских дверей — они всегда там

ели, если не принимали гостей и не накрывали длинный стол. Гурни уселся напротив жены. На тарелке у каждого лежало по щедрой порции жареной пикши с морковью и брокколи. Гурни наколот на вилку кусочек морковки, поднес ко рту и понял, что не так уж голоден. Но есть продолжал. Он не слишком-то любил пикшу: она напоминала ему безвкусную рыбу, которую готовила мать.

— Ну как, загнала всех обратно в сарай? — спросил он скорее с досадой, чем с интересом.

— Конечно.

Осознав, что потерял счет времени, Гурни глянул на часы на противоположной стене. Была уже половина седьмого. Он повернулся к стеклянной двери — оттуда на него глядело яростно пылающее солнце, висевшее прямо над кромкой холма. Оно навевало ему мысли не столько о всяких романтических картинках заката, сколько о киношной лампе из комнаты для допросов.

Ассоциативный ряд унес его обратно к вопросу, заданному им всего лишь несколько часов назад в “Бедфорд-Хиллс”, к нечеловечески пристальному взгляду зеленых глаз, которые больше подходили нарисованной кошке, чем женщине в тюремной одежде.

— Не хочешь мне рассказать? — Мадлен наблюдала за ним с тем всепонимающим выражением, которое порой заставляло его гадать, а вдруг он, сам того не замечая, шепотом проговаривает свои мысли.

— Насчет...

— Про твой день. Про ту женщину, с которой ты встречался. Чего хочет Джек. Твои планы. Веришь ли ты в ее невиновность.

Ему как-то не приходило в голову, что он хочет

об этом поговорить. Но, пожалуй, он и вправду хотел. Гурни отложил вилку.

— Штука в том, что я сам не знаю, чему верить. Если она и лгуня, то превосходная. Может даже, лучшая, каких я только видел.

— Но тебе не кажется, что она лгуня?

— Не знаю. Похоже, она хочет, чтобы я поверил в ее невиновность, но из кожи вон не лезет, чтобы убедить меня. Наоборот, словно нарочно усложняет мне задачу.

— Умно.

— Умно. Или... честно.

— А может, все сразу.

— Точно.

— И что еще?

— Ты о чем?

— Что еще ты в ней увидел?

Он несколько секунд подумал.

— Гордость. Силу. Упрямство.

— Она привлекательна?

— Не думаю, что употребил бы слово “привлекательная”.

— А какое тогда?

— Впечатляющая. Решительная. Страстная.

— Безжалостная?

— А! Сложный вопрос. Если ты имеешь в виду — достаточно ли она безжалостна, чтобы убить мужа ради денег, я пока не могу ответить ни да, ни нет.

Мадлен повторила “пока” — так тихо, что он еле расслышал.

— Я хочу предпринять по крайней мере еще один шаг, — сказал он, но уже произнося эту фразу, отчетливо сознавал, что она не совсем искренна.

Судя по скептическому блеску в глазах Мадлен, она это тоже сознавала.

— И этот шаг...

— Хочу осмотреть место преступления.

— Разве в бумагах, что тебе Джек принес, не было фотографий?

— Фотографии и зарисовки с места преступления отражают реальность процентов на десять, не больше. Надо самому там постоять, побродить вокруг, прислушаться, приняться, прочувствовать, что это за место, какие оно дает возможности и какие накладывает ограничения, что там за район, какое движение на дорогах, что могла видеть жертва, что мог видеть убийца, как он мог туда прийти, куда ушел, кто мог его видеть.

— Или — ее.

— Или ее.

— Так когда ты собираешься всем этим заняться? Приняться, прислушаться и все прочувствовать?

— Завтра.

— Не забыл про ужин?

— Завтра?

Мадлен изобразила многострадальную улыбку.

— Мой клуб йоги. У нас. Ужин.

— Ах да, конечно. Все в порядке. Без проблем.

— Уверен? Ты будешь?

— Без проблем.

Она посмотрела на него долгим взглядом, а потом отвела глаза, словно закрывая тему. Поднялась, отворила французскую дверь, глубоко вдохнула прохладный воздух.

А через миг из леса за прудом раздался тот стран-

ный, исполненный одиночества крик, похожий на зов призрачной флейты.

Гурни поднялся со стула и прошел мимо Мадлен на мощенный камнями дворик. Солнце уже нырнуло за гребень холмов, и температура сразу словно бы упала на пятнадцать градусов. Застыв на месте, он ждал, не повторится ли этот потусторонний звук.

Но услышал лишь тишину — такую глубокую, что его пробрала дрожь.

Глава 12

“ИВОВЫЙ ПОКОЙ”

На следующее утро Гурни спустился на кухню, голодный, как волк.

Мадлен стояла перед раковиной и крошила хлеб на тарелку, половину которой уже занимала мелко нарезанная клубника. Раз в неделю она давала курам что-нибудь лакомое — вдобавок к корму из сельскохозяйственного магазина.

Более чем консервативный наряд Мадлен напомнил Гурни, что сегодня у нее рабочий день в клинике. Он бросил взгляд на часы.

— Не опаздываешь еще?

— Меня Хэл подберет, так что... без проблем.

Насколько помнил Гурни, Хэл был директором клиники.

— Почему?

Она уставилась на него.

— Ах да, твоя машина в ремонте. Но почему Хэл вдруг?

— Я упомянула на работе про неполадки с машиной, а Хэл сказал, он все равно мимо едет. А кроме того, если я опаздываю потому, что он опоздал, на кого ему пе-

нять? И кстати об опозданиях — ты же не опоздаешь, правда?

— Опоздаю? Куда?

— Да сегодня же. На ужин клуба йоги.

— Разумеется.

— И ты не забудешь позвонить Малькольму Кларету?

— *Сегодня?*

— День ничуть не хуже всех остальных.

С дороги через луг донесся шум мотора. Мадлен подошла к окну.

— Это он, — беззаботно заметила она. — Мне пора.

Торопливо подлетев к Гурни, она поцеловала его, одной рукой подхватила с буфета сумочку, а второй — тарелку с хлебом и клубникой.

— Хочешь, оттащу туда это куриное добро вместо тебя? — спросил Гурни.

— Нет. Хэл вполне может остановиться на пару секунд у сарая. Я сама их покормлю. Пока!

Пройдя через холл мимо кладовки, она вышла через заднюю дверь.

Гурни следил из окна, как блестящий черный “Ауди” Хэла медленно ползет вниз к сараю, заезжает за него ближе к двери и через пару минут снова появляется из-за угла и едет к дороге.

Было всего пятнадцать минут девятого, а его день уже был отравлен мыслями и эмоциями, без которых он охотно обошелся бы.

По опыту Гурни было известно: лучшее лекарство от душевной смуты — это начать действовать, двигаться вперед.

Отправившись в кабинет, он взял дело Спалтеров и увесистый пакет с документами, описывающими пу-

тешестве Кэй по системе судопроизводства после того, как ей было предъявлено обвинение, — досудебными ходатайствами, судебными протоколами, копиями иллюстративных материалов обвинения и вещественными доказательствами, а также поданной первоначальным адвокатом рутинной апелляции по факту приговора. Гурни перетащил это все в машину, поскольку понятия не имел, что именно ему может понадобиться в течение дня.

Вернувшись в дом, он достал из шкафа простой серый пиджак — тот, из которого почти не вылезал в Эпоху Работы и который после выхода в отставку надевал от силы три раза. В сочетании с темными брюками, голубой рубашкой и ботинками армейского стиля этот пиджак буквально вопил: “Полицейский!” — никакой формы не надо. Гурни подумалось, что в Лонг-Фоллсе это будет нелишним. Оглядевшись напоследок в доме, он снова пошел к машине и ввел в адрес навигатора на приборной доске кладбище “Ивовый покой”.

Через минуту он катил прочь — и уже чувствовал себя гораздо лучше.

Подобно многим старым городкам, построенным на почти утративших коммерческое значение реках и каналах, Лонг-Фоллс словно бы из последних сил греб против течения, сражаясь с упадком.

Там и сям виднелись следы попыток как-то оживить город. Зброшенную хлопчатобумажную фабрику отдали под офисы. В бывшем цеху по производству гробов обосновалось несколько магазинчиков, а длинное, на целый квартал, здание из покрытых сажей кирпичей

оттенка застарелых струпьев, над входом которого гранитная плита гласила “Маслобойня «Сладкий клевер»”, украсила новая широкая вывеска — “Студия и галерея Северного Искусства”, — прибитая над старой доской.

Однако, проезжая главной улицей города, Гурни насчитал по меньшей мере шесть заброшенных зданий, реликтов времен процветания. Множество пустых парковок, мало народа на улицах. Худосочный подросток в типичном прикиде неудачника — сползающие джинсы, поношенная бейсболка на несколько размеров больше, чем надо, — стоял на углу безлюдной улицы, держа на коротком поводке мускулистого пса. Притормозив на красный, Гурни увидел, что тревожные глаза подростка обшаривали проезжающие мимо машины с характерным наркоманским выражением надежды и безразличия в одно и то же время.

Гурни иногда казалось, что в Америке что-то очень и очень неладно. Большая часть поколения заразилась невежеством, ленью и вульгарностью. Для молодых женщин стало самым обычным делом иметь, скажем, троих маленьких детей от разных отцов, двое из которых уже сидят в тюрьме. А места вроде Лонг-Фоллса, некогда бывшие заповедниками простой и мирной жизни, теперь ничем не выделялись на общем удручающем фоне.

Поток этих мыслей прервал авторитетный голос навигатора, сообщивший:

— Прибываем на место назначения, сверните направо.

Указатель, расположенный рядом с опрятным асфальтированным съездом с шоссе, гласил лишь “Ивовый покой”, не уточняя характер места. Гурни свернул и проехал через распахнутые кованые железные воро-

та за ограду из желтого кирпича. Ухоженные насаждения по обе стороны от входа создавали впечатление не столько кладбища, сколько первоклассной загородной резиденции. Подъездная дорога вела к маленькой пустой парковке перед коттеджем в английском стиле.

Длинные, густые ряды фиолетово-желтых анютиных глазок под старомодными решетчатыми окнами напомнили Гурни причудливо-небрежную манеру популярнейшего художника, имя которого напрочь вылетело у него из головы. Рядом с мощеной дорожкой, бегущей от парковки к двери домика, торчал указатель “Информация для посетителей”.

Когда Гурни двинулся по дорожке, дверь открылась и на широкое каменное крыльцо выскочила женщина, по всей очевидности, не замечая его. Одета она была по-простому, словно бы для какой-нибудь легкой работы в саду, на что указывали также маленькие садовые ножницы у нее в руке.

Гурни дал бы ей лет пятьдесят с небольшим. Во внешности женщины более всего привлекали взгляд волосы: снежно-белые, подстриженные короткими ступеньками, с неровными рванными прядками вокруг лица и шеи. Мать Гурни тоже носила такую прическу, когда она впервые вошла в моду во времена его детства. Он даже название припомнил: “артишок”. Слово это, в свою очередь, вызвало у него мимолетное беспокойство.

Она с удивлением посмотрела на Гурни.

— Простите, не слышала, как вы подъехали. Как раз собиралась кое-чем тут заняться. Я Полетта Парли. Чем могу помочь?

За время пути в Лонг-Фоллс Гурни обдумал несколько вариантов ответа на вопрос о поводе его визи-

та и остановился на тактике, которую мысленно окрестил “тактикой минимальной честности”: рассказывать достаточно правды, чтобы не поймали на лжи, но так, чтобы не возбудить ненужного беспокойства.

— Да сам еще не знаю, — он улыбнулся невинной улыбкой. — Можно мне тут немного пройтись?

Ее непримечательные карие глаза словно бы оценивали его.

— Вы уже бывали тут?

— Это мой первый визит. Но у меня есть карта, скачал из “Гугла” и распечатал.

На лицо Полетты Парли набежала тень скептицизма.

— Постойте минутку. — Она повернулась, скрылась в коттедже и чуть погодя вернулась с красочной брошюрой. — Может пригодиться — просто на случай, если ваша гугловская карта не слишком вразумительна. — Она помолчала. — Проводить вас к месту упокоения кого-то из ваших друзей или родственников?

— Нет. Но спасибо. Такой чудесный день. Я предпочел бы побродить немного сам.

Она озабоченно посмотрела на небо — хоть и голубое, но наполовину затянутое тучами.

— Говорили, может пойти дождь. Если вы назовете имя...

— Вы очень добры, — отозвался он, отступая назад, — но я сам.

Вернувшись на маленькую парковку, Гурни увидел на другой стороне вымощенную плитками дорожку, что вела под увитую розами шпалеру, рядом с которой висела табличка “Вход для пешеходов”. Пройдя в арку, он оглянулся. Полетта Парли все еще стояла пе-

ред домиком, глядя ему вслед с выражением озабоченного любопытства.

Гурни не потребовалось много времени, чтобы понять, что именно имел в виду Хардвик, характеризуя “Ивовый покой” как “то еще местечко”. Оно не слишком напоминало другие кладбища, где ему приходилось бывать. Но чувствовалось в нем и что-то очень знакомое. Он только никак не мог вычислить, что именно.

Планировка кладбища была такова, что вдоль окружающей его низкой кирпичной стены, слегка извиваясь, тянулась мощенная брусчаткой дорожка, от которой к центру кладбища через регулярные интервалы отходили дорожки поменьше, теряющиеся в густых зарослях рододендронов, сирени и тсуги. От этих дорожек, в свою очередь, ответвлялись еще более узкие, каждая из которых заканчивалась на выкошенной лужайке размером с небольшой задний дворик. Соседние участки отделялись друг от друга кустами высокой, по пояс, спиреи и клумбами лилейника. На каждом участке, куда заглянул Гурни, было несколько мраморных могильных плит вровень с землей. Вместо традиционного указания дат рождения и смерти на этих плитах помимо имени стояла лишь одна дата.

Рядом с проездом к каждому участку стоял простой черный почтовый ящик с выгравированной фамилией. По пути Гурни открыл несколько таких ящиков, но ни в одном из них ничего не обнаружил. После двадцати минут поисков он наткнулся на почтовый ящик с фамилией Спалтер. Ящик этот отмечал вход на самый большой участок из тех, что попались Гур-

ни до сих пор. Он располагался, по всей видимости, на самом высоком месте “Ивового покоя”, на пологом подъеме, откуда просматривалась неширокая речушка за оградой. За рекой тянулась автомагистраль, разрезающая город на две части. С другой стороны дороги стоял комплекс трехэтажных домов, окна которых выходили на кладбище.

Глава 13

Смерть в Лонг-Фоллсе

Гурни уже ознакомился с основными топографическими характеристиками этого места — его рельефом, размером, расстояниями. Все это было тщательно задокументировано в материалах дела. Однако собственными глазами увидеть дома напротив, а затем вычислить то самое окно, из которого была выпущена роковая пуля — выпущена туда, где он сейчас стоял, — вот это по-настоящему встряхивало. Эффект столкновения реальности с умозрительными представлениями. Гурни уже много раз переживал этот эффект на местах других преступлений. Именно из-за расхождения между мысленной картинкой и реальными впечатлениями было так важно самому побывать здесь.

Физическое место преступления — действительность настолько конкретная, не выхолощенная, какую не передать никаким фотографиям и описаниям. Оно содержит ответы — только подойди к нему, распахнув пошире и глаза, и разум. Оно расскажет тебе целую историю — только смотри внимательнее. Оно дает тебе, причем в буквальном смысле, площадку для старта,

где можно встать и обозреть все реально существующие детали.

Закончив предварительное обследование всего кладбища в целом, Гурни сосредоточился на подробном изучении участка Спалтеров, вдвое превосходившего размерами самый большой участок, что встречался Гурни по дороге. По прикидке Гурни выкошенная площадка в центре была пятьдесят на семьдесят футов. Со всех сторон ее окружала невысокая живая изгородь из ухоженных розовых кустов.

Гурни насчитал восемь низких, ниже уровня травы, могильных плит, расположенных рядами таким образом, что на каждую могилу приходилось примерно шесть на двенадцать футов. Самой ранней датой, 1899, была отмечена плита с именем Эммерлинг Спалтер. Самая поздняя, 1970, значилась на плите с именем Карла Спалтера. Очертания букв на блестящей поверхности плиты были четкими, их явно выгравировали совсем недавно. Но, безусловно, это была не дата смерти. Тогда рождения? Скорее всего.

Глядя на плиту, Гурни заметил, что она соседствовала с надгробьем Мэри Спалтер, его матери, на чьих похоронах Карл был смертельно ранен. На плите по другую сторону могилы Мэри Спалтер стояло имя Джозефа Спалтера. Отец, мать и убитый сын. Весьма своеобразная семейная встреча на своеобразном кладбище. Отец, мать и убитый сын — сын, надеявшийся стать губернатором, — все, превратившиеся в ничто, совершенное ничто.

Размышляя о прискорбной тщетности жизни человеческой, Гурни услышал позади тихий металлический гул и, обернувшись, увидел, как у границы розовых кустов вокруг участка Спалтера останавливается

электрическая мототележка. За рулем сидела Полетта Парли.

— Еще раз здравствуйте, мистер... Простите, не знаю вашего имени. — Она вопросительно улыбнулась.

— Дэйв Гурни.

— Здравствуйте, Дэйв. — Она вылезла из тележки. — Я как раз собиралась на обход, когда заметила, что тучи-то надвигаются. — Она неопределенно указала на серые тучи на западе. — Вот и подумала, зонтик вам пригодится. Не хотите же вы попасть под ливень без зонтика. — Она подняла с тележки ярко-синий зонт и протянула Гурни. — Промокнуть хорошо, когда плаваешь, а вот в другой ситуации совсем не так приятно.

Он взял зонт, поблагодарил смотрительницу и выждал, пока она заговорит напрямик — вне всяких сомнений, ее привела сюда вовсе не забота о том, как бы он не промок.

— Просто занесите в дом на обратном пути. — Полетта Парли двинулась было обратно к тележке, но вдруг остановилась, словно в голову ей пришел новый вопрос. — Вы нашли дорогу?

— Да-да. Ну само собой, этот участок и так...

— Это владение, — перебила она.

— Прошу прощения?

— Мы в "Ивовом покое" избегаем лексики, применяемой в отношении обычных кладбищ. Мы предлагаем семьям *владения*, а не унылые маленькие *участки*. Я так понимаю, вы не член семьи?

— Нет.

— Тогда, наверное, друг семьи?

— В некотором роде. Могу ли поинтересоваться, почему вы спрашиваете?

Полетта Парли вглядывалась в его лицо, словно бы ища подсказку, как продолжать разговор. Похоже, что-то в выражении лица Гурни ее успокоило. Она понизила голос и перешла в доверительный регистр.

— Простите. Никак не хотела вас задеть. Но вы же и сами понимаете, владение Спалтеров — особый случай. Иногда у нас бывают проблемы с... как бы их назвать? С охотниками до сенсаций. Упырями, если уж говорить начистоту. — Она с демонстративным отвращением скривила губы. — Когда случается какая-нибудь трагедия, зеваки сразу сбегаются — поглазеть, пофотографировать. Отвратительно, правда? В смысле, ну это же трагедия. Ужасная трагедия для всей семьи. Вы можете представить? В человека стреляют прямо на похоронах его родной матери! Он изуверчен! Превращен в парализованного калеку! В овощ! Потом он умирает. А убийцей оказывается его же собственная жена! Ужасная, ужасная трагедия! А что зеваки? Стекаются сюда с фотоаппаратами. Фотоаппаратами! Иные даже пытались украсть наши розовые кусты. Растащить на сувениры! Можете представить? Ну и разумеется, поскольку я тут управляющий, это все моя ответственность. Мне дурно становится от одних только разговоров об этом. Тошнит просто! Не могу даже...

Она беспомощно махнула рукой.

Уж слишком пылко дамочка протестует, отметил Гурни. Похоже, “трагедия” возбуждает ее ничуть не меньше, чем зевак, которых она так осуждает. Однако что тут особенного? Мало что так раздражает в других людях, как твои же собственные недостатки, выставленные в самом неприглядном виде.

Тут Гурни сообразил, что явное пристрастие собеседницы к драме дает ему отличный способ завязать беседу. Он посмотрел ей в глаза так, словно глубоко понимал и разделял ее образ мыслей.

— Вы и вправду принимаете это все близко к сердцу, верно?

Она растерянно заморгала.

— Близко к сердцу? Ну разумеется. Разве не видно?

Вместо ответа он задумчиво отвернулся, подошел к розовым кустам и рассеянно потыкал мягкую почву кончиком зонтика, который ему дала Полетта Парли.

— Кто вы? — наконец спросила она. В ее голосе Гурни померещилась нотка взволнованного интереса.

Он продолжал тыкать зонтиком в землю.

— Я вам уже сказал, меня зовут Дэйв Гурни.

— Зачем вы пришли?

Он снова ответил, не поворачиваясь.

— Скоро скажу. Но сперва позвольте задать вам один вопрос. Какова была ваша реакция — о чем вы подумали в самую первую очередь, — когда узнали, что Карла Спалтера застрелили?

Она замаялась.

— Вы репортер?

Он повернулся, достал бумажник и показал ей золотой значок сотрудника полиции Нью-Йорка. На таком расстоянии прочитать слово “в отставке” в самом низу она не могла, а подходить и разглядывать вблизи не стала. Гурни закрыл бумажник и снова убрал в карман.

— Вы детектив?

— Верно.

— О! — По лицу у нее пробежала растерянность, любопытство, волнение. — Что... что вас сюда привело?

— Хочу получше понять, что тут случилось.

Она часто заморгала.

— Да что тут понимать? Я думала, все уже... решено.

Гурни сделал несколько шагов в ее сторону, словно собирался поделиться какой-то очень частной информацией.

— Была подана апелляция. Остались еще кое-какие неразрешенные вопросы, возможно, пробелы в доказательствах.

Полетта Парли наморщила лоб.

— Разве не в любом деле об убийстве полагается подавать апелляцию?

— Да, и в подавляющем большинстве случаев приговор остается в силе. Но, возможно, это другой случай.

— Другой?

— Позвольте мне снова задать вопрос. Какова была ваша реакция — о чем вы подумали в *самую первую очередь*, — когда вы узнали, что Карла Спалтера застрелили?

— Когда узнала? Вы имеете в виду, когда я это заметила?

— Заметили?

— Я же первая разглядела.

— Что?

— Да дырочку у него в виске. Сначала я еще сомневалась, дырочка ли это. Ну, то есть, выглядело-то это просто как круглое красное пятнышко. Но потом у него по голове, сбоку, потекла красная струйка. И тут я поняла, просто поняла, и все.

— И сообщили тем, кто был вокруг?

— Ну конечно!

— Потрясающе. Расскажите подробнее.

Она указала на землю в нескольких шагах от места, где стоял Гурни.

— Вот сюда вот, на это самое место, прямо на снег, она и упала — первая капля крови с его виска. До сих пор — так и вижу. Вы когда-нибудь видели кровь на снегу? — Глаза у Полетты Парли расширились от волнения. — Алая-алая, алее не бывает.

— Почему вы думаете, что это произошло именно в этом самом...

Она не дала ему закончить фразы.

— Вот почему.

Она указала на другую точку на земле, примерно в футах от первой.

Лишь подойдя еще на шаг, Гурни увидел маленький зеленый диск, почти скрытый травой. По периметру у него шли крошечные, с булавочную головку, отверстия.

— Оросительная система?

— Он упал лицом вниз, головой всего в нескольких дюймах от этой штуки.

Полетта тоже подошла ближе и указала кончиком ботинка на точку рядом с диском.

— Вот здесь.

Гурни поразила холодность, даже враждебность этого жеста.

— Вы присутствуете на всех похоронах?

— И да, и нет. Как управляющий я всегда где-нибудь рядом. Но обычно остаюсь на благоприличном расстоянии. Я считаю, похороны — для приглашенных членов семьи и друзей. Но, разумеется, на похоронах Спалтеров мое присутствие более заметно.

— Более заметно?

— Видите ли, мне казалось, сесть вместе с семьей и знакомыми мистера Спалтера было бы неуместно, так что я держалась в стороне — но, безусловно, присутствовала более явно, чем на других погребениях.

— Почему же?

Казалось, вопрос ее удивил.

— Да в силу наших отношений.

— То есть?

— “Спалтер Риэлти” — мой работодатель.

— “Ивовый покой” принадлежит Спалтерам?

— Я думала, это всем известно. “Ивовый покой” был основан Эммерлингом Спалтером, дедом... усопшего. А вы не знали?

— Придется уж вам меня простить. Я в этом деле новичок, как и в Лонг-Фоллсе. — Подметив в выражении ее лица критический оттенок, Гурни прибавил заговорщическим тоном: — Видите ли, мне надлежит взглянуть на дело совершенно свежим взглядом. — Он выждал пару секунд, чтобы Полетта осознала скрытый смысл этого заявления, и продолжил: — А теперь вернемся к моему вопросу: что вы почувствовали, когда осознали — заметили, — что произошло?

Смотрительница замялась, поджала губы.

— А почему это так важно?

— Сейчас объясню. А пока позвольте задать другой вопрос. Что вы почувствовали, узнав об аресте Кэй Спалтер?

— О господи! Шок, настоящий шок! Я поверить не могла!

— Вы хорошо знали Кэй?

— Похоже, не так хорошо, как мне казалось. После таких историй поневоле задумываешься, а знаешь ли

ты хоть кого-нибудь по-настоящему. — После паузы на лице Полетты появилось пронзительное любопытство. — А к чему это все? Все эти вопросы — что происходит?

Гурни посмотрел на нее долгим испытующим взглядом, словно прикидывая, можно ли ей доверять. Потом глубоко вздохнул и сказал, надеясь, что его слова прозвучат как признание:

— С полицейскими оно вот ведь как занятно выходит, Полетта. Мы рассчитываем, что люди нам расскажут все как на духу, а сами делиться информацией не любим. И я понимаю, почему, но иной раз... — Он помолчал, потом глубоко вздохнул и медленно произнес, глядя ей прямо в глаза: — У меня сложилось впечатление, что Кэй как человек гораздо лучше Карла. Она не из тех, кто способен на убийство. Вот и пытаюсь понять, прав я или ошибаюсь. Но в одиночку мне не справиться. Без помощи других. И мне почему-то кажется, что вы способны мне помочь.

Она несколько секунд смотрела на него, потом чуть вздрогнула и обхватила себя руками.

— Давайте-ка вернемся в дом. Вот-вот дождь польет.

Глава 14

Брат дьявола

Домик смотрительницы оказался вовсе не таким китчевым, как опасался Гурни. Вопреки идиллически-сказочному фасаду обстановка внутри была строгой и сдержанной. За передней дверью была скромная прихожая, слева Гурни увидел гостиную с камином и традиционными пейзажиками на стенах. Через дверной проем справа он краем глаза разглядел нечто вроде кабинета с письменным столом из красного дерева и висящей позади стола большой картиной с изображением “Ивового покоя”. Гурни вспомнились типичные для девятнадцатого века сельские пейзажи. Прямо впереди, чуть слева, располагалась лестница на второй этаж, а направо — дверь, предположительно ведущая в комнаты задней половины дома. Туда-то и отправилась Полетта Парли готовить кофе, после того как проводила Гурни в гостиную и усадила в кресло перед камином. На каминной полке стояла фотография в рамочке: долговязый мужчина, обвинивший рукой молодую Полетту. Волосы у нее тогда были чуть длиннее, пушистые, точно взбитые ветром, и медово-золотистые.

Она принесла на подносе две чашки черного кофе, молочник, сахарницу и две ложечки. Опустив поднос на низкий столик перед камином, она села напротив Гурни в такое же кресло, как у него. Ни он, ни она не промолвили ни слова, пока не добавили себе в кофе молока и сахара, отпили по первому глотку и откинулись на спинки кресел.

Полетта держала чашку обеими руками — то ли чтобы не пролить, то ли пальцы грела. Губы у нее были крепко сжаты, но чуть подергивались.

— Вот теперь пусть льет, сколько угодно, — промолвила она с внезапной улыбкой, точно пыталась прогнать напряжение звуками своего же голоса.

— Меня заинтересовал “Ивовый покой”, — сказал Гурни. — Любопытная, должно быть, у него история.

История кладбища ничуть его не волновала, но Гурни думал, что, разговорив собеседницу, коснувшись темы полегче, сумеет перекинуть мост к более щекотливым материям.

За следующие пятнадцать минут Полетта изложила ему философию Эммерлинга Спалтера. Гурни счел эту философию эскапистским вздором, только в хитроумной упаковке. “Ивовый покой” был вовсе не кладбищем, а последним пристанищем. И на могилах размещали лишь дату рождения, не указывая дня смерти, ибо все мы рождены для жизни вечной. Клиентам “Ивовый покой” предоставлял не могильные участки, а домашние — уголки природы с травой, деревьями и цветами. Каждое владение было рассчитано не столько на одиночек, сколько на семью, причем на несколько поколений, а почтовые ящики у входа в каждое владение призывали еще живущих родственников оставлять

своим дорогим ушедшим открытки и письма. (Раз в неделю конверты вынимали, сжигали на маленькой переносной жаровне прямо на участке и зарывали в землю.) Полетта на полном серьезе утверждала, что все в “Ивовом покое” воспевают жизнь в ее бесконечности, красоте, тишине и уединении. Насколько мог судить Гурни, “Ивовый покой” должен был наводить на мысли о чем угодно, кроме смерти. Этого, впрочем, он говорить не стал. Пусть Полетта продолжает рассказывать.

У Эммерлинга и Агнесс Спалтер было трое детей, двое из которых умерли от воспаления легких еще в колыбели. Выжил один лишь Джозеф. Он женился на женщине по имени Мэри Кроук.

У Джозефа с Мэри родилось двое сыновей, Карл и Йона.

Гурни заметил, что одно упоминание этих имен мгновенно сказалось на тоне голоса и выражении лица Полетты. Губы у нее снова начали еле заметно подрагивать.

— Мне говорили, они хоть и братья, но очень различались, — пустил он пробный шар.

— О да! Черное и белое! Каин и Авель!

Она замолкла, гневно уставившись куда-то внутрь себя, в какое-то давнее воспоминание.

— Сдается мне, — осторожно заметил Гурни, — с Карлом было нелегко работать.

— *Нелегко?*

С губ Полетты сорвался короткий горький смешок. Она на несколько секунд прикрыла глаза, а затем словно бы пришла к какому-то решению, и слова хлынули из нее потоком.

— Нелегко? Позвольте кое-что объяснить вам. Эммерлинг Спалтер разбогател, покупая и продавая большие участки земли в штате Нью-Йорк. Свой бизнес, свои деньги и талант их зарабатывать он передал сыну. Джо Спалтер был копией отца, только крупнее и крепче. Совсем не из тех, кого захочешь иметь во врагах. Но им хотя бы руководил здравый смысл. С Джо можно было иметь дело. Он был честен — на собственный, грубый лад. Не добр, не щедр — но честен. Именно Джо нанял моего мужа управляющим “Ивового покоя”. Это было... — На несколько секунд вид у нее сделался совершенно отсутствующий. — Ох ты, господи, до чего быстро летит время. Это было пятнадцать лет назад. Пятнадцать.

Она посмотрела на свою чашку, словно дивясь, что все еще держит ее, и аккуратно оставила на стол.

— И Джо был отцом Карла и Йоны? — снова направил беседу в нужное русло Гурни.

Она кивнула.

— Вся темная сторона Джо отошла Карлу, а все, что было достойного и здравомыслящего, — Йоне. Говорят, в каждом из нас есть и хорошее, и плохое, но только не в случае братьев Спалтеров, Йоны и Карла. Ангел и дьявол. Сдается мне, Джо сам это видел и неразрывно связал сыновей именно в попытке решить проблему. Может, надеялся достичь таким образом хоть какого-то равновесия. Само собой, ничего не вышло.

Гурни отпил кофе.

— Что же произошло?

— После смерти Джо они сделались не просто противоположностями, а настоящими врагами. Ни в чем друг с другом не соглашались! Карла интересовали

только деньги, деньги, деньги — и плевать, как он их зарабатывал. А Йоне такое положение дел было совершенно невыносимо, тогда-то он основал свою Церковь Киберпространства и исчез.

— Исчез?

— Ну вроде того. С ним можно связаться через сайт церкви, но настоящего адреса у него нет. Ходили слухи, он вечно в движении, живет в доме на колесах, занимается церковным проектом и всем остальным через компьютер. До того, как он появился тут в Лонг-Фоллсе на похоронах матери, его три года никто не видел. И даже тогда мы не знали, что он приедет. Лично мне кажется, он хотел целиком и полностью оторваться от всего, что связано с Карлом. — Она помолчала. — Может, он его даже боялся.

— Боялся?

Полетта наклонилась, взяла чашку со стола и снова обхватила обеими руками. Потом легонько кашлянула.

— Я не шучу. У Карла Спалтера не было ни капли совести. Если он чего-то хотел, думаю, он ни перед чем не остановился бы.

— А что было самым плохим?

— Самое плохое, что он когда-либо сделал? Не знаю и знать не хочу. Но знаю, что он сделал мне — точнее, что пытался сделать.

Глаза ее засверкали от гнева.

— Расскажите.

— Мой муж, Боб, и я — мы жили в этом доме пятнадцать лет, с тех пор, как Боб получил это место. Первый этаж всегда был офисом “Ивового покоя”, а маленькая квартирка наверху прилагалась к должности. Мы переехали сразу же, как Боб начал работать. Это место ста-

ло нам домом. Мы и работу выполняли вместе, вдвоем. Нам казалось, это даже не столько работа, сколько взятое нами на себя обязательство. Возможность помочь людям пережить тяжелейший период их жизни. Для нас это было не способом заработать на жизнь — а самой жизнью.

Глаза ее наполнились слезами. Она сморгнула и продолжила:

— Восемь месяцев назад с Бобом случился инфаркт миокарда. Прямо вот тут, в прихожей. — Она покосилась на дверь и на миг закрыла глаза. — Он умер раньше, чем приехала “скорая помощь”. — Полетта глубоко вдохнула. — На следующий день после похорон я получила по электронной почте письмо от ассистента Карла из “Спалтер Риэлти”. По электронной почте. Там говорилось, что руководство кладбища — вы себе представляете? — руководство кладбища отныне перекладывает на себя ответственность за “Ивовый покой”. И для эффективной смены формы управления я должна в течение шестидесяти дней освободить коттедж.

Она посмотрела на Гурни, выпрямившись в кресле, вся пылая от ярости.

— Как вам, а? После пятнадцати лет! На следующий день после похорон! Электронной почтой! Гнусное, оскорбительное, мерзкое письмо! *Ваш муж мертв, выкатывайтесь*. Скажите, детектив Гурни, да каким надо быть человеком, чтобы так поступить?

Выждав, пока эмоции в ней чуть поулягутся, Гурни тихонько произнес:

— Это случилось восемь месяцев назад. Рад видеть, что вы еще здесь.

— Благодаря тому, что Кэй Спалтер оказала мне — и всему миру! — огромное одолжение.

— Вы имеете в виду, что Карл Спалтер был застрелен до истечения этих шестидесяти дней?

— Именно. Что доказывает, что в мире все же иногда случается хоть что-то хорошее.

— Так вы еще работаете на “Спалтер Риэлти”?

— Собственно говоря, на Йону. Когда Карл стал недееспособен, весь контроль над “Спалтер Риэлти” перешел к Йоне.

— Пятьдесят процентов доли Карла не отошли его наследникам?

— Нет. Поверьте, наследство Карла и так огромно — у него была масса других предприятий. Но что касается управления “Спалтер Риэлти”, то в соглашение, которое Джо заставил их подписать, входил пункт, что после смерти одного из братьев все переходит второму.

Гурни счел, что этот факт достаточно важен и должен бы фигурировать в деле — однако в материалах он не видел ни одного упоминания об этом. Он сделал мысленную заметку: спросить Хардвика, а он-то в курсе?

— Полетта, откуда вам стало об этом известно?

— Йона объяснил в тот день, когда принимал дела. Йона очень открытый человек. Такое впечатление, будто бы у него и в самом деле ни тайн, ни секретов.

Гурни кивнул, стараясь не выказывать скептицизма. Лично ему никогда не встречался человек совсем без тайн.

— Я так понимаю, он отменил решение Карла передать управление “Ивовым покоем” человеку со стороны?

— Абсолютно. Мгновенно. Собственно, примчался прямо сюда и предложил мне ту же работу, что выполнял Боб, за ту же зарплату. Даже сказал, что работа

и дом в любом случае будут моими, пока я сама захочу жить и работать тут.

— Похоже, он человек щедрый.

— Знаете те пустые квартиры за рекой? Он велел охранникам “Спалтер Риэлти” прекратить гонять отсюда бездомных. Даже снова подключил для них электричество — то самое, которое Карл отключил.

— Похоже, он заботится о людях.

— Заботится? — Лицо ее преобразилось от неземной улыбки. — Йона не просто заботится о людях. Он святой.

Глава 15

Циничное предположение

Экстон-авеню, расположенная менее чем в пятистах ярдах от ухоженного заповедника “Ивового покоя”, щедро отмеривала дозу подлинной экономической реальности провинции. Половина магазинчиков на первых этажах дышала на ладан, вторая половина была заколочена досками. Квартиры над ними выглядели запустелыми, если не вовсе заброшенными.

Гурни припарковался перед невзрачным магазином электротехники, который, согласно материалам дела, занимал первый этаж того самого здания, откуда стреляли. Логотип, просвечивающий сквозь кое-как покрашенную вывеску над витриной, указывал, что когда-то здесь располагался филиал “Радио Шэка”.

Дверь подъезда, соседствующего с входом в магазин, была приоткрыта на несколько дюймов. Гурни распахнул ее и вошел в маленький пыльный вестибюль, тускло освещенный одинокой зарешеченной лампочкой на потолке. В нос тут же ударила стандартная вонь заброшенного городского строения: запах мочи с примесью алкоголя, рвоты, сигаретного дыма, мусора и экс-

крементов. Звуковая составляющая была такой же привычной и знакомой: голоса двух ругающихся мужчин наверху, хип-хоп, собачий лай и детский плач. Чтобы превратить это все в сцену из какого-нибудь заштампованного фильма, недоставало только хлопанья дверью и стука шагов на лестнице. Ровно в эту секунду сверху раздался вопль: “Твою мать! Да пошел ты!” — и вниз по лестнице и в самом деле кто-то побежал. Гурни улыбнулся бы такому совпадению, но от запаха мочи его уже тошнило.

Звук шагов стал громче, и скоро наверху тонущего в тенях лестничного пролета над вестибюлем показался какой-то юнец — тщедушный, остролицый, с резкими чертами и свалывшимися волосами до плеч. Заметив Гурни, он на секунду замешкался, но потом пролетел мимо и выскочил на улицу, где резко остановился, чтобы прикурить. Сделав две глубоких, отчаянных затяжки, он торопливо зашагал прочь.

Гурни прикинул, не спуститься ли в подвал за ключом, спрятанным, по словам Кэй, за батареей, но решил сначала осмотреться, а уже потом, если потребуется, идти за ключом. Может, интересующая его квартира и так отперта. Или занята наркоторговцами. Пистолета, так выручившего его в деле о Добром Пастыре, он обычно с собой не носил — и не хотел нарваться безоружным на какого-нибудь накачанного метадоном психа с АК-47.

Он быстро и бесшумно поднялся через два пролета на верхний этаж. На каждом этаже было четыре квартиры: две выходили на фасад здания, две во двор. Из-за одной из дверей третьего этажа разносился гангста-рэп, за другой надрывался младенец. Гурни по очереди постучал в тихие двери, но не получил никако-

го ответа, лишь еле слышный гул сдавленных голосов за одной из них. Когда он постучался в две другие квартиры, рэп стал чуть тише, а младенец продолжил орать, как прежде, но открыть никто не вышел. Гурни подумал, не побарабанить ли со всей силы, но быстро передумал. Мягкий подход, как правило, предоставляет более широкий спектр возможностей. А Гурни любил, когда возможностей много, и старался их не упускать.

Он спустился на второй этаж — освещенный, как и остальные, одной-единственной лампочкой на потолке — и, сориентировавшись по фотографии из материалов дела, которую он удержал в памяти, подошел к двери квартиры, откуда был совершен роковой выстрел. Уже прикладывая ухо к двери, он услышал тихие шаги: но не в квартире, а у себя за спиной.

Гурни быстро обернулся.

На верхней ступеньке лестницы, ведущей на первый этаж, стоял крепкий седой мужчина. Неподвижная, напряженная поза, в руке металлический фонарик — незажженный, вместо оружия. Гурни узнал этот захват — так учат держать оружие в полицейских академиях. Вторая рука покоилась на чем-то, прикрепленном к поясу под тенью темной нейлоновой куртки. Гурни готов был держать пари, что на спине куртки красуется надпись “Охрана”.

Во взгляде маленьких глазок незнакомца читалась почти что ненависть. Однако стоило ему внимательно приглядеться к Гурни и распознать типичное для детектива на задании сочетание дешевого спортивного пиджака, синей рубашки и черных брюк, ненависть растаяла, сменившись чем-то вроде неодобрительного любопытства.

— Ищете кого-нибудь?

Гурни уже слышал похожий голос, для которого злоба и подозрительность стали столь же неотъемлемы, как запах мочи для подъезда, у такого множества полицейских, ожесточившихся за годы службы, что ему казалось, он знаком с этим охранником лично. Не самое приятное ощущение.

— Ищу. Беда только, не знаю имени. А пока мне хотелось бы осмотреть квартиру.

— Что-что? *Осмотреть квартиру?* А может, черт возьми, сперва назоветесь?

— Дэйв Гурни. Полицейский в отставке. Как и вы.

— Откуда вам, черт возьми, знать, кто я такой?

— Не надо быть гением, чтобы узнать ирландского католического копа из Нью-Йорка.

— Это как? — Охранник уставился на него пустым взглядом.

— Когда-то в полиции было полным-полно таких, как мы, — прибавил Гурни. И, как оказалось, попал в самую точку.

— Таких, как мы? Глубокая древность, старина! Глубокая, чтоб тебя, древность!

— Знаю, знаю, — сочувственно покивал Гурни. — Лучшие времена были — куда как лучшие, на мой взгляд. Тебя когда выставили?

— А ты как думаешь?

— Ну скажи.

— Да вот как они там ударились во всю эту политкорректность и расовое разнообразие. Политкорректность! Нет, ну ты слышал? Никаких повышений, если ты не лесбиянка из Нигерии, причем еще навахо по бабушке. А башковитые белые парни пускай катят ко всем

чертям. До чего страну довели! Позорище, твою мать, сплошное позорище. Недоразумение какое-то. Америка. Вот раньше это слово что-то значило. Гордость. Сила. А теперь что?

Гурни печально покачал головой.

— Уж только не то, что прежде.

— А я вот тебе скажу, что. Позитивная, твою мать, дискриминация. Вот что. И все это дерьмо на пособиях. Марихуанщики, амфетаминщики, кокаинщики. А знаешь, почему? Я тебе скажу! Позитивная, твою мать, дискриминация!

Гурни хмыкнул, надеясь, что это сойдет за хмурое согласие.

— Сдается мне, кое-кто в этом здании — часть все той же проблемы.

— Не ошибаешься.

— Адская у тебя тут работенка, мистер... прости, не знаю, как по имени.

— Макграт. Фрэнк Макграт.

Гурни шагнул вперед, протягивая руку.

— Приятно познакомиться, Фрэнк. Ты в каком участке служил?

— “Форт Апачи”. Там еще кино снимали.

— Тот еще райончик.

— Сплошной дурдом. Никто б и не поверил, какой. Но это все фигня по сравнению с чертовым расовым разнообразием. “Форт Апачи” я еще мог перенести. Помнится, в восьмидесятых у нас два месяца кряду было по убийству в день. А один раз — аж пять за день. Дурдом. *Мы* против *них*. Но как началось это разнообразие, никаких *нас* уже не осталось. Отдел превратился в помойку. Понимаешь, о чем я?

— Еще бы, Фрэнк. Прекрасно понимаю.

— Стыдобища.

Гурни осмотрел крошечную лестничную площадку, на которой они стояли.

— А тут тебе что делать полагается?

— Делать? Ничего! Ничегошеньки! Ну не позорище?

Этажом выше отворилась дверь. Музыка загремела втрое громче. Дверь хлопнула, музыка снова стала тише.

— Черт, Фрэнк, как ты это выдерживаешь?

Тот пожал плечами.

— Платят прилично. Расписание под меня скроено. Никакая лесбийская сучка через плечо не заглядывает.

— А на работе заглядывала?

— Ага. Капитан Ковырялка.

Гурни выдавил из себя громкий смех.

— На Йону-то работать получше будет.

— Совсем другое дело. — Охранник чуть помолчал. — Ты говорил, хочешь квартиру осмотреть. А собственно...

У Гурни зазвонил телефон. Охранник оборвал фразу на полуслове.

Гурни посмотрел на экранчик. Полетта Парли. Они обменялись номерами, но он не ждал, что она позвонит так скоро.

— Прости, Фрэнк, надо ответить. Одну минутку. — Он нажал кнопку. — Гурни слушает.

В голосе Полетты звучала тревога.

— Надо было мне сразу вас спросить, но я так разозлилась от всех этих разговоров про Карла, что напрочь выскользнуло из головы. Я хотела узнать, можно ли мне об этом рассказывать?

— О чем рассказывать?

— О вашем расследовании, о том, что вы хотите взглянуть на дело “свежим взглядом”. Это тайна? Могу я обсуждать это с Йоной?

Гурни осознал: что бы он сейчас ни сказал, нужно учитывать, что это услышит не только Полетта, но и Фрэнк. При таком раскладе выбирать слова, конечно, труднее, но зато и возможности новые открываются.

— Скажем так. Осторожность никогда не повредит. А в расследовании убийства может и жизнь спасти.

— Что вы хотите сказать?

— Если это не Кэй, значит, кто-то еще. Возможно даже, кто-то, кого вы знаете. И если вы никому ничего не скажете, то избежите риска сказать не то и не тому.

— Вы меня пугаете.

— К тому и стремлюсь.

Она замялась.

— Хорошо. Я поняла. Никому ни слова. Спасибо.

Она повесила трубку.

Гурни продолжал говорить, как будто Полетта все еще оставалась на связи.

— Именно... но мне еще надо осмотреть квартиру... нет-нет, все в порядке, я возьму ключ у местных копов или в конторе “Спалтер Риэлти”... конечно, конечно... без проблем. — Он засмеялся. — Ну да, точно. — Снова смех. — Знаю, не очень смешно, но какого черта? Иной раз не удержишься.

Он уже давно понял, что ничто не придает имитации разговора такую убедительность, как непонятный окружающим смех. И ничто так не укрепляет человека в желании дать вам что-нибудь, как уверенность, что вы без труда получите это в другом месте.

Гурни изобразил, что заканчивает разговор и, разворачиваясь к лестнице, почти виновато сообщил:

— Надо заскочить в полицейский участок. У них там для меня запасной ключ. Скоро вернусь.

И принялся торопливо спускаться. Уже почти в самом низу он услышал волшебные слова:

— Эй, можешь и не ходить. У меня есть ключ. Так и быть, я тебя впусти. Только скажи, какого черта тут происходит.

Гурни снова поднялся на темную лестничную площадку.

— Впустишь? А уверен? У тебя точно проблем не будет? Не надо спрашивать разрешения?

— У кого, например?

— Ну, у Йоны.

Охранник отцепил от пояса увесистую связку ключей и отпер квартиру.

— А ему что за печаль? Пока все нищebroды Лонг-Фоллса счастливы, его больше ничего и не волнует.

— У него репутация очень щедрого человека.

— Ну да. Очередная, чтоб его, мать Тереза.

— По-твоему, он не лучше Карла?

— Только пойми меня правильно. Карл был перво-статейной сволочью. Его ничего не волновало, кроме денег, бизнеса и политики. Куда ни глянь — сволочь. Но такая сволочь, понятная. Предсказуемая. Ты всегда знал, что ему нужно.

— Предсказуемая сволочь?

— Вот-вот. Но Йона — это совсем другой коленкор. Йону не поймешь. Тот еще фрукт. Вот как тут. Отличный пример. Карл хотел вымести всю эту мразь отсюда и не пускать. Логично, да? А Йона заявляется и гово-

рит — ну нет. Надо дать им приют. Новые такие духовные принципы, чуешь? Почитай всякую мразь. Пусть себе гадят в подъездах.

— А ты, я смотрю, не разделяешь мнения, что из братьев Спалтеров, мол, один ангел, а второй дьявол?

Фрэнк испытующе посмотрел на Гурни.

— То, что ты сейчас говорил по телефону, — это правда?

— Что правда?

— Ну, что, может, это вовсе и не Кэй Карла шлепнула.

— Боже, Фрэнк, я и не осознавал, что говорю так громко. Ты уж теперь не болтай.

— Без проблем, но я вот и спрашиваю — оно и вправду возможно?

— Вправду возможно? Ну да.

— Так что дело отправляется на пересмотр?

— Пересмотр?

— Не упустили ли чего.

Гурни понизил голос.

— Можно сказать и так.

Фрэнк обнажил зубы в расчетливой холодной улыбке.

— Так-так-так. Выходит, может, это и не Кэй стреляла. Уже кое-что.

— Знаешь, Фрэнк, сдается мне, у тебя есть, что мне порассказать.

— Может, и так.

— Буду чрезвычайно признателен за любые твои соображения по этому поводу.

Фрэнк вытащил из кармана куртки пачку сигарет, раскурил одну и сделал длинную, задумчивую затяжку. В улыбке его появилось что-то мелочное, недоброе.

— А не приходило вам в голову, что мистер Само Совершенство, возможно, чуточку чересчур совершенен?

— Йона?

— Он самый. Мистер Щедрость. Мистер Добренький-со-всякой-швалью. Мистер Церковь Киберпространства, чтоб его!

— Похоже, ты видал его с другой стороны.

— Может, с той самой, с какой его и мать видела.

— Его мать? Ты знал Мэри Спалтер?

— Она иногда заглядывала в офис, пока там Карл всем заправлял.

— И она была в неладах с Йоной?

— Ага. Никогда его не любила. Что, ты не знал?

— Нет, но не прочь услышать об этом.

— Да все просто. Она знала, что Карл сволочь, — и ее это не смущало. Она понимала крепких мужиков. А вот Йона для нее был слишком сладенький. Не думаю, что старушка доверяла всей этой приторности. Знаешь, что я думаю? Я думаю, она считала, внутри у него одно дерьмо.

Глава 16

Точно нож

Фрэнк отпер квартиру и договорился с Гурни, что тот никуда не уйдет, пока он не вернется спустя час. Злопамятный Фрэнк продолжил обход — по его словам, речь шла о всех владениях “Спалтер Риэлти” в Лонг-Фоллсе.

Квартирка оказалась небольшой, но по сравнению с унылым подъездом даже симпатичной. Наружная дверь открывалась в тесный коридор с попорченным водой деревянным полом. Справа была маленькая, без окон, кухня, слева — пустая кладовка и ванная комната. Прямо впереди находилась комната средних размеров с двумя окнами.

Гурни открыл оба окна, чтобы впустить свежего воздуха, и посмотрел за Экстон-авеню и узкую речку вдоль дороги, поверх низкой кирпичной ограды “Ивового покоя” — туда, где на пологом склоне, укрытое деревьями, рододендронами и розами, виднелось то самое место, где был застрелен, а потом похоронен Карл Спалтер. С трех сторон окутанное листвой, оно напоминало сцену. Даже порталная арка имелась — иллю-

зия, сотворенная горизонтальной частью фонарного столба, стоявшего возле дороги со стороны реки. С того места, где находился сейчас Гурни, казалось, будто фонарь нависает над самой сценой.

Такое сходство со сценой подчеркивало театральность всей этой истории в целом. В том, что жизнь человека оборвалась над могилой матери, что он, смертельно раненный, рухнул на ту самую землю, в которую ему было суждено скоро лечь, мерещилось нечто от оперы. И от мыльной оперы — в сопутствующих мотивах алчности и прелюбодеяния.

Гурни застыл, заворуженно разглядывая открывшуюся ему сцену, испытывая ту диковинную дрожь возбуждения, что всегда охватывала его, когда он стоял там, где, по его представлениям, стоял убийца, и видел то, что видел убийца. Правда, в тот злополучный день земля была припорошена снегом и, судя по фотографиям из материалов дела, по другую сторону разверстой могилы Мэри Спалтер стояли в два ряда шестнадцать складных стульев для скорбящих. Желая убедиться в том, что он правильно представил сцену действия, Гурни требовалось разобраться, где именно стояли эти стулья. И переносная трибунка для речей. И где был Карл. Полетта с максимальной точностью описала положение тела Карла, когда он рухнул на землю, но Гурни надо было представить картину целиком, в том виде, какой она была в момент выстрела.

Решив принести из машины фотографии с места убийства, он уже направился к выходу, как вдруг телефон зазвонил снова.

И снова это была Полетта, еще взволнованнее прежнего.

— Послушайте, детектив Гурни, может, я вас неправильно поняла, но меня это и в самом деле очень беспокоит. Я должна вас спросить... вы и впрямь предполагаете, что Йона как-то... ну, то есть, вы сказали правду?

— Я говорил, что, возможно, дело вовсе не так уж окончательно закрыто, как всем кажется. Что, возможно, Карла застрелила не Кэй. Но если это не она...

— Но как вы можете хотя бы предположить, будто Йона...? Кто-кто, а он...

— Постойте. Пока я только и знаю, что знаю слишком мало. И хочу, чтобы вы были осторожнее. Ради вашей же безопасности. Вот и все, что я сказал.

— Хорошо. Понимаю. Простите. — Дыхание у нее чуточку выровнялось. — Я могу вам чем-то помочь?

— Собственно говоря, да. Я сейчас за рекой, в квартире, откуда стреляли. Хочу точно представить, что видел стрелок из окна. Вы мне очень помогли бы, если бы вернулись на то место, где мы сегодня стояли, когда вы показали мне, куда именно упал Карл головой.

— И была еще капля крови на снегу.

— Да. И капля крови на снегу. Вы не могли бы прямо сейчас туда подойти?

— Думаю, да. Конечно.

— Чудесно, Полетта. Спасибо. Прихватите с собой тот ярко-синий зонтик. Из него выйдет хороший сигнальный знак. И телефон не забудьте: позвоните мне, как туда доберетесь. Хорошо?

— Хорошо.

Воодушевленный этим первым шагом вперед, Гурни поспешил к машине за материалами дела и через несколько минут вернулся с бумажным пакетом под

мышкой — как раз вовремя, чтобы увидеть, как кто-то заходит в соседнюю квартиру.

Подскочив к двери, Гурни вставил ногу в проем, пока дверь не успела закрыться.

На него уставился низкий жилистый мужчина с забранными в хвост длинными черными волосами. Через пару секунд он заулыбался, как ненормальный, демонстрируя несколько золотых зубов, точно мексиканский бандит в политически некорректном боевике. Гурни подумалось, что пристальная напряженность его взгляда может объясняться наркотиками, естественным стрессом или психическим расстройством.

— Чем могу служить? — Голос звучал хрипло, но без враждебности.

— Простите, что вот так вваливаюсь. Это не имеет никакого отношения к вам лично. Мне просто нужна кое-какая информация об этой квартире.

Мужчина посмотрел на ногу Гурни, все еще придерживающую дверь.

Гурни улыбнулся и отступил на шаг.

— Еще раз прошу прощения. Я вообще-то спешу и никак не могу найти хоть кого-нибудь, кто ответил бы на мои вопросы.

— Какие еще вопросы?

— Самые простые. Например, кто живет в этом доме дольше всех.

— Зачем вам знать это?

— Ищу кого-нибудь, кто был здесь восемь-девять месяцев назад.

— Восемь-девять месяцев? Гммм. — Мужчина впервые за все это время мигнул. — То есть, во время Большого Взрыва, да?

— Если вы имеете в виду стрельбу, то да.

Собеседник Гурни погладил подбородок, словно у него там росла борода.

— Фредди ищете?

Сперва это имя ничего не сказало Гурни, но потом он вспомнил, что где-то в материалах дела ему попадался некто Фредерико.

— Вы имеете в виду того Фредди, который сказал, что видел в этом здании Кэй Спалтер утром в день стрельбы?

— Единственный Фредди, который только показывал здесь свою задницу.

— А с какой стати мне его искать?

— С такой, что он пропал. Зачем бы еще?

— Когда пропал?

— А вы что, не знаете? Шутите, что ли? Эй, приятель, да ты кто такой?

— Просто тип, который хочет взглянуть на все свежим взглядом.

— Не слишком ли большая задача для просто типа?

— Большая заноза в заднице.

— Смешно.

Он не улынулся.

— Так когда Фредди пропал?

— После того, как ему позвонили. — Незнакомец наклонил голову набок и посмотрел на Гурни искоса. — Приятель, я думал, ты уже знаешь все это дерьмо.

— Расскажи про звонок.

— Да не знаю я ничего про звонок. Просто Фредди позвонили. Похоже, кто-то из ваших.

— Из копов?

— Ну да.

— И когда это было?

— Сразу как дамочку упекли.

У Гурни зазвонил телефон. Он не стал отвечать.

— А Фредди не говорил, что это был коп по фамилии Клемпер?

— Возможно.

Телефон у Гурни все звонил. На экране высветилось имя Полетты Парли. Гурни спрятал телефон обратно в карман.

— Ты живешь в этой квартире?

— В основном.

— Будешь здесь попозже?

— Может быть.

— Нам удастся поговорить?

— Может быть.

— Меня зовут Дэйв Гурни. А тебя?

— Боло.

— Как галстук?

— Нет, чувак, не как галстук. — Он ухмыльнулся, снова демонстрируя золотые зубы. — Как нож.

Глава 17

Немыслимый выстрел

Гурни стоял у окна с телефоном в руке, глядя через улицу и реку на место смерти и последнего упокоения Спалтера. Полетта стояла примерно в центре участка, с зонтиком в одной руке и телефоном в другой.

Он отошел на несколько шагов от окна в глубину комнаты, на то место, где, согласно фотографиям, был обнаружен треножник с винтовкой. Опустился на колени, чтобы смотреть в окно примерно с уровня прицела винтовки, и сказал в телефон:

— Отлично, Полетта. Раскройте зонтик и положите туда, где, по вашим воспоминаниям, лежало тело Карла.

Глядя, как она выполняет его распоряжения, он пожалел, что не захватил бинокль. Потом он посмотрел на полицейскую схему места преступления, которую расстелил на полу перед собой. Там было указано два положения Карла: где он стоял, когда в него попала пуля, и где он упал на землю. Оба места находились между могилой его матери и двумя рядами складных стульев. На каждом из шестнадцати стульев на схеме стоял но-

мер: предположительно, привязывающий схему к списку присутствовавших лиц.

— Полетта, вы случайно не помните, кто где сидел?

— Конечно, помню. Я до сих пор все вижу так, точно это случилось сегодня утром. До малейшей подробности. Как вот ту струйку крови у него на виске. Каплю крови на снегу. Господи, хоть когда-нибудь это забудется?

У Гурни тоже имелись похожие воспоминания. У каждого полицейского их хватает.

— Может, не до конца. Но накатывать будет реже. — Он не стал упоминать, что иные воспоминания поблекли у него в памяти потому, что их вытеснили другие, еще ужаснее. — Но расскажите мне, кто где сидел, особенно в первом ряду.

— Карл, перед тем как подняться, сидел с самого края. То есть справа в ряду, если смотреть от вас. Рядом с ним его дочь, Алисса. Следующий стул пустовал. Дальше три кузины Мэри Спалтер из Саратоги, всем за семьдесят. Настоящие тройняшки, и до сих пор одеваются одинаково. Очень мило — или жутковато, это уж как посмотреть. Потом опять пустой стул. И на восьмом — Йона, как можно дальше от Карла. Оно и неудивительно.

— А второй ряд?

— Второй ряд занимали восемь дам из дома престарелых, где жила Мэри Спалтер. По-моему, они все состояли в какой-то организации. Как же она там называлась? Как-то странно. Старшее что-то... “Старшие силы”, вот!

— “Старшие силы”? Что же это за организация?

— Точно не знаю. Я перебралась с одной из них парой слов. Что-то такое... секундочку. Да. У них был девиз или лозунг. Насколько припоминаю: “*Творить*

добро никогда не поздно". Или что-то в том же роде. У меня сложилось впечатление, будто бы они все участвуют в какой-то благотворительности. Мэри Спалтер тоже там состояла.

Гурни сделал себе мысленную пометку посмотреть про "Старшие силы" в интернете.

— А вы не знаете, может, кто-то рассчитывал, что Кэй будет на похоронах? Или удивлялся, что она не пришла?

— Не слышала, чтобы кто-нибудь спрашивал. Большинство знакомых Спалтеров знали, что у них проблемы — что у Кэй с Карлом разлад.

— Хорошо. Итак, Карл с одного конца ряда, а Йона — с другого?

— Да.

— Сколько времени прошло от того момента, когда Карл поднялся с места, до выстрела?

— Не знаю. Секунды четыре? Пять? Я помню, как он встает... поворачивается, чтобы пройти к трибуне... делает шаг, второй... тут-то оно и случилось. Как я уже говорила, все думали, он просто споткнулся. Но ведь именно так и думаешь сперва, да? Если не слышно выстрела. А никто не слышал.

— Из-за хлопнушек?

— Ох, господи, да, еще хлопнушки эти. Какой-то идиот все утро ими трещал. Так отвлекало.

— Хорошо. Итак, вы помните, как Карл сделал пару шагов. Можете пройти на то место, где, по вашим воспоминаниям, он находился в тот момент, когда начал падать?

— Да, легко. Он проходил ровно перед Алиссой.

Гурни видел, как Полетта отошла на восемь-десять футов вправо от зонтика на земле.

— Вот тут.

Он прищурился, чтобы отчетливо различить, где она стоит.

— Уверены?

— В том, что это то самое место? Абсолютно!

— Вы так доверяете своей памяти?

— Да, но дело не только в памяти. Просто мы всегда расставляем стулья именно так: под одинаковым углом относительно могилы, чтобы каждый сидел к ней лицом и ему не приходилось разворачиваться. Рядов добавляем, сколько потребуется, но ориентация стульев относительно могилы всегда одинаковая.

Гурни ничего не сказал, стараясь уложить в голове все увиденное и услышанное. И тут у него снова возник вопрос, что маячил где-то на задворках сознания с того момента, как он впервые прочел отчет о происшествии.

— Я вот что еще подумал. Семья Спалтеров занимает высокое положение. Сдается мне, у них очень много всевозможных знакомств. Так...

— Почему такие скромные похороны? Вы об этом задумались?

— Четырнадцать человек, если я правильно сосчитал — не так уж много в подобных обстоятельствах.

— Выбор покойной. Мне говорили, Мэри Спалтер добавила к завещанию приписку с перечнем тех, кого хочет пригласить на проводы.

— В смысле, на погребение?

— Да. Три кузины, двое сыновей, внучка и восемь дам из “Старших сил”. Мне кажется, семья — а по сути, Карл — планировала провести впоследствии куда более пышную церемонию в память усопшей, но... —

Голос ее оборвался. Через несколько секунд тишины Полетта спросила. — Еще что-нибудь?

— Один последний вопрос. Какого Карл был роста?

— Какого роста? Шесть футов и один дюйм, может, шесть и два. Иной раз выглядел прямо устрашающе. А почему вы спрашиваете?

— Просто стараюсь как можно точнее представить себе всю сцену.

— Хорошо. Значит, на этом все?

— Думаю, да... хотя... если можно, постоит еще минутку там, где стоите. Хочу кое-что проверить. — Стараясь не отводить взгляда от Полетты, Гурни поднялся на ноги и медленно отодвинулся сперва влево — настолько, чтобы все еще видеть Полетту через одно из окон, а потом точно так же — вправо. Затем подошел к окнам и по очереди залез на оба подоконника, проверяя, что видно с них.

Спрыгнув наконец на пол, он поблагодарил Полетту за помощь, пообещал скоро связаться с ней снова, разъединился и сунул телефон в карман. А потом застыл посреди комнаты, силясь придумать хоть какое-то рациональное объяснение факту, который не подчинялся никаким объяснениям.

Проблема заключалась в фонаре по другую сторону Экстон-авеню. Горизонтальная поперечина загораживала все место действия. Если Карл Спалтер был ростом около шести футов и стоял примерно там, где показала Полетта, роковой выстрел в голову никоим образом не могли сделать из этой квартиры.

Из квартиры, где было найдено оружие убийства.

Из квартиры, где команда по сбору вещественных доказательств обнаружила следы пороховой копоти, со-

ответствующие заряду “Свифта” двадцать второго калибра, — что совпадало с выводами, сделанными после обследования винтовки, и с результатами анализа фрагментов пули, извлеченной из мозга Карла Спалтера.

Из квартиры, где свидетель якобы видел в утро убийства Кэй Спалтер.

Квартиры, где стоял сейчас озадаченный Гурни.

Глава 18

Вопрос пола

Ошеломление лишает иных людей способности рассуждать здраво. Но на Гурни оно оказало ровно противоположный эффект. Очевидное противоречие — выстрел не могли сделать из того окна, из которого он явно был сделан, — подействовало на детектива, точно амфетамин.

Ему захотелось немедленно проверить кое-что по материалам дела. Вместо того чтобы оставаться в пустой квартире, он взял коричневый конверт и спустился обратно к машине, открыл, усевшись на переднем сиденье, и принялся пролистывать первый отчет о происшествии. Отчет был разбит на два раздела — в соответствии с двумя разными местами сцены преступления: местонахождение жертвы и местонахождение стрелка. К каждому разделу прилагались фотографии, описания, интервью и отчеты по сбору вещественных доказательств.

Первым, что поразило Гурни, было одно весьма примечательное упущение. Ни в первом отчете, ни в одном из последующих не нашлось упоминания

о том, что поперечная ось фонаря загораживает обзор. Правда, в деле фигурировала фотография могильного участка Спалтеров, сделанная с помощью телефона из окна квартиры, но без масштабированной шкалы отсчета относительно положения Карла на момент выстрела загвоздка в виде фонаря была не очевидна.

Вскоре Гурни нашел и второе упущение, не менее примечательное. Нигде ни одного упоминания о видеозаписях с камер наблюдения охраны. Уж верно кто-то проверил их наличие на кладбище и вокруг, равно как и на Экстон-авеню. Даже не верилось, что можно забыть столь рутинную процедуру, — и в особенности не верилось, что ее провели, ни словом не упомянув в материалах дела о результатах.

Он сунул папку с бумагами под сиденье, вылез из машины и запер ее. Осмотревшись вокруг, он обнаружил на улице только три заведения, которые, по всей видимости, еще не прогорели. Бывшее “Радио Шэк”, нынче, похоже, обходящееся совсем без вывески; “Ривер Кингс Пицца” и нечто под названием “Диззи-Дэз”, где торговали неизвестно чем, поскольку вся витрина была забита надутыми воздушными шариками.

Ближе всего располагался безымянный магазин электротехники. Подойдя туда, Гурни увидел на стеклянной двери два написанных от руки объявления: “Обновленные планшеты от 199 долларов” и “Вернусь в два часа”. Гурни бросил взгляд на часы. 2:09. Он толкнул дверь. Заперто. Он зашагал к “Ривер Кингс”, решив заодно уж купить колу и пару кусочков пиццы, как около тротуара притормозил безукоризненно чистенький желтый “Корвет”. Выскочившая из него парочка, однако, оказалась не такой безукоризненной. Мужчина

под пятьдесят, плотно сбитый, на руках волос гораздо больше, чем на голове. Женщина чуть моложе, с перьями голубых и синих волос, широкое славянское лицо и огромная грудь, выпирающая под пуговицами наполовину расстегнутой розовой кофточки. Пока она барахталась, выбираясь с низкого сиденья, мужчина подошел к двери магазина, отпер ее и повернулся к Гурни.

— Вам что-то нужно? — Фраза прозвучала не столько вопросительно, сколь вызывающе.

— Да. Но дело у меня непростое.

Мужчина пожал плечами и показал на свою спутницу, которая наконец выкарабкалась из машины.

— Поговорите с Софьей. У меня дела.

Софья прошла мимо Гурни в магазин.

— У него всегда дела. — Голос выдавал ее славянское происхождение, как и скулы. — Чем могу помочь?

— Вы давно держите этот магазин?

— Давно ли? Он у него годы, годы и годы. Что вам надо?

— У вас есть камеры наблюдения?

— Камеры наблюдения?

— Камеры, которые снимают людей в магазине, на улице — на входе, на выходе, может, карманников.

— Карманников?

— Ну, тех, кто у вас ворует.

— У меня?

— Из магазина.

— Из магазина. Да. Сволочные ублюдки так и норовят что-нибудь украсть.

— Так у вас есть видеокамеры наблюдения? Чтобы следить?

— Следить. Да.

— Вы были тут девять месяцев назад, во время знаменитого убийства Карла Спалтера?

— Точняк. Знаменитое. Прямо здесь. Сволочная жена застрелила его. — Софья широким взмахом руки указала в сторону “Ивового покоя”. — На похоронах матери. Родной матери. Ну вы представляете?

Она покачала головой, словно давая понять, что тому, кто совершит грех на похоронах, в аду причитается двойная расплата.

— Как долго вы храните пленки или цифровые записи с камер?

— Как долго?

— Сколько времени? Сколько недель или месяцев? Вы сохраняете все, что записали, или периодически стираете?

— Обычно стираем. Но не гадскую жену.

— У вас остались копии видео с камер наблюдения за день, когда застрелили Спалтера?

— Коп все забрал, ничего не оставил. А заработали бы кучу денег. Здоровенный сволочной коп.

— Полицейский забрал видеозаписи?

— Точняк.

Софья стояла возле прилавка с мобильниками, разложенными позади нее широким полукругом. Приоткрытая дверь вела в захламленный кабинет. Слышно было, как хозяин магазина разговаривает по телефону.

— И он не вернул записи?

— Нет. А на видео чувак получил пулю в мозг. Знаете, сколько денег отвалило бы телевидение за такие кадры?

— Ваша камера записала, как в человека там за рекой попадает пуля?

— Точняк. Камера, что спереди, она все сечет. Высокое разрешение. Даже задний план. Отличное качество. Все автоматическое. Стоила кучу денег.

— А полицейский, который забрал...

Дверь за спиной у Софьи отворилась шире, волосатый владелец магазина вышел из кабинета. Избродившие его лицо морщины вечного недовольства и подозрительности стали сейчас еще глубже.

— Никто ничего не забирал, — заявил он. — Вы кто такой?

Гурни смерил его пристальным взглядом.

— Следователь по особо важным делам, проверяющий работу полиции по делу Спалтеров. Вы имели непосредственные контакты с детективом по имени Майкл Клемпер?

Лицо владельца магазина осталось бесстрастным. Слишком уж бесстрастным, слишком надолго. Потом он медленно покачал головой.

— Не припомню такого.

— Это Майкл Клемпер был тем самым “здоровенным сволочным копом”, который, по словам этой дамы, забрал видеозаписи с ваших камер и не вернул их?

Волосатый посмотрел на Софью с наигранным изумлением.

— Ты вообще о чем?

Она в ответ столь же наигранно пожала плечами.

— Так копы ничего не брали? — Она невинно улыбнулась Гурни. — Выходит, не брали. Снова ошиблась. Вечная история. Может, перепила. Гарри знает, помнит лучше меня. Верно, Гарри?

Волосатый Гарри ухмыльнулся Гурни. Глаза его сверкали, как черные стеклянные шарики.

— Видите, все, как я и говорил. Никто ничего не брал. А теперь проваливайте. Если не хотите купить телевизор. Широкий экран, подключение к интернету. Выгодная цена.

Гурни усмехнулся ему в ответ.

— Я подумаю. А выгодная цена — это сколько?

Гарри развел руками.

— Зависит. Спрос и предложение. Жизнь, чтоб ее, сплошной аукцион, ежели вы понимаете, к чему это я. Но для вас по-любому хорошие цены. Для полицейских они всегда хорошие.

Магазин с воздушными шариками, расположенный чуть дальше по улице, не помог Гурни продвинуться в расследовании. Косые лучи солнца подсвечивали витрину так, что казалось, она полна ярких огней. А зона покрытия одной-единственной камеры наблюдения в “Ривер Кингс” ограничивалась пятачком в десять футов вокруг кассы. Так что, если только убийца не проголодался и не зашел перекусить пиццей, там ловить было нечего.

Однако после визита Гурни в магазин электротоваров его мозг заработал на полную мощность, даже с перегрузкой. Самая правдоподобная гипотеза — что Клемпер обнаружил в записях с камеры какое-то несоответствие желаемой картине событий и решил замять его. Если так, у него была масса способов заставить Гарри держать рот на замке. Может, знал, что магазин служит прикрытием для каких-то иных делишек. Или просто знал о Гарри что-то такое, чего Гарри предавать огласке никак не хотелось бы.

Однако Гурни напомнил себе, что даже самая правдоподобная гипотеза — всего лишь гипотеза. Пора переходить к следующему вопросу. Если пуля не могла прилететь из этой квартиры — откуда тогда? Он посмотрел через реку на синий зонтик Полетты, все еще раскрытый на том месте, куда рухнул Карл.

Изучив фасады домов вдоль улицы, Гурни убедился, что пуля могла прилететь буквально из любого из сорока или пятидесяти окон, выходящих на “Ивовый покой”. Что, учитывая скудость собранных Гурни сведений, представляло собой ту еще задачу для расследования. Однако — что толку? Если следы пороха, соответствующего “Свифту” двадцать второго калибра, были обнаружены в первой квартире, значит, из винтовки двадцать второго калибра стреляли именно оттуда. Стоит ли предположить, что в Карла Спалтера стреляли из другой квартиры, потом принесли оружие в ту, с которой сняты подозрения, выстрелили снова и оставили там на треноге? Если так, эта вторая квартира должна быть где-то совсем рядом.

Ближе всего, разумеется, соседняя. Квартира, где обитает человек, назвавшийся Боло. Гурни вошел в подъезд, шагая через две ступеньки, поднялся к двери Боло и тихонько постучал.

Раздался шелест быстрых шагов, потом какой-то скользящий звук — может, это открыли и закрыли ящик комода, — стук двери, и снова торопливые шаги прямо к двери, за которой стоял Гурни. Он инстинктивно отступил в сторону — стандартный маневр, если есть причина ожидать недружелюбный прием, — и впервые с приезда в Лонг-Фоллс засомневался, так ли мудро было появляться здесь безоружным.

Он снова постучал, очень тактично.

— Эй, Боло, это я.

Раздался резкий лязг двух задвижек, и дверь открылась дюйма на три — ровно настолько, насколько позволяли две цепочки.

В щели появилось лицо Боло.

— Бог ты мой. Снова ты. Парень, которому надо осмотреть все. Все — это одно большое дерьмо, чувак. Теперь-то что?

— Долгая история. Можно посмотреть в твоё окно?

— Смешно.

— Так можно?

— Правда? Не брешешь? Хочешь посмотреть в моё окно?

— Это важно.

— Много я паршивых отговорок слышал, чувак, но эта тебе удалась. — Он закрыл дверь, отсоединил цепочки и снова открыл, уже шире. На нем была желтая баскетбольная майка до колен, а под ней, возможно, ничего более. — “Можно посмотреть в твоё окно?” Надо запомнить.

Он отступил на шаг, пропуская Гурни внутрь.

Квартира казалась точной копией соседней. Гурни глянул на кухню, потом на другую сторону маленькой прихожей, где находилась ванная. Дверь была закрыта.

— У тебя гости?

Золотые зубы сверкнули снова.

— Гостя. И не хочет, чтобы ее видели. — Он показал на окна на дальней стороне комнаты. — Хотел посмотреть? Ну так смотри.

Гурни было неуютно из-за этой закрытой двери

в ванную. Не хотелось поворачиваться спиной к такому рода опасности.

— Может, попозже.

Он шагнул обратно к двери и встал, чуть развернувшись, чтобы отслеживать любые движения в квартире или на лестничной клетке.

Боло одобрительно подмигнул.

— Точняк. Осторожность прежде всего. Никаких темных закоулков. Ловко!

— Расскажи мне про Фредди.

— Да говорил уже. Пропал он. Дело известное, свяжись с тем, кто любит всех поиметь, самого ж тебя и отымеют.

— На суде над Кэй Спалтер Фредди свидетельствовал, что в день, когда застрелили ее мужа, она была в соседней квартире. Ты ведь знал, что он это говорил, да?

— Все знали.

— Но сам ты Кэй не видел?

— Может, и видел — кого-то на нее похожего.

— Что это значит?

— То, что я уже говорил тому, другому копу.

— Я хочу сам от тебя услышать.

— Я видел маленькую... маленькую *особу*, вот навряд-де бабы. Мелкая, тонкая. Как в балете. Для этого особое слово есть. Миниатюрная, вот. Крутое словцо. Что, удивлен, что я его знаю?

— Ты сказал — “навряд-де бабы”. Но ты не уверен, что это и в самом деле женщина?

— В первый раз мне показалось, баба. Хотя трудно сказать. Солнечные очки. Широкая повязка на голове. Большой шарф.

— В первый раз? Сколько ж раз...

— Два. Я ж говорил тому копу.

— Она была здесь дважды? А первый раз когда?

— В воскресенье. Воскресенье перед похоронами.

— Не путаешь день?

— Да вроде как по всему выходит — воскресенье. Мой единственный выходной. На долбанной автомойке. Ну вот, собрался я в “Квик-бай” за сигаретами, иду вниз по лестнице. А эта миниатюрная особа чешет вверх, прямо мимо меня, верно? Внизу я вспоминаю, что деньги-то и забыл. Иду наверх за ними. Теперь она тут стоит, у двери, снаружи, вот позади того места, где ты сейчас стоишь... Ну, я прохожу напрямик к себе за деньгами.

— А ты не спросил, что она тут делает или кого ищет? Боло коротко рассмеялся.

— Черт. Нет, чувак. Здесь лучше никого попусту не беспокоить. У всех свои дела. Вопросов никто не любит.

— Она вошла в ту квартиру? Но как? С ключом?

— Ну да. Ключ. Само собой.

— Откуда ты знаешь, что у нее был ключ?

— Слышал. Стены-то тонюсенькие. Дешевка. Ключ в замке всегда узнаешь. Эй, что мне вспомнилось! Наверняка — воскресенье. Дин-дон. Церковь у реки, по воскресеньям бьют в полдень. Дин-дон, дин-дон. Двенадцать дин-донов.

— И ты снова видел ту маленькую фигурку?

— Ага. Только не в тот день. До дня стрельбы больше не видел.

— А видел-то что?

— На этот раз в пятницу. Утро. Девять часов. Перед тем как мне тащиться на треклятую автомойку. Выхожу я, возвращаюсь с пиццей.

— В девять утра?

— А что? Нормальный завтрак. Иду я наверх, вдруг вижу, эта мелкая особа входит в дом. Та же самая. Миниатюрная. Быстро так чешет, а под мышкой не то коробка, не то еще что, в яркой обертке. Когда я вхожу, она уже наверху, и точно, теперь уверен, это завернутая коробка, как на Рождество. Длинная такая коробка — три-четыре фута в длину. И обертка рождественская. Когда я наверху, маленькая особа уже в квартире, но дверь еще открыта.

— И?

— Маленькая особа в ванной, думаю я. Вот почему такая спешка и дверь нараспашку.

— И?

— И так оно и есть, маленькая персона в ванной, отлить приспичило. Вот тогда-то до меня и доходит.

— Что?

— Да звук же.

— Ты о чем?

— Я ошибся.

— В чем ошибся?

— Мужики и бабы, звук-то от струи разный, когда они в сортире. Сам знаешь.

— И то, что ты слышал...

— Мужик, точно говорю. Может, мелкий. Но мужик.

Глава 19

Преступление и наказание

Вытребовав у Боло его полное имя (Эставио Болокко), а также номер телефона и по возможности подробное описание этого миниатюрного существа неопределенного пола, Гурни вернулся в машину и провел еще с полчаса, роясь в материалах дела в поисках хоть какого-то упоминания о беседе с Эставио Болокко, о появлении возможного подозреваемого в квартире в воскресенье перед убийством — или о том, чтобы хоть раз поднимался вопрос, какого этот самый убийца пола.

Все три направления поиска привели к нулевому результату.

Веки у Гурни начали тяжелеть, недавний всплеск энергии иссяк. День в Лонг-Фоллсе выдался длинным, пришла пора направляться в Уолнат-Кроссинг. Он уже собирался отъехать от тротуара, как прямо перед ним припарковался черный “Форд Эксплорер”. Коренастый Фрэнк Макграт вылез оттуда и подошел к окошку Гурни.

— Закончил?

— Во всяком случае, на сегодня. Хочу добраться до дома, пока не рухнул. Кстати, не припоминаешь, во время стрельбы тут жил один такой тип, Фредди?

— Не жил, а самовольно вселился.

— Ну да, наверное.

— Фре-де-ри-ко, — передразнил Макграт испанский акцент. Голос его сочился презрением. — И что с ним?

— Ты знал, что он исчез?

— Может, и знал. Давно уже.

— Слыхал что-нибудь на этот счет?

— Например?

— Например, почему он исчез?

— А мне-то что за беда? Такие приходят и уходят. Мне же лучше — одним мешком дерьма меньше. Вот бы все поиссезали! Устроишь так — я твой должник.

Гурни вырвал из блокнота листок, написал номер своего мобильного и протянул Макграту.

— Услышишь чего про Фредди, хоть просто слухи, где он может быть, звони. А пока, Фрэнк, не нервничай. Жизнь коротка.

— Спасибо Христу хоть за это!

Большую часть дороги домой Гурни пребывал в ощущении, будто открыл коробку с головоломкой и обнаружил, что недостает нескольких больших кусков. Он был уверен лишь в том, что из фигурирующей в деле квартиры решительно невозможно было выстрелить так, чтобы попасть Карлу Спалтеру в висок, не пробив перед тем толстую металлическую перекладину фонаря. О чем, разумеется, и речи быть не могло. Без сомнения, недостающие куски головоломки в конце концов помогли бы разрешить это кажущееся про-

тиворечие. Знать бы только, какие куски он ищет — и сколько.

Двухчасовой путь обратно в Уолнат-Кроссинг пролегал главным образом по небольшим дорогам — все больше сквозь лоскутный пейзаж лесов и полей. Гурни такие виды нравились, а Мадлен их и вовсе обожала. Но сейчас ему было не до красот.

Он с головой погрузился в мир убийства.

С головой — пока уже в конце гравийной городской дороги, за прудом, не свернул на свою подъездную аллею через луг и не увидел с содроганием четыре чужие машины: три “Приуса” и один “Рэнджровер” — на травянистой лужайке возле дома.

О боже! Распроклятый ужин для клуба йоги!

Гурни покосился на часы. 6:49 — опоздал на сорок девять минут. Он покачал головой, досадуя на свою забывчивость.

Войдя в просторную комнату на первом этаже, служившую кухней, столовой и гостиной одновременно, он услышал гул оживленного разговора за обеденным столом. Все шестеро гостей были знакомы Гурни — их представляли ему на местных концертах и выставках, — но имен он не помнил. (Мадлен, правда, как-то заметила, что имен преступников он никогда не забывает.)

Когда он вошел, все на миг оторвались от еды и разговоров. Почти все улыбались и глядели на него с дружелюбным любопытством.

— Простите за опоздание. Неожиданные затруднения.

Мадлен улыбнулась, словно извиняясь.

— У Дэйва затруднения встречаются чаще, чем обычные люди останавливаются машину заправить.

— Собственно говоря, он как раз вовремя! — Гурни узнал в говорившей — шумливой крупной женщине — одну из коллег-консультантов Мадлен по кризисному центру. Про ее имя он помнил только одно: какое-то чудное. Тем временем гостя продолжала с энтузиазмом: — Мы как раз говорили о преступлении и наказании. И тут входит человек, вся жизнь которого вращается как раз вокруг этого. Ну разве может быть своевременней? — Она указала на свободное место за столом с видом хозяйки дома, приветствующей почетного гостя. — Присоединяйтесь! Мадлен сказала, вы умчались на очередное приключение, а вот на подробности поспустилась. Оно как-то связано с преступлением и (или) наказанием?

Один из гостей-мужчин подвинул стул на несколько дюймов, чтобы Гурни было удобней пройти к столу.

— Спасибо, Скотт.

— Скип.

— Скип. Точно. Почему-то всякий раз, как вас вижу, в голове так и выскакивает — Скотт. Я много лет работал с одним Скоттом, ужасно похожим на вас.

Гурни считал эту маленькую ложь данью светской учтивости. Уж точно предпочтительнее правды, заключавшейся в том, что его ничуть не интересовал ни сам этот человек, ни уж тем более, как его зовут. Вот только с извинением, которое Гурни брякнул, не подумав, вышло неудачно: тщедушному и чахламу Скипу было лет семьдесят пять, а на голове у него красовалась копна взлохмаченных, как у Эйнштейна, буйных седых кудрей. Каким образом этот чудовищный персонаж фильма “Три балбеса” мог напоминать детектива из отдела убийств, само по себе было довольно интересным вопросом.

Но никто не успел задать этот вопрос: шумливая дама бульдозером двинулась дальше.

— Пока Дэйв наполняет тарелку, может, посвятим его в предмет нашей беседы?

Оглядевшись, Гурни пришел к выводу, что, будь это предложение вынесено на голосование, оно непременно провалилось бы, однако... Ага! Он вдруг вспомнил, как ее зовут. Филимина, сокращенно Мина. Так вот, Мина была не из тех, кто руководствуется мнением большинства.

— Слип сказал, — продолжала она все так же энергично, — что единственный смысл тюремного заключения — это наказание, поскольку исправление... как там вы выразились, Слип?

Он болезненно поморщился, словно призыв Мины вызвал в нем самые мучительные и неловкие воспоминания школьных лет.

— Да я уж не помню.

— Ага! А я вспомнила! Вы сказали, единственный смысл тюрьмы — это наказание, потому что возможность исправления — не больше, чем фантазии либералов. А Марго тогда сказала, что должным образом подобранное наказание неотделимо от исправления. Но Мадлен, кажется, не очень-то согласилась. А Брюс тогда сказал...

— Я не говорила “наказание”, — перебила ее седовласая дама, весьма суровая на вид. — Я сказала “явственно выраженные негативные последствия”. Совсем другие оттенки смысла.

— Ну ладно, значит, Марго выступает за явные негативные последствия. А Брюс сказал... О боже ты мой, Брюс, что вы сказали?

Сидевший во главе стола черноусый мужчина в твидовом пиджаке снисходительно усмехнулся.

— Ничего умного. Так, небольшое наблюдение: наша тюремная система — бездарная трата денег налогоплательщиков. Нелепый проходной двор, который порождает больше преступлений, чем предотвращает.

Он изъяснялся, как типичный очень вежливый, но очень сердитый гражданин, считающий, что лучшая альтернатива тюремному заключению — это смертная казнь. Трудно было представить его в разгар йоговской медитации: глубокое дыхание, единство со всем творением.

Гурни улыбнулся этой мысли, сгружая последние остатки вегетарианской лазаньи с блюда себе на тарелку.

— Вы тоже член клуба йоги, Брюс?

— У меня жена инструктор, так что я, надо полагать, почетный член.

Ответ прозвучал скорее саркастически, чем дружелюбно.

Сидевшая через два стула от него бледно-пепельная блондинка, чьей единственной косметикой был сверкающий крем для лица, не столько проговорила, сколько прошептала:

— Я бы не назвала себя инструктором, так, член группы. — Она скромно облизнула губы, точно убирая невидимые крошки. — Возвращаясь к нашей теме: а разве любое преступление — не разновидность душевной болезни?

— Собственно говоря, Айона, на этот счет проводились поразительные новые исследования, — вступила в разговор сидящая напротив Гурни миловидная женщина с круглым, кротким лицом. — Кто-нибудь из вас

читал ту статью в журнале про опухоли? Там говорилось об одном мужчине среднего возраста, вполне нормальном, без каких бы то ни было странностей, — на него вдруг накатило необоримое желание заниматься сексом с маленькими детьми. Совершенно бесконтрольное, на ровном месте. Словом, вкратце, медицинское обследование выявило у него быстро растущую опухоль мозга. Опухоль удалили — и деструктивное поведение мгновенно прекратилось. Интересно, да?

Скип досадливо поморщился.

— Вы утверждаете, что преступление — побочный продукт рака мозга?

— Всего лишь пересказываю прочитанное. Но в статье приводились ссылки на другие примеры самого жуткого поведения, непосредственно связанного с отклонениями в работе мозга. И, в общем, звучит вполне логично, не так ли?

Брюс откашлялся.

— Так нам следует считать, что афера Берни Медоффа по схеме Понци зародилась в маленькой кисте в коре его головного мозга?

— Брюс, ради бога, — перебила Мина. — Ничего подобного Патти не говорит.

Он мрачно покачал головой.

— Скользкая это дорожка, вот что я вам скажу. Прямоиком к нулевой ответственности. Раньше было: “Это меня Сатана попутал”. Потом стало: “Мое тяжелое детство”. А теперь вот появилось и новенькое: “Опухоль заставила”. И к чему, спрашивается, все эти поиски оправданий приведут?

В его выпаде сквозило столько яда и пыла, что воцарилась неловкая тишина. Мина, которая, как подо-

зревал Гурни, привыкла выступать в роли миротворца и массовика-затейника, попыталась переключить всеобщее внимание на менее щекотливую тему.

— Мадлен, до меня тут слухи дошли, вы кур завели. В самом деле?

Мадлен засияла.

— Никакие не слухи. У нас в сарае временно поселились три очаровательные маленькие несунечки и прекрасный задиристый петушок. Кукарекают, кудахчут и издают прочие уютные звуки. Не налюбуйешься.

Мина с любопытством склонила голову набок.

— Временно поселились у вас в сарае?

— Ждут, пока мы построим им постоянное жилье — там, за двориком.

Она махнула рукой в сторону французских дверей.

— Смотрите только, чтоб было надежно, — предостерегла Патти с обеспокоенной улыбкой. — Кругом столько хищников, а куры, бедняжки, совершенно беззащитны.

Брюс подался вперед на стуле.

— Слышали про хорьков?

— Да-да, наслышана, — торопливо заверила Мадлен, словно желая упредить описания, как именно хорьки убивают куриц.

Он понизил голос ради драматического эффекта:

— Опоссумы еще хуже.

Мадлен замигала.

— Опоссумы.

Айона резко поднялась и, извинившись, вышла в ванную комнату.

— Опоссумы, — зловеще повторил Брюс. — С виду-то они неуклюжие твари и вечно попадают под ко-

леса. Но только пустите такого в курятник! Увидите совершенно другое животное — обезумевшее от вкуса крови. — Он оглядел стол, точно рассказывал страшилку детишкам ночью у костра. — Безвредный маленький опоссум растерзает всех кур до последней. На клочки разорвет. Как будто это их настоящая цель в жизни — превратить все живое вокруг в кровавые ошметки.

Наступившее ошеломленное молчание наконец нарушил Скип:

— Но опоссумы, конечно, не единственная угроза.

То ли тон этой реплики, то ли момент, в который она прозвучала, вызвали дружный взрыв смеха. Однако Скип продолжал на полном серьезе:

— Опасаться надо еще и койотов, лис, коршунов, орлов и енотов. Курочкой полакомиться всякий горазд.

— На счастье, у всех этих проблем есть простое решение, — с нескрываемым удовольствием сообщил Брюс. — Двенадцатизарядный дробовик!

По всей видимости, почуяв, что переключение разговора на кур было ошибкой, Мина наметила очередной поворот беседы.

— Мне все же хотелось бы вернуться к тому, о чем мы рассуждали, когда пришел Дэйв. С удовольствием выслушала бы его мнение о проблеме преступления и наказания в современном обществе.

— И я, — подхватила Патти. — Особенно хотелось бы услышать, что он скажет насчет зла.

Гурни проглотил последний кусочек лазаньи и посмотрел на ангельское личико напротив.

— Зла?

— Вы верите, что зло существует? — спросила Патти. — Или это надуманно, как ведьмы и драконы?

Вопрос этот вызвал у Гурни раздражение.

— По-моему, “зло” — вполне полезное слово.

— То есть, вы в него верите, — вмешалась Марго с другого конца стола таким тоном, точно засчитала очко противнику.

— Я осознаю наличие общечеловеческого опыта, для характеристики которого уместно использовать слово “зло”.

— И что это за опыт?

— Когда делаешь что-нибудь такое, про что в глубине души твердо знаешь: это дурно.

— Ага, — протянула Патти с одобряющим огоньком в глазах. — Один знаменитый йог сказал как-то: “Рукоть клинка зла ранит глубже, чем острие”.

— По-моему, звучит, как шарлатанские предсказания судьбы, — заметил Брюс. — Попробуйте, скажите это жертвам мексиканских наркобаронов.

Айона посмотрела на него без тени эмоций.

— О, таких выражений тьма тьмущая. “Причинив вред тебе, я причиняю самому себе вдвое больший”. Толковать карму можно очень по-разному.

Брюс покачал головой.

— На мой взгляд, карма — сплошное очковтирательство. Если убийца причинил себе вред вдвое больший, чем тому, кого убил, — сказано ловко, хотя поди пойми, как это возможно, — не значит ли это, что уже не стоит трудиться, наказывая его? И тут вы попадаете в нелепое положение. Если веришь в карму, ловить и наказывать преступника совершенно бессмысленно. Но если вы хотите, чтобы убийцы были пойманы и наказаны, приходится признать, что карма — сплошное очковтирательство.

— И вот мы возвращаемся к теме преступления и на-

казания, — радостно встряла Мина. — И у меня к Дэйву вопрос. Похоже, что Америка теряет веру в нашу систему правосудия. Вы проработали на этом поприще более двадцати лет, верно?

Он кивнул.

— Вы знаете все сильные и слабые стороны системы, что в ней работает, а что нет. А значит, у вас должны иметься свои идеи насчет того, что там надо изменить. Очень хотелось бы услышать.

Вопрос порадовал Гурни не больше, чем порадовало бы предложение сплясать джигу на столе.

— Не думаю, что там можно что-либо изменить.

— Но ведь там столько всего неправильного, — снова подался вперед Скип. — Такое поле для улучшения!

— А вот Свами Шишнапушна, — безмятежно промолвила Патти, пребывающая на другой волне, — говорил: йоги и детективы — братья в разных одеждах, и те, и другие — искатели истины.

Гурни посмотрел на нее с сомнением.

— Я бы и рад думать о себе как об искателе истины, но я, скорее, просто обличитель лжи.

Патти распахнула глаза, по всей видимости, усмотрев в этом заявлении смысл более глубокий, чем Гурни туда вкладывал.

Мина попыталась вернуть разговор в прежнее русло.

— Так если бы завтра вам, Дэйв, доверили руководство всей системой, что бы вы изменили?

— Ничего.

— Не верю. Ведь она же в таком беспорядке.

— Ну, разумеется, в беспорядке. И каждая составляющая этого беспорядка на руку кому-то из стоящих

у власти. И это такой беспорядок, продираться через который никому не хочется.

Брюс пренебрежительно махнул рукой.

— Глаз за глаз, зуб за зуб. И все дела! Умствования на пустом месте — это не решение, а проблема.

— Пинок по яйцам за пинок по яйцам! — вскричал Скип с глумливой ухмылкой.

Мина не отставала от Гурни.

— Вы сказали, что не стали бы ничего менять. Почему же?

Он терпеть не мог такие вот беседы.

— Знаете, что я на самом деле думаю о нашей несчастной системе правосудия? Я думаю, ужасная правда состоит в том, что она ровно настолько хороша, насколько это вообще возможно.

Слова его породили самую долгую паузу за весь вечер. Гурни сосредоточился на еде.

Бледная Айона, на лице которой легкое уныние сочеталось с улыбкой Моны Лизы, заговорила первой.

— У меня еще вопрос, который меня и в самом деле волнует. Последнее время я об этом много думаю, но ни к какому решению так и не пришла. — Она смотрела на пустую тарелку, медленно катая вилкой одинокую горошину. — Возможно, прозвучит глупо, но я совершенно серьезно. Потому что, как мне кажется, совершенно честный ответ на этот вопрос очень многое говорит о человеке. И меня волнует то, что сама я никак не могу найти ответ. Что говорит обо мне такая нерешительность?

Брюс нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

— Ради всего святого, Айона, к делу.

— Хорошо. Прости. Предположим, вам надо вы-

братъ. Вы предпочли бы стать преступником... или его жертвой?

Брюс вскинул брови.

— Это ты меня спрашиваешь?

— Нет-нет, что ты, милый, конечно, нет. Твой ответ я и так знаю.

Часть вторая

Питер Пэн

Глава 20

Прискорбные нарушения

После ужина гости разъехались — Брюс и Айона в тяжеловесном “Рэнджровере”, остальные в безмолвных “Приусах”. Мадлен начала мыть посуду и убирать со стола, а Гурни отправился с делом Спалтеров в кабинет. Нашел результаты вскрытия и включил айпэд, подарок от сына Кайла ко Дню отца.

Следующие полчаса он провел, блуждая по целой череде неврологических веб-сайтов и пытаясь найти объяснение несоответствию между характером пулевого ранения Карла Спалтера и тем, что, по словам Полетты, перед тем как упасть, он прошел еще десять-двенадцать футов.

За годы работы в полиции Гурни выпала сомнительная удача наблюдать последствия двух таких же попаданий в голову, причем с более близкого расстояния, чем ему хотелось бы. В обоих случаях жертвы падали, как подкошенные. Почему же Карл упал не сразу?

На ум приходили два объяснения.

Первое — что патологоанатом ошибся, определяя степень поражения мозговой ткани, и что расколовшаяся на части пуля не до конца уничтожила двигатель-

ный центр. И второе — что в Карла стреляли не один раз, а два. После первой пули он сделал, шатаясь, несколько шагов и упал, а вторая и причинила обширные мозговые повреждения, обнаруженные при вскрытии. Очевидный недостаток этого второго предположения состоял в том, что патологоанатом нашел всего одно входное отверстие. Чисто теоретически “Свифт” двадцать второго калибра может оставить очень маленькое и аккуратное отверстие или очень узкую царапину, но все же не настолько незначительные, чтобы эксперт их проглядел, разве что в очень сильной спешке. Или если отвлекся. Отвлекся на что?

Пока Гурни раздумывал над этим вопросом, ему не давал покоя и другой факт, вскрывшийся при мини-постановке с участием Полетты: то обстоятельство, что роковой сценарий разыгрывался в двух шагах от тех двух человек, которым смерть Карла сулила максимальную выгоду. От Йоны, получающего полный контроль над “Спалтер Риэлти”. И Алиссы, избалованной наркоманочки, стоящей в очереди за наследством отца — при условии, что Кэй освободит дорогу, как оно и вышло в реальности.

Йона и Алисса. Гурни все сильнее хотелось встретиться с обоими. А заодно и с Маком Клемпером. Просто необходимо как можно скорее увидеться с ним лицом к лицу. И может, познакомиться еще с Пискином, прокурором, — чтобы понять, на каких позициях он стоял во всем этом тумане противоречий, шатких улик и, возможно, предвзятости.

В кухне что-то громыхнуло. Гурни поморщился.

Чудная штука — вот такие громыхания на кухне. Прежде он считал их показателем настроения Мадлен,

пока не понял, что на самом деле то, как он воспринимает это громохание, — показатель его собственного состояния ума. Когда он подозревал, что дал ей веский повод для недовольства, то слышал в лязге посуды выход ее раздражения. Но если знал, что упрекнуть его не в чем, те же самые случайно оброненные тарелки казались вполне безвредной случайностью.

Сегодня вечером он такого спокойствия не испытывал: опоздал на ужин почти на час, не помнил имен друзей Мадлен, а потом бросил ее на кухне и удрал в кабинет, не успели последние лучи фар скрыться за холмом.

Последнюю провинность, правда, еще не поздно было загладить. Сделав несколько последних выписок с самых содержательных неврологических сайтов, какие сумел найти, он выключил айпэд, убрал отчет о вскрытии обратно в папку и вышел на кухню.

Мадлен как раз закрывала дверцу посудомойки. Гурни подошел к кофеварке, что стояла у раковины, насыпал туда кофе и нажал на кнопку. Мадлен вооружилась губкой и полотенцем и принялась вытирать стол.

— Чудаковатая подобралась компания, — небрежно заметил он.

— По-моему, лучше было бы выразиться — какие интересные люди.

Он откашлялся.

— Надеюсь, я их не слишком шокировал, когда говорил про нашу систему правосудия.

Кофеварка зафыркала и заурчала, знаменуя конец цикла.

— Дело не столько в том, что ты сказал. Твой тон был куда красноречивее слов.

— Красноречивее? В смысле?

Мадлен ответила не сразу, склонившись над столом и оттирая особенно упорное пятно. Наконец она выпрямилась и тыльной стороной руки смахнула с лица прядки волос.

— Иногда у тебя такой тон, точно тебя раздражает необходимость быть в обществе, слушать других людей, с ними разговаривать.

— Да я не то чтобы раздражаюсь. Просто... — Он вздохнул, не докончив фразы. Взяв чашку с кофе, он добавил сахара и, прежде чем объяснять дальше, размешивал его куда дольше, чем требовалось. — Когда я чем-то очень увлечен, мне трудно переключаться на обычную жизнь.

— А это и впрямь трудно, — отозвалась она. Я знаю. По-моему, ты иногда забываешь, чем я занимаюсь в клинике, с какими проблемами сталкиваюсь.

Он собирался уже указать, что обычно эти проблемы не идут в сравнение с убийством, но вовремя спохватился. Судя по взгляду Мадлен, она еще не довела до конца свою мысль, так что он молча стоял, держа чашку с кофе и выжидая, пока она продолжит — скорее всего, начнет расписывать самые ужасные реалии сельского кризисного центра.

Однако она выбрала другое направление.

— Может быть, мне легче переключаться на обычную жизнь, чем тебе, потому что я не так хороша в своей работе.

Он сморгнул.

— Ты о чем?

— Когда у человека большой талант к чему-то, он целиком и полностью сосредотачивается на своем деле, вплоть до полного исключения всего прочего. Тебе не кажется, что так оно и есть?

— Наверное, — ответил он, гадая, к чему она клонит.

— Ну вот я и думаю, что у тебя большой талант доискиваться до сути, выявлять обман, разгадывать запутанные преступления. Может, ты так хорош в этом деле и в своей профессии — как рыба в воде, что вся остальная жизнь для тебя лишь досадная помеха.

Мадлен вглядывалась ему в лицо, пытаясь уловить, как он среагирует.

Гурни знал, что в ее словах есть доля истины, но только и смог, что невразумительно пожать плечами.

Мадлен тихо продолжала:

— Мне не кажется, что у меня такой уж большой талант к своей работе. Мне говорили, у меня хорошо получается, но работа не суть моей жизни, не главное. Не единственно значимое. Я стараюсь ко всему в жизни относиться как к значимому. Потому что так оно и есть. И к тебе в первую очередь.

Она заглянула ему в глаза и улыбнулась этой своей странной улыбкой, которая, казалось, порождалась не столько движением губ, сколько каким-то внутренним сиянием.

— Иногда, когда мы говорим о том, как ты поглощен очередным делом, разговор превращается в спор — может, потому, что ты чувствуешь, что я пытаюсь превратить тебя из детектива в туриста — прогулки, походы, каяки. Когда мы только переехали сюда в горы, я, наверное, и в самом деле на это надеялась — ну, или фантазировала. Но это прошло. Я понимаю, кто ты — и меня это устраивает. Даже больше, чем устраивает. Понимаю, иногда кажется, это не так. Кажется, я давя на тебя, куда-то тащу, пытаюсь тебя изменить. Но это не так.

Она помолчала, словно бы читая его мысли и чувства четче и лучше, чем он сам мог их прочесть.

— Я не пытаюсь сделать тебя другим человеком. Просто чувствую, что ты стал бы куда счастливее, если бы только мог впустить в жизнь чуть больше света, красок, разнообразия. А мне кажется, ты все катишь и катишь все тот же камень все на ту же гору, а в конце не получаешь ни отдыха, ни награды. Мне кажется, тебе только и хочется — толкать и катить, бороться, подставляться под опасности — и чем опасней, тем лучше.

Он хотел было возразить про опасность, но решил дослушать до конца.

Глаза Мадлен наполнились печалью.

— Такое впечатление, будто ты так глубоко увяз во всем этом, во тьме, что она загораживает от тебя солнце. Все загораживает. Поэтому я живу так, как умею, единственным известным мне способом. Хожу в клинику на работу. Гуляю в лесах. Бываю на концертах. На выставках. Читаю. Играю на виолончели. Катаюсь на велосипеде. Занимаюсь садом, домом и курами. Зимой хожу на лыжах. Навещаю друзей. Но я все думаю — мечтаю, — что мы могли бы хоть чуточку чаще делать это вдвоем. Могли бы вместе радоваться солнцу.

Он не знал, как ответить. На каком-то уровне он осознавал правду в том, что она говорила, но никакие слова не могли выразить то чувство, которое эта правда в нем порождала.

— Ну вот, — закончила Мадлен. — Вот, что у меня на уме.

Печаль в ее глазах сменилась улыбкой — теплой, открытой, полной надежды.

Гурни казалось, что она вся перед ним, вся здесь —

ни барьеров, ни препятствий, ни отговорок. Он оставил чашку, которую, сам того не замечая, все время держал в руках, шагнул к жене и обнял ее. Она всем телом прильнула к нему.

Все так же без слов он подхватил ее на руки страстным жестом новобрачного, переносящего невесту через порог, — Мадлен засмеялась, — унес ее в спальню, и они занимались любовью так нежно и пылко, что это было непередаваемо хорошо.

На следующее утро Мадлен поднялась первой.

Побрившись, приняв душ и одевшись, Гурни застал ее за столом — с кофе, тостом с арахисовым маслом и раскрытой книжкой. Мадлен очень любила арахисовое масло. Он наклонился и поцеловал ее в макушку.

— Доброе утро! — весело сказала Мадлен с набитым ртом. Она уже оделась на работу.

— Сегодня полный день? Или половинчатый?

— Не знаю. — Она сглотнула и отпила кофе. — Зависит от того, кто там еще. А у тебя в планах что?

— Хардвик. Собирался приехать к половине девятого.

— Да?

— Кэй Спалтер должна позвонить в девять или около того, как получится.

— Проблемы?

— Ничего, кроме проблем. Каждому факту в этом деле что-то да противоречит.

— Разве ты не любишь, чтобы с фактами так и было?

— Ты имеешь в виду, чтобы они были безнадежно запутаны, а я бы их распутывал?

Она кивнула, сунула в рот последний кусок тоста, отнесла тарелку с чашкой в раковину и поставила под воду. Потом вернулась и поцеловала его.

— Уже поздно. Мне пора.

Гурни поджарил себе бекон с тостом и устроился в кресле перед дверьми во дворик. Отсюда открывался вид на размытое утренним туманом старое пастбище, полуразвалившуюся каменную ограду по дальней его стороне и заросшее соседское поле. Вдали еле проглядывал Барроу-хилл.

Как раз когда он запихивал в рот последний кусочек бекона, с дороги ниже сарая послышалось агрессивное тарахтенье “Понтиака”. Через две минуты угловатое красное страшилище припарковалось возле зарослей аспарагуса, и вскоре в дверях появился Хардвик — в черной футболке и мешковатых серых тренировочных штанах. Дверь была открыта, но раздвижные ширмы заперты.

Гурни нагнулся и отпер одну из них.

Хардвик шагнул внутрь.

— Знаешь, что у тебя там по дороге разгуливает здоровенная свинья?

Гурни кивнул.

— Частое явление.

— Добрых триста фунтов.

— А ты поднимать пытался?

Пропустив вопрос мимо ушей, Хардвик одобритительно оглядел комнату.

— Уже говорил — и еще раз скажу. У тебя тут, черт возьми, сплошное сельское очарование.

— Спасибо, Джек. Не хочешь есть?

Хардвик задумчиво поковырял ногтем в передних

зубах, плюхнулся на стул напротив Гурни и смерил того подозрительным взглядом.

— Старик, не надо ли нам чего обсудить перед беседой с овдовевшей миссис Спалтер?

— Да в общем, нет — если не считать того факта, что во всем чертовом деле ни крошки смысла.

Хардвик сощурился.

— А вот это обстоятельство, что в деле ни крошки смысла... оно работает *на* нас или *против*?

— *Нас*?

— Ну, ты знаешь, о чем я. Приближает нас к цели — пересмотру дела — или отдаляет от нее?

— Скорее всего, приближает. Но я не уверен. Слишком уж много ложных сведений.

— Ложных сведений? Например?

— Например, квартира, откуда был сделан выстрел.

— А в чем загвоздка?

— Стреляли не оттуда. Оттуда никак не могли.

— Почему?

Гурни объяснил, как при помощи Полетты провел неофициальный следственный эксперимент и обнаружил препятствие в виде фонарного столба.

Хардвик был явно обескуражен, но не встревожился.

— Еще что-нибудь?

— Свидетель, утверждающий, что видел стрелка.

— Фредди? Тот тип, что официально опознал Кэй?

— Нет. Человек по имени Эставио Болокко. Нет никаких записей о том, что его допрашивали, хотя он утверждает, что допрашивали. Еще он утверждает, будто видел стрелка, но это мужчина, а не женщина.

— Где он видел стрелка?

— Очередная нестыковка. Говорит, что видел его в квартире — той самой, откуда якобы стреляли, хотя на самом деле не могли.

Хардвик скроил такую кислую физиономию, точно у него отрывка.

— Ну вот опять — все та же куча годного материала вперемешку со всяким дерьмом. Утверждение этого твоего типа, будто стрелок был мужчиной, а не женщиной, мне нравится. И особенно нравится мысль, что Клемпер не сохранил запись допроса. Это говорит о полицейских нарушениях, возможно, о подтасовке фактов или, по крайней мере, халатности — и все нам на руку. Но вот ерунда насчет самой квартиры — она все обесценивает. Не можем же мы привести свидетеля, который заявит, будто стрелок находился в том месте, откуда, как мы же сами потом скажем, стрелять никак не могли. Ну то есть, какого хрена нам со всем этим делать-то?

— Хороший вопрос. И еще одна маленькая странность. Эстасио Болокко утверждает, что видел стрелка дважды. Один раз — в тот самый день, то есть в пятницу. Но еще и за пять дней до того. В воскресенье. Говорит, он уверен, что в воскресенье, поскольку это у него единственный выходной.

— Где он видел стрелка?

— В той самой квартире.

Несварение желудка у Хардвика, похоже, усилилось.

— И что стрелок там делал? Присматривался?

— Я бы предположил, что да. Но тут встает новый вопрос. Предположим, стрелок узнал о смерти Мэри Спалтер, выяснил, где расположен семейный уча-

сток Спалтеров и сообразил, что Карл будет на погребальной церемонии основной фигурой. Следующий логичный шаг — разведать окрестности, посмотреть, не найдется ли там достаточно удобной позиции для стрельбы.

— Так в чем вопрос-то?

— Во времени. Если стрелок разведывал окрестности в воскресенье, то Мэри Спалтер, по всей вероятности, скончалась в субботу или даже раньше, в зависимости от того, достаточно ли близок стрелок к семейству, чтобы получать информацию непосредственно, или же он вынужден был ждать публикаций в газетах спустя день-другой. Так вот, мой вопрос: если похороны состоялись, самое раннее, через семь дней после смерти... что стало причиной задержки?

— Кто знает. Может, какие-нибудь родственники раньше приехать не успевали. Почему это тебя волнует?

— Когда похороны задерживаются на целую неделю, это необычно. А все необычное возбуждает во мне любопытство. Только и всего.

— Отлично. Ладно. Идет. — Хардвик махнул рукой, точно отгоняя муху. — Можно спросить у Кэй, когда она позвонит. Просто мне не кажется, что вопрос о подготовке похорон ее свекрови послужит достаточно убедительным поводом для апелляции.

— Может, и нет. Но, рассуждая о приговоре, ты знал, что Фредди — тот тип, который опознал Кэй на суде, — исчез?

Глава 21

Досадная прямота

Кэй Спалтер позвонила по домашнему телефону Гурни ближе к половине десятого. Он включил в кабине громкую связь.

— Привет, Кэй, — поздоровался Хардвик. — Как дела в славном “Бедфорд-Хиллс”?

— Великолепно. — Голос ее звучал сухо, нетерпеливо. — Вы тут, Дэйв?

— Тут.

— Вы говорили, у вас будут ко мне еще вопросы?

Интересно, эта резкость и нервозность помогали ей ощутить контроль над ситуацией — или же просто были симптомами тюремного стресса?

— С полдюжины.

— Валяйте.

— Во время нашего последнего разговора вы упомянули одного бандита, Донни Ангела. Сказали, скорее всего, за убийством Карла стоит именно он. Проблема в том, что, если принять эту версию, покушение на Карла выглядит уж слишком мудреным.

— Что вы имеете в виду? — Тон у нее был скорее любопытным, чем агрессивным.

— Ангел знал его и знал про него очень много. Он мог бы организовать покушение попроще, чем снайперский выстрел с расстояния в пятьсот ярдов во время погребальной церемонии. Так что давайте на минуту представим, что наш персонаж — не Ангел. Если б вам надо было выдвинуть следующую кандидатуру, кто тогда?

— Йона. — Она произнесла это без каких бы то ни было эмоций и без колебаний.

— А мотив — контроль над семейной компанией?

— Контроль, позволяющий ему заложить сколько угодно домов, чтобы расширить Церковь Киберпространства и превратить ее в самый крупный проект религиозной обдираловки в мире.

— Вам много известно об этой его цели?

— Нисколько. Одни догадки. Я имею в виду, что Йона куда более скользкий тип, чем все полагают. Контроль над компанией означает для него немалые деньги. Огромные. Я знаю, что он спрашивал Карла, нельзя ли заложить несколько зданий, а Карл послал его известно куда.

— Чудесные братские отношения. Еще кандидаты в убийцы есть?

— Около сотни людей, которым Карл наступил на ногу.

— Когда я в прошлый раз спросил вас, отчего вы с ним не развелись, вы ответили мне какой-то шуткой. По крайней мере, мне показалось, что вы шутите. Но мне надо знать настоящую причину.

— По правде говоря, настоящей причины я и сама не знаю. Сколько раз пыталась понять, каким чудо-кле-

ем меня к нему приклеили, но так и не поняла. Так что, может, я и вправду циничная охотница за деньгами.

— Вам жаль, что он мертв?

— Может, самую малость.

— Каковы были ваши повседневные отношения?

— Щедрость, снисходительность, контроль — с его стороны.

— А с вашей?

— Любовь, восхищение, покорность. Когда он не заходил слишком далеко.

— И что тогда?

— А тогда весь ад с цепи срывался.

— Вы когда-нибудь угрожали ему?

— Да.

— При свидетелях?

— Да.

— Приведите пример.

— Не так уж их было много.

— Выберите самый показательный.

— На десятую годовщину нашей свадьбы Карл пригласил несколько других пар поужинать с нами. Он слегка перебрал и завел свою любимую в таких случаях песню — “Можно вытащить девушку из Бруклина, но нельзя вытащить Бруклин из девушки”. А в тот вечер он совсем уж разошелся: мол, став губернатором Нью-Йорка, он будет баллотироваться в президенты, а я пускай стану посредником между ним и быдлом. Сказал, будет как Хуан Перон в Аргентине, а я — его Эвита. И я обеспечу ему поддержку всех работяг. Добавил несколько непристойных предложений, как именно мне взяться за это дело. А потом вообще несусветную чушь ляпнул. Мол, мне стоит завести себе тысячу пар обуви, как у Эвиты.

— И?

— Терпение у меня лопнуло. Почему именно от этого? Не знаю. Но лопнуло. Слишком уж все было глупо.

— И?

— И я заорала, что тысяча пар обуви была не у Эвиги Перон, а у Имелды Маркос.

— И все?

— Не совсем. Я еще сказала, если он посмеет снова так со мной разговаривать, я ему хозяйство отрежу и запихну в задницу.

Хардвик, не проронивший ни единого слова после вопроса о славном “Бедфорд-Хиллс”, разразился смехом. Кэй снова проигнорировала его.

Гурни сменил тему.

— Что вам известно про глушители для оружия?

— Что полицейские сокращенно называют их глушаками.

— А еще?

— В этом штате они незаконны. Более эффективны с звуковыми зарядами. Дешевые вполне ничего, но дорогие гораздо лучше.

— Откуда вы все это знаете?

— Спросила на стрельбище, когда брала уроки.

— Зачем?

— По тем же причинам, по каким вообще туда попала.

— Потому что думали, вам, возможно, придется кого-нибудь застрелить, чтобы спасти Карла?

— Да.

— Вы когда-нибудь покупали глушитель — или одалживали у кого-нибудь?

— Нет. Они добрались до Карла раньше.

— Они — в смысле, мафия?

— Да. Вы говорили, что, мол, снайпер выбрал слишком уж странный для них способ действий. Но я все равно думаю, это они. Скорее они, чем Йона.

Гурни не видел смысла с ней спорить. Он предпочел двинуться по другому пути.

— Помимо Ангела, с какими еще персонажами из этой среды Карл тесно общался?

Впервые за все время беседы Кэй замешкалась с ответом.

Через несколько секунд Гурни начал думать, не разъединились ли они.

— Кэй?

— Он еще про одного типа упоминал, они вместе играли в покер.

Гурни различил в ее голосе беспокойство.

— А имя называл?

— Нет. Рассказывал только, чем этот тип зарабатывает.

— И чем же?

— Организует убийства. Вроде как брокер, посредник. Хочешь убрать кого-то с дороги — ступай к нему, а он уже найдет человека, который это сделает.

— Вас, кажется, эта тема беспокоит.

— Меня волновало то, что Карл играет в азартные игры с человеком, у которого такой род занятий. Один раз я ему так и сказала: “Неужели ты и впрямь сядешь играть в покер с типом, который организует убийства среди бандитов? Который убьет и не задумается? Не перебор ли?” А он сказал, я ничего не смыслю. Азартные игры — сплошной риск и угар. А когда сидишь за одним столом со смертью, риск и угар гораздо круче. — Она на миг умолкла. — Слушайте, у меня мало времени. Мы закончили?

— Еще одно. Чем была вызвана задержка с похоронами Мэри Спалтер? Откуда такой промежуток между смертью и погребением?

— Какая еще задержка?

— Ее похоронили в пятницу. Но, судя по всему, она умерла за неделю до того — или, по меньшей мере, раньше воскресенья на предыдущей неделе.

— О чем вы? Она умерла в среду, и похоронили ее через два дня.

— Два дня? Всего два? Вы уверены?

— Ну конечно, уверена. Почитайте некрологи. Это еще тут при чем?

— Расскажу, когда сам выясню. — Гурни покосился на Хардвика. — Джек, тебе надо обсудить что-то с Кэй, пока она еще на проводе?

Хардвик покачал головой и с подчеркнутой сердечностью произнес:

— Кэй, мы очень скоро снова с вами свяжемся, хорошо? И не волнуйтесь. Мы на верном пути к нашей общей цели. Все, что нам пока удалось обнаружить, говорит в нашу пользу.

Голос у него был куда увереннее, чем выражение лица.

Глава 22

Второй букет

Когда разговор с Кэй закончился, Хардвик необычно долго молчал. Стоял, глядя в окно кабинета и, судя по всему, сосредоточившись на каких-то подсчетах и предположениях.

Гурни наблюдал за ним, сидя за столом.

— Выкладывай, Джек. Самому же легче на душе станет.

— Надо поговорить с Лексом Бинчером. В смысле, как можно скорей. Вот прямо сейчас. По-моему, это у нас сейчас задача, чтоб ее, номер один.

Гурни улыбнулся.

— А по-моему, задача номер один, чтоб ее, — это визит в тот центр для престарелых, где умерла Мэри Спалтер.

Хардвик отвернулся от окна и посмотрел Гурни в лицо.

— Видишь? Вот о чем и речь. Нам надо собраться всем вместе, поговорить и прийти к единому мнению, прежде чем лезть из кожи вон, гоняясь за каждой тенью.

— Это как раз, скорее всего, и не тень вовсе.

— Правда? И почему вдруг?

— Кто бы ни осматривал квартиру в воскресенье — за три дня до смерти Мэри Спалтер, — этот кто-то должен был знать, что она очень скоро умрет. То есть выходит, несчастный случай, от которого она умерла, был не таким уж случайным.

— Бог ты мой, Шерлок, помилуй! Эта твоя смелая гипотеза базируется на самом нелепейшем допущении, какое я только слышал за много лет.

— Допущении, что Эставио Болокко сказал правду?

— Именно. Допущении, что какой-то мойщик машин, бездомный, самовольно вселившийся в обшарпанную квартиру, сидящий бог весть на какой пако-сти, — и вдруг точно помнит день недели, когда он видел, как кто-то вошел в соседнюю квартиру восемь месяцев назад.

— Согласен — вопрос о надежности свидетеля тут стоит во весь рост. Но мне все-таки кажется...

— И ты называешь это вопросом о надежности свидетеля? По мне, так это просто дичь!

— Я тебя слышу, — тихо ответил Гурни. — И не спору. Но все же, если — и я знаю, что это очень сомнительное “если”, — если мистер Болокко прав насчет дня недели, то сам характер преступления совершенно иной по сравнению с тем, как его представлял прокурор на суде. Бог ты мой, Джек, ты только подумай. Зачем вообще надо было убивать мать Карла?

— Это все напрасная трата времени.

— Может, да, а может, и нет. Предположим чисто гипотетически, ее смерть была не случайностью. Тогда мне видятся два подхода к вопросу, почему ее убили. Первый: и она, и Карл — оба были мишенями убийцы.

Или второй: что она была всего лишь средством — способом сделать так, чтобы Карл, основная мишень, оказался на кладбище, на открытом месте, в предсказуемое время.

Тик в уголке рта Хардвика разыгрался с новой силой. Хардвик дважды порывался что-то сказать, но останавливался. С третьей попытки наконец вымолвил:

— Именно этого ты с самого начала и хотел, да? Подкинуть все в воздух и посмотреть, твою мать, что получится, когда оно шарахнется о землю? Взяться за самое незамысловатое расследование полицейской халатности — ничего сложного, главный следователь Мак Му-дак трахается с потенциальной подозреваемой Алиссой Спалтер — и превратить все в очередное изобретение колеса, твою мать? Тебе уже нейдет сделать из одного убийства два! А завтра будет с полдюжины! Да какого хрена ты тут мудришь?

Голос Гурни сделался еще спокойнее.

— Просто иду по следу, Джек.

— Да какой, на хрен, след! Бог ты мой! Слушай, я совершенно уверен, что говорю не только от своего имени, но и от имени Лекса. Вся суть в том, что нам нужно сосредоточиться, сосредоточиться, сосредоточиться! Позволь мне выразиться ясно, раз и навсегда. Нам надо ответить лишь на узкий круг вопросов по поводу убийства Карла Спалтера и суда над Кэй Спалтер. *Первый:* Что Мак Клемпер должен был сделать, но не сделал? *Второй:* Что из того, что Клемпер сделал, ему делать не следовало? *Третий:* Что Клемпер утаил от прокурора? *Четвертый:* Что прокурор утаил от адвоката? *Пятый:* Что адвокат должен был сделать, но не сделал? Пять. Всего пять вопросов. Отыщи правильные ответы на эти вопросы —

и приговор Кэй Спалтер отменят. Вот и все. А теперь скажи, мы с тобой на одной волне или нет?

К лицу Хардвика прилила кровь, точно его сейчас удар хватит.

— Успокойся, дружище. Я уверен, мы вполне еще можем оказаться на одной волне. Только не мешай мне попасть на нее.

Хардвик долго и мрачно смотрел на Гурни, а потом раздраженно покачал головой.

— Расходами на расследование распоряжается Лекс Бинчер. Если собираешься тратиться на что-нибудь помимо ответов на эти пять вопросов, он должен сперва одобрить расходы.

— Без проблем.

— Без проблем, — рассеянно повторил Хардвик, снова глядя в окно. — Хотелось бы мне в это верить, приятель.

Гурни промолчал.

Через некоторое время Хардвик тяжело вздохнул.

— Я перескажу Бинчеру все, что ты мне тут поведал.

— Отлично.

— Только ради бога, не надо... не начинай...

Он не закончил фразы, лишь снова покачал головой.

Гурни прекрасно понимал напряжение, обусловленное положением Хардвика: отчаянную необходимость добиться цели, страх перед неопределенностью предложенного маршрута.

Среди многочисленных дополнений к делу в папке имелся адрес последнего жилища Мэри Спалтер: дом престарелых на Трин-Лейкс-роуд в Индиан-Вэлли, недалеко от Куперстауна, то есть примерно на полпу-

ти между Уолнат-Кроссингом и Лонг-Фоллсом. Гурни ввел адрес в свой навигатор и через час тот объявил, что машина прибыла в место назначения.

Гурни свернул на ухоженную щебеночную дорогу, что вела за высокую каменную ограду, а потом раздваивалась: на одном указателе значилось “Постоянные жильцы”, на другом “Гости и поставщики”.

Второй указатель привел Гурни на парковку перед обшитым дранкой домиком. Элегантно-неброская табличка рядом с маленьким розовым садиком гласила: “Эммерлинг Оукс. Община полноценной жизни для пожилых людей. За справками обращайтесь к администрации”.

Гурни припарковался и постучал в дверь.

— Входите, — немедленно отозвался приятный женский голос.

Гурни вошел в светлый, не загроможденный лишней мебелью офис. За лакированным письменным столом, возле которого стояло несколько удобных с виду кресел, сидела привлекательная женщина лет сорока с загаром, точно только что вышла из солярия. На стенах висели фотографии коттеджей разных цветов и размеров.

Окинув Гурни оценивающим взглядом, женщина улыбнулась.

— Чем могу помочь?

Он улыбнулся в ответ.

— Сам не знаю. Заехал сюда, повинуюсь внезапному порыву. Возможно, ловлю ветер в поле.

— Вот как? — Вид у нее стал заинтересованный. — И какой именно ветер вы ловите?

— Даже и того не знаю.

— Ну, тогда... — Она неуверенно нахмурилась. — Что вы хотите? И кто вы?

— Ох, извините. Меня зовут Дэйв Гурни. — Он с легким смущением вытащил бумажник и шагнул вперед, показывая золотой значок. — Я детектив.

Она внимательно изучила значок.

— Тут сказано: “В отставке”.

— Я и был в отставке. А теперь, с этим убийством, похоже, снова в деле.

Глаза у нее расширились.

— Вы имеете в виду дело об убийстве Спалтера?

— А вам о нем известно?

— Известно? — удивилась она. — Ну конечно!

— Из новостей?

— Ну да, и, опять же, элемент личной причастности.

— Потому что мать жертвы жила здесь?

— Отчасти, но... а вы мне не скажете, в чем, собственно, дело?

— Меня попросили рассмотреть некоторые аспекты этого дела, до сих пор оставшиеся не проясненными.

Она лукаво посмотрела на Гурни.

— Кто-то из семьи попросил?

Гурни кивнул и улыбнулся, словно отдавая дань ее проницательности.

— И кто же? — спросила она.

— А кого вы знаете?

— Всех.

— И Кэй? Йону? Алиссу?

— Кэй и Йону — само собой. Карла и Мэри знала. Алиссу только по имени.

Гурни уже собирался спросить, откуда она их всех знает, но тут понял, что ответ очевиден. Почему-то он

не сразу связал название дома престарелых — “Эммерлинг Оукс” — с добытым в “Ивовом покое” фактом, что деда Карла звали Эммерлингом. По всей видимости, семья владела не только кладбищами и домами.

— Как вам работается на “Спалтер Риэлти”?

Женщина сузила глаза.

— Сперва вы ответьте на мой вопрос. Что вас сюда привело?

Гурни нужно было принимать решение — причем быстро, основываясь на внутреннем чутье. Он мысленно прикинул потенциальные риски и выгоды различных степеней откровенности. Основываться ему было, в общем, почти и не на чем. Собственно говоря, зацепкой служила лишь одна крошечная деталь, которую он, вполне вероятно, неверно интерпретировал. Мимолетное ощущение, что собеседница произнесла имя “Карл” с таким же отвращением, как и Полетта Парли.

Он принял решение.

— Позвольте мне выразиться так, — он доверительно понизил голос. — Некоторые аспекты вынесенного Кэй Спалтер приговора оставляют место для вопросов.

Собеседница отреагировала мгновенно, только что рот не разинула.

— Вы хотите сказать, она этого все же не делала? Боже, я так и знала!

Тогда Гурни сделал следующий шаг:

— По-вашему, она не способна убить Карла?

— Ой, да как раз очень даже способна. Но она никогда не сделала бы этого таким образом.

— В смысле, из ружья?

— В смысле, издалека.

— Почему же?

Она наклонила голову набок, скептически разглядывая Гурни.

— Вы хорошо знаете Кэй?

— Наверное, не так хорошо, как вы... мисс?... миссис?

— Кэрол. Кэрол Блисси.

Он протянул через стол руку.

— Приятно познакомиться, Кэрол. И очень признателен, что вы уделите мне время. — Она ответила ему коротким, но твердым пожатием. Пальцы и ладонь у нее были теплыми. Гурни продолжал: — Я работаю с группой ее юристов. С Кэй я встречался один раз лично и еще один раз долго разговаривал с ней по телефону. В результате встречи у меня успело сложиться мнение о ее личности и характере, но подозреваю, вы знаете ее гораздо лучше.

Кэрол Блисси выглядела польщенной. Она рассеянно поправила край выреза черной шелковой блузки. На всех пяти пальцах у нее сверкали кольца.

— Когда я сказала, что она никогда не сделала бы этого таким образом, я имела в виду, что это просто не в ее стиле. Если вы вообще хоть немного знаете Кэй, то знаете, что она из тех, кто предпочитает все говорить в лицо. В Кэй ни капли скрытности, желания сделать что-нибудь исподтишка. Реши она убить Карла, она не стала бы стрелять в него с расстояния в полмили. Подошла бы прямо к нему и раскроила бы ему голову топором.

Она помолчала, словно прислушиваясь к собственным словам, и скорчила гримаску.

— Простите, прозвучало как-то отвратительно. Но вы же понимаете, что я имела в виду?

— Очень хорошо понимаю. У меня о ней сложилось

точно такое же впечатление. — Он помолчал, восхищенно глядя на ее руки. — Кэрол, какие у вас красивые кольца.

— Что? — Она посмотрела на кольца. — Спасибо. Да, по-моему, очень симпатичные. Мне кажется, у меня хороший вкус на украшения. — Она облизнула уголки губ кончиком языка и посмотрела на Гурни. — Знаете, а вы же мне так и не сказали, что вас сюда привело.

Пора было делать выбор — который он до сих пор все оттягивал, — какую именно долю правды рассказать. Откровенность была сопряжена с довольно большим риском, но и сулила награду. В данный момент, после начала беседы с Кэрол Блисси, чутье подсказывало ему пойти дальше, чем он зашел бы при обычных обстоятельствах. Гурни казалось, его открытость будет вознаграждена.

— Вопрос довольно деликатный. Не из тех, какие я стал бы обсуждать с кем попало. — Он набрал в грудь побольше воздуха. — У нас появились новые улики, заставляющие предположить, что смерть Мэри Спалтер могла быть вовсе не несчастным случаем.

— Не... несчастным случаем?

— Мне не следовало этого говорить, но я хотел бы, чтобы вы помогли мне, так что я вынужден быть с вами откровенным. Я считаю, дело Спалтеров — это *двойное* убийство. И не думаю, что Кэй имеет к этому хоть какое-то отношение.

Кэрол, похоже, потребовалось несколько секунд на то, чтобы осознать смысл этих слов.

— Вы собираетесь вытащить ее из тюрьмы?

— Надеюсь.

— Как здорово!

— Но мне нужна ваша помощь.

— Какого рода?

— Полагаю, у вас тут имеются камеры видеонаблюдения?

— Разумеется.

— Вы долго храните видеозаписи?

— Гораздо дольше, чем стоило бы. В прежние времена у нас были эти громоздкие кассеты, которые приходилось использовать по несколько раз. Но у современных цифровых носителей вместительность просто огромная, так что мы ничего не стираем и не вмешиваемся в процесс. Когда обнаруживается нехватка памяти, устройство автоматически стирает старые файлы, но не думаю, что чаще, чем раз в год, — во всяком случае, это касается камер, реагирующих на движение. С файлами из постоянно работающих камер, в отделении медицинской помощи, там, или в спортивном зале, дело обстоит иначе. Они удаляются быстрее.

— Вы несете ответственность за то, чтобы это все работало исправно?

Она улыбнулась.

— Я тут несу ответственность за все.

Унизанные кольцами пальцы разгладили невидимую складочку на блузке.

— Готов ручаться, вы отлично справляетесь.

— Стараюсь. Так что именно в видеофайлах вас интересует?

— Посетители “Эммерлинг Оукс” в день смерти Мэри Спалтер.

— Конкретно *ее* посетители?

— Нет. Вообще все посетители, поставщики, курьеры,

ремонтники, бытовое обслуживание — все, кто в тот день сюда приходил.

— А вам очень скоро это нужно?

— А вы хотите, чтобы Кэй поскорее вышла из тюрьмы?

Гурни знал, что, мягко говоря, преувеличивает значение видеозаписей, даже если на видео, как он и надеялся, окажутся улики, меняющие всю картину.

Кэрол усадила его за компьютер в комнате, занимавшей заднюю треть коттеджа, а сама отправилась в другое здание и переслала на этот компьютер несколько больших видеофайлов. Вернувшись, она дала гостю кое-какие инструкции, причем перегибалась ему через плечо так, что сосредоточиться было совсем нелегко.

Когда она уже собиралась вернуться к себе в офис, Гурни как можно небрежней спросил:

— Вам нравится работать на “Спалтер Риэлти”?

— Не стоило бы мне, наверное, об этом говорить.

Она одарила Гурни игривым взглядом, как бы намекая, что ее можно уговорить на многое, чего ей не следовало бы делать.

— Вы оказали бы мне большую услугу, если бы просто рассказали, что вы думаете о семействе Спалтеров.

— Я бы и рада помочь. Но... это ведь только между нами, да?

— Разумеется.

— Что ж... Кэй была потрясающей. Вспыльчивая, но все равно потрясающая. Но Карл — просто ужас. Холодный, как лед. Все, что его интересовало, — это чистая прибыль. И он был тут главным. Йона держался в стороне, потому что не хотел иметь с ним дело.

— А теперь?

— Теперь, после смерти Карла, главный тут Йона. —

Она смотрела на Гурни с опаской. — Его я еще толком не знаю.

— А я так не знаю вообще. Но, Кэрол, могу сказать, что я о нем слышал. Святой. Проходец. Фантастический человек. Религиозный фанатик. Можете добавить еще что-нибудь?

В ответ на пытливый взгляд Гурни Кэрол улыбнулась.

— Не думаю. — Она снова облизнула уголки губ. — О таких людях лучше расспросить кого-нибудь другого. Меня особенно религиозной не назовешь.

Следующие три часа Гурни просматривал видеофайлы с трех камер наблюдения, которые, по его расчетам, могли заснять что-нибудь важное: камеры были установлены так, чтобы охватывать зону парковки, кабинет Кэрол Блисси и автоматические ворота на въезде для жильцов.

Самыми интересными оказались записи с парковки и из офиса. Был там маляр, привлечший внимание Гурни тем, что словно бы играл роль маляра из мультфильма, только что ведро с краской не опрокинул. Был разносчик пиццы с совершенно безумными глазами — словно пробовался на роль психопата в фильме для подростков. И был курьер из службы доставки цветов.

Гурни дюжину раз пересмотрел два коротких фрагмента, в которых появлялся этот курьер. На первом видно было, как на парковке останавливается темно-синий фургончик, ничем не примечательный, если не считать эмблемы на водительской дверце: “Цветы Флоренции”. Во втором фрагменте, где имелось не только изображение, но и звук, водитель фургончика входил в офис Кэ-

рол, сообщал, что привез букет — хризантемы — для миссис Марджори Стотлмейер, а потом просил указаний, как добраться до ее кондо, и их выслушивал.

Водитель был мал и щеделушен — в ракурсе сверху, да еще и под углом трудно было сказать, насколько мал, — а одет в узкие джинсы, кожаную куртку, шарф и шапку с ушами, на нем также были и массивные темные очки. Сколько ни просматривал Гурни эту запись, он так и не мог сказать наверняка, мужчина это или женщина. Однако после нескольких просмотров обратил внимание вот на что: хотя курьер назвал только одно имя, букетов он принес два.

Гурни сходил за Кэрол Блисси, привел ее из офиса и прокрутил перед ней этот отрывок.

Она приоткрыла рот от удивления.

— Ах, этот вот! — Подтащив к себе стул, она уселась почти вплотную к Гурни. — Ну-ка, проиграйте снова.

Пересмотрев отрывок, она кивнула.

— Вот этого-то я помню.

— Помните *его*? — уточнил Гурни. — Или *ее*?

— Забавно, что вы спрашиваете. Вот это мне и запомнилось — как я сама именно таким вопросом задавалась. Судя по голосу, движениям — вроде бы не совсем мужчина, а вроде бы и не женщина.

— Что вы имеете в виду?

— Скорее, как... как маленький... пикси. Вот, точно — пикси. Точнее я и описать не могу.

Гурни тотчас вспомнилось, как Боло говорил — “миниатюрный”.

— И вы направили курьера в конкретную комнату, так?

— Да, к Марджори Стотлмейер.

— Вы не знаете, цветы до нее дошли?

— Да. Потому что она мне потом насчет них звонила. Что-то там с ними было не так, не помню, что именно.

— Она еще живет здесь?

— Да-да. Сюда приезжают уже насовсем. Жильцы у нас меняются, только когда кто-то умирает.

Гурни мимоходом подумал, многие ли из тех, кто скончался здесь, перебираются в “Ивовый покой”, но сейчас у него имелись более неотложные вопросы.

— Вы ее хорошо знаете, эту Стотлмейер?

— А что вам надо о ней знать?

— У нее хорошая память? Она не откажется ответить на пару вопросов?

Вид у Кэрол Блисси сделался заинтригованный.

— Марджори девяносто три, она полностью в здравом уме и твердой памяти и обожает посплетничать.

— Великолепно, — сказал Гурни, поворачиваясь к ней. В тонком запахе ее духов различался легкий аромат роз. — Вы очень помогли бы мне, если бы позволили ей и сказали, что детектив расспрашивал вас про курьера, доставившего ей цветы в декабре, и был бы благодарен, если бы она уделила ему минутку-другую.

— Конечно.

Она поднялась и, направляясь к выходу мимо Гурни, чуть задела рукой его спину.

Через три минуты Кэрол вернулась с телефоном в руках.

— Марджори говорит, она как раз собирается принять ванну, потом немного вздремнуть, а потом готовиться к ужину, но может поговорить с вами по телефону вот прямо сейчас.

Гурни одобрительно показал ей большой палец и взял телефон.

— Алло, миссис Стотлмейер?

— Называйте меня Марджори. — Голос у нее был высокий и резкий. — Кэрол говорит, вы интересуетесь этим забавным маленьким созданием, которое принесло мне таинственный букет. А почему?

— Возможно, это пустяки, а возможно, наоборот, очень важно для расследования. Вы вот сказали, “таинственный букет”, а что...

— Убийство? Да?

— Марджори, надеюсь, вы понимаете, что пока я не должен разглашать сведения.

— Значит, и правда — убийство. Боже ты мой! Я с самого начала знала, что тут что-то не так.

— С самого начала?

— Да цветы эти. Я ведь ничего не заказывала. И открытки никакой не было. А все, кто меня знал достаточно близко, чтобы дарить цветы, уже либо умерли, либо выжили из ума.

— Букет был только один?

— Что вы имеете в виду — только один?

— Один букет цветов, не два?

— Два? Да откуда бы мне два получить? И один — это уж ни в какие ворота не лезет. Сколько, по-вашему, у меня мертвых поклонников?

— Спасибо, Марджори, ваши ответы мне очень помогли. Еще один вопрос. Это вот, по вашему выражению, “забавное маленькое создание”, доставившее вам цветы, — это был мужчина или женщина?

— Стыдно сказать, даже не знаю. В том-то и беда, когда стареешь. В мире, где росла я, мужчины и женщины различались очень сильно. *Vive la différence!* Слышали такое выражение? Это по-французски.

- А это созданыице вас о чем-нибудь спрашивало?
- О чем, например?
- Не знаю. О чем угодно.
- Ни о чем. Вообще почти ничего не сказало. “Вам цветы”. Как-то так. Писклявый такой голосочек. И нос смешной.
- Чем смешной?
- Острый такой. Как клюв.
- Можете припомнить еще что-нибудь необычное?
- Нет, больше ничего. Крючковатый нос, вот и все.
- А какого роста.
- С меня, не выше. Может даже, пониже на дюйм-другой.
- А вы...
- Ровно шестьдесят два дюйма. Пять футов два дюйма, глаза голубые. У меня, не у него. У него глаза за темными очками поди различи. А ведь ни лучика солнца в тот день не было. Серость беспросветная. Но темные очки теперь не от солнца носят, да? Теперь это модно. Вы не знали? Модно.
- Спасибо, что уделили мне время, Марджори. Вы мне очень помогли. Я с вами еще свяжусь.
- Гурни разъединился и вернул телефон Кэрл.
- Она моргнула.
- Я вспомнила, что там была за проблема.
- Какая проблема?
- Почему Марджори мне в тот день звонила. Спрашивала, не забыл ли курьер по рассеянности открытку у меня на столе. Ведь с цветами никакой открытки не было. Но почему вы у нее спрашивали про количество букетов, один он был или два?
- Если вы просмотрите видео внимательнее, — пояс-

нил Гурни, — то заметите, что хризантемы там в двух отдельных обертках. Сюда привезли два букета, не один.

— Не понимаю. Что это значит?

— Это значит, что “созданыице”, повидавшись с миссис Стотлмейер, завернуло к кому-то еще.

— Или еще до того. Она ведь сказала, что у курьера был только один букет.

— Готов спорить, второй букет был временно заткнут за дверь.

— Почему?

— Потому что я думаю, наше созданыице явилось сюда убить Мэри Спалтер. А второй букет принесло, чтобы иметь предлог постучаться к ней в дверь — и чтобы она непременно открыла.

— Все равно не понимаю. Отчего бы не принести один букет — и сказать мне, что это для Мэри Спалтер? Зачем вообще приплетать сюда Марджори Стотлмейер? Бессмыслица какая-то.

— Вовсе нет. Имейся у вас в учетных записях отметка, что кто-то посещал Мэри Спалтер незадолго до ее смерти, все дело рассматривали бы гораздо тщательнее. А убийце явно было очень важно, чтобы смерть Мэри сочли несчастным случаем. Так оно и вышло. Подозреваю, даже вскрытие не проводили.

Кэрол разинула рот.

— Так вы... вы говорите... убийца был здесь... у меня... а потом у Марджори... и...

Вид у нее внезапно сделался очень испуганный, беззащитный. И Гурни так же внезапно захлестнул страх — вдруг он делает как раз то, от чего зарекался: слишком спешит? Строит гипотезы на основании других гипотез — и принимает их за рациональные выводы.

ды. И еще один щекотливый вопрос. С какой стати он поделился с этой женщиной своей версией об убийстве? Пытался напугать ее? Понаблюдать за ее реакцией? Или просто хотел, чтобы кто-то со стороны подтвердил — да, он соединяет звенья цепи в правильном порядке. Подтвердил его правоту.

Но что, если он все-таки соединяет не те звенья, получает не ту картину событий? Что, если так называемые “звенья” — совершенно разрозненные, никак не связанные между собой факты? В такие минуты он всегда с тяжелым сердцем вспоминал, что все люди, живущие на одной и той же широте, видят в небе одни и те же звезды. Но созвездия в разных культурах разные. Он неоднократно наблюдал подтверждения этого феномена: узоры, которые мы получаем, зависят от того, во что мы хотим верить.

Глава 23

Щелчок

Покинув “Эммерлинг Оукс”, Гурни, по-прежнему полный сомнений и в безрадостном состоянии духа, доехал до первого же попавшегося магазинчика и купил себе большой стакан крепкого кофе и пару овсяных батончиков вместо пропущенного обеда. Вернувшись в машину, он съел один батончик, оказавшийся совершенно безвкусным, твердым и липким. Второй он зашвырнул в бардачок машины на случай, если голод станет уж совсем невыносимым, и отпил несколько глотков еле теплого кофе.

Потом снова занялся делом.

Перед уходом из офиса Кэрол Блисси он сгрузил себе на телефон файлы с записями, на которых фигурировал курьер с цветами, и теперь послал эти фрагменты на мобильник Боло, сопроводив подписью: “Этот человек с цветами вам никого не напоминает?”

Тот же видеоматериал он отправил и Хардвику с текстом: “Тот, что с цветами, может оказаться интересующим нас лицом по делу Спалтеров — возможная связь между смертью Мэри и Карла. Продолжение следует”.

Пересмотрев кадры с парковки, он утвердился в первоначальном впечатлении, что эмблема на дверце мини-вэна не была нарисована на самой машине, а крепилась на магните. Кроме того, она была только одна — и расположена со стороны водителя, а не на пассажирской дверце: странный выбор, учитывая, что людям чаще видно пассажирскую сторону. Однако выбор этот обретал смысл, если водитель хотел иметь возможность быстро удалить эмблему прямо на ходу.

Телефона на эмблеме не было. Гурни поискал “Цветы Флоренции” в интернете и нашел несколько цветочных магазинов с таким названием, но ни одного — ближе нескольких сотен миль к “Эммерлинг Оукс”. Ни то, ни другое его ничуть не удивило.

Допив вконец остывший кофе, он направился к Уолнат-Кроссингу — одновременно и воодушевленный, и разочарованный тем, что виделось ему двумя главными странностями дела: фонарем, из-за которого предполагаемое место выстрела следовало сбросить со счетов, и сочетанием относительно простого объекта убийства со слишком уж сложным методом исполнения.

Карла убили так же, как Освальд застрелил Кеннеди. Не так, как жены стреляют в мужей. Не так, как проводят разборки в бандитских группировках. Гурни казалось, что той же цели можно было достичь дюжиной других способов — способов, предполагающих гораздо меньше планирования, координирования и точности, чем снайперский выстрел с пятисот ярдов через реку во время похоронной церемонии, да тем более еще из дома, битком набитого незаконно вселившейся туда шантрапой. Конечно, при условии, что стреляли все-таки именно из этого дома. Из какого-то окна, откуда

можно было прицелиться прямо в висок Карлу Спалтеру. И, говоря о сложности метода, зачем понадобилось сперва убивать мать Карла? Учитывая все дальнейшее, самая очевидная причина состояла в том, чтобы выманить Карла на кладбище. Но что, если Мэри Спалтер убили по каким-то совсем иным причинам?

Вертя в голове эти запутанные факты, Гурни не заметил, как пролетел час дороги домой. Занятый поиском возможных объяснений и взаимосвязей, он почти не осознавал, где едет, пока уже наверху горного проселка, кончавшегося у его дома, сигнал сообщения на телефоне не заставил его вернуться к действительности. Ответ от Боло — ровно такой, на какой он и надеялся: *“Да-да. те же очки. чудной нос. парень из сортира”*.

Как ни сомнителен был этот свидетель — и Хардвик наверняка не преминет снова на это указать, — но подтверждение (хоть какое-то) того, что оба раза на месте событий присутствовал странный маленький человечек, впервые дало Гурни ощущение, что он движется в верном направлении. Ощущение едва уловимое и сродни тому, какое испытываешь при щелчке двух первых сошедшихся кусочков головоломки из пятисот деталей, — но все же приятно.

Щелчок есть щелчок. А у первого — особый звук.

Глава 24

Все проблемы мира

Войдя в кухню, Гурни увидел пластиковый магазинный пакет с очертаниями каких-то угловатых предметов. Рядом лежала записка от Мадлен: “Завтра по прогнозам хорошая погода. Я купила кое-какие инструменты, так что можно будет начать строить домик для кур. Ладно? У меня сегодня расписание поменялось, так что я приходила домой на пару часов, а теперь надо возвращаться. Буду не раньше семи. Ешь, не жди меня. Продукты в холодильнике. Люблю. М.”

Он заглянул в пакет и обнаружил там металлическую рулетку для измерений, большой клубок желтой нейлоновой бечевки, два брезентовых фартука с карманами, два плотницких карандаша, желтый блокнот с линованной бумагой, две пары рабочих перчаток, два плотницких уровня и горстку металлических колышков для разметки углов.

Всякий раз, когда Мадлен предпринимала конкретные шаги по продвижению очередного проекта, требующего его участия, первой реакцией Гурни был тоскливый ужас. Но после их недавнего разговора о его

беспрестанной тяге ко всему мрачному и кровавому — а может, после той близости, что пережили они после этого разговора, — он попытался взглянуть на затею с курятником чуть более позитивно.

Возможно, душ поможет ему настроиться на правильный лад.

Через полчаса он вернулся на кухню — освежившийся, голодный и почти примирившийся с желанием Мадлен поскорее взяться за курятник. Собственно говоря, он даже воспрянул духом настолько, что готов был сделать первый шаг. Прихватив покупки Мадлен со стола и молоток из кладовки, он вышел во дворик и принялся разглядывать место, намеченное Мадлен для курятника и вольеры вокруг, — кусочек земли между аспарагусом и старой яблоней, где Горация и его маленький гарем будет видно от стола для завтрака. Где Гораций сможет вволю кукарекать, заявляя о своих правах на территорию.

Гурни подошел к грядке с аспарагусом, обложенной деревянными балками четыре на четыре дюйма, и вытряхнул содержимое пакета на траву. Взяв желтый блокнот и карандаш, он набросал взаимное расположение грядки, дворика и яблони, а потом отмерил место для курятника и вольеры.

Вооружившись рулеткой, чтобы выверить расстояния, он услышал, что в доме звонит телефон, и, оставив блокнот и карандаш во дворике, отправился в кабинет. Звонил Хардвик.

— Привет, Джек. Спасибо, что перезвонил.

— Так кто этот чертов коротышка?

— Хороший вопрос. Все, что я могу пока сообщить, это что он — мне сказали, это именно он, а не она, —

был в доме престарелых Мэри Спалтер в день, когда она умерла, а еще в той квартире в Лонг-Фоллсе за пять дней до покушения на Карла Спалтера и потом в день самого покушения.

— А Клемпер должен был это выяснить?

— Эставио Болокко утверждает, он рассказал Клемперу, что два раза видел коротышку. Клемпер должен был что-то заподозрить — хотя бы задаться вопросом о времени смерти матери.

— Но свидетелей разговора между Клемпером и Болокко нет?

— Разве что Фредди, который давал показания на суде. Но он, как я уже тебе говорил, пропал.

Хардвик громко вздохнул.

— Без доказательств что нам толку от этой предполагаемой беседы между Клемпером и Болокко?

— То, что Болокко опознал человека с видеозаписи из “Эммерлинг Оукс”, связывает смерти матери и сына. Уж это бесполезным никак не назовешь.

— Но само по себе это не доказывает полицейской халатности, а значит, в целях нашей апелляции совершенно бесполезно — а она и есть *наша единственная цель*, о чем я не устаю тебе напоминать, хотя ты, похоже, и слышать не хочешь.

— А ты не хочешь слышать, что...

— Знаю — слышать не хочу о правосудии, о невиновных и виноватых. Ты это хотел сказать?

— Ладно, Джек, мне пора. Если найду еще что-нибудь столь же бесполезное, тоже тебе пришло. — Молчание. — И кстати, ты бы навел справки об остальных свидетелях против Кэй. Интересно, многих ли из них еще можно найти.

Хардвик ничего не ответил.

Гурни повесил трубку.

Взглянув на часы, он обнаружил, что уже почти шесть, и вспомнил, что вообще-то проголодался. За весь день — только тот гнусный батончик и немного сахара в кофе. Гурни отправился на кухню и приготовил себе омлет с сыром.

Еда его успокоила. Сняла почти все напряжение, порожденное постоянными столкновениями между его подходом к делу и подходом Хардвика. Гурни с самого начала ясно дал понять: если Хардвику нужна помощь, то получит он ее только на условиях Гурни. И своего решения он не изменит. Но и Хардвик ворчать, похоже, не перестанет.

Пока он стоял у раковины, отмывая сковородку, на которой жарил омлет, веки у него начали тяжелеть, а идея чуть-чуть вздремнуть вдруг показалась очень привлекательной. Просто прилечь на двенадцать минут, восстановить силы в полудреме — как он спасался во времена двойных нарядов в полиции. Он вытер руки, пошел в спальню, положил телефон на тумбочку, сбросил ботинки, вытянулся поверх покрывала и закрыл глаза.

Разбудил его телефон.

Гурни мгновенно понял, что прошло куда больше намеченных двенадцати минут. Часы у постели показывали 19:32. Он спал больше часа.

Определитель номера сообщал, что звонит Кайл Гурни.

— Алло?

— Привет, пап! У тебя сонный голос. Я тебя не разбудил?

— Ничего-ничего. Ты где? Случилось что-нибудь?

— Я тут, у себя, смотрю ту передачу про всякие юридические штуки, как там ее? “Криминальный конфликт”? И этот адвокат, который сегодня дает интервью, постоянно упоминает тебя.

— Что? Какой еще адвокат?

— Какой-то тип по фамилии Бинчер. Рекс, Лекс, что-то вроде того?

— По телевизору?

— Твой любимый канал. “РАМ-ТВ”. Передачи дублируются у них на веб-сайте.

Гурни поморщился. Даже если бы у него не было таких проблем с “РАМ-ТВ” во время расследования дела о Добром Пастыре, сама мысль, что о нем говорят на самом низкопробном и тенденциозном кабельном канале в истории телевидения, казалась омерзительной. И что, черт возьми, вообще Бинчер там делает?

— Вот прямо сейчас?

— Ага. Один мой друг случайно смотрел и услышал, как они упоминают фамилию Гурни. Он позвонил мне, вот я и включил. Просто зайти на их сайт и нажать кнопку “Прямая трансляция”.

Гурни слез с постели, поспешил в кабинет и, включив ноутбук, последовал инструкциям Кайла — по ходу дела гадая, что за игру ведет Бинчер, и снова переживая малоприятный опыт общения с главным редактором канала, полученный всего несколько месяцев назад.

С третьей попытки ему удалось включить передачу. На экране высветились двое мужчин, сидящих в угловатых креслах по разные стороны низкого столика с графином воды и двумя стаканами. Внизу экрана белые буквы на красной полосе сообщали: “Криминаль-

ный конфликт”. Еще ниже, на синей полосе, бегущей строкой шла бесконечная серия панических новостей о всевозможных напастьх, бедствиях, катастрофах и раздорах в мире — угроза ядерной атаки террористов, опасность ядовитой тилапии, ссора среди знаменитостей с последовавшим столкновением “Ламборгини”.

Тот из двоих, что сидел слева и держал в руке несколько листов бумаги, со свойственным любым телевизионным интервью бессмысленно-серьезным видом наклонился к собеседнику. Гурни включил передачу посередине фразы:

— ... прямо-таки обвинительный акт для всей системы, Лекс, если позволите мне использовать этот юридический термин.

Его собеседник, и так уже подавшийся вперед, наклонился еще больше. Он улыбался, точнее сказать — недружественно скалился. Говорил он в нос, зато резко и громко.

— Брайан, за много лет работы адвокатом по криминальным делам я никогда еще не сталкивался со столь вопиющим примером полицейской недобросовестности. Полное искажение самого понятия “правосудие”.

Брайан картинно ужаснулся.

— Перед рекламой вы как раз начали перечислять проблемы, с которыми столкнулись, Лекс. Нестыковки в описании места преступления, предвзятость, пропавшие записи допросов свидетелей...

— А теперь можете добавить к этому списку еще по крайней мере одного исчезнувшего свидетеля. Я только что получил сообщение от члена нашей команды. Плюс сексуальные отношения с возможной подозреваемой. Плюс сброс со счетов напрашиваю-

щихся альтернативных сценариев убийства — как тот, например, роковой конфликт с организованной преступностью, другими членами семьи, у которых имелись более веские мотивы для убийства, чем у Кэй Спалтер, или даже политическое убийство. Фактически, Брайан, я уже почти готов потребовать расследование с участием государственного обвинителя по особо важным преступлениям. Возможно, мы имеем дело с масштабной попыткой прикрыть недобросовестное разбирательство. У меня не укладывается в голове, что версия организованной преступности даже не рассматривалась с самого начала.

Ведущий, чье лицо выражало апофеоз безмозглого смятения, замахал бумажками.

— Так вы утверждаете, Лекс, что эта прискорбная ситуация может оказаться куда серьезнее, чем нам кажется?

— И это еще слабо сказано, Брайан! Предвижу, что немало блестящих карьер в правоохранительных органах лопнет с жутким треском! Головы полетят на всех уровнях — и у меня сердце не дрогнет первым поднять топор!

— Похоже, вам удалось обнаружить множество ошеломляющих фактов за самый короткий срок. Чуть ранее вы упомянули, что рекрутировали себе в команду звезду нью-йоркской полиции Дэйва Гурни — того самого детектива, который недавно перечеркнул официальную версию дела о Добром Пастыре. Это Дэйв Гурни и стоит за всеми новыми сведениями?

— Скажем так, Брайан: я возглавляю очень сильную команду. Я заказываю репертуар, и у меня есть отличные оркестранты, чтобы его исполнить. У Гурни самый блестящий послужной список по раскрытию убийств за всю историю нью-йоркской полиции. И я приставил

к нему идеального партнера, Джека Хардвика — детектива, которого вынудили уйти из полиции за то, что он помогал Гурни докопаться до истины в деле о Добром Пастыре. А все вместе мы получаем чистейший динамит — бомба за бомбой. Честно скажу — с их помощью я намерен взорвать дело Спалтеров к чертовой матери.

— Лекс, у вас вышла идеальная заключительная фраза. А наше время как раз подходит к концу. Спасибо огромное, что уделили нам внимание сегодня вечером. С вами был Брайан Борк из “Криминального конфликта”, ваш обозреватель на самых взрывоопасных судебных битвах!

Внезапно раздавшийся за спиной голос заставил Гурни вздрогнуть.

— Что смотришь?

В дверях кабинета стояла насквозь промокшая Мадлен.

— Под дождь попала?

— Там льет. Ты не заметил?

— Увяз в этом вот — во всех смыслах.

Он показал на компьютер.

Мадлен вошла в комнату, чуть нахмурившись, посмотрела на экран.

— Что это он сейчас про тебя говорил?

— Ничего хорошего.

— А звучало хвалебно.

— Не всегда хорошо, когда тебя хвалят. Сильно зависит — кто именно.

— А кто это говорил?

— Пустобрех, которого Хардвик раздобыл для Кэй Спалтер.

— И в чем проблема?

— Мне не нравится слышать свое имя по телевизору, особенно из уст самовлюбленного болвана и таким тоном.

Мадлен явно встревожилась.

— Думаешь, он этим всем навлекает на тебя опасность?

А думал Гурни (хотя не стал говорить этого, чтобы не напугать жену), что когда убийца знает тебя в лицо раньше, чем ты его, — расстановка сил на игровом поле уже не в твою пользу.

Он пожал плечами.

— Не люблю публичность. Не выношу, когда версии по делу вываливают средствам массовой информации. Не люблю преувеличений. А больше всего не люблю самодовольных и громогласных адвокатишек.

Однако передача вызвала в нем еще одно чувство, о котором он не упомянул: радостное возбуждение. Хотя все его недовольные замечания были искренни, Гурни все же не мог не признать, пусть даже лишь для себя самого, что пустобрех вроде Бинчера очень даже способен встряхнуть все дело, спровоцировать различные заинтересованные стороны на новые, разоблачающие их шаги.

— Ты уверен, что тебя беспокоит только это?

— А разве мало?

Она посмотрела на него долгим, тревожным взглядом, яснее слов говорившим: “Ты ведь так и не ответил на мой вопрос”.

Гурни решил подождать со звонком Хардвику до утра и тогда уж первым делом обсудить с ним сногсшибательное выступление Бинчера.

И вот теперь, в половине девятого утра, решил подождать еще немного — хотя бы сперва кофе выпить. Мадлен уже сидела за столом. Он принес чашку и для себя и сел напротив. В ту же секунду зазвонил городской телефон. Гурни бросился назад в кабинет, чтобы ответить.

— Гурни слушает. — Это была его старая, полицейских времен привычка отвечать так по телефону, он думал, что уже избавился от нее.

Хриплый, низкий, чуть ли не сонный голос, раздавшийся на другом конце провода, оказался ему незнаком.

— Здравствуйте, мистер Гурни. Меня зовут Адонис Ангелидис. — Собеседник помолчал, словно ожидая, что его тут же узнают. Однако не услышав ответного отклика, продолжил: — Я так понимаю, вы работаете с человеком по фамилии Бинчер. Это правда?

Вот теперь ему удалось безраздельно завладеть вниманием Гурни — особенно учитывая, что того подстегивали воспоминания о разговоре с Кэй Спалтер: та упомянула человека, известного как Донни Ангел.

— А почему вы спрашиваете об этом?

— Почему я спрашиваю? Из-за его выступления в телепередаче. Бинчер очень часто упоминал ваше имя. Вы ведь в курсе, да?

— Да.

— Отлично. Вы следовательно, верно?

— Да.

— И знаменитый, верно?

— Насчет этого не скажу.

— Смешно. “Насчет этого не скажу”. Мне это нравится. Скромный малый.

— Мистер Ангелидис, чего вы хотите?

— Я-то сам ничего не хочу. Но полагаю, могу рассказать вам кое-что, что вам надо знать.

— Что же это?

— Такое нужно обсуждать лично. Я мог бы уберечь вас от кучи проблем.

— И какого рода проблем?

— Да от всех в мире. И еще это вопрос времени. Я сэкономлю вам массу времени. Время очень ценно. У нас его не так-то много. Понимаете, о чем я?

— Хорошо, мистер Ангелидис. Мне нужно знать, о чем речь.

— О чем? Да о вашем грандиозном проекте. Услышав вчера по телевизору Бинчера, я сказал себе — да это ж все сплошное дерьмо, они ни хрена не знают, что делают. Он там чепуху молол — вы только время зря потеряете, вконец запутаетесь. Вот и решил сделать вам одолжение, вывести на прямую дорожку.

— На прямую дорожку куда?

— К ответу на вопрос, кто убил Карла Спалтера. Вы ведь это хотите узнать, верно?

Глава 25

Жирдяй Гас

Гурни, как и собирался, позвонил Хардвику, удержавшись от нападок на манеру поведения Бинчера. В конце концов, он ведь собирался встречаться с Донни Ангелом в два часа в ресторане в Лонг-Фоллсе: встреча могла изменить все дело — а ей он был обязан именно выступлению Бинчера.

Выслушав пересказ разговора с Ангелом, Хардвик без особого энтузиазма поинтересовался, не нужно ли Гурни прикрытие или, например, прослушка — на случай, если в ресторане что-то пойдет не так.

Гурни отклонил оба предложения.

— Он будет предполагать возможность, что я пришел с прикрытием, а в таком деле предположения уже достаточно. Что же до прослушки, он и ее заподозрит и примет все предосторожности, какие сочтет нужным.

— Ты хоть примерно догадываешься, что за игру он затеял?

— Догадываюсь только, что он не в восторге от направления, которое мы, по его мнению, разрабатываем, и хочет нас с него сбить.

Хардвик откашлялся.

— По всей очевидности, струхнул от предположения Лекса, будто Карла прихлопнули, потому что он перешел дорожку кому-то из организованной преступности.

— Кстати, его подход “пали во все стороны” куда шире твоих заклинаний “фокусируйся-фокусируйся-фокусируйся”.

— Да иди ты, Шерлок! Нарочно не желаешь понимать, к чему я веду! Суть в том, что он вытаскивает на свет сценарии, которые Клемпер должен был расследовать, но не стал. Все, что сказал Лекс, работает на тему бесчестного, некомпетентного, предвзятого расследования. И все. Суть апелляции именно в этом. Он говорил вовсе не о том, что тебе надо рыться во всем этом дерьме и что Клемпер этого не сделал.

— Ну ладно, Джек. Новая тема. Твоя подружка из бюро — Эсти Морено? Она может взглянуть на отчет о вскрытии Мэри Спалтер?

Хардвик стиснул зубы.

— А что там, по-твоему, должно говориться?

— Там будет сказано, что причина смерти соответствует случайному падению, но я готов ручаться, что описание повреждений костей и тканей соответствует удару тупым предметом — как если бы ее схватили за волосы и разmozжили ей голову о край ванны.

— Но ведь это все равно не докажет, что на самом деле она вовсе не падала. И что дальше?

— А дальше я просто пойду за ниточкой.

Закончив разговор с Хардвиком, Гурни посмотрел на циферблат и обнаружил, что у него есть еще пара свободных часов до отъезда в Лонг-Фоллс. Чувствуя, что надо бы предпринять какие-то шаги в строитель-

стве курятника, он влез в резиновые сапоги и вышел через боковую дверь к месту, которое начал обмерять накануне.

К своему удивлению, он обнаружил, что Мадлен уже там, возится с рулеткой. Зацепив один конец за низкую балку, поддерживающую аспарагус, она медленно пятилась к яблоне. Но когда уже почти дошла до цели, зацепленный конец сорвался и рулетка заскользила по земле, сворачиваясь в футляр, который Мадлен держала в руке.

— Черт возьми! Третий раз!

Гурни подобрал конец и оттянул его обратно к грядке.

— Тут держать? — уточнил он.

Мадлен облегченно кивнула.

— Спасибо.

Следующие полтора часа он помогал с измерениями участка для курятника и вольеры, забивал колышки в углах, вымерял диагонали — и только раз за все это время усомнился в правильности одного из решений Мадлен. Размечая территорию загончика, она провела границу так, что большой куст форситии оказался внутри, а не снаружи. Гурни подумал — не стоит, чтобы куст занимал так много пространства в вольере. Но Мадлен сказала — курам понравится куст на их территории, потому что, хоть они и любят бывать на солнышке, им нужны тень и укрытие. Так им спокойнее.

Пока Мадлен объясняла, Гурни осознал, до чего все это важно для нее. Он даже немножко позавидовал этому ее поразительному умению целиком сосредотачиваться на любом деле, за которое берется, искренне переживать за него. Казалось, для нее по-настоящему

важны столько разных вещей. У Гурни промелькнула слегка абсурдная мысль: что самое важное в жизни — это чтобы многое было для тебя важно. Почти сюрреалистичная мысль, которую Гурни отчасти списал на несуразную погоду. Было слишком холодно для августа, в воздухе витала осенняя дымка, а над влажной травой вставал свежий запах земли, так что все происходящее на краткий миг показалось скорее расплывчатым сном, чем колкой повседневной реальностью.

“Одиссей Эгейский”, ресторан, в котором Гурни встречался с Адонисом Ангелидисом по прозвищу Донни Ангел, находился на Экстон-авеню, без малого в трех кварталах от дома, вокруг которого вертелось расследование. Два часа дороги от Уолнат-Кроссинга прошли совершенно бессобытийно. Найти место для парковки, как и в прошлый приезд сюда, удалось без труда — всего в пятидесяти футах от двери ресторана. Гурни прибыл как раз вовремя: ровно в два часа дня.

Внутри оказалось тихо и почти безлюдно. Из двадцати с лишним столиков было занято только три, да и те — молчаливыми парочками. Интерьер был в традиционной греческой сине-белой гамме. На стенах — красочные керамические плитки. Вокруг витал смешанный аромат орегано, майорана, жареного барашка и крепкого кофе.

К Гурни подошел молоденький черноглазый официант.

— Чем могу служить?

— Моя фамилия Гурни. Я встречаюсь с мистером Ангелидисом.

— Разумеется. Прошу вас.

Он провел Гурни в глубь зала и, шагнув в сторону, указал на отдельный отсек на шестерых человек. Сейчас, правда, там сидел только один: крепко сбитый мужчина с большой головой и жесткими седыми волосами.

У него был приплюснутый, кривой нос боксера. Широкие плечи наводили на мысль, что когда-то (а может, и до сих пор) он отличался немалой физической силой. Выражение лица у него задавали глубоко врезавшиеся морщины угрюмого недоверия. В руках он держал толстую пачку долларов и пересчитывал их, выкладывая аккуратной стопкой на стол. На запястье блестели золотые часы “Ролекс”. При появлении Гурни он поднял голову и улыбнулся, не утратив при этом ни капли угрюмости.

— Спасибо, что пришли. Я Адонис Ангелидис. — Голос у него оказался низкий и хриплый, словно голосовые связки огрубели от постоянного крика. — Простите, что не встаю, чтобы поздороваться, мистер Гурни. У меня спина... того, хандрит. Садитесь, пожалуйста.

Несмотря на хрипоту, произношение у него оказалось удивительно четким, точно он тщательно шлифовал каждый слог.

Гурни уселся напротив него. На столе уже стояло несколько тарелок с едой.

— Кухня сегодня закрыта, но я попросил их приготовить несколько блюд, чтоб вы могли выбрать. Все очень вкусное. Вы знакомы с греческой кухней?

— Мусака, сувлаки, пахлава. Вот и все мои познания.

— Ага. Хорошо же. Тогда позвольте объяснить.

Он положил стопку долларов на стол и принялся подробно описывать каждое блюдо — *спанакопита*, *са-*

лата мелидзано, каламария тиганита, арни яхни, гаритес ме фета. Рядом стояли еще мисочка соленых оливок, корзинка с ломтями хлеба с хрустящей корочкой и большое блюдо со свежим лиловым инжиром.

— Берите, что приглянется, или попробуйте всего понемножку. Все очень вкусно.

— Спасибо. Попробую инжир.

Гурни взял штучку и откусил.

Ангелидис наблюдал за ним с любопытством.

Гурни кивнул в знак одобрения.

— Вы правы. Очень вкусно.

— Ну еще бы. Не торопитесь. Расслабьтесь. Поговорим, когда вы будете готовы.

— Можем начинать уже прямо сейчас.

— Ладно. Должен задать вам один вопрос. Мне тут немного о вас рассказали. Вы специалист по убийствам. Верно? Я, само собой, имею в виду — по расследованию убийств, а не их совершению. — Губы его снова улыбнулись. Глаза под тяжелыми веками оставались все столь же настороженно-бдительными. — Для вас ведь это главное?

— Да.

— Отлично. И никакой там ерунды насчет борьбы с организованной преступностью?

— Моя специализация — убийства. Я стараюсь не отвлекаться ни на что другое.

— Хорошо. Очень хорошо. Может, у нас найдутся общие интересы. Почва для сотрудничества. Как вам кажется, мистер Гурни?

— Надеюсь.

— Итак. Вы хотите узнать про Карла?

— Да.

— А греческую трагедию вы знаете?

— Прошу прощения?

— Софокл. Вы знаете Софокла?

— Слегка. Только то, что помню со времен колледжа.

Ангелидис подался вперед, тяжеломерно опираясь локтями на стол.

— У греческой трагедии очень простая идея. Великая истина: сила человека становится его же слабостью. Блестяще. Вы согласны?

— Могу представить, что такое бывает.

— Отлично. Потому что именно это и погубило Карла. — Ангелидис помолчал, пристально глядя в глаза Гурни. — Вы вот сейчас гадаете, что, черт возьми, я имею в виду, верно?

Гурни выжидающе молчал, откусив еще кусочек инжира и тоже глядя на Ангелидиса.

— Все очень просто. И трагически. Главная сила Карла заключалась в скорости мысли и жажде действия. Понимаете, что я говорю? Стремительность, без тени страха. Великая сила. Такой человек достигает многого, далеко идет. Но эта сила была и его слабостью. Почему? Потому что эта великая сила не знает терпения. Эта сила жаждет немедленно уничтожить все препятствия. Понимаете?

— Карл чего-то хотел. Кто-то встал у него на пути. Что дальше?

— Он, разумеется, решил уничтожить препятствие. Он всегда поступал так.

— И как он поступил на этот раз?

— Я слышал, он хотел заключить с одним профессионалом контракт на уничтожение этого препятствия. Я ему говорю — обожди, двигайся маленькими шажками

ми. Спрашиваю — могу я чем-то помочь? Как отец сына спрашиваю. А он мне — нет, задача выходит за рамки моей... моей сферы деятельности... и нечего мне вмешиваться.

— Вы имеете в виду, он хотел, чтобы кого-то убили, но не через вас?

— По слухам, он пошел к человеку, который организует такие вещи.

— А имя у этого человека имеется?

— Гас Гурикос.

— Профессионал?

— Посредник. Агент. Понимаете? Вы говорите Жирдяю Гасу, что вам надо, соглашаетесь о цене, даете ему информацию, какая потребуется, а дальше уже он сам. Для вас больше проблемы нет. Он сам все улаживает, нанимает подходящего умельца, вам больше и знать ничего не надо. Так оно удобнее. О Жирдяе Гасе столько забавных историй ходит. Я вам как-нибудь расскажу.

Гурни слышал столько забавных историй про мафию, что хватило бы на целую жизнь.

— То есть Карл Спалтер заплатил Жирдяю Гасу, чтобы тот нанял подходящего умельца, который убрал бы кого-то, вставшего у него на пути?

— Такие ходили слухи.

— Очень интересно, мистер Ангелидис. И чем эта история закончилась?

— Карл действовал слишком быстро. А Жирдяй Гас слишком медленно.

— В каком это смысле?

— Исход мог быть только один. Тот тип, которого Карл так спешил грохнуть, наверняка прослышал про контракт прежде, чем Гас передал его исполните-

лю. И успел сделать ход раньше. Превентивный удар, верно? Избавиться от Карла, пока Карл не избавился от него.

— А что ваш друг Гас обо всем этом говорит?

— Гас ничего не говорит. Гас ничего уже не может сказать. Гаса самого пришили — в ту пятницу, в один день с Карлом.

Вот это была новость так новость!

— По вашим словам, объект узнал, что Карл нанял Гаса, но не успел Гас принять меры, как объект оборачивается — и сам приканчивает обоих?

— В точку! Превентивный удар.

Гурни медленно кивнул. Вполне вероятная версия. Он откусил еще инжира.

Ангелидис, разгорячившись, продолжал:

— Так что задача у вас теперь проста. Найдите человека, которого хотел убить Карл, — вот и узнаете, кто убрал Карла.

— А у вас есть хоть какие-то догадки, кто бы это мог быть?

— Нет. И вам важно это знать. Так что теперь слушайте внимательно. То, что случилось с Карлом, не имеет ко мне ни малейшего отношения. Никакого отношения к сфере моей деятельности.

— Откуда вам это известно?

— Я хорошо знал Карла. Если бы я мог уладить проблему, он бы ко мне и пришел. Суть в том, что он пошел к Жирдяю Гасу. Значит, для него это было что-то личное, никакого касательства ко мне. Никакого касательства к моему бизнесу.

— Жирдяй Гас работал не на вас?

— Он ни на кого не работал. Жирдяй Гас работал не-

зависимо. Предоставлял услуги разным клиентам. Так оно удобнее.

— Так у вас нет ни малейшего представления, кто...

— Ни малейшего. — Ангелидис посмотрел на Гурни долгим и серьезным взглядом. — Если б я знал, то сказал бы вам.

— Почему вы сказали бы мне?

— Кто бы Карла ни убил, а мне он этим подгадил здорово. Не люблю, когда мне гадают. Сразу хочется подгадить в ответ. Понимаете?

Гурни улыбнулся.

— Око за око, зуб за зуб, да?

Ангелидис вдруг весь подобрался.

— Какого хрена вы вот это сказали?

И сам вопрос, и его резкость поразили Гурни.

— Это цитата из Библии, про правосудие путем причинения равного...

— Черт возьми, я знаю цитату. Но почему вы ее вспомнили?

— Вы же спросили, понимаю ли я ваше желание по-квитаться с теми, кто убил Карла и Гаса.

Ангелидис поразмышлял над этим ответом.

— Вы не знаете, как именно Гаса прикончили, да?

— Нет. А что?

Он помолчал еще несколько секунд, пристально глядя на Гурни.

— Мерзкая история. Вы точно не слышали?

— Абсолютно. Я и про его существование-то не знал, а уж тем более про то, как он умер.

Ангелидис медленно кивнул.

— Ну ладно. Я вам расскажу — вдруг поможет делу. Вечером в пятницу Гас всегда устраивал у себя дома

игру в покер. В ту пятницу, как его убили, народ приходит, а дверь никто не открывает. Они звонят, стучат. Никогда такого не бывало. Думают, ну может, он в сортире. Ждут. Звонят, стучат — Гас не открывает. Они толкают дверь. Дверь не заперта. Входят. Находят Гаса. — Он на секунду умолк с таким видом, точно проглотил что-то кислое. — Не люблю об этом говорить. Гадость, понимаете? Я считаю, дела надо вести разумно. Без всяких там психопатских мерзостей. — Он покачал головой и подвинул пару тарелок на столе. — Гас сидит в одном белье перед телевизором. На кофейном столике бутылка рецины, бокал налит до половины, хлеба немного, тарамосалата в миске, все чин чином. Но...

Губы у него скривились еще сильнее.

— Но он мертв? — предположил Гурни.

— Мертв? Еще бы не мертв! И в оба глаза вбито по четырехдюймовому гвоздю. И в оба уха — прямо в мозг. А пятый — в горло. Пять, на хрен, гвоздей. — Он помолчал, вглядываясь в лицо Гурни. — Что скажете?

— Да вот удивляюсь, что в новости ничего не попало.

— Отдел борьбы с организованной преступностью, — не столько сказал, сколько выплюнул Ангелидис. — Загребли все под ковер, точно кучу дерьма. Ни некролога, ни объявления о похоронах, ничего. Все хранят в тайне. Ну вы поверите? А знаете, почему они все держат в тайне?

Гурни счел этот вопрос чисто риторическим и отвечать не стал.

Ангелидис шумно всосал воздух между зубами и продолжил:

— Они держат это в тайне потому, что так им удобней думать, будто они что-то знают. Будто знают ка-

кую-то тайную хрень, которую не знает никто, кроме них. Как будто из-за этого у них есть *власть*. *Секретная* информация. А знаете, что у них есть на самом деле? Дерьмо вместо мозгов и зубочистки вместо причиндалов. — Он бросил взгляд на золотые “Ролекс” и улыбнулся. — Идет? Мне пора. Надеюсь, это вам поможет.

— Все это очень интересно. Только один последний вопрос.

— Конечно.

Он снова посмотрел на часы.

— Вы хорошо ладили с Карлом?

— Прекрасно. Он мне был как сын.

— Никаких разногласий?

— Ни малейших.

— И вас не раздражали все эти его речи о “мрази земли”?

— Раздражали? Вы о чем?

— В интервью прессе он называл людей, занятых в вашей сфере деятельности, мразью земли. Ну и в том же духе. Что вы об этом думали?

— Считал, ловко он завернул. Хорошо для предвыборной кампании. — Ангелидис показал на миску с оливками. — Очень вкусные. Мой кузен из Микен присылает специально для меня. Возьмите немножко домой, угостите жену.

Глава 26

Тут, твою мать, война, а не шахматный турнир

Добравшись до конца проселка, ведущего к дому, Гурни с изумлением обнаружил, что у сарая припаркован большой черный внедорожник. Опустив окно, чтобы проверить почтовый ящик, он убедился, что Мадлен уже забрала почту, а потом подъехал к блестящей “Эскаладе” и остановился перед ней.

Дверца отворилась. Появившийся из нее мускулистый верзила обладал сложением футбольного нападающего. По-военному коротко подстриженные волосы, русые, с проседью. Недружелюбные, налитые кровью глаза, застывшая неприятная усмешка.

— Мистер Гурни?

Гурни ответил ему дежурной улыбкой.

— Чем могу помочь?

— Меня зовут Майкл Клемпер. Это вам что-нибудь говорит?

— Следователь по делу Спалтеров?

— Именно.

Вытащив бумажник, он раскрыл его и показал удостоверение сотрудника бюро криминальных расследо-

ваний. На фотографии, отображенной на ламинированной карточке, он был моложе и выглядел типичным безмозглым громилой из ирландской мафии.

— Что вы здесь делаете?

Клемпер сморгнул, усмешка у него чуть дрогнула.

— Надо поговорить — пока вся эта история, в которой вы замешаны, не вышла из-под контроля.

— История, в которой я замешан?

— Да вся эта хрень с Бинчером. Вы хоть про него знаете?

— Что именно?

— Какой он мерзавец?

Гурни немного поразмышлял над услышанным.

— Вас кто-то сюда послал — или это ваша собственная идея?

— Пытаюсь оказать вам услугу. Можно поговорить?

— Запросто. Говорите.

— Я имею в виду — по-дружески. Как будто мы в одной команде.

Во взгляде Клемпера читалась угроза. Но любопытство пересилило в Гурни осторожность. Он выключил мотор и вылез из машины.

— И что вы хотите мне сказать?

— Этот вот жиденек адвокат, на которого вы работаете, он ведь себе карьеру сделал на том, чтобы обливать грязью копов. Вы это знаете?

От Клемпера разило мятой, заглушающей кислый алкогольный душок.

— Я ни на кого не работаю.

— А вот Бинчер по телику другое сказал.

— За то, что он сказал, я не отвечаю.

— Так жиденек врет?

Гурни улыбнулся, хотя сам чуть изменил позу, чтобы при необходимости было удобнее защищаться.

— Может, вернемся в одну команду?

— Чего?

— Вы сказали, хотите дружески побеседовать.

— И скажу по-дружески, что Лекс Бинчер зарабатывает, докапываясь до всяких надуманных мелких нарушений, благодаря которым его скользкие клиенты могут гулять на свободе. Видели его домище в Куперстауне? Самый большой дом у озера — и каждый цент получен от наркоторговцев, которых он спас от тюрьмы, цепляясь к этим долбаным мелким деталям. Ну не дерьмо ли? Слыхали, да?

— Бинчер меня не интересует. Меня интересует дело Спалтеров.

— Отлично, давайте поговорим о нем. Кэй Спалтер убила мужа. Застрелила на хрен, прямо в голову. Ее судили, признали виновной и засадили за решетку. Кэй Спалтер — лживая шлюха, которая получила по заслугам. А теперь вот ваш жидовский приятель Бинчер пытается ее вытащить на основании...

Гурни перебил его.

— Клемпер? Сделайте одолжение. Меня не интересует, какие там у вас претензии к евреям. Хотите поговорить о деле Спалтеров — так говорите.

На лице полицейского вспыхнула такая ненависть, что Гурни на миг показалось, конфликт их вот-вот станет предельно — и брутально — прост. Незаметно для Клемпера он сжал правую руку в кулак и встал поустойчивее. Однако Клемпер снова неискренне улыбнулся и покачал головой.

— Ну ладно. Вот что я вам скажу. Ей на этих дол-

банных судебных неувязках никак не выехать. И вы-то, с вашим опытом, должны бы это понимать. Какого хрена вы пытаетесь вытащить эту потаскушку?

Гурни пожал плечами.

— А вы обратили внимание на проблему с перекладиной фонаря? — буднично спросил он.

— Вы о чем?

— О фонаре, из-за которого прямой выстрел из той квартиры был невозможен.

Если Клемпер и хотел изобразить неведение, то произвольная заминка выдала его.

— Ничего не невозможным. Стреляли-то оттуда.

— Как?

— Да легко! Если жертва стояла не совсем там, где показывали свидетели, и если стреляли не совсем из той точки, в которой было найдено оружие.

— Хотите сказать — если Карл находился по меньшей мере в десяти футах от места, на котором его на глазах у всех застрелили, и если стрелок стоял на стремянке.

— Что вполне возможно.

— И куда тогда делась лестница?

— Может, чертова потаскушка залезла на стул?

— Для выстрела с расстояния пятьсот футов? И с болтающейся на оружии пятифунтовой треногой?

— Ну кто же теперь знает? Суть в том, что Кэй Спалтер видели в этом здании — в той самой квартире. У нас есть свидетель. У нас есть следы обуви ее размера — в той же квартире. И следы пороха. — Он помолчал и поглядел на Гурни подозрительно. — А кто это вам сказал про пятифунтовую треногу?

— Неважно. А важно то, что в вашем сценарии

стрельбы имеются противоречия. Вы потому и избавились от видео из магазина электротоваров?

И снова Клемпер заколебался на секунду дольше, чем следовало.

— Какое еще видео?

Гурни проигнорировал вопрос.

— Когда находишь улики, которые не укладываются в твою концепцию, это значит, что концепция ошибочна. А вот когда избавляешься от этих улик — то создаешь себе крупные проблемы. Вроде тех, что у вас сейчас. Что там было на видео?

Клемпер ничего не ответил, лишь стиснул челюсти.

— Позвольте высказать смелую гипотезу, — продолжал Гурни. — На видеозаписи видно было, как Карл падает от выстрела на таком месте, куда из квартиры попасть было никак нельзя. Я прав?

Клемпер промолчал.

— И еще одна загвоздка. Стрелок осматривал эту квартиру за три дня до смерти Мэри Спалтер.

Клемпер сморгнул, но ничего не сказал.

— Тот, в ком ваш свидетель на суде опознал Кэй Спалтер, по утверждению второго свидетеля, на самом деле был мужчиной. И тот же самый мужчина заснят на камеру видеонаблюдения близ дома престарелых Мэри Спалтер за пару часов до ее смерти.

— Эта вся чушь откуда еще взялась?

Гурни снова проигнорировал вопрос.

— Похоже, стрелок был профессиональным убийцей с двойным контрактом. На мать и на сына. Есть какие-нибудь идеи на этот счет, Майкл?

Щека у Клемпера начала подергиваться. Он отвернулся и медленно зашагал через полянку перед сараем,

но около почтового ящика на другой стороне дороги остановился и некоторое время глядел на пруд. А потом развернулся и зашагал обратно.

Перед Гурни он остановился.

— Скажу вам, что я думаю. А думаю я, что все это ни хрена не значит. Один свидетель утверждает — женщина, другой — мужчина. Да такое сплошь и рядом бывает. Свидетели ошибаются, противоречат друг другу. И что теперь? Большая печаль! Фредди опознал сучку на официальной процедуре. Другой бродяжка не опознал. И что? Да на той помойке, небось, еще умника можно найти, который считает, это все инопланетяне. Дальше-то что? А другому кажется, что того же человека еще где-то видели. Вполне вероятно, это ошибка. Но допустим, нет. А вы уже докопались до факта, что Кэй, эта стерва, ненавидела свекровь еще сильнее, чем мужа? Что, не знали? Так может, нам надо было засадить ее за два убийства, а не за одно.

В уголках губ у него скапливалась клейкая слюна.

— У меня есть видеозапись с камеры наблюдения в “Эммерлинг Оукс”, на которой присутствует человек, скорее всего, убивший Мэри Спалтер. И этот человек совершенно точно не Кэй Спалтер. Еще один свидетель утверждает, что то же самое лицо находилось в здании на Экстон-авеню во время выстрела в Карла.

— Ну и что? Даже если это и был профессионал с двойным контрактом, это еще не снимает чертову сучку с крючка. Всего-навсего означает, что она не стреляла, а заплатила за выстрел. Чтобы не ее потный пальчик нажимал на спусковой крючок. Вот и наняла исполнителя — как пыталась нанять Джимми Флэтса. — Клемпер так и просиял. — А знаешь что, Гурни? Мне твоя

новая теория по душе! Увязывается с тем, как сучка пыталась нанять Флэтса, чтоб застрелил ее мужа, а потом еще и хахаля уговаривала. Еще крепче затягивает узел на ее поганой шее. — Он с триумфальной ухмылкой устоялся на Гурни. — И что ты теперь запоешь?

— Чей палец нажал на крючок — это важно. И важно, правильно ли прошло свидетельское опознание. Важно, честен был суд или предвзят. Важно, подтверждает или опровергает сценарий преступления то видео, которое вы изъяли из дела.

— Вот такая хрень тебе и важна? — Клемпер шмыгнул носом и сплюнул склизкий комок на землю. — А я от тебя ждал большего.

— Чего большего?

— Я сюда приехал, узнав, что ты двадцать пять лет занимался убийствами в нью-йоркской полиции. Двадцать пять лет в Сточном городе. Мне казалось, всякий, кто двадцать пять лет разгребал дерьмо, которое там из каждой дырки лезет, знает, какова реальность.

— И что это за реальность?

— Реальность такова: если дело серьезно, то важно поступить правильно, а не по закону. У нас тут, твою мать, война, а не шахматный турнир. Приличные люди против всякого отребья. А когда враг идет в наступление, ты, чтоб тебя, отбиваешься, как можешь. Пулю, знаешь ли, не остановишь, размахивая сводом дурацких правил.

— А вдруг вы ошиблись?

— В чем это я вдруг ошибся?

— Вдруг жена Карла Спалтера не имеет никакого отношения к его смерти? Вдруг это его брат организовал покушение, чтобы получить полный контроль над

“Спалтер Риэлти”? Или мафия застрелила его, потому что решила, он им в губернаторах не нужен. Или убийство организовала дочь ради наследства. Или любовник жены, чтобы...

Клемпер перебил его, весь побагровев:

— Бред собачий! Кэй Спалтер — убийца! Гнусная, лживая, порочная шлюха. И если есть в этом поганом мире справедливость, в тюрьме ей вышибут мозги и она там сдохнет! Вот и все!

С губ у него срывались брызги слюны.

Гурни задумчиво кивнул.

— Возможно, вы правы. — Это был излюбленный его ответ в самых разных случаях, самым разным собеседникам — дружелюбным и озлобленным, вменяемым и обезумевшим. Он так же спокойно продолжал: — Скажите мне вот что. Вы проверяли метод действия стрелка по базе данных программы предотвращения насильственных преступлений?

Клемпер уставился на него, часто моргая, словно это помогало ему осмыслить вопрос.

— Это тебе на кой черт сдалось?

Гурни пожал плечами.

— Просто любопытно. В его подходе наблюдаются некоторые характерные черты. Интересно было бы посмотреть, не всплывут ли они где-то еще.

— Совсем сдурел! — Клемпер попятился.

— Возможно, вы правы. Но если решите проверить, проанализируйте заодно и еще одну ситуацию. Слышали о местном греческом гангстере по имени Жирдяй Гас Гурикос?

— Гурикос? — вот теперь Клемпер и в самом деле опешил. — А он-то тут при чем?

— Карл просил Гаса уладить одно дело. А потом Гаса убили в тот же самый день, что Карла, — через два дня после смерти матери Карла. Так что, возможно, речь у нас идет о тройном преступлении.

Клемпер нахмурился и промолчал.

— На вашем месте я бы навел справки. Мне сказали, отдел по борьбе с организованной преступностью забрал все материалы по делу Гурикоса себе, но если тут есть связь с делом Спалтеров, вы имеете право знать детали.

Клемпер покачал головой. Судя по его виду, он предпочел бы сейчас оказаться где угодно, только не здесь. Резко повернувшись, он собрался уже сесть в свой здоровенный внедорожник, как заметил, что машина Гурни перегораживает дорогу.

— Уберешь ты свою тачку или нет? — рычание прозвучало не вопросом, а приказом.

Гурни отъехал в сторону, и Клемпер, не оборачиваясь, укатил прочь, чуть не снеся на повороте почтовый ящик.

Только тогда Гурни заметил, что возле угла сарая стоит Мадлен. На траве позади нее тихо застыли петушок и три курицы — в удивительной неподвижности, склонив головки набок, точно видели, как на них надвигается нечто страшное, но пока не могли понять, что именно.

Глава 27

Человек в отчаянии

После ужина, прошедшего в атмосфере мрачной и гнетущей и почти в полном молчании, Мадлен взялась мыть посуду — она всегда настаивала, что это ее обязанность.

Гурни пошел следом и тихонько уселся на табуретку. Он знал: если подождать достаточно долго, Мадлен непременно выскажется.

Поставив вымытые тарелки в сушилку, она вооружилась полотенцем и принялась их вытирать.

— Я так понимаю, это был следователь по делу об убийстве Спалтера?

— Да. Мак Клемпер.

— *Очень* сердитый тип.

Всякий раз, когда Мадлен постулировала очевидное, он знал, что подразумевается нечто иное. Сейчас, впрочем, Гурни не совсем понимал, что именно, но догадывался, что должен дать хоть какие-то разъяснения по поводу беседы, часть которой она явно услышала.

— Скорее всего, день у него выдался нелегкий.

— Вот как? — небрежный тон Мадлен не соответствовал эмоциям, стоящим за этим коротким вопросом.

Гурни уточнил:

— Как только обвинения Бинчера разошлись по интернету, у Клемпера наверняка телефон не умолкал — столько нашлось охотников до разъяснений. Начальство из управления, отдел права из полиции штата, отдел внутренних дел, кабинет главного прокурора. Не говоря уж о стервятниках из прессы.

Мадлен хмурилась, держа тарелку в руке.

— Что-то не понимаю.

— На самом деле все просто. Допросив Кэй Спалтер, Клемпер вбил себе в голову, что она совершенно точно виновна. Вопрос только в том, до какой степени это решение было принято сгоряча.

— Сгоряча?

— Ну, в смысле, до какой степени оно проистекает из того, что Кэй напомнила ему бывшую жену. И сколько законов он нарушил, добиваясь, чтобы ее осудили.

Мадлен по-прежнему держала тарелку.

— Я не о том. Я имела в виду накал ярости, который наблюдала, стоя у сарая, — он ведь чуть не потерял самообладание...

— Это все от страха. Страх, что гнусную Кэй освободят, страха, что его решение этого дела разгромят в пух и прах, от страха потерять работу, попасть в тюрьму. От страха потерять себя, распасться. Превратиться в ничто.

— Так ты говоришь, он в отчаянии.

— В полном отчаянии.

— Отчаяние. Распад личности.

— Да.

— А у тебя был пистолет?

Вопрос на миг ошеломил его.

— Нет. Разумеется, нет.

— Ты оказался лицом к лицу с разозленным психом — отчаявшимся, на грани распада личности. Но у тебя, разумеется, пистолета при себе не было? — В ее глазах застыла боль. Боль и страх. — Теперь ты понимаешь, почему я хочу, чтобы ты повидался с Малькольмом Кларетом?

Он уже собирался сказать, что не знал, что Клемпер будет его поджидать, что вообще не любит носить при себе оружие и берет его только в случае заведомо известной угрозы, — но осознал вдруг, что она говорит о чем-то более глубинном и общем, чем этот отдельный эпизод. А развивать столь глобальную тему сейчас ему уж совсем не хотелось.

Мадлен еще с минуту рассеянно вытирала все ту же тарелку, а потом ушла наверх. Вскоре оттуда донеслись первые ноты изматывающе дерганой пьесы для виолончели.

Гурни избежал обсуждения темы, косвенно поднятой вопросом Мадлен о Малькольме Кларете, — но теперь невольно представил себе доктора: вдумчивый, пристальный взгляд, редкие волосы над высоким бледным лбом, жесты столь же скупые, как и речь, блеклые брюки и просторный кардиган, неспешность, ненавязчивость.

Осознав, что представляет себе Кларета так, как тот выглядел много лет назад, Гурни мысленно изменил картинку, словно бы искусственно состарил на компьютере: добавил морщин, убавил волос, учел действие, что оказывают на лица время и закон гравитации. Но, недовольный результатом, тут же выбросил Кларета из головы.

Вместо него он задумался о Клемпере — одержимом ненавистью к Кэй Спалтер, твердо уверенном в ее вине, охваченном яростью и готовом нарушить любые нормы следствия, лишь бы как можно быстрее прийти к нужным выводам.

Этот подход сам по себе уже озадачивал и обескураживал — причем вовсе не отклонением от нормального хода следствия, а, совсем напротив, близостью к нему. Нарушения, допущенные Клемпером, в принципе не противоречили судебной практике, и дело было лишь в степени выраженности этих нарушений. Идея, что хороший детектив всегда руководствуется чистой логикой и открыт любым объективным выводам касательно природы преступления и личности преступника, была, в самом лучшем случае, приятной фантазией. В реальности, в мире преступления и наказания (как и в любых человеческих делах) объективность — лишь иллюзия. Само выживание требует умения делать поспешные выводы. И решительные действия всегда основываются на неполной информации. Охотник, требующий от ветеринара свидетельство, что встреченный им олень — и вправду олень, умрет от голода. Обитатель джунглей, который тщательно пересчитывает полосы на тигре прежде, чем обратиться в бегство, будет съеден. Гены, требующие семь раз отмерить и один раз отрезать, просто не передадутся следующему поколению.

В реальном мире нам приходится соединять между собой те немногие точки, что у нас имеются, и угадывать в них узор, имеющий хоть какой-то практический смысл. Система несовершенна. Как и сама жизнь. Опасность таится не столько в малочисленности точек,

сколько в неосознанности действий, когда мы отдаем предпочтение одним точкам перед другими, желая получить уже сложившийся у нас в уме узор. Наше восприятие событий больше страдает от силы наших эмоций, чем от недостатка данных.

И в этом отношении ситуация была проще некуда. Клемпер хотел, чтобы Кэй оказалась виновна, — и потому легко поверил, что так оно и есть. Не вписывающиеся в этот узор точки были проигнорированы или сброшены со счетов. Точно так же, как и законы, которые препятствовали “справедливому” исходу дела.

Но на все это можно было взглянуть и в другой перспективе.

Поскольку процесс принятия выводов на основании неполных данных вполне естествен и необходим, предостережение об опасности этого ложного пути обычно сводится к тому, что не следует приходить к неправильным выводам. А ведь любой вывод может оказаться преждевременным. Окончательное суждение о справедливости выводов следует заменить на вопрос правомочности результатов.

И вслед за этой мыслью вставал пугающий вопрос.

А вдруг выводы Клемпера правильны?

Вдруг одержимый ненавистью Клемпер распознал правду? Вдруг все его неряшливые методы и возможные нарушения привели по грязной дорожке именно туда, куда следовало? Вдруг Кэй Спалтер и в самом деле виновна в убийстве мужа? Гурни вовсе не хотел способствовать оправданию хладнокровной убийцы, каким бы предвзятым ни оказался судебный процесс над ней.

Была и еще одна возможность. А вдруг стремление Клемпера засадить Кэй за решетку не обусловлено

его ограниченными взглядами или неверными выводами? Вдруг это было циничное и совершенно сознательное искажение процесса, купленное и оплаченное какими-то неизвестными лицами, желавшими, чтобы дело как можно скорее было закрыто?

А вдруг, а вдруг, а вдруг...

Гурни чувствовал, что этот неизменный рефрен начинает действовать ему на нервы. Необходимы новые факты!

Дисгармоничные арпеджио виолончели звучали все громче.

Глава 28

Словно удар хлыста

Выслушав телефонный отчет Гурни о встрече с Адонисом Ангелидисом (в том числе и о гротескных подробностях убийства Гаса Гурикоса), Джек Хардвик странно примолк. А потом, вместо того чтобы снова пилить Гурни за то, что тот в очередной раз отвлекся от узко-специфичных вопросов, способствующих продвижению апелляции, внезапно пригласил Гурни к себе — для более вдумчивого обсуждения дела.

— Прямо сейчас? — Гурни бросил взгляд на часы. Была почти половина восьмого, солнце уже скользнуло за западный гребень холмов.

— Желательно. Вся эта история, мать ее, уж совсем ни в какие ворота не лезет.

Как ни удивило Гурни приглашение, возражать он не стал. Необходимость обсудить дело подробно, выложив все карты на стол, и в самом деле назрела.

Следующий сюрприз поджидал его, когда через тридцать пять минут он добрался до фермерского домика, который снимал Хардвик, — на отшибе, в конце грязного проселка, среди темнеющих холмов за крохот-

ной деревушкой под названием Диллвид. В свете фар Гурни различил рядом с красным “Понтиаком” вторую машину — ярко-синий “Мини-Купер”. Похоже, у Хардвика были гости.

Гурни знал, что в прошлом у Хардвика было несколько романов, но вряд ли кто из прежних его любовниц мог сравниться эффективностью с женщиной, которая открыла Гурни дверь.

Если бы не умные, строгие глаза, которые с первого же мгновения оценивающе уставились на него, он бы, пожалуй, загляделся на все остальное — роскошную фигуру на грани чувственности и атлетизма, красоту которой подчеркивали смело обрезанные джинсы и свободная футболка с глубоким круглым вырезом. Босые ступни, ярко-красный лак на ногтях, карамельный загар, иссиня-черные короткие волосы, подстриженные так, чтобы акцентировать пухлые губы и острые скулы. Нет, никак не модельная красавица, но яркая индивидуальность — как, в общем, и сам Хардвик.

Который через миг объявился рядом с ней, собственнически ухмыляясь.

— Спасибо, что заскочил. Заходи.

Гурни шагнул через порог в гостиную. Комната, по предыдущим визитам запомнившаяся ему спартанской обстановкой, теперь слегка приукрасилась: яркий ковер, на стене — картина с маками на ветру, ваза с вербой, пышное растение в большом глиняном горшке, два новых кресла, отличный буфет из сосны, круглый столик для завтрака и три стула со спинками из перекладин в углу рядом с кухней. Да, эта женщина явно вдохновила хозяина на перемены.

Гурни одобрительно осмотрел комнату.

— Очень славно, Джек. Куда как лучше стало.

Хардвик кивнул.

— Согласен.

Он положил руку на полуголое плечо женщины.

— Дэйв, знакомься: следователь бюро криминальных расследований Эсти Морено.

Такого Гурни никак не ожидал. Похоже, на лице его отразилась некоторая растерянность — Хардвик отрывисто рассмеялся.

Впрочем, Гурни быстро пришел в себя и протянул руку.

— Рад познакомиться, Эсти.

— Очень приятно, Дэйв.

Пожатие у нее оказалось крепким, ладонь на удивление мозолистой. Гурни вспомнил, что Хардвик упоминал ее как один из источников информации о первоначальном расследовании убийства и о недочетах Мака Клемпера. Интересно, насколько она сама вовлечена в проект Хардвика с Бинчером и как его оценивает.

Словно подтверждая обоснованность этих его размышлений, Эсти сразу перешла к делу.

— Мне давно хотелось увидеться с вами лично. Давно пытаюсь убедить его взглянуть на дело с более широкой перспективы, принять в расчет не только юридические аспекты апелляции Кэй Спалтер и обратить хоть какое-то внимание на само убийство. А теперь вот уже и убийства, да? По меньшей мере три, а может, и больше?

В низком, глубоком голосе чуть слышался испанский акцент.

Гурни улыбнулся.

— Вы с ним обсуждаете мое расследование?

— От меня не отвяжешься. — Она глянула на Хардвика и снова повернулась к Гурни. — И, по-моему, от вашего сегодняшнего рассказа про гвозди в глазах его наконец проняло. А?

Хардвик сжал губы с гримасой отвращения.

— Да-да, гвозди в глазах, — повторила она, заговорщически подмигивая Гурни. — У всех свои слабые места — хоть что-то да пробивает. Так что теперь пускай уж Лекс-сутяга занимается апелляцией, а мы займемся преступлением — настоящим, а не всей этой клемперовой хренью. — Имя Клемпера она процедила с нескрываемым отвращением. — Надо раскопать, что там на самом деле произошло. Свести все воедино. Ведь так, по-вашему, верно?

— Похоже, вы отлично знаете, что я думаю.

Интересно, а знала ли она, что он думает по поводу этой откровенной футболки?

— Джек мне про вас много рассказывал. А я хорошо умею слушать.

Хардвик, похоже, занервничал.

— А давайте сварим кофе, сядем и приступим к делу?

Спустя час, сидя за столиком в углу, налив себе еще кофе и исчеркав пометками желтые блокноты, они все так же кружили вокруг ключевых моментов произошедшего.

— Так мы согласны, что все три убийства связаны между собой? — спросила Эсти, постукивая по блокноту кончиком ручки.

— При условии, что результаты вскрытия матери дают основания предполагать убийство, — ответил Хардвик.

Эсти покосилась на Гурни.

— Как раз перед тем, как вы приехали, я созвонилась с одной знакомой из отдела медицинской экспертизы. Она со мной завтра свяжется. Но тот факт, что стрелок присматривался к кладбищу в Лонг-Фоллсе еще до “несчастливого случая”, наводит на известные предположения. Так что давайте пока согласимся, что речь идет о трех связанных между собой убийствах.

Хардвик глядел в чашку с кофе так, точно там было незнамо что.

— С этим у меня как раз проблема. По словам того приятеля Гурни из греческой мафии, Карл обратился к Жирдяю Гасу, чтобы кого-то заказать, — но никто не знает, кого именно. Объект каким-то образом узнает об этом и, чтобы помешать Карлу, наносит удар первым. Сначала убивает Карла, а потом для ровного счета и Гаса. Я прав?

Гурни кивнул.

— Если не считать эпитета “приятель”.

Хардвик пропустил возражение мимо ушей.

— Отлично, тогда для меня это все выглядит так: между Карлом и его объектом начинается нечто вроде гонок на выживание, кто кого грохнет. Ну, то есть, кто первым нанес удар, тот и победил, да?

Гурни снова кивнул.

— Тогда почему этот тип пошел обходным путем и выбрал столь мудреный способ замочить Карла? Ведь если знаешь, что тебя заказали, — поневоле начнешь спешить. Разве в таких обстоятельствах не логичнее было бы просто-напросто нацепить маску, войти в офис “Спалтер Риэлти” и грохнуть сукиного сына? Уладить вопрос за полдня, а не ковыряться неделю. А вся эта за-

тея с предварительным убийством матери? Только чтобы выманить Карла на кладбище? Уж больно замороченно, по мне.

Гурни все это тоже казалось странным.

— Разве что, — предположила Эсти, — убийство матери было нужно не только для того, чтобы привести Карла в заранее известное место к заранее определенному времени. Может, мать хотели убить по каким-то другим причинам. Собственно говоря, а вдруг она была главной целью, а Карл уже вторичной? Такой расклад вам в голову не приходил?

Все немного помолчали, обдумывая эту возможность.

— Мне еще вот что непонятно, — сказал Хардвик. — Я допускаю, что существует связь между убийствами Мэри и Карла. Должна быть. И допускаю, что есть какая-то иная связь между убийствами Карла и Гаса — может, такая, какую описал Донни Ангел, может, какая еще. Так что меня вполне устраивает связь между первым и вторым и между вторым и третьим. Но вот первое-второе-третье как-то не выстраиваются в последовательность.

Гурни это тоже беспокоило.

— Кстати, а мы точно знаем, что Карл был вторым, а Гас третьим?

Эсти нахмурилась:

— Вы о чем?

— После рассказа Ангелидиса у меня сложилось впечатление, что последовательность именно такова, но ведь это же не обязательно так. Все, что я знаю наверняка, — это что Карла и Гаса убили в один и тот же день. Хотелось бы уточнить время.

— Как?

— В деле Карла указано точное время выстрела. Однако насчет Гаса у меня сведений нет. В голову приходят два возможных источника информации — либо отдел медицинской экспертизы, где проводили вскрытие Гурикоса, либо кто-нибудь из отдела по борьбе с организованной преступностью, у кого есть доступ к этому делу.

— Это предоставьте мне, — сказала Эсти. — Кажется, я кое-кого знаю.

— Отлично, — одобрительно кивнул Гурни. — Помимо примерного времени смерти попробуйте раздобыть еще и первые из снимков, делавшихся при вскрытии.

— До того, как его разрезали?

— Да. Тело на столе плюс, если есть, крупный план головы и шеи.

— Хотите посмотреть, как именно его проткнули? — Слегка ироничная улыбка обнаружила в Эсти больше тяги к подобным вещам, чем обычно могут похвастать женщины. Или, уж коли на то пошло, мужчины.

Обычно непробиваемый Хардвик поморщился. А потом повернулся к Гурни.

— Думаешь, эта пакость была вроде послания?

— С ритуальными действиями обычно так и бывает — разве что это намеренная попытка пустить следствие по ложному пути.

— А как по-вашему? — спросила Эсти.

Гурни пожал плечами.

— Не знаю. Но само послание кажется вполне недвусмысленным.

Хардвик выглядел так, точно задел больной зуб.

— Имеешь в виду... “До того тебя ненавижу, что готов тебе колья в мозг загнать”? Как-нибудь так?

— Не забывай про шею, — напомнила Эсти.

— Гортань, — поправил Гурни.

Оба уставились на него.

Эсти нарушила молчание первой.

— Что вы имеете в виду?

— Готов ручаться, пятый гвоздь метил Гасу в гортань.

— Почему это?

— Это же источник голоса.

— И что?

— Глаза, уши, гортань. Зрение, слух, голос. Всему конец.

— И что это, по-твоему, означает? — спросил Хардвик.

— Может, я и ошибаюсь, но первое, что приходит в голову, это: “Не видеть зла, не слышать зла, не говорить о зле”.

Эсти кивнула.

— Звучит логично. Но кому адресовано это послание? Жертве? Или кому-то еще?

— Зависит от того, насколько безумен убийца.

— То есть?

— Психопат, убивающий, чтобы получить эмоциональную разрядку, обычно оставляет символическое послание, отражающее природу его патологии, — нередко уродуя какую-то часть тела жертвы. Тут послание явно необходимо для разрядки. Это, в первую очередь, общение между преступником и жертвой. Возможно, отчасти еще между убийцей и кем-то из его детства, кем-то, сыгравшим роль в возникновении патологии, — обычно одним из родителей.

— И ты считаешь, Гурикосова история с гвоздями в голове — именно про это?

Гурни покачал головой.

— Если убийство Гурикоса связано с убийствами Спалтеров, матери и сына, то я сказал бы, послание не столько импульсивно, сколько имеет практический смысл.

— *Практический смысл?* — недоуменно повторила Эсти.

— Мне кажется, убийца намекал кому-то, чтобы те не лезли в чужие дела и помалкивали, — а заодно демонстрировал, чем грозит неподчинение. Главный вопрос — кто этот кто-то и о чем следует помалкивать.

— У вас есть соображения на этот счет?

— Одни догадки. Помалкивать, возможно, следует о каком-то факте касательно двух первых убийств.

— Например, о личности стрелка? — подхватил Хардвик.

— Или о мотиве, — ответил Гурни. — Или о каких-либо уликах.

Эсти подалась вперед.

— Так, по-вашему, предупреждение предназначалось вполне конкретному человеку?

— Я слишком мало знаю про круг знакомых Гаса, чтобы что-то утверждать. По словам Ангелидиса, Гас каждую пятницу устраивал вечером игру в покер. Убив его в тот день, убийца не запер за собой дверь. Возможно, случайная оплошность — а возможно, намеренная: чтобы кто-то из покерной компании обнаружил тело вечером, когда все соберутся для игры. Может, послание “Не видеть зла, не слышать зла, не говорить о зле” предназначалось кому-то из игроков или даже самому Ангелидису. В отделе борьбы с организованной преступностью должны бы знать побольше

о фигурантах. Может, у них дом Гаса был под наблюдением.

Эсти нахмурилась.

— Я выясню у приятельницы все, что смогу, но... вряд ли у нее есть доступ ко всему. Не хочу поставить ее в неудобное положение.

Харвик стиснул челюсти.

— Поосторожней с этими сволочами из борьбы с организованной преступностью. Считается, фэбээровцы плохие парни, но они — дети малые по сравнению с элитными парнями из организованной преступности.

Слово “элитные” он протянул с комическим презрением, но в глазах его не было ни тени веселья.

— Я их знаю — и знаю, что я делаю. — Эсти несколько секунд вызывающе глядела на Хардвика. — Вернемся к началу. Какое у нас мнение по поводу версии “превентивного удара” — что Карл убит тем, кого наметил себе в жертвы?

Хардик покачал головой.

— Может, и правда, но скорее всего — брехня. Звучит славно, но учитывая источник... Какого хрена нам вообще верить Донни Ангелу?

Эсти перевела взгляд на Гурни.

— По-моему, это вообще не вопрос веры. То, о чем рассказал Ангелидис, вполне могло случиться и в самом деле. Вполне правдоподобный сценарий. Строго говоря, мы уже слышали кое-что, косвенно подтверждающее эту версию. Кэй Спалтер упоминала, что Карл часто играл в покер с типом, организующим убийства для мафии.

Хардик пренебрежительно отмахнулся.

— Ничего это не доказывает. И уж никак не доказывает, что Карл нанял Гаса кого-то убить.

Эсти снова повернулась к Гурни.

Тот лишь пожал плечами.

— Ну да. Доказательств никаких. Но вероятность есть. Правдоподобная версия.

— Хорошо, — промолвила Эсти. — Если мы думаем, что история Ангелидиса может оказаться правдой — то есть жертва Карла могла обернуться убийцей, — не стоит ли составить список людей, которым Карл мог желать смерти?

Хардвик даже крякнул.

Она повернулась к нему.

— У тебя есть идеи получше?

Он пожал плечами.

— Валяй, составляй список.

— И составлю. — Она занесла ручку над блокнотом. — Дэйв — есть догадки?

— Йона.

— Брат Карла? Но почему?

— Потому что, если убрать его с дороги, Карл получил бы в единоличное распоряжение и “Спалтер Риэлти”, и все прочее, что можно превратить в наличные, чтобы финансировать его политические планы с должным размахом. Что интересно, у Йоны мотив избавиться от Карла ровно тот же — заполучить контроль над фондами “Спалтер Риэлти” и употребить их, чтобы финансировать расширение Церкви Киберпространства.

Эсти приподняла бровь.

— Кибер...

— Долгая история. Короче говоря, у Йоны тоже куча амбиций, так что деньги ему не помешали бы.

— Отлично, записываю его. Кто еще?

— Алисса.

Эсти моргнула и, судя по всему, подумала о чем-то мрачном, но потом сделала вторую пометку.

Хардвик скривил губы.

— Родная дочь?

Эсти откликнулась первой.

— Я слышала достаточно разговоров Клемпера с Алиссой по телефону, и у меня успело сложиться впечатление, что ее отношения с отцом... не были... ну, из тех, что назовешь нормальными отношениями отца с дочерью.

— Ты уже говорила, — буркнул Хардвик. — Не нравится мне думать обо всем этом дерьме.

Последовало молчание. Первым его нарушил Гурни.

— Взгляни на это с точки зрения расследования. Алисса уже давно сидела на наркотиках и не собиралась слезать. Карл метил в губернаторы Нью-Йорка. Ему было, что терять, — и сейчас, и в будущем. Если б он вступал в кровосмесительные отношения с Алиссой (возможно, еще с ее детства), это открывало бы бесконечные возможности для шантажа — навряд ли наркоманка, привыкшая сорить деньгами, устояла бы. Предположим, что требования Алиссы сделались совсем уж невыполнимыми. Предположим, Карл начал видеть в ней угрозу всем своим мечтам. А мы уже от нескольких человек слышали, что он был крайне честолобив и не остановился бы ни перед чем.

Лицо у Хардвика снова скривилось, как при изжоге.

— Ты хочешь сказать, что Алисса могла обнаружить, что он намерен устранить ее, и наняла кого-то, чтобы его убить?

— Как-то так, да. По крайней мере, это соответствовало бы версии Ангелидиса. Версия попроще — что все это с самого начала было ее инициативой: Карл и не думал ее убивать, но она хотела простым и незамысловатым способом получить его деньги, вот и наняла киллера.

— Но ведь по завещанию единственная наследница — Кэй. Алисса ничего не получила бы. Так чего ради...

Гурни перебил его:

— Алисса ничего не получает, если только Кэй не попадает в тюрьму за убийство. А как только Кэй вынесен приговор, закон Нью-Йорка воспрещает ей получить наследство — и все имущество Карла переходит к Алиссе.

Хардвик расплылся в улыбке, начиная понимать, что сулят все эти новые возможности.

— Да, это могло бы все объяснить. Например, почему она трахалась с Клемпером — чтобы он увел следствие в ложном направлении. Да она могла и с любовником мамы трахаться — чтоб тот дал нужные показания на суде. Такая закоренелая наркоманка, она и с обезьяной трахаться за дозу станет.

Эсти вроде бы засомневалась.

— А может, у них с отцом ничего такого и не было. Может, она просто врал Клемперу. Чтоб разжалобить.

— Разжалобить! Ага! Да просто вычислила, что это его заведет.

Отвращение на лице Эсти постепенно сменилось выражением согласия.

— Вот же черт. Я о нем и так скверного мнения, а оказывается, он еще гаже. — Она помолчала, делая пометку в блокноте. — Итак, Алисса — возможная подозреваемая. Как и Йона. А что насчет любовника Кэй?

Хардвик покачал головой.

— Только не в версии “превентивного удара”. Как-то не верится, что Карл стал бы его заказывать. Он вроде бы денег попусту тратить не любил. От юного Дарила можно было избавиться куда проще. И уж совсем мне не верится, что тот мог выяснить, что назначен в жертвы, и быстренько организовал ответное покушение.

— Ладно, но забудем пока про “превентивность”, — настаивала Эсти. — Разве не мог он убить Карла, надеясь, что, когда Кэй получит деньги, их роман разовьется в нечто более серьезное? Что скажете, Дэйв?

— Судя по видеозаписи из зала суда, у него на такое не хватило бы ни мозгов, ни храбрости. Лжесвидетельство — еще пожалуй, но тройное убийство? Очень сомневаюсь. Он же служил в клубе Спалтера спасателем при бассейне, на мизерном окладе — не тянет на убийцу из “Дна шакала”. Опять же, мне трудно представить, как он проламывает череп старушке или заколачивает кому-нибудь гвозди в глаза.

Хардвик покачал головой.

— Вот же хрень. Не складывается в целостную картину. Три убийства — тремя совершенно разными методами, в разном стиле. Никак не могу соединить их в одну цепочку. Чего-то недостает. А вам так не кажется?

Гурни еле заметно кивнул.

— Много чего недостает. Кстати о методе исполнения. В деле нет никаких упоминаний о том, что метод проверяли по общей базе программы предотвращения насильственных преступлений. Я прав?

— По мнению Клемпера, — сказала Эсти, — Карла застрелила Кэй. Точка. Зачем ему возиться с этой про-

граммой, рыться в базах данных? Он же сама предвзятость, откуда у него альтернативные версии?

— Я так и понял. Но нам бы теперь неплохо прогнать основные детали хотя бы через эту базу. И хорошо бы еще выяснить, нет ли в национальной базе данных совпадений с характеристиками главных фигурантов — как живых, так и мертвых. И у Интерпола — по крайней мере, на Гаса Гурикоса. — Гурни перевел взгляд с Эсти на Хардвика и обратно. — Кто-нибудь из вас может этим заняться — только так, чтобы не наследить?

— Возможно, я смогу разобраться с базами данных, — после короткой паузы ответила Эсти. Тон, каким она произнесла “возможно”, подразумевал, что она справится, но не хочет объяснять, каким именно образом. — Что касается программы предотвращения насильственных преступлений — какие именно подробности вас больше всего интересуют?

— Чтобы не увязнуть в болоте фактов, сосредоточиться на странностях — самых необычных элементах каждого убийства — и ищите по ним.

— Например, калибр оружия в Лонг-Фоллсе?

— Именно. И введите в строку поиска “глушитель” в сочетании с “винтовкой”.

Она сделала несколько торопливых пометок.

— Ладно, что еще?

— Петарды.

— Что?

— Свидетели на кладбище слышали петарды примерно в тот момент, когда Карла застрелили. Если это была попытка скрыть остаточный звук выстрела, возможно, стрелок и прежде использовал этот прием, а свидетели могли упомянуть об этом следователю, а тот внес в базу.

— Бог ты мой, — пробормотал Хардвик. — Вот уж нетрадиционный подход.

— Попробовать-то стоит.

Эсти снова постукивала ручкой по блокноту.

— Думаете, стрелок был профессионалом?

— По мне, похоже.

— Хорошо. Еще какие-нибудь ключевые слова для поиска?

— “Кладбище”, “похороны”. Если стрелок дал себе труд убить кого-то еще, чтобы заманить основную жертву на кладбище, может, тот же трюк у него прокатывал и раньше.

Пока она записывала, Гурни добавил:

— И еще надо проверить по всем фамилиям, фигурирующим в деле: Спалтер, Ангелидис, Гурикос. Да, и надо еще прогнать фамилии Дарила, всех свидетелей обвинения и девичью фамилию Кэй. Это все можно найти в протоколах суда.

— И не забудь включить в поиск “гвозди”, — с отвращением в голосе сказал Хардвик. — *Гвозди в глазах, гвозди в ушах, гвозди в горле.*

Эсти кивнула и спросила Гурни:

— А с места убийства матери?

— Тут все не так просто. Попробуйте поискать убийства, выдаваемые за падения в ванной, убийства под прикрытием доставки цветов, даже название лжефлористов: “Цветы Флоренции”. Но это еще более ненадежный критерий для поиска, чем петарды.

— Кажется, на какое-то время работы мне хватит.

— Джек, по делу Джулиан Пери мне напоминает, что у тебя было полезное знакомство в Интерполе. Оно осталось?

— Пожалуй.

— Можешь разведать, что у них есть на Гурикоса?

— Попытаюсь. Обещать не могу.

— А попробуешь заодно отследить свидетелей обвинения?

Хардвик медленно кивнул.

— Фредди из того дома... Дарил, любовник... и Джимми Флэтс, тот тип, который утверждал, что Кэй пыталась нанять его для убийства Карла.

— По крайней мере, этих трех.

— Посмотрю, что могу сделать. Думаешь, получится вытянуть из них признание в лжесвидетельстве?

— Неплохо бы. Но я главным образом хочу удостовериться, что они все живы и никуда не делись.

— Живы? — Похоже, Хардвику в голову пришла та же мысль, что и Гурни. Если в центре загадки стоит человек, способный сделать то, что было сделано с Гасом Гурикосом, возможно все. Возможно самое ужасное.

При мысли об ужасных перспективах Гурни вспомнил про Клемпера.

— Чуть не забыл упомянуть: когда я сегодня добрался домой после встречи с Ангелидисом, меня подкарауливал твой любимый следователь.

Хардвик сощурился.

— Какого хрена ему понадобилось?

— Хотел, чтобы я понял, какая Кэй гнусная, лживая и опасная сучка. И что Бинчер — лживый, гнусный жид. А он, Мак Клемпер, — крестоносец в эпической битве Добра со Злом. Признал, что, возможно, допустил ошибку-другую, но ничего такого, что изменило бы один простой вывод: Кэй виновна и заслуживает смерти в тюрьме, причем чем быстрее она подохнет, тем лучше.

Эсти встрепелась.

— Должно быть, он в панике, если заявился к вам и нес такой бред.

Хардвика охватили подозрения.

— Вот ведь чертов ублюдок. Уверен, что он только этого и хотел? Заявить тебе, что Кэй виновна?

— Он чуть из кожи вон не лез, чтобы убедить меня, что все его действия вполне законны в некоем высшем смысле слова. Возможно, заодно пытался на свой грубоватый манер разведать, многое ли мне известно. Насколько я понимаю, основной вопрос относительно Клемпера — он просто псих или же продажен.

— Или опасен, — добавила Эсти.

Хардвик сменил тему.

— Итак, я беру на себя задачку отследить трех свидетелей — что может превратиться в поиски трех пропавших, а это, в свою очередь, может обернуться бог весть чем. Кроме того, буду просить приятеля в Интерполе еще об одном одолжении. Эсти попросит об одолжении в отделе борьбы с организованной преступностью и устроит, чтобы кто-то поискал по базам данных преступников и в отделе предотвращения преступлений. А тебе, Шерлок, что перепало?

— Первым делом побеседую с Алиссой Спалтер. Потом с Йоной.

— Великолепно. Но как ты уговоришь их побеседовать с тобой?

— Обаяние. Угрозы. Посулы. Что подействует.

Эсти рассмеялась коротким циничным смешком.

— Предложите Алиссе унцию товара — она за вами хоть на Луну побежит. А вот с Йоной придется потрудиться.

— Не знаете, где я могу найти Алиссу?

— Последнее, что я слышала, — она живет в семейном особняке в Венус-Лейк. После того как Карл и Кэй сошли со сцены, дом остался в полном ее распоряжении. Только берегитесь Клемпера. У меня сложилось впечатление, что он с ней еще встречается. Маленькое чудовище все еще умеет заставить его расслабиться.

Хардвик ослабился.

— Хочешь сказать — напрячься?

— Ты омерзителен! — Она снова повернулась к Гурни. — Я отправлю вам адрес. А вообще могу дать прямо сейчас. Он у меня в записной книжке.

Она встала из-за стола и вышла из комнаты.

Гурни откинулся на спинку стула и испытующе посмотрел на Хардвика.

— Чего еще?

— Может, мне просто мерещится, но ты, кажется, стал чуть ближе к моему пониманию дела.

— Ты, твою мать, о чем?

— Похоже, область твоих интересов слегка расширилась и вышла за пределы одной только апелляции.

Казалось, Хардвик собрался было возразить, но потом лишь медленно покачал головой.

— Чертовы гвозди... — Он уставился в пол. — Не знаю даже... заставляет задуматься, до чего ж поганая тварь — человек. Совершенно. Полностью. Гнусная. — Он помолчал, все еще покачивая головой, словно в замедленном припадке эпилепсии. — А ты когда-нибудь сталкивался с чем-то таким... что заставляет задуматься... какого хрена... ну, то есть... есть ли пределы гнусностям, на которые человек способен?

Гурни не пришлось долго размышлять. Отрубленные головы, разорванные глотки, разрубленные на куски тела. Дети, заживо сожженные родителями. Дело “Сатанинского Санта-Клауса” — серийного убийцы, который заворачивал отрубленные куски тел жертв в подарочную бумагу и рассылал местным полицейским.

— Мне много чего вспоминается, Джек, но сейчас мне не дает спать лицо Карла Спалтера с фотографии на суде, когда он был уже при смерти. Есть в нем что-то жуткое. Может, это отчаяние в глазах Карла потрясло меня примерно так же, как тебя — гвозди в глазах Гаса.

Оба молчали, пока Эсти не вернулась с вырванным из записной книжки листком бумаги и не протянула его Гурни.

— Вам, наверное, он даже и не понадобится, — заметила она. — Я могла бы просто сказать — ищите самый большой дом на Лейкшор-драйв.

— С адресом все же будет легче. Спасибо.

Она села на прежнее место, с любопытством глядя то на Гурни, то на Хардвика.

— Что стряслось? Вид у вас обоих... очень уж пришибленный.

Хардвик невесело рассмеялся.

Гурни пожал плечами.

— Всего понемножку. Увидели проблеск реальности, с которой имеем дело. Понимаете, о чем я?

Голос у нее изменился.

— Да. Еще как.

Настало молчание.

— Давайте сосредоточимся на том, что мы все же продвигаемся вперед. Предпринимаем правильные шаги. Точные данные и неопровержимая логика не могут не...

Его прервал внезапный, резкий удар по вагонке, которой был обшит дом.

Эсти встревоженно замерла.

Хардвик сморгнул.

— Какого хрена?

Звук повторился — словно треск от удара хлыстом.

Свет погас.

Глава 29

Правила изменяются

Гурни инстинктивно бросился со стула на пол. Хардвик и Эсти тут же последовали его примеру, в вихре крепких выражений.

— Я без оружия, — быстро произнес Гурни. — Что есть в доме?

— “Глок” девятого калибра в шкафу в спальне, — сказал Хардвик. — “Зиг” тридцать восьмого на ночном столике.

— “Кел-Тек” тридцать восьмого у меня в сумочке, — добавила Эсти. — Сумочка за тобой, Джек, на полу. Можешь подтолкнуть ко мне?

Гурни услышал, как Хардвик с другой стороны от стола шарит по полу, а потом что-то скользнуло к Эсти.

— Ага, поймала.

— Через секунду вернусь, — сказал Хардвик.

Гурни услышал, как он, ругаясь себе под нос, выползает из комнаты, потом — скрип двери в глубине дома, звук открываемого и закрываемого ящика. На миг вспыхнул и тотчас же погас свет фонарика. Совсем рядом с собой Гурни слышал дыхание Эсти.

— Луны сегодня нет, да? — полусшепотом спросила она.

На один безумный миг Гурни, пребывавшему во власти первобытного страха и прилива адреналина, приглушенный голос и близость Эсти показались настолько эротичными, что он чуть не забыл ответить.

— Дэйв?

— Да-да. Все верно. Луны нет.

Она придвинулась чуть ближе, коснулась рукой его руки.

— Как, по-вашему, что это?

— Не знаю. Ничего хорошего.

— Думаете, мы паникуем напрасно?

— Надеюсь.

— Ни черта не вижу. А вы?

Он напряженно вглядывался в окно.

— Нет. Ничего.

— Черт. — Магнетизм ее тревожного шепота во тьме становился почти непереносим. — Думаете, это по дому пули стучали?

— Возможно.

На самом деле он был в том уверен. За годы работы ему не раз доводилось бывать под огнем.

— Но я не слышала выстрелов.

— Он мог использовать глушитель.

— Ох, черт. Так вы и вправду считаете, это наш снайпер?

Гурни в том ничуть не сомневался — но не успел ответить, как вернулся Хардвик.

— Достал и “Глок”, и “Зиг”. Лично я предпочитаю “Глок”. А ты, старик? С “Зигом” справишься?

— Без проблем.

Хардвик коснулся руки Гурни, нащупал его ладонь и сунул в нее пистолет.

— Полная обойма, один уже в патроннике, на предохранителе.

— Отлично. Спасибо.

— Может, пора звать на помощь кавалерию? — заметила Эсти.

— К черту! — отозвался Хардвик.

— И что тогда делать? Всю ночь тут сидеть?

— Нет, думать, как взять сукина сына.

— Взять? Этими делами спецназ занимается. Мы звоним. *Они* приезжают. *Они* его и берут.

— Пошли они все на хрен. Я его сам достану. В мой дом стрелять вздумал! Чтоб его!

— Джек, ради бога! Он перебил пулей электропровод. В крошечной темноте. Это первоклассный снайпер. С биноклем ночного видения. Прячется в лесах. Как, черт возьми, ты собрался его брать? Джек, ради бога, ну будь же благоразумен!

— Да чтоб его! И не такой уж он первоклассный — на провод ему потребовались два выстрела. Я еще засуну ему “Глок” в первоклассную задницу.

— Может, и не два, — возразил Гурни.

— Ты, черт возьми, о чем? Свет погас после второго выстрела, а не после первого.

— Проверь домашний телефон.

— Что-что?

— Мне показалось, что пули попали в разные места. У тебя электролиния и телефонный провод в одном месте выходят или по отдельности?

Хардвик ничего не сказал, что уже само по себе было ответом.

Гурни услышал, как он ползет от стола к кухне... звук поднятой трубки... через минуту — снова

опущенной на место... и шорох в обратную сторону, к столу.

— Глухо. Он, его мать, и телефонный провод перебил.

— Не понимаю, — промолвила Эсти. — Что толку отрубать телефон, когда у всех есть мобильники? Он наверняка знает, кто такой Джек, а может, и нас всех знает — должен же он предположить, что у нас есть мобильники. Вы когда-нибудь видели копа без мобильного? Зачем перерезать обычный провод?

— Может, любитель повыпендриваться, — предположил Хардвик. — Что ж, не на тех напал.

— Джек, ты тут не один. Может, он шутит с Дэйвом. Или со всеми нами.

— Мне, твою мать, наплевать, с кем он там шутит. Но он всадил в мой долбаный дом свои долбанные пули.

— Бред какой-то. Спецназ сюда вмиг прибудет.

— Мы тебе не в каком-нибудь паршивом Олбани. Не стоит думать, что спецназ паркуется внизу в Дилл-виде, поджидая вызова. Они сюда только через час доберутся, не раньше.

— Дэйв? — взмолилась Эсти. Но Гурни ничем не мог успокоить ее.

— Лучше бы и вправду самим разобраться.

— Лучше? Какого дьявола лучше-то?

— Вы придаете всему этому официальную огласку — тот еще подарочек.

— Тот еще... вы вообще о чем?

— О вашей карьере.

— Карьере?

— Вы же следователь, а Джек собирается начать полномасштабную атаку на бюро криминальных расследо-

ваний. Как объяснить им, почему вы оказались в такой ситуации? Думаете, они не сумеют в два счета выяснить, откуда он берет свою инсайдерскую информацию? Информацию, при помощи которой он их всех погубить может? Думаете, вы это переживете — в юридическом смысле или вообще? Лично я предпочел бы разбираться со снайпером в лесу, чем прослыть предателем среди сослуживцев.

Голос Эсти едва заметно дрожал.

— Не понимаю, что они могут доказать. Никаких причин. — Она вдруг замолчала. — Что это?

— О чем вы? — спросил Гурни.

— За окном... на холме со стороны дома... в лесах... вспышка.

Хардвик начал пробираться вдоль стола к окну.

Эсти прошептала, вглядываясь в темноту:

— Я точно что-то видела... — И снова оборвала фразу на полуслове.

На этот раз Гурни и Хардвик тоже увидели.

— Вот! — хором вскричали они.

— Камера слежения, я их расставил на тропах, — пояснил Хардвик. — Активируются при движении. У меня их в лесах с полдюжины, главным образом на охотничий сезон. — Еще одна вспышка — заметно выше по склону. — Гад движется вверх по главной тропе. Ох, уйдет ведь. Черт!

Гурни услышал, как Хардвик поднимается на ноги и спешит из комнаты на кухню. Вернулся он с двумя зажженными фонариками в одной руке и “Глоком” в другой. Один фонарик он установил на столе, направив луч вверх в потолок.

— Кажется, я догадываюсь, куда этот гад направляется.

Как уйду, садитесь в машины, убирайтесь отсюда и забудьте, что вообще здесь были.

— Ты куда? — голос Эсти зазвенел от тревоги.

— Поеду к началу тропы, к Скот-Холлоу, что по ту сторону горы. Если получится попасть туда быстрее него...

— Мы с тобой!

— Черта с два! Вам обоим надо убираться отсюда — в противоположную сторону, и поживей! Не хватало еще, чтоб местные копы тебя тут поймали и стали допрашивать. А то и не местные, а из управления. Я ж тогда хлопот не оберусь. Давай. Уезжай скорее!

— Джек!

Хардвик выбежал в парадную дверь. Через несколько секунд они услышали, как взревел, отбрасывая колеса на стенку дома мелкие камешки, здоровенный "Понтиак". Гурни схватил со стола второй фонарик и, выскочив на крыльцо, увидел, как задние фары на большой скорости скрываются за поворотом узкой проселочной дороги, выходящей по длинному, поросшему лесом склону в сторону шоссе номер десять.

— Нельзя было отпускать его одного! — голос Эсти рядом звучал напряженно, отрывисто. — Надо было ехать за ним, звать на помощь.

Она была права. Но и Хардвик тоже.

— Джек не дурак. Я видел его и в ситуациях пострашнее этой. Ничего с ним не случится.

Однако даже для самого Гурни эти уверения казались надуманными и неубедительными.

— Ему не следовало гнаться за этим маньяком в одиночку!

— Он всегда может позвонить и вызвать подмогу. Ему решать. И без нас он сможет изложить всю историю

в любом виде, как ему удобней. Пока мы здесь, у него связаны руки. Да и вашей карьере конец.

— Боже! Боже! Как же я это все ненавижу! — Она разнервничалась и кружила на месте. — И что теперь? Просто уезжаем? Едем домой?

— Да. Вы первая. Немедленно.

Она смотрела на Гурни в подрагивающем свете фонарика.

— Ладно. Ладно. Но все это мрак какой-то. Полный мрак.

— Согласен. Но надо развязать Джеку руки. В доме осталось что-то из ваших вещей?

Она несколько раз сморгнула, пытаясь сосредоточиться на вопросе.

— Большая сумка, сумочка через плечо... кажется, все.

— Отлично. Что бы там ни было — берите скорее и уматывайте.

Он вручил ей фонарик и остался ждать снаружи; она скрылась в доме.

Через две минуты Эсти уже закидывала сумки на пассажирское сиденье "Мини-Купера".

— Где вы живете? — спросил он.

— В Онеонте.

— Одна?

— Да.

— Поосторожнее.

— Конечно. И вы.

Она села в машину, дала задний ход, вывернула на проселок и скрылась.

Гурни выключил фонарик и замер во тьме, прислушиваясь. Ни звука, ни ветерка, ни намек на движение. Он простоял так с минуту, ожидая хоть что-то

увидеть или услышать. Но все было неестественно тихо.

С фонариком в одной руке и снятым с предохранителя пистолетом в другой он обернулся, описал полный круг, осматриваясь, но не увидел ничего подозрительного, ничего странного. Направив луч фонарика на стенку дома, он поводил им вверх-вниз, пока не нашел место, где из окна второго этажа торчали обрывки проводов. Примерно в десяти футах под другим окном выходил еще один провод. Переведя луч фонарика с дома на дорогу, Гурни нашарил им электрический столб, с которого, как следовало ожидать, свисали до самой земли два оборванных провода.

Гурни подошел ближе к дому, встал под обрывками проводов. На вагонке за каждым из выходов темно по маленькой черной дырочке. Со своего места Гурни не мог оценить диаметр отверстий, но был уверен, что пуля никак не меньше тридцатого и не больше тридцать пятого калибра.

Если это тот же самый стрелок, что ранил Карла на кладбище “Ивовый покой”, он, похоже, легко менял оружие: выбирал его в зависимости от поставленной цели. Практичный мужик. Или баба.

На ум снова пришел вопрос Эсти: “Зачем выводить из строя домашнюю линию, когда у всех сейчас есть мобильники?” С практической точки зрения обрыв проводов и средств связи должен быть преамбулой к нападению. Но никакого нападения не последовало. Так в чем же смысл?

Предупреждение?

Как гвозди в голове Гаса?

Силы праведные!

Возможно ль?

Электричество и телефон. Электричество означает свет — то есть возможность видеть. А телефон? Зачем нужен телефон — особенно стационарный? Чтобы говорить и слушать.

Ни электричества, ни телефона.

Не видеть, не слышать, не говорить.

“Не видеть зла, не слышать зла, не говорить о зле”.

Или он просто идет на поводу у разыгравшегося воображения, слишком увлечен собственной же идеей “послания”? Гурни прекрасно знал, что чрезмерное увлечение собственными гипотезами до добра не доводит. И все же — если это не послание, то что, черт возьми?

Выключив фонарик, он снова замер во тьме, сжимая пистолет, весь обратившись в зрение и слух. От крошечной тишины вокруг бросало в дрожь. Гурни сказал себе, что виной всему — ночное похолодание и сырость. Но уютнее от этого не становилось. Пора выбираться отсюда.

На полпути в Волнат-Кроссинг он остановился у круглосуточного магазинчика купить стакан кофе. Сидя на парковке, прихлебывая кофе и перебирая в голове все, что случилось у Хардвика, и размышляя о том, что он мог бы или должен был сделать, он вдруг подумал, что надо бы позвонить Кайлу.

Он собирался оставить сообщение и удивился, услышав голос в трубке.

— Привет, пап, что стряслось?

— Да уйма всего.

— Правда? Но ведь тебе ж, черт возьми, это нравится, да?

— Думаешь?

— Знаю. Когда ты не перегружен работой, то изнываешь, оттого что тебе нечем заняться.

Гурни улыбнулся.

— Надеюсь, я не слишком поздно?

— Поздно? Да сейчас без пятнадцати десять. Это ж Нью-Йорк. Большинство моих друзей сейчас где-нибудь развлекается.

— Но не ты?

— Мы решили сегодня посидеть дома.

— Мы?

— Долгая история. Так что случилось?

— Вопрос к тебе как к человеку с опытом работы на Уолл-стрит. Даже не знаю, как сформулировать, я-то всю жизнь с убийствами вожусь, а не с бизнесом. Меня интересует вот что: скажем, если какое-то предприятие ищет источник финансирования — допустим, для расширения, — то слухи об этом пойдут или нет?

— Зависит.

— От чего?

— От размеров суммы, о которой идет речь. И от того, какого рода финансирование. И кто в этом участвует. В счет идет масса разных факторов. Чтобы запустить в движение фабрику слухов, необходимо крупное дело. На Уолл-стрит о мелочах болтать не станут. А о каком предприятии мы говорим?

— Нечто под названием Церковь Киберпространства — детище одного типа по имени Йона Спалтер.

— Да вроде о чем-то таком я слышал.

— И что именно?

— Киберцерковь...

— Киберцерковь?

— Да на бирже сплошь свой жаргон — кругом сокращения, как будто все слишком спешат, чтобы произносить слова целиком.

— Церковь Киберпространства числится на фондовой бирже?

— Не думаю. Просто там все слова сокращают. А что тебя интересует?

— Все, что о ней говорят и чего я не найду в “Гугле”.

— Без проблем. Работаешь над новым делом?

— Апелляция по делу об убийстве. Пытаюсь нарыть факты, которые упустило первоначальное расследование.

— Здорово. И как продвигается дело?

— Интересно.

— Зная твою манеру говорить о работе, я бы сказал, это значит, что в тебя стреляли и чудом не убили.

— Ну... типа того.

— Чтооо? Я в точку попал? С тобой все в порядке? Тебя и правда пытались застрелить?

— Стреляли по дому, в котором я находился.

— Бог ты мой! И все из-за дела, которым ты занимаешься?

— Думаю, да.

— Как ты можешь оставаться таким спокойным? Стреляй кто по дому, где я нахожусь, я бы на стенку лез.

— Ну, целься он в меня лично, я бы тоже сильнее переживал.

— Ух ты. Будь ты героем комиксов, тебя звали бы Доктор Спокойствие.

Гурни улыбнулся, не зная, что ответить. Не так уж и часто они с Кайлом разговаривали, хотя после дела Доброго Пастыря больше, чем прежде.

— Может, заглянешь как-нибудь на днях?

— Конечно. Отчего бы нет. Здорово.

— Ты все едешь на мотоцикле?

— А то. И в том шлеме, что ты мне дал. Твоем старом. Ношу вместо своего.

— А... ну... рад, что тебе подошел.

— По-моему, у нас головы одного размера.

Гурни рассмеялся, сам не очень-то зная, почему.

— Что ж, в любой момент, как сможешь выбраться, приезжай — будем рады тебя видеть. — Он помолчал. — Как учеба?

— Ни минутки свободной, чтения выше головы, но в целом здорово.

— Так ты не жалеешь, что завязал с Уолл-стрит?

— Ничуть. Ну, может, в очень редкие секунды. Но потом вспоминаю, сколько дерьма там шло в нагрузку — Уолл-стрит вымощена дерьмом, — и просто счастлив, что больше во все это не играю.

— Отлично.

Настало молчание, наконец нарушенное Кайлом.

— Ну так я позвоню кое-кому, поспрашиваю, не известно ли чего про Киберцерковь, и дам тебе знать.

— Чудесно, сынок. Спасибо.

— Целую, пап.

— И я тебя.

Закончив разговор, Гурни так и остался сидеть с телефоном в руке, раздумывая о причудливом характере его взаимоотношений с сыном. Мальчику исполнилось... сколько? Двадцать пять? Двадцать шесть? Сра-

зу и не вспомнишь. И большую часть этого времени, особенно последние десять лет, они с Кайлом были... как бы сказать? Не то чтобы совсем чужими — слишком уж это эмоционально насыщенный термин. Отдалились друг от друга? Уж во всяком случае, подолгу не общались. Но когда все же общались, то с неизменной теплотой, особенно со стороны Кайла.

Возможно, объяснение было столь же простым, как и фраза его первой, еще университетских времен девушки, произнесенная ею в момент разрыва несколько десятков лет назад: “Тебе просто не нужны другие люди, Дэвид”. Ее звали Джеральдиной. Они стояли возле теплицы в Ботаническом саду Бронкса. Цвели вишни. Начинался дождь. Она повернулась и побрела прочь, а дождь становился все сильнее и сильнее. С тех пор они ни разу не разговаривали.

Гурни посмотрел на телефон в руке. Наверное, стоит позвонить Мадлен, сказать, что он едет.

Голос у нее был сонный.

— Ты где?

— Прости, не хотел тебя будить.

— А ты и не разбудил. Я читала. Ну, может, задремала самую малость.

Его подмывало спросить, не “Войну и мир” ли она читает, — Мадлен читала эту книгу уже целую вечность, и та зарекомендовала себя как крайне действенное снотворное.

— Просто хотел сказать, что я на полпути между Диллвидом и Уолнат-Кроссингом. Буду дома через двадцать минут, даже чуть раньше.

— Хорошо. А что так поздно?

— Был у Хардвика, возникли кое-какие осложнения.

- Осложнения? С тобой все в порядке?
- В полном. Все расскажу, как домой доеду.
- Я уже спать буду.
- Ну тогда утром.
- Осторожнее на дороге.
- Ладно. До скорого.

Он сунул телефон в карман, сделал пару глотков остывшего кофе, выкинул стакан с остатком в урну и выехал на шоссе.

Теперь мыслями его завладел Хардвик. И Гурни не покидало неприятное ощущение, что надо было не слушаться его, а все-таки ехать следом. Конечно, существовал риск, что все пойдет кувырком, одно за другим — перестрелка с нападавшим, выход на сцену официальной полиции, расследование управления касательно Эсти, необходимость умалчивать кое-какие подробности встречи, чтобы не выдать ее, полуправдивые показания, путаница, неразбериха, узлы и хитросплетения. С другой же стороны, была вероятность того, что Хардвик столкнется лицом к лицу — или дулом к дулу — с противником не по силам.

Очень хотелось развернуться и двинуться туда, куда, скорее всего, заведет Хардвика погоня. Но слишком уж много было разных вариантов развития событий. Слишком много перекрестков — и каждый уменьшал шансы угадать верный путь. А даже если каким-то чудом и удастся каждый раз выбирать правильное направление и достичь цели, неожиданное появление стрелка запросто способно создать не меньше проблем, чем решить.

Так он и ехал вперед, раздираемый внутренней борьбой, и наконец добрался до поворота к своему дому. Он вел машину медленно, потому что у оленей во-

дилась привычка неожиданно выскакивать прямо под колеса. Не так давно он сбил олененка, и от этого воспоминания ему до сих пор делалось дурно.

Наверху он притормозил, чтобы дать время дикобразу убраться с дороги, и следил, как тот неторопливо топает в заросли высокой травы на склоне за сараем. Дикобразы пользовались дурной репутацией за обыкновение грызть все, что попадется, начиная с обшивки домов и кончая тормозными трубками у машин. Фермер, живущий чуть ниже по склону, советовал отстреливать их, как только заметишь. “Проблем от них масса, а толку никакого”. Но Гурни на такое не хватило бы духу, да и Мадлен не одобрила бы.

Он снова завел машину и уже собирался свернуть на поросшую травой дорогу к дому, как взгляд его привлек отблеск — в окне сарая: яркое пятнышко света. Сперва Гурни подумал, что в сарае не выключен свет — может, Мадлен забыла, когда последний раз кормила кур. Но лампочка в сарае была тусклой и с желтым оттенком, а этот свет — резким и белым. Пока Гурни вглядывался, свет засиял ярче.

Гурни выключил фары. Просидев в полной озадаченности еще несколько минут, он взял с пассажирского сиденья тяжелый металлический фонарь Хардвика и, не включая его, вылез из машины и сквозь темноту зашагал к сараю, ориентируясь на то странное пятнышко света. Казалось, когда он двигается, оно тоже смещается.

Внезапно он покрылся гусиной кожей, осознав, что свет горит вовсе не в сарае. Это было отражение — отражение в окне чего-то, находившегося за спиной у Гурни. Он моментально повернулся и увидел яркий свет, пробивающийся сквозь деревья вдоль гребня хол-

ма за прудом. Первая догадка, мелькнувшая у него в голове, была — галогенный поисковой фонарь на крыше военного джипа.

В сарае позади прокукарекал петух — должно быть, его разбудила необычная иллюминация.

Гурни снова посмотрел на холм — на ширящийся, набирающий яркость свет за деревьями. И тут, разумеется, все стало очевидно. Как должно было быть с самого начала. Никаких загадок. Никаких неизвестных машин в ночном лесу. Ничего необычного. Просто полная луна, встающая над холмами в ясную ночь.

Он ощутил себя полным идиотом.

Телефон зазвонил.

Мадлен.

— Это ты там у сарая?

— Да, я.

— Тебе звонили. Ты едешь? — голос у нее звучал как-то очень холодно.

— Да. Просто проверял кое-что. А кто звонил?

— Алисса.

— Что?

— Женщина по имени Алисса.

— А фамилию она тебе назвала?

— Я спрашивала. Она сказала, ты, верно, фамилию и сам знаешь, а если нет, то с тобой и разговаривать не о чем. Голос у нее — не то пьяная вдрызг, не то просто ненормальная.

— Номер она оставила?

— Да.

— Сейчас буду.

Через две минуты, в 10:12 он стоял на кухне с телефоном в руке и набирал номер.

Мадлен в летней пижаме, розовой с желтым, стояла у раковины и убирала из сушилки ложки и вилки.

На звонок ответили с третьего же гудка — хрипловатым, но нежным голосом.

— Возможно ли, что мне перезвонил детектив Гурни?

— Алисса?

— Единственная и неповторимая.

— Алисса Спалтер?

— Алисса Спалтер, от которой жених сбежалтер, — она говорила, точно двенадцатилетка после набега на родительский винный буфет.

— Чем могу помочь?

— А вы хотите мне помочь?

— Вы звонили недавно. Что вы хотите?

— Помочь. Только и всего.

— И как именно вы хотите помочь?

— Хотите знать, кто убил Петушка Робина?

— Что?

— А вы много убийств сейчас расследуете?

— Вы имеете в виду вашего отца?

— Короля Карла? Ну разумеется!

— Тогда скажите.

— Не по телефону.

— Почему?

— Приходите ко мне, тогда скажу.

— Назовите имя.

— Назову. Когда узнаю вас получше. Я всех своих дружков называю какими-нибудь особыми именами. Так когда мы увидимся?

Гурни промолчал.

— Вы еще тут? — спросила она.

— Тут.

— Ага. В том-то и проблема. Вам надо прийти сюда!

— Алисса... либо вы знаете что-то полезное для расследования, либо нет. Либо скажете мне, либо не скажете. Выбор за вами. Решайте прямо сейчас.

— Я знаю все.

— Отлично. Тогда расскажите.

— Ни за что. А вдруг телефон прослушивается. Мы живем в страшном мире. Все прослушивают. Ушки-ушки-на-макушке. Да вы ж детектив, сами знаете. Спорим, вы даже знаете, где я живу.

Гурни промолчал.

— Ведь знаете, где я живу, да?

Он снова ничего не сказал.

— Да-да, спорим, знаете.

— Алисса? Послушайте меня. Если хотите рассказать...

Она прервала его с нарочито преувеличенной, соблазнительной томностью, которая при других обстоятельствах могла бы показаться даже комичной.

— Итак... я буду дома всю ночь. И завтра весь день. Приезжайте, как только сможете. Пожалуйста. Я вас жду. Жду только вас.

И она закончила разговор.

Гурни отложил телефон и посмотрел на Мадлен. Та, сосредоточенно хмурясь, разглядывала вилку, которую собиралась было убрать в ящик. Включив воду, она принялась оттирать вилку, потом сполоснула, вытерла, осмотрела снова и удовлетворенно положила на место.

— По-моему, ты была права, — заметил Гурни.

Мадлен снова нахмурилась — уже на него.

— Насчет чего?

— Что эта молодая женщина либо пьяна, либо не в себе.

Мадлен невесело улыбнулась.

— Что ей надо?

— Хороший вопрос.

— Что ей надо, по ее словам?

— Встретиться со мной. Рассказать, кто убил ее отца.

— Карла Спалтера?

— Да.

— Ты собираешься с ней встречаться?

— Возможно. — Он еще немного подумал. — Вероятно.

— Где?

— Там, где она живет. В их семейном особняке в Венус-Лейк. За Лонг-Фоллсом.

— Венус — это как Венера, богиня любви?

— Надо полагать.

— И венерические заболевания?

— Ну да, пожалуй.

— Славное название для озера. — Она помолчала. — Ты сказал — семейный особняк. Ее отец мертв, а мать в тюрьме. Кто у них там еще есть в семье?

— Насколько я знаю, никого. Алисса — единственное дитя.

— Да уж, дитятко! Ты туда один пойдешь?

— И да, и нет.

Она посмотрела на него с любопытством.

— Может, прихвачу что-нибудь простенькое из электроники.

— Пойдешь с прослушкой?

— Ну, это будет не так, как по телевизору показывают, когда за углом полный автобус компьютерных гениев и все такое. У меня техника попроще. А ты завтра дома или в клинике?

— Работаю во второй половине дня. Почти все утро буду тут. А что?

— Я просто вот что подумал. Как приеду к Венус-Лейк, перед тем как входить в дом, я позвонил бы с мобильного к нам на домашний. А ты, как снимешь трубку и убедишься, что это я, просто поставь на запись. Я суну мобильник в нагрудный карман, а выключать не стану. Может, идеального качества записи и не будет, но хоть что-то разобрать потом удастся — впоследствии это может пригодиться.

Во взгляде Мадлен отразилось сомнение.

— Это все хорошо: ты сможешь доказать то, что тебе там надо доказать, но... пока ты там, ты же в опасности. За две минуты разговора с Алиссой по телефону у меня сложилось убеждение, что она со сдвигом. Возможно — с опасным сдвигом.

— Знаю. Но...

Мадлен не дала ему закончить фразу.

— Только не говори, с каким множеством опасных психов тебе приходилось сталкиваться! То было тогда, а это сейчас! — Она помолчала, словно усомнившись вдруг, так ли сильно “тогда” отличается от “сейчас”. — Ты о ней вообще много знаешь?

Он обдумал вопрос. Кэй много чего говорила об Алиссе. Но сколько в ее словах правды?

— Много ли я знаю о ней достоверно? Почти ничего. Ее мачеха утверждает, что Алисса лгунья и наркоманка. Возможно, спала со своим отцом. Возможно, и с Клемпером, чтобы повлиять на ход следствия. Не исключено, что она подставила мачеху, желая свалить на нее убийство. И вполне вероятно, только что, разговаривая со мной по телефону, она была под кайфом. Навер-

ное, она способна вытворить что угодно — бог весть почему.

— А что-нибудь хорошее ты о ней знаешь?

— Едва ли.

— Что ж... решать тебе. — Мадлен задвинула ящик с вилками и ложками чуть более резко, чем обычно. — Но лично мне кажется, встречаться с ней у нее дома — ужасная затея.

— Я и не стал бы, если б мы не могли провернуть этот номер с прослушкой для подстраховки.

Мадлен еле заметно кивнула, умудрившись этим сдержанным жестом сказать: “Риск слишком велик, но я же знаю, что тебя не остановить”.

А вслух добавила:

— Ты еще не договорился о встрече?

Она меняла тему, что само по себе уже было многозначительно, но Гурни притворился, что не понимает.

— О какой встрече?

Мадлен стояла, положив руки на край раковины и устремив на Гурни терпеливый, недоверчивый взгляд.

— Ты говоришь о Малькольме Кларете?

— Да. А о ком еще, по-твоему?

Он беспомощно покачал головой.

— Есть предел моей способности удерживать в голове множество вещей одновременно.

— Ты завтра в котором часу уезжаешь?

Он почуял очередную многозначительную смену курса.

— В Венус-Лейк? Около девяти. Сомневаюсь, что мисс Алисса рано встает. А что?

— Хочу позаниматься курятником. Думала, может, если у тебя найдется несколько свободных минут, ты объ-

яснишь мне, что делать дальше, чтобы перед работой я могла сдвинуть дело с мертвой точки. Вроде бы утро обещали хорошее.

Гурни вздохнул. Он попытался сосредоточиться на курятнике — на основной схеме и на том, что они уже успели измерить, и какие материалы надо купить, и за что браться дальше, — но не смог. Словно для дела Спалтеров и для курятника требовались два совершенно разных мозга. Да еще эта ситуация с Хардвиком! Думая о ней, Гурни каждый раз жалел, что послушался его.

Пообещав Мадлен, что чуть позже разберется с курятником, он отправился в кабинет и позвонил Хардвику на мобильник.

Неудивительно — и чертовски досадно, — но там сразу включился автоответчик.

“Хардвик... оставьте сообщение”.

— Эй, Джек, что происходит? Ты где? Объявись. Пожалуйста.

Наконец осознав, что мозг у него дошел до той стадии истощения, когда совсем уже ни на что не годен, Гурни вслед за Мадлен отправился спать. Но когда сон все-таки пришел, это едва ли могло называться сном. Сознание Гурни металось, ходило по кругу, застряв в колее лихорадочных, бестолковых мыслей: опознание личности и обрывок фразы “Хардвик... оставьте сообщение” снова и снова повторялись во всех возможных искаженных видах и формах.

Глава 30

Дивный яд

Гурни подождал до утра, прежде чем рассказывать Мадлен про драму, разыгравшуюся в доме Хардвика. К тому времени, как он закончил свой сильно урезанный, но по сути точный рассказ, она смотрела на него так, словно ждала финального выстрела.

Гурни отчаянно не хотелось делать этот выстрел, но выбора не было.

— Думаю, из предосторожности... — начал он, но Мадлен закончила мысль за него.

— ... мне лучше ненадолго отсюда выехать. Ты это собирался сказать?

— Просто на всякий случай. На несколько дней. По моим ощущениям, этот тип высказал, что хотел, и навряд ли повторит представление, но все-таки... Хочу, чтобы ты была подальше от любой потенциальной опасности, пока это все не разрешится.

Он готовился к тому же сердитому отпору, какой получил, высказав аналогичное предложение год назад, во время беспокойного дела Джиллиан Пери, так что очевидное нежелание Мадлен возражать сби-

ло его с толку. Первый ее вопрос звучал на удивление трезво:

— О каком сроке мы говорим?

— Могу только догадываться. Но... может, дня три-четыре. Зависит от того, как быстро нам удастся разрешить проблему.

— Три-четыре дня, начиная с когда?

— Хорошо бы с завтрашнего вечера. Может, ты напросишься погостить у сестры, там в...

— Я буду у Уинклеров.

— Где-где?

— Так и знала, что ты не помнишь. Уинклеры. У них на ферме. В Бак-Ридже.

Гурни начал смутно припоминать.

— Те самые, со странными животными?

— С альпака. Ты ведь помнишь, что я предлагала приехать туда и помочь им во время ярмарки?

Второе смутное воспоминание.

— Ах, да. Верно.

— И что ярмарка начинается в эти выходные?

Третье.

— Точно.

— Так что там я и буду. На ярмарке с ними, у них на ферме. Я собиралась поехать послезавтра, но уверена, они не будут против, если я приеду на день раньше. Собственно-то говоря, они приглашали меня остаться на всю неделю. Я собиралась взять в клинике несколько дней отпуска. Знаешь, мы ведь правда обсуждали все это, когда они меня только пригласили.

— Я помнил, но не очень отчетливо. Наверное, тогда казалось, ярмарка еще не скоро. Но хорошо, это даже лучше, чем гостить у твоей сестры или еще где-нибудь.

Покладистость Мадлен испарилась.

— Но ты-то? Если мне есть смысл уехать, то...

— Со мной все будет отлично. Я ведь говорил — стрелок просто оставил свое сообщение. Похоже, он знает, что это Хардвик поднял дело Спалтеров, и вполне логично, что он адресовал свое послание именно ему. А потом, в том маловероятном случае, если он захочет во второй раз дать о себе знать, я сумею этим воспользоваться с толком.

На лице Мадлен читались тревога и смятение, словно ее раздирали глубокие внутренние противоречия.

Заметив ее выражение, Гурни тут же пожалел, что невзначай лишь осложнил дело ненужными подробностями, и попытался пойти на попятную.

— Я имел в виду, что вероятность серьезной угрозы микроскопична — но, даже будь она меньше процента, мне хотелось бы, чтобы ты держалась как можно дальше.

— Но сам-то ты как? Даже если она и меньше процента, во что мне не слишком-то верится...

— Я? Не волнуйся. Согласно “Нью-Йорк Мэгезин”, я самый крупный спец по убийствам за всю историю Большого Яблока.

Столь неприкрытое хвастовство должно было успокоить Мадлен.

Но, похоже, действовало обратным образом.

Навигатор привел Гурни в замкнутый мирок Венус-Лейк чередой сельских долин, оставляя суматоху Лонг-Фоллса в стороне.

Улица Лейкшор-драйв описывала двухмильную петлю вокруг водоема примерно в милю длиной и четверть мили шириной. Начиналась и кончалась петля в деревушке на берегу озера, словно списанной с открытки. Дом Спалтеров — увеличенная копия постройки в колониальном деревенском стиле — стоял посреди ухоженного участка в несколько акров с другой стороны от деревни.

Сделав полный круг, Гурни остановился перед Киллингстонским торговым центром, который — судя по тщательно продуманной деревенской безыскусности витрины, где были выставлены удочки, английские чаи и провинциальный твид, — отражал особенности пасторальной жизни примерно с той же достоверностью, что и картины Томаса Кинкейда.

Вытащив мобильный, Гурни в третий раз за утро позвонил Хардвику — и в третий раз нарвался на автоответчик. Тогда он позвонил Эсти, тоже в третий раз, но теперь она сняла трубку.

— Дэйв?

— Есть новости от Джека?

— И да, и нет. Он мне звонил вчера вечером в одиннадцать сорок пять. Голос у него был не слишком веселый. Похоже, у стрелка был не то мотоцикл, не то внедорожник. Джек говорил, в какой-то момент он даже услышал шум мотора — из леса рядом с дорогой, но ближе так и не подобрался. Так что тут — никакого прогресса. По-моему, он собирался сегодня искать свидетелей против Кэй.

— А что с фотографиями?

— Со вскрытия Гурикоса?

— Ну, и с ними тоже, но я имел в виду снимки с ка-

мер, установленных в лесу. Помните вспышки, что мы видели на холме после стрельбы?

— По словам Джека, все камеры разбиты. Похоже, стрелок всадил в каждую по паре пуль. Что до вскрытия Гурикоса и Мэри Спалтер, я уже наводила справки по телефону. Если повезет, может, получим сведения довольно скоро.

Затем Гурни позвонил на свой домашний телефон.

Сперва ответа не было, и включился автоответчик. Гурни уже собирался оставить паническое воззвание: “Где ты, черт возьми?”, когда Мадлен сняла трубку.

— Привет. Я выходила. Прикидывала, как быть с электричеством.

— С каким электричеством?

— А разве мы не сошлись на том, что к курятнику надо будет протянуть провод?

Он подавил раздраженный вздох.

— Ну да, кажется. В смысле... нам же прямо сейчас рано еще об этом думать.

— Да... но разве не стоит прикинуть, где он будет, — чтобы потом ничего не испортить?

— Слушай, я не могу сейчас на этом сосредоточиться. Я в Венус-Лейк, собираюсь разговаривать с дочерью жертвы. Нужно, чтобы ты включила на телефоне запись.

— Знаю. Ты мне говорил. Я просто не буду разъединяться и поставлю на запись.

— Верно. Только вот я придумал способ получше.

Она промолчала.

— Ты еще здесь? — позвал Гурни.

— Здесь.

— Отлично. Тогда сделай вот как. Позвони мне ровно через десять минут. Я тебе что-нибудь скажу — не об-

ращай внимания, что именно, — и разъединюсь. Перезвони мне сразу же. Я еще что-нибудь скажу и разъединюсь. Тогда позвони мне в третий раз и, что бы я ни говорил, не разъединяйся и включи запись. Хорошо?

— Зачем столько сложностей? — в ее голосе слышалась нарастающая тревога.

— Алисса может заподозрить, что я записываю разговор на телефон — или что передаю его на другое устройство. Вот мне и хочется зарубить эту идею на корню, заставив ее поверить, что я вообще отключил мобильный.

— Ладно. Позвоню через десять минут. От этого момента?

— Да.

— Может, как вернешься домой, обсудим нагреватель для воды?

— Что-что?

— Я читала, что в курятниках не требуется отопления, но воду надо поддерживать такой температуры, чтобы не замерзала. Вот и еще одна причина, почему там понадобится электричество.

— Хорошо. Да. Обсудим. Позже. Вечером. Ладно?

— Ладно. Позвоню тебе через девять с половиной минут.

Он сунул телефон в нагрудный карман, взял из ящичка на приборной доске маленький цифровой диктофон и закрепил на поясе так, чтобы сразу бросалось в глаза. А потом двинулся от торгового центра к противоположному концу Венус-Лейк — к открытым литым воротам и алее, ведущей к дому Спалтеров. Медленно проехав в ворота, он припарковался на площадке перед широкими гранитными ступенями.

Казалось, старинная дверь раньше принадлежала какому-то другому, более древнему, но такому же богатому дому. На стене рядом висел интерком. Гурни нажал кнопку.

— Входите, не заперто, — произнес бесплотный женский голос.

Гурни посмотрел на часы. Шесть минут до звонка Мадлен. Открыв дверь, он шагнул в просторный холл, освещенный чередой антикварных светильников. Сводчатый проход слева вел в парадную столовую; такой же, но справа, — в богато обставленную гостиную с камином, в котором человек мог бы встать в полный рост. В глубине холла поднималась на второй этаж лестница из лакированного красного дерева, с резными перилами.

Полуголая молодая женщина вышла на лестничную площадку, улыбнулась и неторопливо двинулась вниз. На ней были лишь два куцых клочка одежды, явно предназначенные подчеркивать то, что формально скрывали: едва прикрывающая грудь розовая футболка, рваная по нижнему краю, и белые шортики, и вовсе почти ничего не прикрывающие. На растянутой ткани футболки крупными черными буквами было написано непонятное сокращение *“FMAD”*.

Лицо у Алиссы оказалось свежее, чем Гурни предполагал увидеть у хронической наркоманки. Доходящие до плеч пепельно-русые волосы были влажными и чуть растрепанными, как после душа. Пока она спускалась по ступеням, Гурни обратил внимание, что ногти на пальцах босых ног у нее покрашены светло-розовым лаком, в тон почти незаметному слою помады на губах, маленьких и изящных, точно у куколки.

Спустившись, она на миг замерла, рассматривая Гурни так же пристально, как и он ее.

— Привет, Дэйв.

Голос ее, как и весь облик, был тщеславным и нелепо-соблазнительным. А вот глаза, с интересом отметил Гурни, не походили на тусклые, затравленные глаза среднестатистической наркоманки. Ярко-синие и очень ясные. Однако блеск им придавала не юная невинность. Нет, ледяное честолюбие.

Любопытно получается, с глазами-то, подумал Гурни. Даже пытаясь все скрыть, они хранят в себе и отражают эмоциональную сумму всего, что видели.

Девушка бестрепетно выдержала пристальный взгляд Гурни. Что-то в ее глазах — что-то, чему они были свидетелями, — заставило его похолодеть. Он кашлянул и задал дежурный, но неперенный вопрос.

— Вы — Алисса Спалтер?

Розовые губки чуть разомкнулись, демонстрируя ряд идеальных зубов.

— Так копы по телику спрашивают перед тем, как кого-нибудь арестовать. Вы хотите меня арестовать?

Тон у нее был игривый, а вот глаза — нет.

— Это в мои планы не входило.

— А что входит в ваши планы?

— У меня нет плана. Я приехал потому, что вы позвали.

— И еще из любопытства?

— Мне любопытно, кто убил вашего отца. Вы сказали, что знаете, кто. В самом деле?

— Не торопитесь так. Заходите, присаживайтесь.

Повернувшись, она прошла через арку в гостиную, переступая босыми ногами с шелковистой грацией танцовщицы. На Гурни она не оглядывалась.

Он проследовал за ней — думая, что никогда еще не встречал столь поразительного сочетания дешевой сексуальности и чистейшего цианида.

Сама комната — огромный камин, обитые кожей кресла и английские пейзажи на стенах — составляла головокружительный контраст с этой современной Лолитой, которой предстояло скоро унаследовать все имущество отца. А может, вовсе и не контраст, учитывая, что дом, скорее всего, был не старше Алиссы и весь его облик являлся лишь результатом искусных ухищрений.

— Как в музее каком, — сказала Алисса, — но диван ничего, мягкий. Ногам приятно. Попробуйте-ка сами.

Не успел Гурни выбрать, куда садиться — только не на диван! — как телефон у него зазвонил. Он взглянул на экран. Мадлен пунктуальна. Он смерил телефон суровым взглядом, точно звонок совсем некстати, и нажал кнопку “Ответить”.

— Да? — Он помолчал. — Нет. — Помолчал снова и повторил, на этот раз сердито: — Я же сказал — нет!

Нажал кнопку отбоя, сунул мобильник обратно в карман, посмотрел на Алиссу и приподнял брови.

— Простите, отвлекся. Так на чем мы остановились?

— На том, чтобы устроиться поудобнее.

Она села на диван и приглашающим жестом показала на валик рядом.

Гурни сел в кресло, отделенное от дивана кофейным столиком.

Алисса скроила обиженную мордочку, но ненадолго.

— Хотите выпить?

Он покачал головой.

— Пива?

— Нет.

— Шампанского?

— Нет, спасибо.

— Мартини? Негрони? Текини? “Маргариту”?

— Ничего не надо.

Снова та же гримаска.

— Вы не пьете?

— Иногда. Не сейчас.

— У вас такой напряженный голос. Вам надо...

Мобильник зазвонил снова. Гурни посмотрел, кто это, и убедился, что Мадлен. Он выждал еще немного, словно хотел, чтобы включился автоответчик, но потом, притворяясь раздраженным, нажал кнопку.

— Ну что еще? — Пауза. — Сейчас не время... Да ради бога... — Он снова помолчал, принимая все более раздраженный вид. — Послушай. Пожалуйста. Я сейчас занят. Да... Нет... Не сейчас!

Он снова нажал отбой и убрал телефон в карман.

Алисса лукаво улынулась.

— Проблемы с девушкой?

Он не ответил, мрачно уставившись на кофейный столик.

— Вам надо расслабиться. Стряхнуть все это напряжение, я прямо отсюда чувствую, до чего вы скованны. Могу как-то помочь?

— Ну, мне бы помогло, если б вы оделись.

— Оделась? Да я же одета!

— Не слишком.

Губы ее расплзлись в медленной, холодной улыбке.

— А вы забавный.

— Ладно, Алисса. Хватит. Перейдем к делу. Зачем вы хотели меня видеть?

Улыбку сменила очередная недовольная гримаса.

— И что вы такой бука? Я просто хотела помочь.

— Как?

— Хотела помочь вам понять реальное положение дел, — произнесла она с таким жаром, точно этот ответ все объяснял. А когда Гурни в ответ лишь выжидающе уставился на нее, снова пустила в ход улыбку. — А вы точно не хотите выпить? Может, “Текилу Санрайз”? Я потрясающе готовлю “Текилу Санрайз”.

Он с демонстративной небрежностью потянулся к бедру, почесал место, которое вовсе не чесалось, и включил прикрепленный к поясу диктофон, неловко скрыв тихий щелчок за громким кашлем.

Алисса улыбнулась еще шире.

— Хотите, чтоб я заткнулась, солнышко, так это самый верный способ.

— Простите?

— *Простите?* — В глазах ее сверкнуло ледяное веселье.

— Что такое? — Гурни по мере сил воспроизвел выражение лица человека, который знает, что проштрафился, но изображает святую невинность.

— Что это у вас там за штучка на поясе?

Он скосил глаза вниз.

— Ах, это... — Он кашлянул. — Ну, в общем-то, диктофон.

— Диктофон. Без шуток! Можно взглянуть?

Он заморгал.

— Ну, конечно.

Отстегнув записывающее устройство, он протянул его через стол Алиссе.

Она взяла диктофон, внимательно осмотрела, выключила и положила на диван рядом с собой.

Гурни озабоченно нахмурился.

— Верните, пожалуйста.

— Подойдите и заберите.

Он посмотрел на нее, на диктофон, снова на нее, потом снова откашлялся.

— Это же рутинная процедура. Я всегда записываю все встречи. Очень полезно, чтобы потом не спорить, что говорилось или какие были приняты договоренности.

— Правда? Ух ты! И как же я об этом не подумала!

— Так что, если не возражаете, мне бы и нашу встречу хотелось записать.

— Да? Что ж, как сказал Санта-Клаус жадному мальчику, хрен тебе.

Он изобразил недоумение.

— Зачем поднимать столько шума из-за такого пустяка?

— Никакого шума. Просто не хочу, чтобы меня записывали.

— Я думал, так нам обоим будет лучше.

— А я не согласна.

Гурни пожал плечами.

— Ну ладно. Будь по-вашему.

— Что вы собирались с этим делать?

— Как я уже говорил, если впоследствии возникнут разногласия...

Телефон у него зазвонил в третий раз. Мадлен. Он нажал кнопку.

— Боже, теперь-то что? — произнес он в трубку таким тоном, будто его это все уже достало. А следующие десять секунд изображал, как окончательно выходит из себя. — Знаю... Хорошо... Хорошо... Боже, а нельзя нам поговорить об этом потом?.. Хорошо... Да... Я сказал — да! — Он отнял телефон от уха, посмотрел на него, слов-

но на источник одних лишь проблем, ткнул пальцем рядом с кнопкой отбоя, не разрывая связь, и убрал включенный телефон в нагрудный карман. Потом покачал головой и смущенно покосился на Алиссу. — Бог ты мой!

Она зевнула с таким видом, словно во всем мире не было ничего скучнее, чем мужчина, думающий о ком-то, кроме нее. А потом выгнула спину, приподняв этим движением то небольшое, что оставалось от ее футболки, и обнажая часть груди.

— Давайте просто начнем с самого начала, — предложила она, уютно устраиваясь в уголке дивана.

— Отлично. Но я бы хотел получить диктофон назад.

— Я придержу его, пока вы тут. Получите, когда будете уходить.

— Хорошо. Ладно. — Он обреченно вздохнул. — Назад к началу. Вы сказали, что хотите, чтобы я понял реальное положение вещей. В чем именно оно заключается?

— А в том, что вы напрасно тратите время, пытаетесь перевернуть все с ног на голову.

— По-вашему, я именно этим и занимаюсь?

— Вы же пытаетесь освободить эту сучку, да?

— Я пытаюсь выяснить, кто убил вашего отца.

— Кто его убил? Да чертова шлюха, его жена. Вот и вся история.

— Кэй Спалтер, отменный снайпер?

— Она же брала уроки. Это чистая правда. Зафиксированная в документах. — Последнее слово Алисса произнесла с почтением, словно оно таило в себе волшебную силу.

Гурни пожал плечами.

— Масса народа берет уроки стрельбы, но никого не убивает.

Алисса покачала головой — быстрым, горьким движением.

— Вы просто не знаете, какая она.

— Так расскажите мне.

— Лживая, алчная тварь.

— Еще что-нибудь?

— Она вышла за отца ради денег. Точка. Кэй — вымогательница. И вообще шлюха. Когда до папаши это дошло, он сказал ей, что хочет развода. Стерва сообразила, что настал конец ее хорошей жизни, вот и взяла сама да прикончила его. Бах! Только-то.

— Так, по-вашему, это все из-за денег?

— Из-за того, что она привыкла получать все, чего ни пожелает! Знаете, что она покупала Дарилу, мальчишке из бассейна, подарки на деньги моего отца? Купила ему на день рождения сережку с бриллиантом. А знаете, сколько она за нее заплатила? А вот отгадайте?

Гурни ждал.

— Нет. Правда. Отгадайте, сколько.

— Тысячу?

— Тысячу? Как бы не так! Десять тысяч — не хотите? Десять кусков, десять долбанных кусков из денежек моего папаши, чтоб его! На какого-то паршивого спасателя! И знаете, почему?

Гурни снова подождал.

— А я вам скажу. Гнусная сука платила ему, чтоб он с ней трахался. Папашиной кредиткой платила. Ну не гадость ли? Говоря о гадостях — видели бы вы, как она красится. Прямо мурашки по коже бегут — точно смотришь, как в морге изображают улыбочку на трупе.

Эта ярость, поток желчи и ненависти показались Гурни самой неподдельной стороной Алиссы из всех,

что он видел до сих пор. Но даже и в этом он был не вполне уверен. Интересно, далеко ли заходят ее актерские таланты.

Она умолкла, грызла большой палец.

— А бабушку вашу тоже она убила? — кротко спросил Гурни.

Девушка заморгала от растерянности.

— Мою... кого-кого?

— Мать вашего отца.

— О чем это вы?

— Есть причины полагать, что Мэри Спалтер погибла вовсе не в результате несчастного случая.

— Какие еще причины?

— На видеозаписях с камер наблюдения в “Эммерлинг Оукс” от того дня видно, как некий человек заходит в дом престарелых под ложным предлогом. В день, когда стреляли в вашего отца, того же человека видели входящим в квартиру, где нашли винтовку.

— Это ваш хренов адвокат выдумал?

— А вы в курсе, что в тот же день, как стреляли в вашего отца, был убит один местный мафиози, с которым у вашего отца были дела? Думаете, это тоже Кэй?

У Гурни сложилось впечатление, что Алисса потрясена, но старается не показывать вида.

— Могла и она. Чего б нет? Если она собственного мужа грохнула... — Голос у нее оборвался.

— Она что, ходячая фабрика убийств? Пожалуй, ее сокамерницам по “Бедфорд-Хиллс” лучше поостеречься!

Но, уже швыряя эту саркастическую реплику, он вспомнил прозвище, полученное Кэй в тюрьме, — Черная вдова, и задумался, а не заметили ли они в ней что-то такое, что сам он проглядел.

Алисса ничего не ответила, лишь чуть глубже вжалась в диван, скрестив руки на груди. Если не принимать во внимание совершенно зрелую фигуру, на краткий миг она стала похожей на расстроенную школьницу. Даже когда она наконец нарушила молчание, в голосе ее звучала скорее сердитая бравада, чем уверенность.

— Ну и бредятина! Что угодно, только бы вытащить сучку из тюрьмы, да?

Гурни взвешивал варианты дальнейших действий. Можно оставить все как есть — пусть все, что он рассказал сейчас, понемногу разъедает ее изнутри, — а потом посмотреть, что из этого выйдет. Или можно надавить сильнее, палить из всех стволов прямо сейчас, попытаться спровоцировать взрыв. Оба варианта были чреваты значительным риском. Он выбрал надавить сильнее. Оставалось только молить бога, чтобы телефон все еще записывал.

Он наклонился ближе к девушке, упершись локтями в колени.

— Слушайте внимательно, Алисса. Кое-что вы и так уже знаете. Даже большую часть. Но все-таки выслушайте. Я скажу это всего один раз. Кэй Спалтер никого не убивала. Ее осудили потому, что Майкл Клемпер завалил следствие. Причем нарочно. Единственный вопрос, который у меня остался, — его это была идея или ваша? Я думаю, ваша.

— Какой вы смешной.

— Я думаю, это ваша идея, потому что только у вас есть для этого осмысленный мотив. Пусть Кэй осудят за убийство Карла — и денежки переходят к вам. Вот вы и соблазнили Клемпера, чтоб он подставил Кэй. Од-

на беда: Клемпер схалтурил. Даже испортить все толком не сумел. Так что теперь карточный домик рушится. Дело обвинения полно зияющих дыр, провалов, нестыковок в доказательствах, полицейских нарушений. Вынесенный Кэй приговор не выдержит апелляции. Ваша мачеха выйдет через месяц, может, раньше. И как только это случится, наследство Карла немедленно перейдет к ней. Так что вы трахались с этим идиотом Клемпером совершенно напрасно. Интересно будет посмотреть, как там выйдет в суде — кто из вас получит больший срок.

— Срок? За что?

— Помехи следствию. Лжесвидетельство. Подстрекательство к нарушению закона. Преступный сговор. И еще с полдюжины отвратительных правонарушений, за каждое из которых полагается немалый срок. Клемпер будет все валить на вас, вы на него. Присяжным, скорее всего, будет без разницы.

Пока он говорил, Алисса подтянула коленки к груди и крепко обхватила их руками. Глаза ее словно бы всматривались в какую-то внутреннюю карту.

После долгой паузы она заговорила — тихим и ровным голосом.

— А что, если я вам скажу, что он меня шантажировал?

Гурни опасался, что телефон у него не возьмет такой тихий голос.

— Шантажировал вас? Как? И чем?

— Он кое-что знал обо мне.

— Что он знал?

Она метнула в него острый взгляд.

— Вам это знать незачем.

— Хорошо. Он шантажом принудил вас — к чему?

— Спать с ним.

— И солгать на суде о том, что вы слышали в телефонном разговоре Кэй.

Она заколебалась.

— Нет. Я и вправду все это слышала.

— То есть, вы признаете, что занимались сексом с Клемпером, но отрицаете лжесвидетельство?

— Да. Что я с ним трахалась — это не преступление. А вот что он меня заставил — да. Так что если у кого и будут неприятности, так это у него, не у меня.

— Хотите еще что-нибудь рассказать?

— Нет. — Она грациозно спустила ноги на пол. — И вам лучше забыть все, что я вам только что говорила.

— Почему это?

— Может, это все неправда.

— Тогда зачем вы мне это все говорили?

— Чтобы помочь вам понять. Вы сказали, я получу срок? Никогда и ни за что.

Она облизала губы кончиком языка.

— Хорошо. Тогда, я так понимаю, мы закончили.

— Разве что передумаете насчет “Текилы Санрайз”. Поверьте, ради нее стоит передумать.

Гурни поднялся и показал на диктофон, лежавший рядом с Алиссой на диване.

— Теперь мне можно его забрать?

Алисса схватила диктофон и затолкала в карман шортиков, и без того уже чуть не лопавшихся по швам.

— Пришлю вам по почте, — улыбнулась она. — Или... можете попытаться забрать его прямо сейчас.

— Оставьте себе.

— Что, даже не попытаетесь? Спорим, у вас получится, только попытайтесь как следует.

Гурни улыбнулся.

— У Клемпера не было ни шанса, да?

Она улыбнулась в ответ.

— Говорю же, он меня шантажировал. Заставил делать такое, что я ни за что не стала бы делать. Ни за что. Вы даже не представляете, что именно.

Гурни обошел столик с дальней стороны, вышел из гостиной, открыл дверь на улицу и шагнул на широкие каменные ступени. Алисса проследовала за ним к выходу и снова приняла обиженный вид.

— Обычно мужчины спрашивают у меня, что значит “*FMAD*”.

Он глянул на крупные буквы у нее на груди.

— Ничуть не сомневаюсь.

— А вам не любопытно.

— Ладно, любопытно. Так что это значит?

Она наклонилась к нему и прошептала:

— Трахни меня и умри².

Глава 31

Еще одна Черная вдова

Как Гурни и ожидал, возле бокового крыльца его дома был припаркован красный “Понтиак”. На обратной дороге от Венус-Лейк он позвонил Хардвику и оставил сообщение, что им нужно встретиться немедленно, желательно — вместе с Эсти. Ему срочно требовалось мнение со стороны о его беседе с Алиссой.

Хардвик перезвонил Гурни, когда тот приближался к Уолнат-Кроссингу, и предложил подъехать прямо сейчас. Войдя в дом, Гурни обнаружил, что Хардвик растянулся в кресле рядом со столиком для завтрака, у открытой французской двери.

— Твоя прелестная женушка впустила меня перед уходом. Сказала, идет вправлять мозги местным психам, — пояснил он в ответ на незаданный вопрос Гурни.

— Сомневаюсь, чтобы она именно так и сформулировала.

— Ну, может, как-то поизысканнее. Женщины любят фантазировать, будто психопатов можно вылечить. Как будто Чарли Мэнсону только и требуется, что капелька любви и заботы.

— Кстати о хороших женщинах, связавшихся с маньяками: что там у тебя с Эсти?

— Трудно сказать.

— У тебя это серьезно?

— Серьезно? Думаю, да, что бы ни понимать под словом “серьезно”. Одно тебе скажу: секс зашибись.

— Ты поэтому наконец обзавелся хоть какой-то мебелью?

— Женщины любят мебель. Это их заводит. Тают при виде обустроенного гнездышка. Биологические, знаешь, инстинкты. Постели, диваны, уютные кресла, мягкие ковры — вся эта фигня для них имеет значение. — Он помолчал. — Она уже в дороге. Ты в курсе?

— В смысле — едет сюда?

— Я передал ей твое приглашение. Думал, может, она тебе перезвонит.

— Нет, но я рад, что она будет. Чем больше мнений, тем лучше.

Хардвик скроил скептическую гримасу — обычное свое выражение лица, — поднялся из-за стола и шагнул к двери. Некоторое время с любопытством смотрел на улицу, а потом поинтересовался:

— Какого хрена ты тут затеял?

— Ты о чем?

— Да о той грудке деревяшек.

Гурни подошел к двери. Там и в самом деле высилась грудка досок, которых он не заметил по пути к дому — кусты аспарагуса загораживали. На миг он прямо-таки растерялся. Похоже, там были доски размеров два на четыре, четыре на четыре и два на шесть.

Вытащив телефон, он набрал номер Мадлен.

Как ни удивительно, она ответила после первого же гудка.

— Да?

— Что это тут за добро за домом?

— Добро?

— Доски. Строительные материалы.

— Все в соответствии с твоими указаниями.

— И что это все тут делает? — Но уже спрашивая, он понял, что ответ очевиден.

— Оно там лежит, потому что именно там нам и понадобится. Доставили сегодня утром.

— Ты заказала все, что у меня было в списке?

— Только то, что понадобится в первую очередь.

Он пошел на попятную.

— Я же не говорил, что прямо сегодня.

— Ну, тогда завтра? Погода вроде еще несколько дней не испортится. Не беспокойся. Если ты слишком занят, просто скажи, как, я сама начну.

Гурни чувствовал, что загнан в угол. Но вспомнил изречение какого-то мудреца о том, что чувства не равны фактам, и решил благоразумно ограничиться кратким ответом.

— Хорошо.

— Это все? Ты поэтому звонил?

— Да.

— Отлично, тогда до вечера. Я иду на сеанс.

Он сунул телефон в карман.

Хардвик наблюдал за ним с насмешливой ухмылкой.

— Проблемы в раю?

— Никаких проблем.

— Правда? Вид у тебя был такой, точно тебе этот телефон укусь хочется.

— Мадлен лучше меня умеет заниматься несколькими делами сразу.

— В смысле, хочет, чтобы ты занимался чем-то, до чего тебе никакого дела нет?

Это было утверждение, а не вопрос, — и, подобно многим утверждениям Хардвика, оно содержало в себе грубую истину.

— Машина едет, — заметил Гурни.

— Наверняка Эсти.

— Узнаешь ее “Мини” по звуку?

— Нет. Но кому бы еще сейчас пилить вверх по вашей раздолбанной дороге?

Минутой позже Эсти уже стояла у боковой двери. Гурни впустил ее. Одета она была куда консервативней, чем накануне у Хардвика: черные брюки, белая блузка и темный блейзер. Должно быть, приехала прямо с работы. Волосы ее уже так не блестели, как вчера. В руке она держала коричневый конверт.

— Только со смены? — спросил Гурни.

— Да. С полуночи до полудня. И здорово устала после вчерашнего безумия. Но надо было выйти на работу вместо того, кто заменял меня две недели назад. А потом пришлось еще и техосмотр проходить. Но как бы там ни было, а я здесь. — Она прошла вслед за Гурни в кухню, увидела, что у стола стоит Хардвик, и одарила его широкой улыбкой. — Привет, солнышко.

— Привет, радость моя, как дела?

— Теперь отлично — когда вижу тебя целым и невредимым. — Она подошла к нему, поцеловала в щеку и провела пальцами по щеке, словно проверяя, что он и вправду цел. — Ты точно в порядке? Ничего от меня не скрываешь?

— Детка, со мной все в стопроцентном порядке.

Она очаровательно подмигнула ему.

— Рада слышать.

Гурни гадал, предназначены ли все эти чуть преувеличенные проявления нежности для того, чтобы уничтожить вчерашний мимолетный намек на доступность, или само то вчерашнее впечатление — не больше, чем проделки его мужского самолюбия.

— Итак, — сказала Эсти, внезапно принимая деловой вид. — У меня есть ответы. Вам как, парни, интересно?

Гурни показал на обеденный стол.

— Можем сесть там.

Эсти выбрала для себя стул во главе стола. Мужчины уселись друг напротив друга по бокам. Эсти вытащила из конверта записную книжку.

— Сперва что попроще. Да, согласно вскрытию — самому базовому, — увечья Мэри Спалтер могли быть нанесены намеренно, но такой вариант никто всерьез не рассматривал. Падения, даже с летальным исходом, случаются в престарелом возрасте достаточно часто, и нередко их считают причиной смерти.

Хардвик хмыкнул.

— Так расследования, что ли, вообще не было?

— Никакого.

— А время смерти? — спросил Гурни.

— Примерно между тремя и пятью часами пополудни. Как это согласуется со временем посещения того хмыря из доставки цветов?

— Я еще проверю, но, кажется, он вошел в офис Кэрол Блисси около трех пятнадцати. Какие-нибудь совпадения по методу действий в базах обнаружены?

— Пока ничего.

— И никакие свидетели не упоминали, что неподалеку от места убийства видели фургончик доставки цветов?

— Нет, но это не означает отсутствие таких свидетельских показаний — значит лишь, что в формы базы данных этот факт не попал.

— Хорошо, — кивнул Гурни. — А по Жирдяю Гасу что?

— Время смерти — от десяти утра до часа дня. И да, как ты и предсказывал, в описании фигурирует слово “гортань”. Однако смерть наступила не от забитых в шею и голову гвоздей. Сначала его застрелили — отверстие от пули двадцать второго калибра, пущенной через правый глаз и прямо в мозг.

— Интересно, — заметил Гурни. — Отсюда следует, что гвозди применялись не для пытки.

— И что? — спросил Хардвик. — Суть-то в чем?

— Это поддерживает версию, что гвозди понадобились в качестве предостережения, а не чтобы наказать жертву. Время смерти тоже интересно. В первоначальном отчете о покушении на Карла указано время десять двадцать. Место убийства Гурикоса — в его доме близ Ютики — исключает возможность того, что стрелок убил его в десять, вбил гвозди, умылся, доехал до Лонг-Фоллса, успел занять позицию и выстрелить в Карла в десять двадцать. Значит, все произошло в обратном порядке: сперва Карл, потом Гас.

— Если предполагать, что убийца один и тот же, — вставил Хардвик.

— Верно. Но мы и должны руководствоваться именно этим предположением — по крайней мере, пока не будет доказательств, что действовало больше одного человека. — Он повернулся к Эсти. — Еще что-нибудь по Гурикосу?

— Моя знакомая из отдела борьбы с организованной преступностью как раз проверяет. Она сама не участво-

вала в этом расследовании, так что действовать ей приходится с оглядкой. Не хочет вызвать ненужное любопытство, а не то кто-нибудь заинтересуется и пошлет запрос исходному следователю. Довольно щекотливая ситуация.

— А что с методом, использованным при убийстве Спалтера?

— Тут дело другое. Клемпер вообще не проводил никаких поисков ни по каким базам, потому что с самого начала решил обвинить Кэй. Тут я себя чувствую в большей безопасности.

— Великолепно. А ты, Джек, ищешь свидетелей обвинения? И что там еще сумел узнать от приятеля из Интерпола?

— Ну да. Из Интерпола пока ничего. И никто из свидетелей больше не проживает по адресам, фигурировавшим в деле, — что, учитывая низменную природу этих свидетелей, само по себе еще ничего не значит.

Эсти уставилась на него.

— Низменную природу?

В глазах Хардвика вспыхнула та лукавая, озорная искорка, которая всегда выводила Гурни из душевного равновесия.

— Их низменная природа состоит в отсутствии твердых моральных принципов. Они по сути своей — отребье. А то, что у отребья, не обладающего твердыми моральными принципами, сплошь да рядом и постоянно-го адреса тоже нет — это факт общеизвестный. Пока я сказал лишь одно: то, что их трудно найти, само по себе еще ничего не значит. Но я продолжу поиски. Даже отребье должно где-то да находиться. — Он повернулся к Гурни. — Так не расскажешь нам про разговор с наследницей?

— *Потенциальной* наследницей — если Кэй останется в тюрьме.

— Что с каждым днем все менее вероятно. Должно быть, этот поворот событий на мисс Алиссе весьма интересно сказывается, да? Поделишься впечатлениями?

Гурни улыбнулся.

— И не только впечатлениями. У меня есть запись. Может, не самого высокого качества, но основную идею вы уловите.

— “Трахни меня и умри”? Она и вправду сказала: “Трахни меня и умри”? — Эсти наклонилась к диктофону. Они прослушали разговор в Венус-Лейк во второй раз. — Это еще что значит?

— Небось, название ее любимой группы, — предположил Хардвик.

— А может, и угроза, — добавила Эсти.

— Или приглашение, — сказал Хардвик. — Ты ж там был, малыш Дэйви. Ты как истолковал это?

— Как все, что она говорит или делает, — сочетание дешевой обольстительности и тщательно обдуманной подлости.

Хардвик приподнял брови.

— Когда слушаешь запись, кажется, будто вредная малолетка пытается шокировать взрослых. Эта футболка придает ей совсем уж жалкий вид. Словно психологически ей не больше двенадцати лет.

— Футболка, может, и безобидна, — ответил Гурни, — но взгляд у нее тяжелый.

Эсти так и подскочила.

— А может, футболка не такая уж безобидная. Вдруг это констатация факта?

Хардвик снова отреагировал скептически:

— Какого факта?

— Может, в этом деле замешано больше одной Черной вдовы.

— В смысле, “Трахни меня и умри” буквально означает: “Трахни меня, и я тебя убью”? Ловко придумано, но я пока не улавливаю, как...

— Она говорила Клемперу, что отец ее изнасиловал. Доказательств у нас нет, но это вполне может оказаться правдой.

— Хочешь сказать, Алисса в отместку убила отца?

— Ничего невозможного тут нет. А если б ей удалось заставить какого-нибудь похотливого идиота вроде Клемпера подтасовать факты и обвинить во всем Кэй, то месть включала бы и то, что она получит все папашино наследство. Два главных мотива — месть и деньги.

Хардвик перевел взгляд на Гурни.

— А ты что скажешь, старичок?

— Уверен, Алисса в чем-то виновна. Может, она убедила Клемпера — или заставила при помощи шантажа — подтасовать улики так, чтобы обвинение непременно пало на Кэй. А может, она вообще весь этот план придумала — не только то, как подставить Кэй, но и само убийство.

— Преднамеренное убийство? Думаешь, она на такое способна?

— В этих блестящих синих глазках есть что-то пугающее. Но не могу представить, чтобы она сама привела замысел в исполнение. Кто-то другой разбил голову Мэри о стенку ванной и вогнал в Жирдяя Гаса гвозди.

— Хочешь сказать, она наняла профи?

— Хочу сказать, что если за всеми тремя убийствами стоит именно Алисса, то без помощника она не обошлась. Но эта гипотеза не помогает найти ответ на вопрос, который не дает мне покоя с самого начала: мать Карла-то зачем? Ведь никакого же смысла.

Хардвик барабанил пальцами по столу.

— И в убийстве Гаса тоже никакого смысла. Разве что принять версию Донни Ангела, что Гаса с Карлом убила намеченная ими жертва. Но если принять эту версию и предположить, что главное действующее лицо — Алисса, то невольно напрашивается вывод, что она и была первоначальной мишенью Карла. Это показалось мне дикостью с самого начала, и сейчас кажется так.

— Но это дало бы ей мотив для третьего убийства, — заметила Эсти.

Гурни снова принялся обдумывать предложенный Ангелидисом сценарий — на этот раз с Алиссой в роли мишени. Внезапно его бросило в дрожь.

— Что такое? — спросила Эсти, с любопытством наблюдая за ним.

— Логика сомнительная. То есть, вообще никакой логики. Просто ощущение — и фотография. — Он поднялся и отправился в кабинет за той пугающей фотографией Карла Спалтера, взятой из материалов дела. Вернувшись, он положил ее на стол между Хардвиком и Эсти.

Хардвик посмотрел на снимок. Лицо у него напряглось.

— Я уже видела, — сказала Эсти. — Не могу долго на это смотреть.

Хардвик покосился на Гурни, все еще стоявшего у стола.

— Ты хотел этим донести до нас какую-то мысль?

— Да говорю ж, логика хромает, просто неожиданная догадка.

— Господи, малыш Дэйви, вся эта неопределенность меня просто убивает.

— А что, если это взгляд человека, ждущего смерти и знающего, что он скоро умрет — в результате того, что он сам заказал убить своего ребенка?

Все трое уставились на фотографию.

Долгое время никто не произносил ни слова.

Наконец Хардвик откинулся на спинку и засмеялся своим фирменным раскатистым смехом:

— Матерь божья, вот была бы карма так карма!

Глава 32

Еще один недостающий игрок

Хардвик предложил еще раз послушать запись из Венус-Лейк. Они так и сделали. Похоже, его больше всего интересовал тот момент, когда Алисса утверждала, что Клемпер шантажом вынудил ее заниматься с ним сексом.

— Великолепно! Мне это нравится! Ублюдку конец! Решительно и бесповоротно!

Настал черед Гурни проявить скептицизм:

— Одной только записи недостаточно. Ты же слышал Алиссу — она не очень-то тянет на добропорядочного члена общества. Надо будет брать у нее показания под присягой — перечень свиданий, мест, подробности, — а навряд ли она такие показания даст. Потому что она почти наверняка лжет. Если шантаж и имел место, я уверен, что все было наоборот. Так что она не станет...

— Что вы имеете в виду, наоборот? — перебила Эсти.

— Допустим, Алисса соблазнила Клемпера, когда он еще проводил объективное расследование. Что-то мне подсказывает, она провернула бы это в два счета. Допустим, она записала их... свидание на видео. И допустим, цена, которую она потребовала за то, чтобы это

видео не попало в руки полиции, состояла в том, чтобы Клемпер помог выставить дело в нужном ей свете.

— Да плевать, как именно они попали в койку, — сказал Хардвик. — Шантаж, обольщение — без разницы. Кому есть дело до того, кто кого шантажировал? Секс с потенциальной подозреваемой — это секс с потенциальной подозреваемой. На карьере Клемпера можно поставить крест.

Гурни откинулся на спинку стула.

— Можно смотреть на дело и так.

— А как еще-то?

— Вопрос приоритетов. С одной стороны, мы можем надавить на Алиссу, чтобы потопить Клемпера. С другой — можем надавить на Клемпера, чтобы потопить Алиссу.

Эсти оживилась.

— И вам больше по вкусу второй вариант, да?

Не успел Гурни ответить, вмешался Хардвик:

— Ты считаешь Алиссу главным манипулятором, но минуту назад сам говорил, что она слегка не от мира сего и не слишком внушает доверие, и тут я с тобой согласен. Она тебе позвонила, назначила встречу, но на этой записи ведет себя довольно-таки бестолково, как будто не понимает, куда движется беседа, и у нее нет никакого заранее продуманного плана. И это гений манипуляции?

— Может, слишком самоуверенный манипулятор, — с понимающей улыбкой встала Эсти. — Но план у нее точно был.

— Какой?

— Наверное, тот же, что и в случае с Клемпером. Сегодня ее план состоял в том, чтобы затащить Дэйва

в постель, снять все на скрытую камеру и заставить его изменить подход к делу.

— Дэйв в отставке. Пенсию ему никто не отменит. Карьерой он не рискует, — возразил Хардвик. — Где тут рычаги давления?

— У него есть жена. — Она посмотрела на Гурни. — Если бы вас засняли в постели с девятнадцатилетней красоткой, это могло бы вызвать неприятности, верно?

Ответа эти слова не требовали.

Эсти продолжала:

— Это был план “А”. Сомневаюсь, что многие мужчины отказывают милой крошке, когда она дает им понять, что доступна. И то, что Дэйв в эту игру играть не захотел, скорее всего, стало для нее большим сюрпризом. А плана “Б” у нее не было.

Хардвик издевательски усмехнулся, глядя на Гурни.

— Наш святой Дэвид большой оригинал. Но вот скажи, старик: зачем она созналась тебе, что спала с Клемпером? Почему бы просто не отрицать все?

Гурни пожал плечами.

— Может, еще кто-то знает об этом. Или она думает, что кто-то знает. Поэтому она признает сам факт, но врет про причины. Распространенная техника лжи. Признать поступок, но изобрести уважительную причину.

— Мой бывший был большой спец по части уважительных причин, — заметила Эсти, глядя в пространство, и посмотрела на часы. — Ну так что дальше?

— Может, применить небольшой шантаж уже с нашей стороны? — предложил Гурни. — Встряхнуть Клемпера хорошенько и посмотреть, что из него посыплется?

Идея заставила Эсти улыбнуться.

— Звучит неплохо. Все, что напугает гада...

— Прикрыть тебя? — спросил Хардвик.

— Да не стоит. Может, Клемпер и мерзавец, но вряд ли пустит в ход оружие. Во всяком случае, на людях. Я просто хочу объяснить ему ситуацию, предложить вариант-другой развития событий.

Хардвик смотрел на стол так пристально, словно пытался разглядеть там перечень возможных результатов подобной беседы.

— Надо мне сообщить все Бинчеру, узнать его мнение.

— Давай, — согласился Гурни. — Только не выставляй это так, словно я у него разрешения спрашиваю.

Хардвик достал телефон и набрал номер. По всей видимости, включился автоответчик. Хардвик поморщился.

— Проклятье! Где тебя черти носят, Лекс? Третий раз звоню. Перезвони, ради всего святого!

Нажав кнопку отбоя, он сразу принялся звонить снова.

— Эбби, детка, где он? Я оставил сообщение вчера вечером, еще одно с самого утра и третье полминуты назад. — Он слушал несколько секунд, по-прежнему хмурясь, только теперь уже не от досады, а от недоумения. — Что ж, как только он вернется, пусть свяжется со мной, надо поговорить. Тут черт знает что происходит.

Он послушал еще, на этот раз дольше. Недоумение сменилось тревогой.

— Ты еще что-нибудь об этом знаешь?.. И все, никаких объяснений?.. И с тех пор ничего?.. Понятия не имею... А голос незнакомый?.. Думаешь, нарочно?.. Да, очень странно... Хорошо... Пожалуйста, как только он появится... Нет-нет, уверен, с ним все в полном порядке... Хорошо... Да... Ладно.

Закончив разговор, он положил телефон на стол и посмотрел на Гурни.

— Вчера во второй половине дня Лексу кто-то позвонил. Сказал, есть важная информация по делу об убийстве Карла Спалтера. После чего Лекс торопливо покинул офис. С тех пор Эбби не удается связаться с ним. На звонки не отвечает, дома его тоже нет. Вот же черт!

— Эбби — это его секретарша?

— Ну да. Собственно, его бывшая жена. Не знаю, как они умудряются работать вместе, но тем не менее.

— А звонил кто — мужчина или женщина?

— Да в том-то и загвоздка: Эбби говорит, непонятно. Сперва думала, ребенок, потом — мужчина, потом — женщина, да еще акцент какой-то иностранный, никак не разберешь, какой. А потом трубку взял Лекс. И через пару минут покинул офис. Только и сказал, что речь шла об убийстве в Лонг-Фоллсе, возможно, будет сенсация, и что он вернется через пару часов. Но так и не вернулся. Во всяком случае, в офис.

— Вот дерьмо, — сказала Эсти. — И она вообще никак не может с ним связаться?

— Все время попадает на автоответчик.

Эсти пристально посмотрела на Хардвика.

— Тебе не кажется, что слишком уж много людей пропадает?

— Выводы делать еще рано, — неуверенно отозвался он.

Глава 33

Перегретый провод

Действие — лучше противоядие от бездействия, а информация — единственное средство избавиться от сомнений. Чуть позже они расстались, у каждого было свое задание — и в каждом крепло порожденное нарастающими осложнениями и загадками дела чувство, что необходимо спешить.

Эсти должна была поторопить своих многочисленных знакомых и вытянуть из отдела борьбы с организованной преступностью данные по Гурикосу, а из сводных баз данных преступников — сведения по ключевым фигурантам и совпадающие детали в методе действия преступника.

Гурни должен был начистоту поговорить с Майклом Клемпером и указать на его безрадостные перспективы, а потом попытаться назначить встречу с Йоной Спалтером.

Хардвик взял на себя визит в дом Лекса Бинчера в Куперстауне, поиски выступавших на суде свидетелей и переговоры с приятелем из Интерпола про Гурикоса и про метод действия преступника, убившего его.

Как и у многих полицейских, у Клемпера имелись два мобильного: один личный, а другой для работы. С тех мрачных времен, когда Эсти служила под его началом, у нее остались оба номера. В конце встречи она продиктовала их Гурни.

Спустя полчаса, сидя за письменным столом у себя в кабинете, он попробовал позвонить по личному номеру. “Это Майкл, оставьте сообщение...” — произнес голос в трубке.

Едва Гурни начал излагать свое дело, Клемпер снял трубку.

— Откуда, черт возьми, у тебя мой частный номер?

Гурни улыбнулся, довольный, что Клемпер отреагировал в точности так, как он рассчитывал.

— Привет, Мак.

— Откуда, спрашиваю, у тебя этот номер?

— Плакаты с твоим номером вывешены по всему Тривэю.

— Чего?

— Никакой частной жизни больше нет, Мак. Уж ты-то должен бы знать. Все данные всплывают.

— Ты, твою мать, о чем?

— Всплывает масса всякой информации. Информационная передозировка. Так это называется, да?

— Что? Да что за хрень вообще происходит?

— Просто рассуждаю вслух. О том, в каком коварном мире мы живем. Думаешь, будто занят личными делами, а на следующий день по интернету гуляет видео, как ты сидишь в сортире.

— Вот как? Знаешь, что? Это мерзко! Мерзко! Какого хрена тебе надо?

— Поговорить.

— Ну так говори.

— Лучше лицом к лицу. Без посредства технологий. От техники одни проблемы. Мешает частной жизни.

Клемпер замялся — достаточно надолго, чтобы понять: он сильно встревожен.

— Все равно не понимаю, что ты несешь.

Гурни догадывался, что эта фраза скорее предназначена для того, чтобы прикрыть задницу на случай, если их разговор записывается, а не просто проявление тупости.

— Я говорю о том, что нам бы надо обсудить проблемы, касающиеся нас обоих.

— Отлично. Что бы это ни означало. Давай разберемся с этим дерьмом. Где хочешь разговаривать?

— Выбирай.

— Мне плевать.

— Как насчет “Риверсайд-молла”?

Клемпер снова замялся, на этот раз пауза оказалась дольше.

— “Риверсайд”? Когда?

— Чем скорее, тем лучше. Столько всего происходит.

— А где именно?

— В главном зале. Там куча скамеек, обычно пустых.

Очередная пауза.

— Когда?

Эсти говорила Гурни, что смена у Клемпера заканчивается в пять часов. Он проверил время по мобильнику — 4:01.

— Как насчет половины шестого?

— Сегодня?

— Уж конечно, сегодня. Завтра может быть слишком поздно.

Последняя пауза.

— Ну ладно. “Риверсайд”. Пять тридцать, без опозданий. И лучше тебе прийти с разговором потолковее, чем тот, который ты сейчас завел. Ведь знаешь, что? Пока все твои слова — как куча дерьма.

Он разъединился.

Такая бравада обнадеживала — уж больно смахивала на панику.

От Уолнат-Кроссинга до “Риверсайда” было минут сорок езды, так что у Гурни оставалось пятьдесят минут до выхода. Не так-то много времени на подготовку к встрече, которая, если провести ее правильно, способна решительно подтолкнуть расследование в верную сторону. Чтобы упорядочить мысли, он вытащил из ящика стола желтый блокнот.

Задача оказалась на удивление трудной. Мысли разбегались, перескакивали с одной нерешенной проблемы на другую. Невозможность связаться с Лексом Бинчером. Исчезновение трех главных свидетелей. Выстрелы в ночи, отключившие у Хардвика свет и телефон. То, как гротескно изуродовали Жирдяя Гаса, — предупреждение, что тайна убийцы не должна быть раскрыта. Но в чем состоит эта тайна? В том, кто такой (или такая) убийца? Или в чем-то еще?

Ну и, само собой, главная нестыковка, обнаружившаяся с самого начала, — тот самый кусок головоломки, который, как казалось Гурни, должен дать ключ ко всему остальному, — вопрос о месте, откуда стреляли. С одной стороны, в указанной в деле квартире была обнаружена винтовка со штативом и глушителем, равно как и свежие следы пороха, химический состав которого соответствовал “Свифту” двадцать второго ка-

либра и фрагментам пули, извлеченной из мозга Карла Спалтера. А с другой стороны, фонарь делал этот выстрел невозможным.

Не исключено, что убийца стрелял из какой-то другой квартиры, расположенной в том же здании, а потом перенес оружие туда, где его нашли, и выстрелил еще раз, чтобы оставить следы пороха. Но такой сценарий проще придумать, чем осуществить на деле. Кроме того, перетаскивание неуклюжей конструкции из прикрепленного к штативу ружья с глушителем по населенному дому во много раз увеличивало риск. Да и зачем так мудрить? В конце концов, в здании оставалось несколько незанятых квартир, откуда можно было бы выстрелить. Зачем тогда вообще переносить оружие на другое место? Уж явно не для того, чтобы подкинуть следователям задачку на интеллект. Убийцы редко проявляют такую игривость. А уж профессиональные — и вовсе никогда.

Эта мысль завершила полный круг и вновь привела Гурни к самой насущной проблеме — Клемперу. В самом ли деле Мак Мудак такой толстокожий похотливый болван, как явствует из его прозвища и манеры держаться? Или он может оказаться расчетливым и злобным преступником?

Гурни надеялся, что встреча в торговом центре даст хоть какой-то ответ на этот вопрос.

Сейчас нужно было принять в расчет самый широкий диапазон различных возможностей, обдумать хорошенько их все — разные подходы, точки зрения. Гурни положил желтый блокнот на стол и, взяв ручку, попытался придать мыслям логическую структуру, изложив их в виде разветвленной схемы, начинавшейся с четырех возможностей.

Первая версия указывала на Алиссу как на главное действующее лицо, стоящее за убийством Карла и осуждением Кэй.

Во второй вместо Алиссы фигурировал Йона Спалтер.

В третьей убийцей Карла был некто Неизвестный, а Алисса и Клемпер выступали в роли заговорщиков, которые воспользовались удачным случаем засадить Кэй в тюрьму.

В четвертой убийцей была Кэй.

Под каждой из этих версий он добавил ответвления к следующему уровню.

— Эй?

Гурни недоуменно огляделся.

— Эй?

Это был голос Мадлен — откуда-то с другой стороны дома. Скорее всего, из кладовки при входе.

Прихватив блокнот и ручку с собой, он отправился на кухню.

— Я тут.

Медлен как раз заходила через боковую дверь, держа в руках два пакета с покупками.

— Я оставила багажник открытым. Не принесешь дробленое зерно?

— Что?

— Прочла, куры очень любят дробленое зерно.

Он вздохнул, но потом попытался взглянуть на это в ином свете: путь краткая, а все же передышка от более мрачных обязанностей.

— И куда положить?

— Да хоть в кладовку.

Он вышел к машине Мадлен, не без усилия выта-

щил из багажника пятидесятифунтовый мешок, несколько секунд не мог протиснуться в дверь, наконец справился, вошел и сбросил мешок в ближний угол кладовки. Положительная сторона этого дела оказалась сомнительной.

— Ты им что, запас на всю жизнь купила?

— Упаковок другого размера не оказалось. Прости. Ты как, ничего?

— В порядке. Вообще-то слегка занят — готовлюсь к одной встрече.

— Ой... кстати... пока я не забыла... — Тон у нее был приветливый и ровный. — Завтра утром у тебя прием у Малькольма.

— Малькольма Кларета?

— Верно.

— Не понимаю.

— Я ему позвонила перед уходом с работы. Он сказал, у него только что один человек отменил прием, так что образовалось окно завтра в одиннадцать.

— Нет... я не понимаю, зачем.

— Потому что я за тебя боюсь. Мы же обсуждали.

— Нет, я имею в виду — зачем ты назначила визит вместо меня.

— Потому что ты тянешь время, а это важно.

— Выходит... ты... ты просто решила взять это на себя?

— Ну должен был кто-нибудь записать тебя на прием.

Он ошарашенно развел руки.

— Что-то я не улавливаю.

— Чего не улавливаешь?

— Я не стал бы за тебя назначать прием у врача — разве что ты сама попросила бы.

— Даже если бы думал, что это может спасти мне жизнь?

Гурни замялся.

— Тебе не кажется, что это уже чересчур?

Она перехватила его взгляд и тихонько ответила:

— Нет, не кажется.

В голосе его прорвалась досада.

— Ты искренне веришь, что прием у Малькольма Кларета может спасти мне жизнь?

Ее голос так же внезапно наполнился усталой печалью.

— Не хочешь с ним встречаться, возьми да отмени прием.

Скажи Мадлен это другим тоном, он затеял бы грандиозный спор о том, кто должен отменять встречи, которые назначила она сама. А потом еще, чего доброго, дошло бы до пиломатериалов, которые она заказала для постройки курятника, и ее привычки начинать то, что потом приходится доводить до конца ему, — и вообще, до упрека в том, что все и всегда обязательно проходит по ее расписанию.

Однако выражение ее глаз на корню пресекло саму мысль о споре.

Как ни странно, у Гурни забрезжило понимание: быть может, повидаться с Кларетом и впрямь следовало бы.

От необходимости продолжать этот разговор его спас звонок телефона, лежавшего в кармане. Гурни проверил имя, высветившееся на экране. На секунду обозначилось имя — Кайл Гурни, — и сигнал тут же оборвался. Гурни подмывало сразу перезвонить, но он сообразил, что сын, верно, проезжает сейчас какой-ни-

будь участок дороги, где нет связи, так что есть смысл подождать.

Он посмотрел на часы. 4:44 — позже, чем он думал.

Пора было выезжать к торговому центру. На жизненно важную встречу, к которой он так и не успел подготовиться.

Глава 34

Джентльменское соглашение

Парковка у “Риверсайда”, как обычно, была наполовину пустой.

На самой безлюдной площадке перед “Ти-Джи-Максом”, возле дальнего конца здания, на асфальте молча и нелепо примостилась стайка чаек.

Въезжая на площадку, Гурни притормозил, чтобы разглядеть чаек получше. Птиц было пятьдесят-шестьдесят. Из машины казалось, что все они застыли неподвижно, развернувшись в одну и ту же сторону, против заходящего солнца.

Проезжая мимо них на парковку ближе к центральному входу, Гурни невольно задумался о том, как часто в последнее время чайки перебираются к торговым центрам, далеко от моря, — привлеченные, без сомнения, крошками и прочими остатками фаст-фуда, оброненными посетителями. Интересно, а у этих птиц тоже закупаются сосиски, как у подкармливающих их людей, в результате чего они становятся неповоротливее, летают меньше и реже? Есть над чем поразмыслить. Но не сейчас. Осознание неотложности предстоящей задачи вер-

нуло Гурни к действительности. Заперев машину, он прошел под аркой в причудливо-нарядное здание, над которым изогнулись дугой светящиеся буквы “Риверсайд”.

Торговый центр был не из крупных. Всего одна центральная линия, несколько небольших ответвлений. Зазывная яркость входа сменялась унылым интерьером — судя по всему, почти не обновлявшимся не один десяток лет. Гурни сел на скамейку посередине вестибюля, напротив магазинчика “Альпин-спортс”. Витрину заполнили костюмы для велосипедистов — в обтяжку и блестящие. Продащица стояла в дверях, хмуро глядя на экран своего телефона.

Гурни посмотрел на часы. 5:33.

Он принялся ждать.

Клемпер объявился в 5:45.

Мир правоохранительных органов меняет людей сильнее, чем тюрьма, развивая и усугубляя вполне определенные свойства: скептицизм, расчетливость, замкнутость, жесткость. Свойства эти могут развиваться в разных направлениях, в хорошую сторону или в плохую, в зависимости от характера — или душевных качеств человека. Одному полицейскому они дают опыт, верность товарищам, храбрость и твердую решимость даже в самых нелегких обстоятельствах работать на совесть. Другому — ядовитую циничность, предвзятость, жестокость и упорное стремление подгадить миру, который так подгадил ему. По мнению Гурни, выражение глаз Клемпера, пока он подходил к скамье, явно относилось его ко второй категории.

Клемпер уселся на другом конце скамейки, в нескольких футах от Гурни. Не проронив ни слова, он открыл на коленях маленький дипломат, наклонив крыш-

ку так, чтобы не было видно, что внутри, и принялся с чем-то там возиться.

Гурни предположил, что это сканер — скорее всего, многофункциональный, выявляющий любые запи-сывающие или передающие устройства.

Через минуту-другую Клемпер закрыл дипломат, быстро осмотрелся вокруг и наконец заговорил, гру-бо, почти сквозь зубы, уставившись в пол.

— Что за чертову игру ты затеял?

Его резкость говорила о нервном напряжении, а массивное телосложение казалось лишь избыточным багажом, лишним грузом, бременем: неудивительно, что лицо его блестело от пота. Но было бы ошибкой сделать следующий шаг в ту же сторону и счесть Клем-пера совершенно безвредным.

— Ты можешь кое-чем помочь мне, а я тебе, — сказал Гурни.

Клемпер насмешливо фыркнул и оторвал взгляд от пола, словно распознав в словах Гурни типичный прием следователей на допросах.

Молоденькая продавщица в дверях “Альпин-спортс” все так же хмуро глядела на свой телефон.

— Как поживает Алисса? — небрежно спросил Гурни, понимая, что сильно рискует, так быстро пустив в ход эту карту.

Клемпер бросил на него косой взгляд.

— Что?

— Подозреваемая, с которой ты вступил в недопусти-мые отношения. — Он помолчал. — Вы все еще встре-чаетесь?

— Что за хрень? — Срывающийся голос Клемпера подтверждал, что Гурни угодил в больную точку.

— Хрень, которая обойдется тебе очень дорого.

Клемпер покачал головой, словно притворяясь, что не понимает.

— Просто удивительно, сколько всего попадает на видеозаписи в наши дни, — продолжал Гурни. — Иной раз выходит очень неловко. Но бывает, что и везет, — тогда есть способ свести ущерб к минимуму. Об этом-то я и хотел поговорить — как свести ущерб к минимуму.

— Не понимаю, о чем ты, — громко и четко произнес Клемпер: явно на случай, если его сканер все-таки не обнаружил какое-нибудь записывающее устройство.

— Просто хочу ввести тебя в курс дела и рассказать о том, как продвигается апелляция Кэй Спалтер. — Гурни говорил ровным, будничным тоном. — Во-первых, у нас достаточно доказательств касательно... давай называть их “погрешностями”... в ходе первоначального следствия, чтобы ее приговор наверняка отменили. Во-вторых, мы сейчас на развилке — в том смысле, что надо выбрать, как именно представлять эти “погрешности” в апелляционном суде. Например, свидетеля обвинения, который опознал Кэй как персонажа, которого видел на месте преступления, могли уговорить лже-свидетельствовать... или же он мог заблуждаться, как случается со свидетелями сплошь и рядом. Любовнику Кэй могли сказать, что единственный способ не угодить в главные подозреваемые — это сделать главной подозреваемой Кэй... или же он мог прийти к этому заключению самостоятельно, как это бывает со многими людьми в его положении. Следовательно по делу мог сокрыть видеодоказательства и проигнорировать все прочие линии расследования из-за недопустимой связи с дочерью жертвы... или же он мог просто слишком

поспешить с выводами насчет преступника, как с детективами тоже случается нередко.

Клемпер снова угрюмо уставился в пол.

— Все это чушь, сплошь догадки.

— Суть в том, Мак, что каждую “погрешность” следствия можно описать в терминах либо преступления, либо невиновности — по крайней мере, пока недвусмысленное доказательство недопустимых отношений не попало не в те руки.

— Вздор. Опять одни догадки. Гипотезы.

— Отлично. Тогда давай — чисто гипотетически — допустим, что у меня имеются неоспоримые доказательства этих самых недопустимых отношений: в самом что ни есть убедительном цифровом виде. И допустим, я хочу получить что-то в обмен за обещание никому их не показывать.

— А зачем ты мне-то об этом говоришь?

— От этого зависят твоя карьера, пенсия и свобода.

— Какого хрена ты тут несешь?

— Мне нужна видеозапись из магазина электротоваров на Экстон-авеню.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Если бы я получил от какого-нибудь анонимного отправителя то недостающее видео, я охотно исключил бы из апелляционного процесса кое-какие доказательства, чреватые кое для кого неминуемым крахом карьеры. Кроме того, я охотно отложил бы на неопределенный срок свой план предоставить те же доказательства следователю по особо важным делам из нью-йоркской полиции. Чисто гипотетическая сделка. Просто джентльменское соглашение, основанное на взаимном доверии.

Клемпер засмеялся — а может, просто хмыкнул — и невольно передернул плечами.

— Дурдом. Мелешь вздор, точно психопат какой-то.

Он посмотрел на Гурни, но встречаться с ним глазами не стал.

— Бредятина. Фантастическая бредятина.

Он резко поднялся и двинулся к ближайшему выходу, чуть пошатываясь и оставляя за собой едкий запах пота и алкоголя.

Глава 35

Неисповедимы пути Господни

Дорога домой стала для Гурни путешествием в бездны тревоги. Он объяснял это свое состояние эмоциональным срывом, который часто наступает после напряженной встречи.

Уже на последнем отрезке дороги, на подъезде к сараю, ему вдруг пришло в голову, что причина может быть и другой: шаткость его предположений — не только касательно Клемпера, но и всего дела в целом. Если слабой стороной Клемпера было слепое желание верить в вину Кэй, то не является ли его, Гурни, слабой стороной столь же слепое желание верить в ее невиновность? А вдруг они с Клемпером в равной степени слепы и не могут разглядеть какого-то более сложного сценария, где Кэй исполняет роль, о которой ни один из них не догадывается?

И почему Клемпер пьян? Напился ли он еще на работе? Или приложился к бутылке в машине по пути к “Риверсайду”? Оба варианта означали, что либо он живет сейчас в огромном напряжении, либо у него серьезные проблемы с алкоголем. И то, и другое потенци-

ально делало Клемпера совершенно непредсказуемой, даже взрывоопасной частицей общей головоломки.

Первое, что заметил Гурни, обогнув сарай, так это отсутствие машины Мадлен на обычном месте возле дома — а следом всколыхнулось смутное воспоминание, что сегодня очередное заседание какого-то из ее комитетов.

Войдя на кухню, он сначала даже обрадовался, что Мадлен нет: это избавляло его от необходимости срочно решать, о каких подробностях встречи с Клемпером рассказывать, а что следует утаить. Это также означало, что у него есть время заняться своими делами, без помех расставить по местам разрозненные куски головоломки, принесенные этим длинным днем.

Он как раз пошел было в кабинет за блокнотом и ручкой, как зазвонил мобильник. Гурни вытащил телефон из кармана: Кайл.

— Привет, сынок.

— Привет, пап. Я тебя ни от чего не отрываю?

— Ни от чего такого, что не могло бы подождать. Итак?

— Я тут сделал несколько звонков, порасспросил о Йоне Спалтере и (или) о Церкви Киберпространства. Из моих знакомых никто ничего не знает, один только вроде бы где-то слышал название, что-то там с ним было связано, но толком он тоже ничего не вспомнил. Я еще собирался написать тебе по электронной почте, мол, прости, ничего не обнаружил. Но тут один из знакомых перезвонил мне. Сказал, навел кое-какие справки — и оказалось, что его приятель занимался поисками венчурного капитала для Йоны Спалтера, причем деньги предназначались на серьезное расширение спалтеровской Церкви.

— Что за расширение?

— В такие подробности он не вдавался, сказал только, что денег требовалось ужас как много.

— Интересно.

— По-настоящему интересно тут то, что через день после смерти брата Спалтер прекратил поиски капитала. Пригласил парня, которому поручил это задание, на обед и велел закругляться...

— Как раз это меня не удивляет, — вклинился Гурни. — Ну, в смысле, по заведенному их отцом распорядку доля Карла в “Спалтер Риэлти” должна была целиком перейти к Йоне — совершенно независимо от остальной части наследства, которым Карл распоряжался по своему усмотрению. Так что к Йоне перешла бы масса недвижимости, которую он свободно мог продать или отдать под залог. И собирать капитал на задуманное расширение уже не требовалось.

— Ты не дал мне добраться до по-настоящему интересных фактов.

— Правда? Прости. Рассказывай.

— На обед Йона Спалтер явился уже основательно поддатый, а потом набрался окончательно. Процитировал то изречение: “Неисповедимы пути Господни”. По словам этого малого, Спалтер все повторял эту фразу и смеялся, как будто она и вправду смешная. Тому парню даже не по себе стало.

Гурни немного помолчал, представляя себе эту сцену.

— Ты сказал, что расширение Церкви должно было обойтись очень дорого. Ты в курсе, о какой примерно сумме идет речь?

— Предполагалось искать не меньше пятидесяти миллионов. Тот малый, с которым имел дело Йона, с меньшими суммами связываться не станет.

— Из чего следует, — произнес Гурни, скорее, сам для себя, — что активы “Спалтер Риэлти” не меньше этой суммы, раз Йона решил прекратить поиски.

— Так как, по-твоему, пап? — заговорщически спросил Кайл. — Пятьдесят миллионов — вполне убедительный мотив для убийства, а?

— Поубедительнее многих прочих. Твой знакомый про самого Спалтера ничего не рассказывал?

— Только то, что он, мол, супер умен и супер честолюбив — но тут как раз ничего особенного, просто природа зверя.

— Отлично, спасибо. Ты мне очень помог.

— Правда?

— Конечно! Чем больше мне известно, тем лучше у меня работают мозги. А эти занимательные подробности я больше нигде и никак не узнал бы. Поэтому еще раз спасибо.

— Рад, что сумел помочь. Кстати, ты собираешься на летнюю ярмарку?

— Я? Нет. Но Мадлен там будет. Помогает каким-то своим друзьям, у которых ферма в Бакридже. Они каждый год привозят на ярмарку альпака для каких-то... не знаю даже... мероприятий с участием альпака, надо полагать.

— Судя по голосу, тебя это все не слишком вдохновляет.

— Можно сказать и так.

— Хочешь сказать, тебя не впечатляет самая крупная сельскохозяйственная ярмарка северо-восточной части страны? Гонки на тракторах, гонки на выживание, скульптуры из масла, сладкая вата, конкурс на самую жирную свинью, стрижка овец, сыроделие, музыка

в стиле кантри, аттракционы, наградные ленточки за самый большой кабачок — как это все может не вдохновлять?

— Едва ли, не спору. Но я все же в силах обуздать свой энтузиазм.

После разговора с Кайлом Гурни еще некоторое время просидел за письменным столом, чтобы осмыслить финансовые аспекты дела Спалтеров, заодно обдумывая значение в контексте расследования этих знаменитых строк про неисповедимость путей.

Вытащив из ящика стола толстую папку с делом, он принялся перебирать материалы, пока не добрался до указателя имен и адресов основных персонажей. Там обнаружились два адреса электронной почты “Й. Спалтера” — один на гугловском аккаунте, а второй привязан к веб-сайту Церкви Киберпространства. Был там и фактический адрес во Флориде — с примечанием, что он предназначен для легальных операций и налогообложения и именно там зарегистрированы автофургон Йоны и Церковь Киберпространства, но что на самом деле Йона по этому адресу не проживает. Еще одна пометка на полях гласила: “Почте дано указание переправлять всю корреспонденцию на серию сменяющих друг друга абонентских ящиков”. Похоже, Йона большую часть времени — а то и всегда — находился в пути.

Гурни отправил по обоим адресам сообщение о том, что приговор Кэй, скорее всего, будет отменен и ему срочно нужна помощь Йоны для оценки некоторых новых улик.

Глава 36

Необычный убийца

Заснуть в тот вечер оказалось труднее обычного.

Причина удручающей досады и разочарования была типичной: сложно проводить расследование без исследовательского аппарата, который всегда был под рукой во время его службы в полиции. Усугубляло проблему и то, что Хардвик потерял доступ к документам, информационным системам и каналам для справок. Одним словом, человек, находящийся на внешней орбите, вынужден зависеть от тех обитателей этого мира, кто согласится пойти на риск и выдать нужные сведения. Недавний пример Хардвика служил доказательством того, что риск этот и в самом деле немал.

В нынешней ситуации очень многое зависело не только от Эсти, чья вовлеченность в дело казалась неоспоримой и искренней, но и от желания ее знакомых помочь ей, причем тихо. Точно так же многое зависело от приятелей Хардвика и от их мнения о нем самом и его мотивах. Невежливо было бы давить на кого-либо из этих помощников — ведь никто из них не был обязан помогать вообще.

Гурни ненавидел оказываться в таком вот положении — когда зависишь от непредсказуемой щедрости совершенно посторонних людей, только и надеясь, что эти неподвластные твоему контролю ресурсы принесут именно те крохи информации, которые помогут совершить прорыв в расследовании.

Звонок раздался ближе к пяти утра: и двух часов не прошло с тех пор, как наводнявшие сознание мысли наконец успокоились и позволили Гурни забыться полусном, не приносящим отдыха. Неловко шаря руками впотьмах в поисках телефона, он опрокинул пустой стакан (Мадлен сонно заворчала) и лишь потом наконец нащупал на столике мобильный. Увидев на экране имя Хардвика, он ушел с телефоном в кабинет.

— Да?

— Может, тебе и кажется, что для звонка рановато, но в Турции на семь часов позже. Там уже полдень. Пекло, небось, адское.

— Отличные новости, Джек. Спасибо, что сообщил.

— Меня разбудил мой человек в Анкаре. Вот я и решил поднять и тебя за компанию. Фермеру Дэйву пора задавать корм курам. Собственно, если ты не встал час назад, значит — ленивый сукин сын.

Гурни уже привык к своеобразной манере Хардвика начинать деловую беседу, так что чаще всего он пропускал подколы мимо ушей.

— Этот твой тип в Анкаре — из Интерпола?

— Говорит, что да.

— И что у него для тебя было?

— Кое-какие мелочи, пикантные подробности. Что

нам подбрасывают, тем и довольствуемся. Щедростью его души, например.

— И что у этой щедрой души нашлось для тебя?

— А у тебя время есть? Не надо спешить к курам?

— Куры — очаровательный штришок сельской жизни, Джек. Надо и тебе парочку завести.

Как ни странно, но лишь приняв курс Хардвика, можно было заставить его вернуться к делу.

— Пикантная подробность номер один. Лет десять тому назад силы добра сумели поприжать одного из главных корсиканских злодеев: ему светила крепкая двадцатка в особо паршивой тюрьме — и им удалось его завербовать. Сделка состояла в том, что он сдает силам добра кое-каких коллег по цеху, а силы добра, вместо того чтобы сажать этого типа в тюрьму, берут его в программу защиты свидетелей. План не сработал. Через неделю после заключения сделки шеф операции по защите свидетелей получил по почте коробку. Рискнешь угадать, что там было?

— Смотря какого размера была коробка.

— Ну, скажем, гораздо больше, чем потребовалось бы, чтобы упаковать в нее член. Ну так и что, по-твоему, там оказалось?

— Рискаю попасть пальцем в небо, Джек, предположу, что если коробка была достаточно большой для головы, то, скорее всего, голова там и была. Верно?

Молчание на другом конце стало ему ответом.

— И еще раз рискаю попасть пальцем в небо, — продолжал Гурни, — предположу, что в глаза и уши были вбиты...

— Да, да, Шерлок, все верно. Очко в твою пользу. Теперь к истории номер два. Готов? Не надо в сортир или еще куда?

— Готов.

— Восемь лет назад член русской Думы, мультимиллионер с очень разносторонними связями, бывший кагэбэшник, отправился в Париж — на похороны матери. Мать жила в Париже потому, что ее третий муж был французом, Париж она обожала и хотела, чтобы ее там и похоронили. Ну и угадай, что случилось?

— Деятеля из Думы пристрелили прямо на кладбище?

— В дверях расположенной напротив кладбища Русской православной церкви. Напавал. Говоря уж совсем точно — пуля попала прямо в глаз.

— Гм-гм.

— Там была еще пара интересных подробностей. Будешь угадывать?

— Сам скажи.

— Пуля — “Свифт” двадцать второго калибра.

— И?

— И никто не слышал, с какой стороны стреляли.

— Глушитель?

— Скорее всего.

Гурни улыбнулся.

— И петарды?

— Прямо в точку, старичок.

— Но... но как Интерпол связал эти два случая между собой? Что они обнаружили?

— Никакой связи они не выявили и эти два дела не объединяли.

— Тогда как?

— Твой вопрос — поисковые ключевые слова из дел Гурикоса и Спалтера: всплыло корсиканское дело, а потом и Париж...

— Да, но ведь подробности про гвозди в голове всплы-

ли только в корсиканском деле, а про петарды и кладбище — только в деле этого думца. О чем тогда мы говорим? Если судить только по этим двум фактам, это ведь могут быть два совершенно разных исполнителя, разве нет?

— Выглядело бы именно так, когда бы не одна крохотная деталь. И в том, и в другом преступлении в файлах Интерпола приводится список возможных исполнителей — наиболее вероятных профессиональных убийц, которых местные копы или национальные управления сочли нужным проверить. Четыре имени для корсиканца, четыре для русского в Париже. Насколько я понял, ни корсиканская полиция, ни французская ни до одной из этих кандидатур так и не добрались, даже допросить не вышло. Но дело не в этом. Дело в том, что в обоих списках встречается одно и то же имя.

Гурни ничего не сказал. Связь, настолько ненадежная, запросто может оказаться пустышкой.

Словно отвечая его мыслям, Хардвик добавил:

— Знаю, это еще ничего не доказывает. Но приглядеться поближе уж точно стоит.

— Согласен. Так кто этот любитель петард и гвоздей в глазах?

— Единственное имя, появляющееся в обоих списках, — Петрос Паникос.

— Так мы, возможно, ищем греческого наемного убийцу?

— Наемного убийцу — это точно. И точно — с греческим именем. Но имя — всего лишь имя. Интерпол говорит, паспорта на это имя в стране не выдано. Так что, похоже, у него и другие имена имеются. Но файл, который заведен на Паникоса — пусть даже это имя фальшивое, — прелюбопытнейший.

— А что связано с этим именем? Что они знают об этом типе на самом деле-то?

— Хороший вопрос. Мой человек говорит, там уйма всего, но сборная солянка: частично факты, частично показания из вторых рук, а частично — совершенно безумные рассказы, которые могут оказаться правдой, а могут и сущей чепухой.

— И ты уже располагаешь всей этой дивной солянкой?

— Пока — только голый костяк: то, что мой кореш сумел вспомнить, не поднимая всего документа — что, к слову, он обещал сделать в самом скором времени. Кстати, может, тебе в сортир и не надо, а вот мне еще как. Не вешай трубку.

Судя по звуковому сопровождению, Хардвик не только прихватил телефон с собой в туалет, но и увеличил громкость передачи. Гурни подчас только диву давался, как Джек столько времени умудрился продержаться в чопорной среде нью-йоркской полиции. Уж больно причудливый сплав самых разных качеств он собой являл. Неизменное стремление оскорбить собеседника скрывало острый ум и отличное чутье. Его бурная карьера в полиции, подобно многим брачным союзам, была омрачена непримиримыми разногласиями и взаимным неуважением. В организации, свято почитающей чины и конформизм, Хардвик был язвительным бунтарем и баламутом. И вот теперь этот устрашающий и склочный человек со всем пылом вознамерился посрамить организацию, вышвырнувшую его из своих рядов.

Рассеяно размышляя обо всем этом, Гурни обнаружил, что стоит у окна кабинета, глядя на восток, на первые серые проблески восхода, обрисовавшие очертания дальнего гребня холмов. Судя по звуковым эффектам

из телефона, Хардвик покинул ванную комнату и рылся в бумагах.

Гурни включил на телефоне громкую связь, положил трубку на стол и откинулся на спинку кресла. Веки отяжелели от недосыпа, и он с удовольствием позволил глазам закрыться. Мозг парил в невесомости, и на несколько мгновений Гурни поддался приятной расслабленности, что была сродни анестезии. Краткую передышку прервал голос Хардвика, еще более резкий при громкой связи.

— Я снова тут! Ничто так не освежает разум и не окрыляет душу, как возможность хорошенько отлечь. Эй, старичок, ты еще среди живых?

— Вроде бы да.

— Отлично, тогда вот, что он мне сообщил. Петрос Паникос. Известный также как Питер Пэн. Известный также как Фокусник. Известный также под другими именами, которых мы не знаем. Должен иметь по крайней мере один паспорт на какое-то другое имя, не Паникос. Суть: вольнонаемник, причем престранный. Владеет оружием, охотно путешествует, за услуги берет, начиная от ста штук за голову плюс расходы. Связаться с ним можно только через очень малую горстку людей, которые знают, как это сделать.

— Минимум сто штук — это уж явно ставит его в верхний регистр шкалы исполнителей.

— Ну, малыш в том мирке — своего рода знаменитость. Он еще...

— Малыш? — перебил Гурни. — А насколько он мал?

— Фута четыре. Максимум пять футов и два дюйма.

— Как тот курьер из доставки цветов на видео в “Эммерлинг Оукс”?

— Ну да, вроде того.

— Отлично. Продолжай.

— Из патронов предпочитает двадцать второй калибр. Но вообще использует что угодно, по обстоятельствам, от ножа до бомбы. Собственно говоря, как раз бомбы он очень любит. Возможно, как-то связан с русской армией и торговцами взрывчаткой. Возможно, связан с русской мафией в Бруклине. Возможно, причастен к серии взрывов автомашин, убивших прокурора и его команду в Сербии. Множество всяких “возможно”. Кстати, пули из моего дома, помнишь? Оказались тридцать пятого калибра — куда лучше годятся для того, чтобы перебить провода, чем двадцать второй калибр. Так что, если предположить, что мы имеем дело именно с ним, он и впрямь очень маневрен. Беда с этой маневренностью в том, что во всех его убийствах не просматривается никакого единого метода. Интерпол считает, что Паникос, или как там его зовут, за последние десять-пятнадцать лет замешан более чем в пятидесяти убийствах. Но это все основано на слухах, болтовне заключенных, такой вот фигне.

— Еще что-нибудь?

— Жду пока. Похоже, у него нелегкое прошлое — похоже, он из какого-то бродячего цирка уродов, потом еще был мрачный сиротский приют где-то в Восточной Европе, одни слухи, но... посмотрим. Мой кореш не договорил — что-то очень срочное отвлекло. Свяжется со мной, как только сможет. А я пока съезжу к Бинчеру домой, в Куперстаун. Возможно, напрасная трата времени, но мерзавец не отвечает на звонки ни мне, ни Эбби. Должен же он где-то быть. Перезвоню тебе, как только получу новые сведения из Анкары — если получу, конечно.

— Последний вопрос, Джек. “Фокусник” — это что значит?

— Да проще простого. Маленький засранец любит выпендриваться — доказывать, что может невозможное. Небось, сам себе это прозвище и придумал. Ровно такой противник-психопат, ради каких ты и живешь, да, Шерлок?

Хардвик не попрощался — ничего удивительного, — просто отсоединился.

Гурни всегда считал, что чем больше информации, тем лучше — говоря объективно. Но в ней возможно и затеряться. Сейчас у него было чувство, что чем больше он узнает, тем более непосильной для ума становится головоломка.

Со всей вероятностью, Карл Спалтер пал жертвой киллера не просто профессионального, но и очень необычного, — причем для верности результата и сумма была вложена из ряда вон выходящая. Однако, учитывая то, что для трех самых близких ему людей — для жены, дочери и брата — игра стоила свеч, даже самая непомерная плата стала бы для любого из них вполне разумным вложением капитала. На первый взгляд легче всего раздобыть такие деньги было бы Йоне, но у Кэй и Алиссы могли быть свои тайные источники — или же союзники, готовые внести вклад. И тут Гурни в голову пришла еще одна гипотеза: в деле был замешан не кто-то один из них. Почему бы не все трое? Или все трое плюс Майкл Клемпер?

К кабинету приближалось шлепанье тапочек Мадлен, и это вернуло Гурни от раздумий к непосредственно происходящему.

— Доброе утро, — сонно проговорила она. — Давно не спишь?

— С пяти.

Она потеряла глаза и зевнула.

— Хочешь кофе?

— А то. А ты-то зачем поднялась?

— Раннее дежурство в клинике. На самом деле, совершенно ненужное. Рано утром там никого.

— Боже, да ведь еще только светает. В котором часу они открываются?

— Только в восемь. Я не сразу туда — хочу перед отъездом еще выпустить кур прогуляться. Люблю на них смотреть. Ты замечал, что они всё делают вместе?

— Например, что?

— Да всё. Если одна отойдет на несколько шагов поклевать что-нибудь в траве, стоит остальным заметить, они уже все там. А Гораций за ними приглядывает. Стоит какой-нибудь уйти слишком далеко, начинает кукарекать. Или мчится следом и пытается пригнать ее назад. Гораций всегда на страже. Всегда начеку. Курицы знай себе поклевывают, а он головой вертит. Работа у него такая.

Гурни с минуту поразмышлял об этом.

— Занятно, как эволюция вырабатывает разные стратегии выживания. По всей видимости, ген, поддерживающий у петухов высокую бдительность, обуславливает поведение, в результате которого выживает больше куриц, благодаря чему, в свою очередь, такой петух спаривается с большим количеством самок, и так ген бдительности распространяется еще шире.

— Как-то так, — Мадлен снова зевнула и побрела на кухню.

Глава 37

Стремление к смерти

Почти уверенный, что в конце концов отменит прием у Малькольма Кларета, Гурни все тянул со звоном, пока — в 8:15 — не настало время делать решительный выбор: либо отправляться в долгий путь, чтобы успеть к одиннадцати, либо взять телефон и сообщить, что не придет.

По причинам, не до конца ясным ему самому, в последний момент он решил все же не отменять прием.

Воздух начинал согреваться. День обещал выдаться по-августовски жарким и влажным. Гурни снял рабочую рубашку с длинным рукавом, которую носил дома из-за утренней горной прохлады, натянул легкую футболку-поло и летние брюки, побрился, причесался, прихватил бумажник и ключи от машины. Не прошло и десяти минут после принятия решения, как он уже был в пути.

Кларет принимал прямо у себя дома на Сити-Айленд, маленьком придатке Бронкса в проливе Лонг-Айленд. Бронкс — самое северное боро Нью-Йорка, так что поездка туда из Уолнат-Кроссинга занима-

ла около двух с половиной часов. Надо было пересечь весь Бронкс, по всей ширине, с запада на восток — Гурни никогда не мог завершить это путешествие так, чтобы на него не накатили остаточные дурные впечатления времен проведенного здесь детства.

Бронкс навеки отпечатался у него в голове как место, вечная обшарпанность и грязь которого не скрашивались ни особым очарованием, ни уникальным духом. Неопрятная, типично городская местность вгоняла в тоску. В райончике, где когда-то жил Гурни, самые стесненные в средствах обитатели тянули от зарплат до зарплаты, а самые процветающие недалеко ушли от самых бедных. Достижения их варьировались в крайне узком диапазоне.

Трущобами этот район назвать было бы никак нельзя, но достоинства его выражались лишь в отсутствии совсем уж вопиющих недостатков, а главным предметом гражданской гордости служила способность не допускать сюда сомнительные меньшинства. Все силы шли на поддержание шаткого, но безопасного равновесия.

Проезжая мимо пестрой череды домиков на несколько квартир и скромных частных домов, беспорядочно теснившихся почти вплотную друг к другу, Гурни вспоминал лишь два дома, выделявшихся на общем унылом фоне, лишь два, радующих взгляд. Первый принадлежал католическому врачу, второй — католическому же владельцу бюро похоронных процессий. Оба преуспевали. Район был населен преимущественно католиками, религия еще не утратила тут значения, служила символом респектабельности, объединяющим звеном и критерием, по которому люди выбирали, к кому обратиться за профессиональной услугой.

Подобная скудость образа мыслей и нищета чувств объяснялись, судя по всему, самым здешним окружением — нервным, тесным и бесцветным. В Гурни оно порождало лишь одно желание: бежать отсюда. Он ощутил это желание, едва дорос до понимания того, что “Бронкс” и “весь мир” — отнюдь не синонимы.

Бежать. Слово это мгновенно потянуло за собой образ, чувство, ощущение из доподростковых лет — ту редкую радость, что испытывал он, мчась со всей скоростью, какую только мог выжать, на своем английском гоночном велосипеде. Ветер в лицо, шелест шин по асфальту — мимолетное чувство свободы.

И вот теперь он ехал через Бронкс, чтобы побеседовать с Малькольмом Кларетом.

Все-таки позволил себя уговорить. Занятно: ведь и прошлые две встречи с Кларетом разворачивались по тому же сценарию.

Когда ему было двадцать четыре, первый его брак развалился, а Кайл только-только вышел из пеленок, жена предложила вместе сходить к психологу. Не ради спасения брака. Тут она уже сдалась, видя, что Гурни твердо решил связать жизнь с низкооплачиваемой полицейской работой, которую она считала напрасной растратой его интеллектуальных способностей и (как подозревал Гурни, второй аргумент был гораздо важнее) его потенциала зарабатывать на каком-нибудь ином поприще. Нет, с точки зрения Карен, цель терапии заключалась в том, чтобы сгладить острые углы в самом процессе развода, сделать его более осознанным. И, надо сказать, метод сработал. Брак этот с самого начала был вопиющей ошибкой, но в момент его распада Кларет оказал на Гурни и Карен весь-

ма благотворное, успокаивающее и вразумляющее влияние.

Второй раз Гурни общался с Кларетом шесть лет спустя, после смерти Дэнни, их с Мадлен четырехлетнего сына. Реакция Гурни на это ужасное событие — то тихая агония, то апатия, то неспособность говорить, полный уход в себя — побудила Мадлен, чье не менее глубокое горе выражалось более открыто, уговорить его на терапию.

Он согласился, не сопротивляясь, но и не питая никаких надежд, и три раза встречался с Кларетом. По его ощущениям, встречи эти не помогли справиться с проблемой, и после трех визитов он ходить перестал. Однако некоторые наблюдения, высказанные Кларетом, пронес через годы. Одним из качеств, которые Гурни ценил в Кларете, было то, что тот серьезно и вдумчиво отвечал на вопросы, честно высказывал свои мысли и не играл ни в какие психологические игры. Кларет не принадлежал к тому невыносимому племени психотерапевтов, любимым ответом которых на жалобу клиента служит дежурная фраза: “И что вы по этому поводу чувствуете?”.

Переезжая небольшой мост, ведущий в обособленный мирок Сити-Айленда со всеми его причалами, ремонтными доками и рыбными ресторанчиками, Гурни размышлял о Кларете и пытался представить, сильно ли тот изменился за прошедшие годы, как вдруг на него живо нахлынуло давно осевшее воспоминание.

В том воспоминании они с отцом шли по этому самому мосту летним субботним днем — давным-давно, более сорока лет назад. На мосту, вдоль всего тротуара стояли рыбаки — полуголые, без рубашек, загорелые

и вспотевшие под жарким августовским солнцем. Он так и слышал, как повизгивают катушки, когда они широким взмахом руки забрасывают удочки в волны прилива и огромные крючки с наживкой и грузилами, описав широкую дугу, уходят под воду. Вокруг сверкало солнце — на воде, на катушках из нержавеющей стали, на хромированных бамперах проезжающих автомобилей. Рыбаки относились к делу серьезно — всецело отдавались своему занятию, подергивали удочки, выбирали слабинку, следили за течением. Они казались Гурни существами из другого мира, загадочного и недоступного. Отец его не мог похвастать загаром, никогда не ходил без рубашки, не стоял в одном ряду с другими мужчинами вдоль перил, вообще ничем не занимался вместе с другими. Он не был любителем подобных развлечений, и уж тем более — рыбаком.

Впрочем, в шесть-семь лет, когда они с отцом чуть ли не каждую субботу отправлялись на эти трехмильные прогулки от квартирки в Бронксе до моста на Сити-Айленд, маленький Гурни не смог бы облечь это ощущение в слова, но вся беда была в том, что отец таким и казался ему — никаким. Даже на этих совместных прогулках он оставался ледящей загадкой — тихий, скрытный человек без каких бы то ни было явных интересов. Человек, никогда не вспоминающий прошлое и не проявляющий ни малейшего интереса к будущему.

И вот теперь, паркуя машину в узком тенистом переулке перед стареньким, обитым вагонкой домом Малькольма Кларета, Гурни испытывал то же чувство, что всегда накатывало на него при мысли об отце, — пустоту и одиночество. Сияясь отогнать эти непрошенные ощущения, он подошел к двери.

Он, безусловно, ожидал, что по сравнению с сохранившимся у него в памяти образом семнадцатилетней давности Кларет будет выглядеть старше — возможно, он чуть поседел или полысел. Но Гурни оказался совершенно не готов увидеть усохшего, словно бы съездившегося, ставшего ниже ростом старика, который встретил его в необставленной прихожей. Только глаза казались прежними — кроткие голубые глаза со спокойным, внимательным взглядом. И мягкая улыбка — она тоже не изменилась. Собственно говоря, именно эти две черты, самые характерные для Кларета, человека мудрого и уравновешенного, с годами стали лишь более выраженными.

— Заходите, Дэвид.

Хрупкий врач указал на тот самый кабинет, где Гурни уже бывал много лет назад — похоже, эта комната вместе с фойе некогда служила закрытой верандой.

Гурни вошел и огляделся, потрясенный тем, каким знакомым вдруг показалось ему это крохотное помещение. Коричневое кожаное кресло, на котором время оставило куда меньший отпечаток, чем на самом Кларете, стояло на прежнем месте, развернутое к двум креслам поменьше — оба, судя по всему, за эти годы были обиты заново. В центре образованного креслами треугольника размещался коротконогий столик.

Кларет и Гурни уселись на те же места, где сидели во время бесед, следовавших за гибелью Дэнни. Кларет опустился в кресло с видимым трудом.

— Перейдем к делу, — произнес он своим безыскусным, но мягким тоном, обходясь без вступлений или предваряющих прием светских бесед. — Я вам расска-

жу, что мне сообщила Мадлен. А вы потом скажете, что из всего этого считаете правдой.

— Конечно.

— Она мне сказала, что за последние два года вы трижды оказывались в ситуациях, когда вас могли убить. Оказывались совершенно сознательно. Во всех трех случаях дело кончалось тем, что на вас направляли оружие. В одном — в вас несколько раз выстрелили, в результате чего вы впали в кому. Она считает, что, возможно, вы много раз подвергали себя такому же чрезвычайному риску, не рассказывая об этом ей. Она знает, что работа полицейского очень опасна, но полагает, что вы эту опасность сами ищете.

Кларет помолчал — должно быть, наблюдая за реакцией Гурни, ожидая какого-то ответа.

Гурни смотрел на низкий столик между ними, машинально отмечая на нем множество потертостей от подошв — вероятно, клиенты имели привычку забрасывать туда ноги.

— Что-нибудь еще?

— Она этого не говорила, но, похоже, она очень испугана и расстроена.

— Испугана?

— Она считает, вы хотите, чтобы вас убили.

Гурни покачал головой.

— В каждой из ситуаций, о которых она говорила, я сделал все возможное, чтобы остаться в живых. И я жив. Разве это не очевидное доказательство желания выжить?

Голубые глаза Кларета, казалось, видели его насквозь.

Гурни продолжал:

— В любой опасной ситуации я прилагаю все усилия...

— После того, как вы в нее попали, — почти шепотом перебил его Кларет.

— Простите?

— После того, как вы попали в опасную ситуацию, вы стараетесь остаться в живых.

— Что вы имеете в виду?

Кларет довольно долго молчал, а когда заговорил, голос его звучал ровно и мягко.

— Вы все еще считаете себя в ответе за гибель Дэнни?

— Что? Это тут при чем?

— Вина — могучая сила.

— Но я не... я не виноват в его смерти. Дэнни выскочил на мостовую. Погнался за чертовым голубем и прыгнул с тротуара на мостовую. Его сбил какой-то гад, пьянчуга на красном спортивном автомобиле. Только что из бара вышел. Сбил и скрылся. Я не виноват в его смерти.

— Не в его смерти. Но в чем-то другом. Можете сказать, в чем?

Гурни глубоко вдохнул, глядя на потертости от ног на столе. Закрыв глаза, снова открыл их и заставил себя посмотреть на Кларета.

— Я должен был лучше за ним следить. С четырехлетней... Должен был следить. А я не заметил, куда он бросился. А когда посмотрел...

Голос у него оборвался, взгляд снова уткнулся в столешницу.

Через некоторое время он снова поднял глаза.

— Мадлен настояла, чтобы я обратился к вам, и вот я здесь. Но я и правда не понимаю, зачем.

— А знаете, что такое вина?

Какая-то психологическая грань Гурни обрадовалась вопросу — или, по крайней мере, возможности ускользнуть в абстрактные материи.

— Ну, вина как факт — это, должно быть, личная ответственность за то, что случилось. А вина как чувство... неприятное ощущение, что ты сделал то, чего не следовало.

— Неприятное ощущение — что именно, по-вашему, оно собой представляет?

— Непокойную совесть.

— Это общепринятый термин, но он не объясняет ровным счетом ничего.

— Ладно, Малькольм, тогда вы мне объясните.

— Вина — это болезненная и неудовлетворенная тяга к гармонии, потребность расплатиться за свои прегрешения, скомпенсировать их, восстановить баланс, равновесие.

— Какое еще равновесие?

— Между этикой и поступками. Когда мои поступки не соответствуют моей системе ценностей, тем самым я создаю разрыв, источник напряжения. А разрыв создает ощущение дискомфорта. Сознательно или подсознательно, но мы стремимся залатать этот разрыв. Стремимся обрести душевный покой, залатав разрыв, расплатившись за сотворенное.

Охваченный внезапным нетерпением, Гурни сменил положение в кресле.

— Послушайте, Малькольм, если вы это к тому, что, мол, я ищущ смерти, чтобы расплатиться за гибель сына, то почему тогда я не довожу дела до конца? Полицейскому чертовски легко подставиться под пулю. Но, как я уже говорил, вот он я, тут, живой и невредимый.

Разве человек, который всерьез хочет умереть, сумеет остаться в таком добром здравии? Ну, то есть, разговоры о моем желании умереть — это ведь явная чепуха!

— Согласен.

— Согласны?

— Вы не убивали Дэнни. Так что погибнуть самому вам кажется нерациональным. — Тонкая, почти игристая улыбка. — А вы ведь крайне рациональный человек, да, Дэвид?

— Что-то я за вами не поспеваю.

— Вы сказали мне, что ваша вина в том, что вы не уследили за сыном, позволили ему выскочить на улицу, где его сбила машина. Послушайте, что я сейчас скажу, — и ответьте, правильно ли я описываю ситуацию. — Кларет немного помолчал и медленно, четко выговаривая слова, произнес: — Дэнни остался совсем один, без защиты, один на один со слепой, равнодушной вселенной. Судьба подбросила монетку — возник пьяный водитель, и Дэнни погиб.

Гурни слышал эти слова, понимал правоту Кларета — но не чувствовал ничего. Точно луч света, скользящий по стеклу.

Кларет довел свою мысль до конца с той же прямоотой.

— В том виде, в каком это представляется вам, именно ваша рассеянность — поглощенность своими мыслями — отдала вашего сына на милость случая, судьбы. Именно в этом, как вы думаете, и состоит ваша вина. И время от времени случаются ситуации, в которых вы видите возможность подвергнуться той же опасности, какой подвергли его. И вам кажется, что так только справедливо — справедливо, если вашу судьбу ре-

шит такой же беспристрастный бросок монетки, справедливо обойтись с собой столь же небрежно, как вы обошлись с сыном. Это ваша тактика погони за равновесием, справедливостью, душевным спокойствием. Ваши поиски гармонии.

Они долго сидели молча. В голове у Гурни была пустота, в душе — онемение. Наконец Кларет ошеломил его последним внезапным выводом:

— Ну и, конечно же, ваш подход — лишь доказательство эгоцентричного и крайне ограниченного самообмана.

Гурни заморгал.

— Почему самообмана?

— Вы игнорируете все, что по-настоящему важно.

— Например?

Кларет начал было отвечать, но умолк, закрыл глаза и сделал несколько медленных глубоких вдохов и выдохов. Когда он осторожно положил на колени руки, их болезненная, невозможная хрупкость снова бросилась в глаза.

— Малькольм?

Кларет чуть приподнял над коленом правую руку, словно успокаивая собеседника. Через минуту-другую он открыл глаза. Голос его звучал почти шепотом.

— Простите. Лекарство не так уж и идеально.

— Что с вами? Это...?

— Гнусный рак.

— Излечимый?

Кларет тихонько засмеялся.

— В теории — да. В реальности — нет.

Гурни молчал.

— А живем-то мы в реальности. Пока не умрем.

— У вас сильные боли?

— Я бы сказал, периодические неприятные ощущения. — Его словно бы что-то забавляло. — Наверное, гадаете сейчас, сколько мне осталось. Ответ — месяц, может, два. Поживем — увидим.

Гурни попытался сказать что-нибудь, уместное случаю.

— Господи, Малькольм, мне так жаль.

— Спасибо. Ну а теперь, учитывая, что время у нас ограничено — как ваше, так и мое, — давайте поговорим о том, где мы живем. Или должны были жить.

— В смысле?

— О реальности. О месте, где мы должны жить, чтобы оставаться в живых. Расскажите мне кое-что. Про Дэнни. У вас было для него какое-нибудь прозвище?

Вопрос застал Гурни врасплох.

— Что вы имеете в виду?

— Что-то помимо настоящего имени. Ну, например, как вы его называли, когда укладывали спать, или качали на коленях, или брали на руки.

Он уже собирался сказать “нет”, как вдруг в голове замаячило воспоминание — то, о чем он не думал вот уже много лет. А следом нахлынула волна внезапной печали. Гурни откашлялся.

— Медвежонок.

— А почему вы его так называли?

— У него иногда была такая мордашка... особенно, как расстроится из-за чего-нибудь... тогда он напоминал мне крохотного медвежонка. Сам не знаю, почему.

— И вы его обнимали?

— Да.

- Потому что любили его.
- Да.
- И он вас любил.
- Наверное. Да.
- Вы хотели, чтобы он умер?
- Разумеется, нет.
- А он хотел бы, чтобы умерли вы?
- Нет.
- Мадлен хочет, чтобы вы умерли?
- Нет.
- А Кайл?
- Нет.

Перед тем как продолжить, Кларет посмотрел Гурни в глаза, словно прикидывая, понимает ли он.

- Все, кто вас любит, хотят, чтобы вы жили.
- Ну, наверное.
- Так что это ваше навязчивое стремление расплатиться за гибель Дэнни, искупить вину, подвергнув себя риску... сплошной эгоизм, разве нет?
- В самом деле?

Даже сам Гурни слышал, как безжизненно звучит его голос, как безучастно — словно бы принадлежит кому-то другому.

— Вы единственный в этой ситуации, для кого риск имеет какой-то смысл.

- Но гибель Дэнни — это моя вина.
- И того пьяного водителя, который его сбил. И вина Дэнни — что выскочил с тротуара на проезжую часть, хотя вы наверняка сто раз говорили ему этого не делать. И голубя, за которым он погнался. И того бога, что создал голубя, улицу, пьяного водителя, машину и все минувшие события, которые свели их во-

едино в тот злополучный момент. Кто вы такой, чтобы мнить себя причиной всему?

Кларет на миг умолк, словно чтобы перевести дух и набраться сил, а потом заговорил громче:

— Возмутительная гордыня. Возмутительное пренебрежение теми, кто вас любит. Дэвид, послушайте меня. Не причиняйте боли тем, кто вас любит. Если ваш великий грех состоял в недостатке внимания, то проявите внимание хоть сейчас! У вас есть жена. Какое право вы имеете рисковать жизнью ее мужа? У вас есть сын. Какое вы имеете право рисковать жизнью его отца?

Заряд эмоциональной энергии, потраченной на эту короткую речь, казалось, совсем истощил его.

Гурни сидел неподвижно, не произнося ни слова, — опустошенный, выжидающий. Комната вдруг стала совсем крохотной. В ушах звенело.

Кларет улыбнулся. Голос его сделался мягче — и сама эта мягкость придала его словам еще больше убедительности: убедительности умирающего.

— Дэвид, послушайте меня. В жизни нет ничего важнее любви. Ничего, кроме любви.

Глава 38

Тяга к огню

Гурни не помнил, как покинул Сити-Айленд, как пробирался через Бронкс, как переезжал мост Джорджа Вашингтона. Он пришел в себя, лишь когда уже ехал на север по Палисадес-парквей. И одновременно осознал, что бензин-то заканчивается и на весь путь до Уолнат-Кроссинга не хватит.

Через двадцать минут он уже был на парковке перед большой бензоколонкой, совмещенной с придорожными забегаловками, где можно было заправить машину и заправиться самому. Большой стакан кофе и пара бейглов помогли ему снова войти в контакт с повседневностью. Вытащив телефон — отключенный на время встречи с Кларетом, — он проверил, нет ли сообщений.

Оказалось целых четыре. Голос в первом из них — с неизвестного номера — принадлежал Клемперу, только говорил он еще грубее и невнятнее, чем накануне: “По поводу “Ривер-молла”... “Риверсайда”. Нашего разговора. Проверь почтовый ящик. Помни свое обещание. Только не вздумай меня кинуть. Те, кто меня

кидает... плохая идея. Не вздумай меня кидать. Уговор есть уговор. Заруби на носу. Смотри не забудь. Проверь ящик”.

Гурни гадал, и впрямь ли Клемпер так пьян, как можно судить по голосу. Но еще важнее — что там, в ящике? Та самая пропавшая видеозапись, которую он, Гурни, просил? Невольно вспоминалось, как однажды ему в почтовый ящик сунули змею. Да и для бомбы самое подходящее место. Хотя бомба, конечно, уже чересчур.

Это все напомнило Гурни еще и о том, что надо бы рассказать Хардвику с Эсти про встречу в “Риверсайде” и “уговор”, на который ссылался Клемпер.

Он перешел ко второму сообщению — от Хардвика. “Эй, Шерлок. Только что принял звонок из Анкары. Похоже, малютка, что нам свет отрубил, та еще штучка. Перезвони мне”.

Третье послание было тоже от Хардвика, уже более возбужденного: “Где тебя черти носят, Шерлок? Я в районе Куперстауна, еду к дому Бинчера. От него все еще нет вестей. Меня это начинает беспокоить. И еще надо поговорить о нашем психованном стрелке. Я это всерьез — про психованного. Ради бога, перезвони уже”.

Четвертое, и последнее, сообщение оказалось опять от Хардвика, сердитого и мрачного: “Гурни, где бы ты, твою мать, ни был, возьми телефон! Я возле дома Лекса Бинчера. Точнее, возле того, что от него осталось. Он ночью сгорел. Вместе с соседними домами. Три гребаных дома в ряд. Дотла. Огромное, прожорливое и супержаркое пламя — пожар начался с дома Лекса. Похоже, какое-то зажигательное устройство, и не одно. Позвони мне! Скорее!”

Гурни решил сперва позвонить Мадлен, но попал

на автоответчик и оставил сообщение: “Сделай одолжение, не открывай сегодня почтовый ящик. Я совершенно уверен, что все в порядке, но просто мне тут звонил Клемпер, весь взбудораженный, так что я предпочел бы сам открыть. Просто предосторожность. Потом объясню. Я в Слотсбурге, на стоянке. Через пару часов увидимся”.

Обдумав свои слова, он тут же пожалел, что не подобрал других фраз. Слишком уж получилось зловеще, слишком неясно. Не хватало ни контекста, ни объяснений. Его подмывало перезвонить еще раз и оставить сообщение подлиннее, но сдерживал страх только ухудшить положение.

Позвонив Хардвику, он тоже попал на автоответчик и оставил сообщение, что едет в Волнат-Кроссинг. Спросил, были ли при пожаре жертвы, известно ли что о Бинчере. И по поводу психованного стрелка — что все-таки выяснилось? Закончив сообщение, он удостоверился, что телефон не отключился, и отправился за очередной порцией кофе.

Лишь когда он уже подъехал к пасторальным холмам над Барливиллем, Хардвик наконец перезвонил.

— У нас тут, старичок, дело серьезно. Совсем дерьмо. Три дома — три кучи пепла. Дом Лекса плюс два соседних. Шестеро погибших — но Бинчера среди них нет. Два тела в доме слева, четыре в доме справа, из них двое детей. Не успели выскочить. Парни, прибывшие на место, говорят, это все случилось вскоре после полуночи, причем очень быстро. Тип из команды по поджогам говорит, скорее всего, МЗУ — маленькие зажигательные

устройства, четыре штуки, заложенные по углам Бинчерова дома. Причем преступник даже и не пытался выдать поджог за случайное происшествие.

— А два других дома — просто сопутствующий ущерб? Уверен?

— Я ни в чем не уверен. Стою за желтой лентой среди зевак этих недоделанных — просто слышал обрывки разговоров местных копов. Но говорят, вроде газовая хроматография показывает зажигательные средства у Бинчера, но не у соседей.

— Но дом Бинчера оказался пуст? В смысле, в нем тел не найдено?

— Пока нет. Но, насколько я вижу, техники там среди мокрых углей еще ползают. Целая армия собралась. Пожарные, бюро криминальных расследований, команда по поджогам, отдел шерифа, местные копы. — Он помолчал. — Боже, Дэви, если это замышлялось как... как предупреждение Лексу, чтобы он бросил дело...

Он не закончил фразы.

Гурни промолчал.

Хардвик кашлянул, прочищая горло.

— Ты еще тут?

— Тут. Просто думаю о твоих словах про “предупреждение”. — Он помолчал. — Я бы сказал, что стрельба по твоим проводам, скорее всего, была предупреждением. Гвозди в голове у Гурикоса, скорее всего, были предупреждением. Но это... с Бинчером... дело другое. Скорее, война. И его ничуть не волнует, кого еще там убьет.

— Согласен. У гаденыша прямо страсть к разрушениям. А на поджогах, похоже, особый пунктик.

— Особый пунктик? — Гурни притормозил, съехал

на поросший травой утес с видом на водохранилище, выключил мотор и открыл окна. — Что ты имеешь в виду, особый пунктик? Что ты получил из Интерпола?

— Не то до хрена всего, не то вообще по нулям. Поди пойми. Суть в том, что информация, которую они накопили по своим базам данных, может относиться к одному и тому же индивидууму, а может касаться разных людей. Последние сведения, лет этак за десять, скорее всего, вполне точные, во всяком случае — по большей части. А вот все, что старше десяти лет, — уже сомнительнее. И причудливее.

Гурни задумался, что может быть еще причудливее, чем гвозди в голове жертвы.

Хардвик объяснил.

— Тот парень из Анкары предпочел поговорить со мной по телефону, чем наследить в электронных письмах, так что я делал заметки по ходу разговора. Его рассказ сводится к двум небольшим историям. А дальше уж под каким углом посмотреть — может, они друг с другом связаны, а может, и не связаны вовсе. Начинается все с материалов за последние лет десять на наемного убийцу, известного под именем Петроса Паникоса, а дальше тянется в глубь времен. Готов?

— Весь обратился в слух, Джек.

— Если взять за основной параметр поиска имя Паникоса, оно нас приводит к событиям, произошедшим двадцать пять лет назад в южной Греции, в деревушке Ликонос. Семейство Паникос держало там сувенирный магазин. У них было четыре сына, причем младший вроде бы приемный. Магазинчик вместе с домом, где они все жили, сгорел дотла, при пожаре погибли родители и трое сыновей. Четвертый, приемыш, исчез.

Подозревали поджог, но точно так ничего и не доказали. Ни свидетельства о рождении, ни бумаг по усыновлению на этого пропавшего сына найти не удалось. Семья жила очень обособленно, близкой родни не имела, в деревне даже разошлись во мнениях, как пропавшего сына звали. Но — обрати внимание — упоминались два возможных имени: Перо и Петрос.

— Сколько ему было лет?

— Никто точно не знал. Согласно старому делу о расследовании поджога, от двенадцати до шестнадцати.

— И никаких сведений, как его называли при рождении или откуда он родом?

— Официально — никаких. Тем не менее к делу были подшиты показания деревенского священника, который считал, что мальчик попал в семью из какого-то болгарского приюта.

— Почему он так решил?

— В деле на этот счет ничего не было — никто не удостоился спросить. Но священник сообщил название приюта.

С губ Гурни сорвался короткий смешок, не имевший никакого отношения к веселью. Если б ему самому пришлось объяснять этот смех, он бы, пожалуй, сослался на переизбыток энергии. Нечто в самом процессе отслеживания информации, движения от одного обрывка фактов к другому, шажкам по камням через стремительный поток заряжало электрические цепи у него в мозгу.

— Верно ли я догадываюсь, что след к приюту приводит нас ко второму похожему происшествию?

— Ну, строго говоря, он приводит нас к унылому детскому дому времен коммунистов — документации по нему не осталось. Угадай, почему.

— Очередной поджог?

— Ага. Так что все, что мы знаем об обитателях детского дома на момент пожара — при котором большинство и погибло, — исходит из чахлого полицейского дела, собственно-то, в нем содержатся показания всего одного свидетеля — воспитательницы, которой удалось выжить. Кстати, на этот раз факт поджога установлен с достоверностью. Помимо приюта сгорели еще четыре здания, и вдобавок к тому, что во всех четырех были найдены баллоны с газом, под двери еще были подсунуты деревянные клинья.

— Что означает — целью было массовое убийство. Но, похоже, пожар стал лишь концом истории. А начало какое?

— Согласно показаниям воспитательницы, за пару лет до пожара, в одно зимнее утро, на крыльце приюта нашли очень странного ребенка. Сперва казалось, он вообще немой и совсем неразвитый. Но вскоре выяснилось, что он бегло говорит не только по-болгарски, но и по-русски, по-немецки и по-английски. Эта воспитательница даже решила, он какой-то полоумный вундеркинд по части языков — настолько хорошо он болтал. Так что она раздобыла для него учебники, какие смогла, и, само собой, в течение двух лет, что пацан там провел, он учил французский, турецкий и бог весть что еще.

— А он никогда не рассказывал воспитателям, откуда взялся?

— Утверждал, у него полная амнезия — ни малейших воспоминаний о том, что было до того, как он появился в приюте. Единственной его связью с прошлым были беспрестанные ночные кошмары. Что-то про карнавал и клоуна. В результате им пришлось укладывать

его на ночь в отдельной комнате, подальше от других детей — так часто он кричал во сне. Почему-то — может, из-за этого клоуна из кошмаров — воспитательница вбила себе в голову, что его мать была из какого-нибудь убогого бродячего цирка.

— Похоже, и впрямь необычный ребенок. Какие-нибудь предупредительные красные флажки перед пожаром не выскакивали?

— О, разумеется. И здоровенные. — Хардвик сделал театральную паузу: одна из его привычек, с которыми Гурни научился смиряться.

— Так ты мне расскажешь?

— Пара других воспитанников завели привычку его дразнить, из-за кошмаров. — Очередная пауза.

— Джек, ради бога...

— Они исчезли.

— Дети, которые над ним смеялись?

— Именно. Пропали с лица земли. И то же самое с медработником, который не верил в его амнезию и продолжал допытываться о его прошлом. Пропал. Никаких следов.

— Еще что-нибудь?

— Очередная чертовщина. Никто толком не знал, сколько парнишке лет, потому что за два года, что он там провел, он совершенно не изменился, не подрос, не начал выглядеть ни на день старше, чем при появлении.

— Как Питер Пэн.

— Вот-вот.

— Его в приюте так называли?

— В болгарских документах об этом ни слова.

Гурни быстро прокрутил всю историю в голове от конца к началу.

— Я кое-чего не понимаю. Откуда мы знаем, что этот приютский мальчишка и есть тот самый, которого усыновили Паникосы?

— А с точностью мы и не знаем. Воспиталка сказала, его забрала семья каких-то греков, но фамилию она не знала. Этим занимался другой отдел. Но приют сгорел в тот самый день, когда он уехал со своими новыми родителями, и почти все обитатели оказались заперты внутри и погибли.

Гурни молчал.

— О чем думаешь, Шерлок?

— Думаю, что кто-то ведь выложил сто кусков, чтобы напустить это маленькое чудовище на Карла Спалтера.

— А заодно на Мэри Спалтер, Гаса Гурикоса и Лекса Бинчера, — добавил Хардвик.

— Питер Пэн, — задумчиво проговорил Гурни. — Мальчик, который не вырос.

— Зашибись как затейливо, старичок, но куда, черт возьми, это нас приводит?

— Я бы сказал, это не приводит нас ни к чему — пребываем в полной неизвестности, дрейфуя к полному замешательству. Несколько красочных историй у нас есть, но твердо мы почти ничего и не знаем. Мы ищем профессионального убийцу, которого, возможно, зовут Петрос Паникос, или Питер Пэн, или как-нибудь еще. Имя, данное при рождении, неизвестно. Паспортное имя неизвестно. Дата рождения неизвестна. Национальность неизвестна. Родители неизвестны. Фактический адрес неизвестен. История арестов и приговоров неизвестна. Собственно говоря, неизвестно практически ничего, что могло бы нас к нему привести.

— Не стану спорить. И что теперь?

— Перезвони своему приятелю из Интерпола и умоляй о любых крошках, какие там могли завалиться в уголках дела, — особенно нужны сведения о семействе Паникосов, их соседях и любых прочих односельчанах, которые могли что-то знать о маленьком Петросе или как его там еще звали. Что угодно, от чего можно оттолкнуться. Пусть найдется хоть кто-нибудь, с кем мы могли бы поговорить...

— Очнись, мужик, это было двадцать пять лет назад. Да сейчас ни один хрен ничего не вспомнит, даже если мы кого и найдем. Вернись на землю.

— Скорее всего, ты прав. Но все равно свяжись с этим своим интерполовцем. В худшем случае он тебя пошлет. Впрочем, кто знает, какие еще факты могут всплыть.

Закончив разговор, Гурни некоторое время сидел, положив блокнот на колени и глядя на озеро. Вода стояла ниже обычного, обнажая скалистые стенки от уровня воды до кромки деревьев. На камнях валялись кучи плавника. По другую сторону узкого заливчика, тонувшего в глубоких предвечерних тенях, тянулись вверх из воды две корявые ветки. В памяти у Гурни зашевелились леденящие воспоминания о том, как еще совсем новичком он чуть ли не впервые побывал на месте обнаружения трупа: голого детского тельца, выброшенного на каменистую отмель Гудзона.

Не то воспоминание, на котором хочется задерживаться. Взяв блокнот, куда наскоро записал почти все, что рассказал Хардвик, Гурни перечитал заметки.

Он досадовал сам на себя. Досадовал, что позволил втянуть себя в это дело. Что до сих пор так недале-

ко продвинулся в расследовании. Заодно бесило отсутствие официального статуса. И обилие вопросительных знаков в блокноте.

Пожалуй, надо выпить еще кофе. Гурни завел машину и собирался уже направиться к Барливиллю, как снова позвонил Хардвик, еще более потрясенный, чем прежде.

— Ситуация изменилась. Если то, что мне удалось услышать, правда, возможно, Лекс Бинчер вовсе и не пропал.

— Бог ты мой! Теперь-то что?

— Парни из уюловки вместе с одним из местных копв нашли в воде под частным причалом Лекса тело. Одно только тело. Без головы.

— Они уверены, что это Бинчер?

— Я там не задержался настолько, чтоб это выяснить. Мне от этой пропавшей головы прямо дурно стало. Я выбрался из толпы, вернулся в машину. Надо было убираться, пока меня не вывернуло или пока кто-нибудь из уюловки не узнал меня и не сложил два и два — про меня, Бинчера и дело Спалтеров, — иначе я на пару недель застряну в комнате для допросов. А этого я допустить не могу. Когда такое дерьмо творится. Мне нужна возможность свободно передвигаться, делать то, что, черт возьми, нам придется делать. Пора убираться отсюда. Позвоню позже.

Гурни просидел на берегу водохранилища еще несколько минут, осмысляя новое положение вещей. Взгляд его снова скользнул над водой к тому куску плавника, что напомнил ему тело, выброшенное на скалы у края Гудзона. Теперь же искореженный кусок дерева напоминал ему не просто тело, а тело без головы.

Передернувшись, он завел мотор и двинулся к Уолнат-Кроссингу.

Глава 39

Жуткие твари

Ситуация с каждым часом становилась все мрачнее. Думая о поспешном бегстве Хардвика с места преступления — из страха, что его узнают и станут допрашивать, Гурни понял, что перед ним во весь рост встала проблема, размышлять о которой он до сей поры старательно избегал: когда именно заканчивается право проводить частное расследование в интересах клиента, а начинаются препятствия отправлению правосудия?

В какой момент он обязан поделиться с правоохранительными органами тем, что узнал о киллере, называющем себя Петросом Паникосом, и его возможном участии во все нарастающей цепочке убийств, связанных с делом Спалтера? Меняет ли ситуацию то, что причастность Петроса пока остается лишь предположительной, а не установлена точно? Уж верно, рассудил Гурни с толикой облегчения, он не обязан делиться с полицией своими догадками — у нее и своих наварняка хватает. Но так ли уж честен этот аргумент?

Этот внутренний разлад не давал ему покоя, пока он ехал через унылый маленький Барливилль. Кафе,

где он надеялся добыть кофе, оказалось закрыто. Гурни покатил дальше через поросшие лесом холмы, отделявшие городок от деревни Уолнат-Кроссинг, и дальше, к своему горному проселку. Раздумья его вылились в леденящий душу вопрос: а вдруг смерти в Куперстауне — лишь предвестие того, что грядет следом? Сколько можно утаивать результаты частного расследования, если в войне, судя по всему, объявленной Паникосом, будут гибнуть новые и новые люди?

Показавшийся в конце дороги почтовый ящик заставил его переключиться с Паникоса на Клемпера. Вправду ли тот, как намекает оставленное им сообщение, привез требуемую видеозапись? Или в ящике таится какой-нибудь менее приятный сюрприз?

Гурни проехал мимо ящика, припарковался возле сарая и пошел обратно пешком.

Он готов был рискнуть тысячей долларов, поставив на то, что никакой бомбы там нет, но жизнью рисковать готов не был. Приглядевшись к почтовому ящику внимательнее, он придумал способ открыть его с минимальным риском. Для начала надо найти палку — достаточно длинную, чтобы дотянуться до дверцы, прячась за стволом ели, росшей в нескольких шагах от почтового ящика.

После пяти минут поисков и нескольких неудачных попыток подцепить дверцу не вполне подходящей для этого веткой, он умудрился все-таки открыть ящик. Дверца распахнулась с легким звяканьем. Выждав несколько секунд, Гурни обошел ящик кругом и заглянул в него. Внутри не обнаружилось ничего, кроме одинокого белого конверта. Он вытащил его и смахнул крошечного муравья.

Конверт был адресован ему — подписан корявыми буквами. Ни штемпеля, ни марки. Сквозь бумагу прощупывалось что-то маленькое и прямоугольное, вполне возможно — флэшка. Осторожно открыв конверт, Гурни убедился, что не ошибся. Он сунул флэшку в карман, вернулся в машину и покатил к дому.

Часы на приборной доске показывали 4:38. Машина Мадлен стояла на обычном месте — он вспомнил, что Мадлен сегодня работала в раннюю смену: скорее всего, она вернулась домой около двух. Наверное, сидит и читает — очередная сизифова попытка одолеть “Войну и мир”. Он вошел в боковую дверь и окликнул: — Я дома.

Ответа не было.

По пути в кабинет, проходя через кухню, он окликнул жену снова, но ответа снова не получил и решил, что она, верно, по своему обыкновению отправилась прогуляться.

В кабинете он нажал клавишу на открытом лэптопе, пробуждая его от спячки, вытащил из кармана флэшку и воткнул в нужный разъем. Появившаяся на экране иконка была озаглавлена “2 дек 2011 08:00AM-11:59AM” — тот самый период времени, когда произошла стрельба. Войдя в меню за информацией, Гурни обнаружил, что крохотная флэшка имеет объем 64 гигабайта — более чем достаточно для записи того, что происходило в эти часы, даже в высоком разрешении.

Он кликнул по иконке. Открылось окно со списком из четырех видеофайлов, озаглавленных “Камера А (внутр.)”, “Камера В (вост.)”, “Камера С (зап.)”, “Камера D (юг)”.

Интересно. Четыре камеры наблюдения — необычайно высокий уровень безопасности для магазинчика в маленьком городке. Гурни предположил, что либо экраны были выведены на общее обозрение в качестве рекламы, как иногда ставят в ряд телевизоры — чтобы увеличить продажи, — либо же (эта возможность пришла ему в голову чуть позже) Косматый Гарри и его подружка занимались чем-нибудь порискованнее, чем простая торговля электроникой.

Поскольку обращенная на юг камера как раз должна была смотреть на кладбище “Ивовый покой”, именно этот файл Гурни выбрал в первую очередь. Он кликнул по иконке, открылось новое окно с видео и пультом управления: кнопками “Пуск”, “Пауза”, “Реверс” и “Стоп”, а также шкалой с движком — чтобы была возможность выбирать нужный момент на записи. Он нажал “Пуск”.

Увидел он именно то, что и надеялся увидеть. Так отчетливо, что даже не верилось! Разрешение оказалось великолепным, и вдобавок записавшая этот файл камера, судя по всему, была оснащена новейшими технологиями следования за движущимся объектом и автоматического увеличения при всплеске активности объекта. Ну и разумеется, подобно большинству камер, внедренных с систему безопасности, она включалась в ответ на движение, делая запись, только когда что-то происходило. По низу экрана шел индикатор реального времени.

То, что камера активировалась движением, означало, что обозначенный в заголовии файла период, номинально охватывающий четыре часа, на самом деле не весь заполнен событиями, поскольку содержит и ин-

тервалы неактивности камеры. На деле так оно и оказалось: первый час реального времени дал меньше десяти минут записи — на которую попали, по большей части, дисциплинированные владельцы собак, выведшие питомцев на прогулку, да одетые по-зимнему бегуны, которые осуществляли утренний ритуал на тропинке, шедшей вдоль низкой кладбищенской стены. Бледный зимний свет и чуть припорошивший землю легкий снег оживляли пейзаж.

Лишь после девяти утра камера среагировала на движение на самом кладбище. Через экран медленно ехал грузовой автофургон. Он остановился перед местом, в котором Гурни узнал семейный участок Спалтеров (или, если использовать терминологию Полетты Парли, “владение”). Из фургона выбрались двое мужчин в мешковатых комбинезонах. Распахнув заднюю дверцу, они принялись выгружать какие-то темные и плоские прямоугольники, как вскоре выяснилось — раскладные стулья. Рабочие аккуратно расставили их в два ряда перед куском темной земли — разверстой могилой, предназначенной для Мэри Спалтер. Чуть подровняв ряды стульев, один из рабочих установил в изголовье могилы переносную трибуну, а второй достал из фургона здоровенную метлу и принялся сметать снег с травы между стульями и могилой.

Пока шли все эти подготовительные работы, в поле зрения появился маленький белый автомобильчик, остановившийся позади автофургона. Хотя Гурни, конечно, не мог разглядеть лицо, совсем крошечное в рамке видео, у него возникло ощущение, что вылезшая из автомобильчика женщина в шубке и меховой шапке, которая жестикулировала, словно давая рабо-

чим указания, была Полетта Парли. Энергично пома-
хав метлой вокруг стульев и могилы, рабочие забрались
обратно в фургон, и тот исчез из поля зрения.

Женщина еще немного постояла, осматрива-
ясь вокруг с таким видом, точно проводила послед-
нюю инспекцию, а потом вернулась к машине, отогна-
ла ее подальше от лужайки и припарковала возле по-
битых морозом рододендронов. Видео продолжалось
еще с минуту, но затем прервалось и возобновилось че-
рез двадцать восемь минут реального времени, в 9:54 —
с появлением катафалка и нескольких автомобилей.

С пассажирского сиденья катафалка слез мужчи-
на в черном плаще. Женщина, которую Гурни считал
Полеттой Парли, снова показалась из своей маши-
ны и подошла к нему. Они обменялись рукопожатием
и коротко переговорили. Мужчина, на ходу жестикули-
руя, направился обратно к катафалку. Из лимузина вы-
шло человек шесть служителей в черных костюмах. От-
крыв заднюю дверь катафалка, они медленно извлекли
гроб и с натренированной плавностью понесли к мо-
гиле, где и поместили на подставку, удерживавшую его
на уровне земли.

По какому-то знаку, которого Гурни не разглядел,
из машин, припаркованных вдоль аллеи за катафалком,
начали выбираться остальные скорбящие, в зимних
пальто и шапках. Один за другим они двинулись к ря-
дам стульев возле могилы. Через некоторое время сво-
бодными оставались лишь два из шестнадцати мест —
по обе стороны от тройняшек, кузин Мэри Спалтер.

Высокий человек в черном пальто — предположи-
тельно, распорядитель похорон — занял позицию по-
зади гостей. Рядом с ним плечом к плечу встали шесть

служителей, поправив предварительно гроб на подставке. Полетта Парли остановилась в нескольких шагах от них.

Внимание Гурни было приковано к человеку на крайнем стуле первого ряда. К ничего не подозревающей будущей жертве. Часы внизу экрана показывали, что на кладбище “Ивовый покой” было 10:19 утра. А значит, Карлу Спалтеру оставалась всего одна минута. Одна минута той жизни, что у него была.

Гурни все переводил взгляд с Карла на часы и обратно, с болезненной остротой ощущая, как истекают, выветриваются время и жизнь.

Оставалось еще полминуты — полминуты до того, как пуля “Свифт” двадцать второго калибра, самая быстрая и точная пуля в мире, пронзит правый висок жертвы, вобьет острый осколок ему в мозг и положит конец любым его видам на будущее.

За долгую карьеру в полиции Нью-Йорка Гурни перевидал бесчисленное множество видеозаписей, на которых были запечатлены преступления, включая кражи, избиения, грабежи и убийства — на автозаправках, в винных магазинах, супермаркетах, прачечных, банкоматах.

Но сейчас все было совсем по-другому.

Человеческий контекст со всеми его сложными и напряженными внутрисемейными отношениями был куда шире. Эмоциональная насыщенность — выше. Умиротворение на месте происшествия — скорбящие, чинно рассевшиеся в два ряда, словно на семейном групповом портрете, — резко отличало этот случай от типичных сцен преступлений на видеозаписях. А про того, кому суждено было — всего через несколь-

ко секунд — получить пулю в голову, Гурни знал гораздо больше, чем обычно заранее знал про жертв с видео.

И вот наступил тот самый миг.

Гурни весь подался вперед к экрану компьютера, балансируя на краешке стула.

Карл Спалтер поднялся с места и повернулся к трибуне, установленной у дальнего конца разверстой могилы. Сделал шаг, оказавшись при этом прямо перед Алиссой. А потом, едва начав делать следующий шаг, внезапно качнулся вперед, словно бы споткнувшись, и завалился, по инерции движения преодолев в падении почти всю длину переднего ряда. Он упал лицом вниз и неподвижно распростерся на припорошенной снегом траве между гробом матери и стулом брата.

Йона и Алисса первыми вскочили на ноги. Вслед за ними — две пожилые дамы из “Старших сил” со второго ряда. Стоявшие за спинами у гостей служители тоже выскочили вперед. Полетта бросилась к Карлу, упала на колени и согнулась над ним. После этого разобрать, что происходит, стало трудно: все сгрудилось вокруг упавшего. По крайней мере трое присутствующих за последующие несколько минут вытащили телефоны и принялись звонить.

Гурни отметил, что, как и было указано в отчете о происшествии, в Карла стреляли ровно в двадцать минут одиннадцатого. Первые представители закона появились в десять двадцать восемь — местные полицейские из Лонг-Фоллса в патрульной машине. В следующие пару минут прибыли еще две машины, а вслед за ними — патрульный автомобиль. В десять сорок две приехала машина “скорой помощи” с командой медиков и припарковалась прямо перед местом происше-

ствия, начисто блокируя поле обзора видеокамеры, что сделало весь остаток записи начисто непригодным для Гурни. Даже первая машина без опознавательных знаков — скорее всего, на ней приехал Клемпер — остановилась по другую сторону от “скорой помощи” и скрылась из виду.

Наскоро промотав вперед остаток записи и не обнаружив больше ничего важного, Гурни откинулся на спинку кресла, обдумывая увиденное.

Помимо неудачно занятой “скорой помощью” позиции была и другая проблема. Несмотря на высокое разрешение камеры, способность объектива к многократному увеличению и автоматическое кадрирование, камера находилась слишком далеко от места действия, что накладывало определенные ограничения. Хотя Гурни и понимал, что там происходило, он сознавал, что понимание это отчасти базируется на том, что ему успели рассказать. Он давно уже принял для себя главный, хотя и идущий вразрез с интуицией принцип восприятия: “Мы не думаем то, что думаем, потому что видим то, что видим, — а наоборот, видим то, что видим, потому что думаем то, что думаем”. Предвзятое суждение легко искажает данные оптических наблюдений и даже заставляет нас видеть то, чего нет вовсе.

Так что сейчас Гурни требовались более четкие данные оптических наблюдений: он хотел убедиться, что предвзятость суждений не уводит его в сторону от истины. В идеале нужно бы отдать цифровой файл в продвинутую компьютерную лабораторию, чтобы выжать максимум разрешения, — но плата за отставку включала в себя и отсутствие допуска к подобным технологиям. Ему пришло в голову, что у Эсти, возможно,

имеется лазейка в полицейскую лабораторию, где она могла бы проделать эту работу без всяких там удостоверений или пропуска, предъявление которых могло бы выйти ей боком. Но не хотелось толкать ее на такое. По крайней мере, пока не исчерпаны менее рискованные возможности.

Взяв телефон, он позвонил Кайлу — кладезю информации в отношении всего, что касалось компьютеров, и чем более навороченных, тем лучше. Автоответчик предложил оставить сообщение, что Гурни и сделал: “Привет, сынок. У меня тут проблема из области цифровых технологий. По каналам официальной поддержки пользователей обратиться не могу. Дело вот в чем. У меня есть видеофайл с высоким разрешением, из записи можно было бы выжать больше сведений, если бы удалось применить цифровое увеличение, не теряя при этом четкости. Знаю, это противоречие, но мне кажется, бывают какие-то программы, которые это умеют... вот я и подумал, может, ты меня сориентируешь? Спасибо, сынок. Даже не сомневайся: что бы ты ни сказал, твои познания гораздо глубже, чем мои”.

Закончив звонок, он собрался было вернуться к началу видео и просмотреть запись еще раз, но тут обратил внимание на время в верхнем углу экрана. Было уже 5:48. Выбери Мадлен даже самый длинный из своих обычных маршрутов по лесу — тот, что вел через гребень Карлсон-Риджа, — ей пора бы уже давно вернуться.

Время ужина, а она никогда... *О боже! Ну конечно же!*

Он почувствовал себя идиотом. Ведь как раз сегодня ей полагалось уехать к Уинклерам! Слишком уж много всего случилось — и слишком быстро. Мозг

у него словно был переполнен сведениями, и каждая новая крупица информации напрочь вышибала что-то из старого. Пугающее наблюдение. Что еще он мог забыть?

Тут он внезапно вспомнил, что по дороге видел у дома машину Мадлен.

Если она у Уинклеров, какого черта ее машина тут?

Недоумевая, он набрал номер ее мобильного. Внутренняя тревога стремительно разрасталась.

К своему удивлению через несколько секунд он услышал, как телефон Мадлен звонит на кухне. Неужели она все-таки не уехала к Уинклерам? Может, она где-то в доме? Он громко окликнул Мадлен, однако ответа не получил. Выйдя из кабинета на кухню, он по звуку звонка нашел ее телефон: на столе рядом с плитой. Вот это уже и вправду странно. Она же никогда не уходит из дома без телефона. Гурни в полной растерянности посмотрел в окно, надеясь, что увидит, как Мадлен идет через луг к дому.

Но ее видно не было. Только ее машина. Что означало — она должна быть где-то поблизости: если только не уехала с кем-нибудь из друзей, заехавших за ней. Или если, упаси господь, с ней не приключилась какая-то беда и ее не увезли на “скорой”.

Он напряженно пытался вспомнить, не говорила ли она что-нибудь такое, что...

Легкий ветерок качнул стебли аспарагуса, на краткий миг чуть раздвинул их, и Гурни краем глаза заметил что-то яркое.

Вроде бы — розовое.

Стебли сомкнулись снова, и он уже начал сомневаться, вправду ли что-то видел.

Любопытство выгнало его из дома.

Обогнув заросли аспарагуса, он получил ответ на свой вопрос — а заодно и на второй, более важный. Мадлен в розовой футболке сидела на траве. Рядом, на участке рыхлой, словно бы недавно вскопанной земли, лежало несколько кусков голубоватого песчаника. За ними валялась на траве лопата, которой явно только что пользовались. Правой рукой Мадлен тихонько разравнивала темную землю у края камней.

Сперва она ничего не сказала.

— Мэдди?

Она подняла голову. Губы у нее были сжаты в тонкую, скорбную линию.

— Что случилось? Что с тобой?

— Гораций.

— Гораций?

— Кто-то из этих жутких тварей до него добрался.

— До нашего петуха?

Она кивнула.

— Из каких жутких тварей? — спросил Гурни.

— Не знаю. Наверное, из тех, о каких тогда Брюс рассказывал. Хорек? Или опоссум? Не знаю. А ведь он нас предупреждал. Надо мне было послушаться.

Она прикусила нижнюю губу.

— Когда это случилось?

— Сегодня, недавно совсем. Я вернулась домой и выпустила их из сарая немножко подышать свежим воздухом. День выдался такой чудесный. У меня было немного дробленой кукурузы, они ее обожают — так что они увязались за мной к дому. Прямо вот тут были. Бежали, клевали что-то в траве. Я вошла в дом за... не помню уже, за чем. И просто... — Она на миг умолкла и пока-

чала головой. — Ему ведь было всего четыре месяца. Он и кукарекать-то научился только-только. И так гордился собой. Бедненький малыш Гораций. А ведь Брюс нас предупреждал... предупреждал... что может случиться.

— Ты похоронила его?

— Да. — Она чуть подалась вперед, поглаживая рыхлую землю вокруг камней. — Не могла оставить его маленькое тельце просто валяться здесь. — Она шмыгнула носом и кашлянула, прочищая горло. — Наверное, он пытался защитить кур от хорька. Как ты думаешь?

Гурни понятия не имел, что и думать.

— Наверное.

Еще несколько раз погладив землю, Мадлен поднялась с травы, и они вместе вернулись в дом. Солнце уже начало опускаться за западный гребень. Склон холма напротив омывало то красновато-золотистое сияние, что длится лишь пару минут.

Станный это был вечер. Они наскоро и молча перекусили тем, что нашлось в холодильнике, и Мадлен устроилась в глубоком кресле у огромного пустого камина в дальнем конце длинной комнаты, рассеянно держа на коленях какое-то из своих вечно неоконченных вязаний.

Гурни спросил, не зажечь ли стоящий за креслом торшер, но Мадлен еле заметно покачала головой. Он уже собирался спросить, изменила ли она планы насчет фермы Уинклеров, как она сама поинтересовалась его утренней встречей с Малькольмом Кларетом.

Утренней?

Случилось столько всего, что казалось, он ездил в Бронкс с неделю назад. С трудом Гурни сумел сосре-

доточиться на этой поездке, встроить ее в прочие события сегодняшнего дня. Он начал с первого, что пришло на ум.

— А когда ты назначала мне встречу, Малькольм тебе не сказал, что умирает?

— Умирает?

— Да. Он в терминальной стадии рака.

— И все еще... о господи!

— В чем дело?

— Он ничего мне не сказал, во всяком случае, прямо, но... теперь припоминаю, он сказал, что надо назначить встречу как можно скорее. Я-то подумала, он потом будет плотно занят, вот и... О господи. Как он?

— Да все как прежде. Ну, то есть, он выглядит сильно постаревшим, страшно худой. Но очень... очень проныцателен.

Наступило молчание.

Мадлен заговорила первой.

— Так вы об этом говорили? О его болезни?

— Ой, нет, совсем не о том. Он, собственно, и упомянул-то о ней лишь в самом конце беседы. Мы, главным образом, разговаривали обо мне... и о тебе.

— И как, толковая вышла встреча?

— Думаю, да.

— Ты еще злишься, что я договорилась о приеме без твоего ведома?

— Нет. Оказалось, что оно того стоило. Во всяком случае, Кларет думал, оно того стоило. — Гурни все еще было трудно подобрать слова, чтобы описать, как эта встреча на него повлияла.

После короткой паузы Мадлен улыбнулась.

— Хорошо.

После следующей паузы, уже более продолжительной, Гурни задумался, не стоит ли снова поднять вопрос об Уинклерах и наконец обо всем договориться. Он по-прежнему хотел, чтобы Мадлен на некоторое время покинула дом. Но, пожалуй, с этим можно разобратся и утром.

В восемь часов она отправилась спать.

Чуть позже он последовал за ней.

Не то чтобы ему хотелось спать. Гурни вообще не-легко было бы сейчас определить, что именно он испытывал. Минувший день глубоко потряс, перегрузил, опустошил его. Для начала — беспощадная истина слов Кларета. Вдобавок еще и болезненные воспоминания о детстве в Бронксе. Потом — все нарастающий ужас рассказов Джека Хардвика из Куперстауна, а под конец горе Мадлен из-за смерти петуха — пусть потеря и могла показаться небольшой, Гурни подозревал, что на подсознательном уровне она перекликается у Мадлен с другой утратой.

Он вошел в спальню, разделся, лег рядом с женой и ласково взял ее за руку, не зная, как более внятно или уместно выразить сочувствие.

Часть третья

Все мировое зло

Глава 40

На следующее утро

Гурни проснулся в тяжком эмоциональном похмелье. Завязнув меж сновиденьями и раздумьями, сон его был слишком поверхностен и не справился с одной из жизненно важных своих функций: уложить сумбур фактов и впечатлений минувшего дня в упорядоченные кладовые памяти. Обрывки вчерашней сумятицы все еще крутились в голове, затмевая настоящее. Лишь приняв душ, одевшись, сварив себе кофе и присоединившись к Мадлен за столом, он наконец заметил, какой сегодня яркий и солнечный день.

Но даже это приятное наблюдение не оказало на него обычного ободряющего эффекта.

По радио передавали какой-то музыкальный отрывок, что-то для симфонического оркестра. Гурни терпеть не мог музыки по утрам, а в нынешнем его состоянии духа она тем более раздражала.

Мадлен подглядела на него поверх поставленной перед ней книги.

— Что такое?

— Да как-то слегка запутался.

Она опустила книгу.

— Дело Спалтеров?

— Наверное... главным образом.

— А в чем именно запутался?

— Фрагменты не складываются. Становится все беспорядочнее, все хаотичнее. — Он рассказал про звонки Хардвика из Куперстауна, правда, опустив при этом подробности про отрезанную голову — про это рассказывать у него просто духа не хватило. А завершил так: — Просто не понимаю, какого черта происходит. А у меня просто нет надлежащей информационной базы и технических ресурсов, чтобы разобраться с этим самостоятельно.

Мадлен закрыла книгу.

— С чем разбираться?

— Ну, выяснить, что происходит, и кто за всем этим стоит и почему.

Она пристально посмотрела на него.

— А разве ты еще не выполнил то, о чем тебя просили?

— Выполнил?

— У меня сложилось впечатление, что ты вполне успешно разнес в клочья обвинение против Кэй Спалтер.

— Ну да.

— Так что при апелляции ее приговор наверняка отменят. В том-то и была суть, разве нет?

— Ну да, была.

— Была?

— Просто сейчас словно весь ад с цепи сорвался. Эти новые убийства и поджоги...

— За этим-то и существует полиция, — перебила она.

— В первый раз у нее не особенно-то получилось разобраться. И мне кажется, они понятия не имеют, с чем столкнулись.

— А ты имеешь?

— Не то чтобы.

— Значит, никто не понимает, что происходит. А чья работа — выяснять это?

— Официально — бюро криминальных расследований.

Она вызываясь, склонила голову на бок.

— Официально, законно, логически — и во всех остальных отношениях.

— Ты права.

— Но?

После неловкой паузы Гурни произнес:

— Но он же настоящий псих.

— Знаешь, в мире полным-полно психов.

— Конкретно этот убивает с восьми лет. Ему нравится убивать. И чем больше народа, тем лучше. Кто-то напустил его на Карла Спалтера, а теперь черт не хочет убираться обратно в табакерку.

Мадлен посмотрела ему прямо в глаза.

— Выходит, опасность возрастает. На днях ты сказал, что существует примерно однопроцентная вероятность того, что этот тип может начать охотиться за тобой. Со всей очевидностью, это ужасное происшествие в Куперстауне сильно меняет дело.

— До некоторой степени, но мне по-прежнему кажется...

— Дэвид, — перебила она, — я вынуждена это сказать... Я знаю, что ты ответишь, но все равно должна это сказать. Ты можешь выйти из игры.

— Если я брошу расследование, он все равно никуда не денется. Только шансов его поймать станет меньше.

— Но если ты не будешь за ним охотиться, может, и он за тобой не придет.

— Голова у него вовсе не всегда работает так логично.

Мадлен смотрела на него встревоженно и растерянно.

— Судя по всему, что ты о нем рассказывал, он очень логичен и собран, всегда все точно планирует.

— Логичен, собран — и одержим стремлением убивать. Забавно обстоит дело с этими наемными убийцами. Кажется, они все такие хладнокровные и практичные — но в их мотивах нет ровным счетом ничего хладнокровного и практичного. И я не имею в виду деньги, которые они получают за выполненную работу. Это вторичное. Я встречал киллеров. Допрашивал их. И знаешь, кто они такие — по большей части? Одержимые и яростные серийные убийцы, сумевшие превратить свое безумие в хорошо оплачиваемую работу. Хочешь услышать кое-что совершенно нелепое?

Мадлен смотрела на него скорее с опаской, чем с любопытством, но он уже не мог остановиться.

— Когда Кайл был маленьким, я ему часто говорил, что один из ключей к счастливой жизни и хорошей карьере — это умение найти занятие, которое тебе так нравится, что ты готов им заниматься хоть бесплатно, а потом найти того, кто тебе будет платить. Мало у кого это получается. В основном это летчики, музыканты, актеры, художники и спортсмены. И наемные убийцы. Я вовсе не говорю, что профессиональные киллеры кончают жизнь в счастье и довольстве. На самом деле большинство из них умирает насильственной смертью или же в тюрьме. Но пока они занимаются своим ремеслом, оно им нравится. Большинство из них все равно убивали бы людей, даже если б им не платили.

Мадлен расстраивалась все сильнее.

— Дэвид, ради бога, к чему ты все это?

Он осознал вдруг, что рассказал больше, чем собирался.

— Только к тому, что если сейчас отстранюсь от дела, ни к чему хорошему это не приведет.

Видно было, как Мадлен из последних сил сохраняет спокойствие.

— Потому что ты уже попал на его радары?

— Возможно.

Голос у нее начал срываться.

— Все из-за этой гнусной передачи, “Криминального конфликта”. Из-за Бинчера, который почему зря твердил твое имя, привязал тебя к Хардвику. И из-за этого идиота Брайана Борка. Он заварил кашу, пусть он и расхлебывает. Пусть объявит, что ты в этом деле не участвуешь. Вышел из игры.

— Не уверен, что сейчас это спасет положение.

— Что ты хочешь сказать? Что ты — в который раз! — снова умудрился встать на пути маньяка-убийцы? И что теперь остается лишь ждать, пока вы с ним встретитесь?

— Именно этого я и пытаюсь *избежать* — достав его прежде, чем он достанет меня.

— Как?

— Выяснив про него все, что можно. Чтобы научиться предсказывать его действия лучше, чем он мои.

— Это схема такая, да? Типичная схема. Ты и он.

— Прости, что?

— Ты и он. Один на один. То самое состязание не на жизнь, а на смерть, в какие ты всегда влипаешь. Та самая ситуация, из-за которой мне хотелось, чтобы ты попал на прием к Малькольму.

Гурни так и онемел.

— Да нет же, на этот раз все совсем иначе. Я не один. Со мной еще люди.

— Да неужели? И кто же? Джек Хардвик, который тебя во все это втравил? Полиция, которой ты бросил вызов своим расследованием? Они тебе друзья и союзники? — Мадлен покачала головой, скорее даже — нервно передернулась и продолжала: — Да пусть весь мир встанет тебе на помощь, это все равно без толку. Все равно против него — только ты один. Всегда все сводится именно к этому. К моменту истины.

Он ничего не ответил.

Мадлен опустила в кресло, глядя на мужа. Постепенно на лице ее проступило озарение.

— Я наконец кое-что поняла.

— Что?

— На самом деле ты никогда не работал на нью-йоркскую полицию, правда? Никогда не считал себя простым сотрудником, рабочим инструментом своего отдела. Наоборот, ты считал отдел своим рабочим инструментом — и использовал его на твоих условиях, тогда, когда считал нужным, и как считал нужным для достижения своих целей.

— Мои цели и были целями полиции. Ловить преступников. Искать доказательства. Сажать негодяев в тюрьму.

Она продолжала, как будто не слыша его:

— Для тебя твой отдел был просто опорой. А настоящее состязание всегда шло между тобой и преступником. Ты и преступник — вплоть до открытого столкновения. Иногда ты пользовался ресурсами полиции, иногда нет. Но всегда считал это своей личной битвой, своим призванием.

Гурни слушал. Возможно, она была права. Возможно, его подход к жизни слишком узок, слишком ограничен лишь его собственной точкой зрения. Может, это большая проблема — а может, и нет. Может, причиной всему — химия его мозга, а уж над этим-то он точно не властен. Но чем бы это ни было, ему совершенно не хотелось это обсуждать. Он вдруг понял, что вся тема измотала его до предела.

Он сам не знал, что делать дальше.

Но надо же что-то делать. Пусть даже это ни к чему не приведет.

Он решил позвонить Адонису Ангелидису.

Глава 41

Предостережение

Когда Гурни позвонил по номеру, оставленному ему Ангелидисом, тот немедленно снял трубку. Гурни наскоро описал ему стремительно развивающуюся ситуацию, которая могла представлять для них обоих интерес, в результате чего было решено через два часа встретиться в “Одиссее Эгейском”.

Не желая покидать дом, пока не удостоверится, что Мадлен благополучно выдвинулась на ферму к Винклерам в Бакридже, Гурни обрадовался, обнаружив, что она собирает большую спортивную сумку в спальне.

— Корма курам хватит, воды тоже больше, чем достаточно, — проговорила она, запихивая носки в кроссовок. — Так что на этот счет не переживай. Но, может, ты будешь выносить им с утра мелко нарубленной клубники?

— Конечно, — рассеянно согласился он, практически не осознавая, о чем она просит. Его раздирали самые противоречивые чувства по поводу всей этой затеи с Уинклерами и ярмаркой. С одной стороны — удачно получилось, а с другой — все равно раздражает. Раздражает — потому что Уинклеров он недолюбливал, да вдо-

бавок, желая облегчить себе жизнь, они уговорили Мадлен провести целую неделю на ферме, задаром ухаживая за альпака. Но приходилось признать, что вообще-то вышло удачно, поскольку это дает Мадлен безопасное пристанище как раз в самый нужный момент. Ну и конечно, сама-то она обожала возиться с животными. Она вообще любила быть полезной, особенно когда дело касалось пернатых или мохнатых существ.

Занятый этими мыслями, он вдруг заметил, что она смотрит на него уже с другим выражением — мягче и непроницаемое.

На душе сразу стало легче. Он улыбнулся.

— Я тебя люблю, — сказала Мадлен. — Пожалуйста, береги себя.

Она протянула к нему руки, и они обнялись — так надолго и так крепко, что меж ними не осталось уже ничего, что требовалось бы облекать в слова.

Когда Гурни добрался до Лонг-Фоллса, перед рестораном было безлюдно, а в самом ресторане — еще пустыннее, чем в прошлый раз. Ни посетителя. Всего один работник — мускулистый официант с ничего не выражающим взглядом. В темном баре — тоже никого. Но, конечно, была лишь половина одиннадцатого, а навряд ли в “Одиссее” подавали завтрак. Гурни пришло в голову, что, скорее всего, сегодня ресторан открыли с утра исключительно в угоду Ангелидису.

Официант провел Гурни через бар, потом по темному коридору мимо двух туалетов и двух дверей без табличек к тяжелой стальной двери черного входа. Он приналег на нее плечом, и она со скрежетом подалась.

Официант отступил в сторону, жестом приглашая гостя пройти в обнесенный стеной яркий и красочный сад.

Он был одной ширины со зданием, сорок-пятьдесят футов, и по меньшей мере вдвое длиннее. Сад окружала глухая стена из красного кирпича, в дальнем конце были широкие ворота с двойными створками. Сейчас эти ворота были открыты нараспашку, обрамляя вид на реку, беговую дорожку и ухоженную безмятежность кладбища “Ивовый покой”. Почти такой же вид, что из той спорной квартиры в трех кварталах отсюда, только угол обзора другой.

Сад представлял собой очаровательное сочетание поросших травой дорожек, грядок с овощами и цветников. Официант указал на тенистый уголок, где стоял белый столик с двумя ажурными металлическими креслами, в одном из которых сидел Адонис Ангелидис.

Он кивнул подошедшему к столику Гурни на второе кресло.

— Прошу вас.

Появившийся из ниоткуда второй официант поставил на середину стола поднос с двумя чашечками черного кофе, двумя рюмками и почти полной бутылкой узо, анисового греческого бренди.

— Пьете крепкий кофе? — голос у Ангелидиса был низкий и хрипловатый, точно мурлыканье огромного кота.

— Да.

— Может, вам понравится с узо. Лучше сахара.

— Пожалуй, попробую.

— Хорошо добрались, да?

— Без проблем.

Ангелидис кивнул.

— Чудесный денек.

— Чудесный сад.

— Да. Свежий чеснок. Мята. Орегано. Славно. — Ангелидис сел поудобнее. — Чем могу помочь?

Гурни взял ту чашечку, что стояла ближе к нему, и задумчиво отпил кофе. По пути из Уолнат-Кроссинга он набросал в уме вступление к разговору, но теперь, когда он сидел лицом к лицу с одним из самых умных мафиози в Америке, оно казалось ему довольно-таки слабым. Однако попытаться все же стоило. Иной раз только и остается, что надеяться на удачу.

— Мне стала известна кое-какая информация, которая может вас заинтересовать.

Взгляд Ангелидиса выражал сдержанное любопытство.

— Разумеется, всего лишь слухи, — продолжал Гурни.

— Ну разумеется.

— Касательно отдела борьбы с организованной преступностью.

— Гнусные гады. Беспринципные насквозь.

— Я слышал, — произнес Гурни, отпивая еще глоток кофе, — что они пытаются повесить Спалтера на вас.

— Карла? Вот о чем я и говорил, видите? Гады! С какой бы мне стати убирать Карла? Говорил вам, он мне как сын. С какой бы мне стати такое делать? Мерзость!

Крупные руки — руки боксера — сжались в кулаки.

— По сценарию, что они пишут, вы с Карлом рассорились, и...

— Бред!

— Как я уже сказал, по их сценарию...

— Что такое, на хрен, сценарий?

— Гипотеза, история, которую они придумали.

— Вот именно, что придумали! Склизкие гады!

— По их гипотезе, вы с Карлом рассорились, и тогда вы через Жирдяя Гаса наняли киллера, а потом испугались и решили замести следы, избавившись от Гаса... возможно даже, сами это сделали.

— Сам? Они считают, это я ему гвозди в череп заколачивал?

— Я всего лишь пересказываю, что слышал.

Ангелидис откинулся на спинку кресла. Гнев в его глазах сменился расчетливостью.

— Откуда это у вас?

— План повесить убийство на вас?

— Да. От верхушки отдела борьбы с организованной преступностью?

Что-то в его тоне навело Гурни на мысль, что у Ангелидиса, вполне вероятно, имеются выходы на кого-то оттуда. На кого-то, кто должен быть в курсе всех основных инициатив.

— Насколько я слышал, нет. У меня сложилось впечатление, что шаги против вас намечаются откуда-то с краю. Неофициально пока. Пара ребят, у которых на вас зуб. У вас есть предположение, кто это может быть?

Ангелидис не ответил. Челюсти его напряглись. Он молчал долго, с минуту, а когда заговорил, голос у него звучал ровно.

— И вы приехали сюда из Уолната просто поделиться со мной этой информацией?

— Есть и еще кое-что. Я выяснил, кто этот киллер.

Ангелидис замер.

Гурни не спускал с него глаз.

— Петрос Паникос.

В глазах Ангелидиса что-то дрогнуло. Гурни сказал бы, что он пытается скрыть укол страха.

— Откуда вы знаете?

Гурни с улыбкой покачал головой.

— Лучше не рассказывать.

Ангелидис в первый раз за время их встречи обвел взглядом сад и кирпичную стену, остановившись на открытых воротах и виде на реку и кладбище за ней.

— Зачем вы явились ко мне со всем этим?

— Подумал, вдруг захотите помочь.

— С чем помочь?

— Я хочу найти Паникоса. Хочу арестовать его. Возможно, он, чтобы заключить сделку, расскажет, кто заказал Спалтера. А поскольку это не вы, отдел по борьбе с организованной преступностью может пойти и трахнуть сам себя. Вам ведь это понравится?

Ангелидис опустил массивные руки на стол и покачал головой.

— В чем проблема?

— Проблема? — С губ Ангелидиса сорвался короткий невеселый смешок. — В том, что вы намерены арестовать его. Ни хрена не выйдет. Поверьте мне. Вы просто не представляете, с кем имеете дело.

Гурни снова пожал плечами и поднял руки ладонями вверх.

— Может, тогда мне стоило бы узнать о нем чуть больше?

— Не чуть, а много больше.

— Так расскажите, чего я не знаю.

— Например?

— Как Паникос работает?

— Стреляет. Чаще всего в голову. Чаще всего в правый глаз. Или взрывает. Или поджигает.

— А его контракты? Как он их заключает?

— Через посредника. Агента.

— Вроде Жирдяя Гаса?

— Вроде Жирдяя Гаса. У Паникоса самая верхушка. Считанные люди в мире знают, как с ним связаться. Они и осуществляют посредничество. Переводят деньги.

— Инструкции он тоже от них получает?

— Инструкции? — Ангелидис утробно засмеялся. — Он получает имя, срок и деньги. Остальное на его усмотрение.

— Что-то я не улавливаю.

— Скажем, вы хотите кого-то убрать. Чисто теоретически. Для примера. Вы платите Питеру Пэну, сколько запросит. И объект убирают. И дело с концом. Как Питер его убирает — это уж Питерово дело. Никаких инструкций он не признает.

— Так позвольте прояснить вот что. Гвозди в голове Жирдяя Гаса — они, наверное, в условия сделки не входили?

Похоже, эта деталь заинтересовала Ангелидиса.

— Нет... не входили, я думаю. Если убийца — Питер, то нет.

— То есть, это было бы его личной инициативой, а не указанием клиента?

— Говорю же, он никаких указаний не принимает — только имена и деньги.

— Значит, эти все ужасы с Гасом — это, по-вашему, его идея?

— Вы меня слушаете? Он не принимает приказов.

— Так зачем ему тогда это понадобилось?

— Понятия не имею. В том-то и беда. Зная Паникоса и Гурикоса — никакого смысла не вижу.

— То есть, в предположении, что Паникос обеспоко-

ился, не знает ли Гурикос чего-то, что может ему повредить, смысла нет? Что он может проболтаться. Или что он уже проболтался?

— Вам надо понять одну вещь. Гас отмотал срок — огромный срок. Двенадцать долбанных лет в тюрьме в Атике, а мог бы выйти через два года. Если бы только назвал имя. Но он не назвал. А ведь тот тип до него не дотянулся бы. Так что о мести и речи не шло. Он это не из страха. А знаете, из-за чего?

Гурни слышал такие истории много раз — и знал основную идею.

— Из принципа?

— Именно, твою мать, из принципа. Стальные яйца!

Гурни кивнул.

— Вот потому-то я и гадаю — что толкнуло Паникоса на этакое зверство? Не сходится как-то.

— Я ж говорил — никакого, на хрен, смысла. Гас был, как Швейцария. Тихий. Ни с кем ни про кого не болтал. Общеизвестный факт. Секрет его успеха. Принципы.

— Хорошо. Гас был, как скала. А Паникос? Он-то какой?

— Питер? Питер... особенный. Берется только за то, что кажется невозможным. Страшно упертый. Высокий процент успешных дел.

— И все же...

— Что — все же?

— Слышится мне в вашем голосе некоторое отсутствие энтузиазма.

— Правда? — Ангелидис немного помолчал, а потом продолжил, тщательно подбирая слова: — Питер... его услугами пользуются только в... в совсем уж затруднительных случаях.

— Почему?

— Потому что при всех его талантах... есть еще доля риска.

— Какого, например?

Ангелидис состроил гримасу, точно узо готово было хлынуть обратно.

— КГБ в свое время убивало, подмешивая в еду жертвам радиоактивный яд. Страшно эффективно. Но использовать его надо очень и очень осторожно. Вот и с Питером то же самое.

— Паникос настолько опасен?

— Не поладите с ним — наживете врага.

Гурни задумался. От идеи, что у человека, поссорившегося с одержимым и безумным убийцей, могут возникнуть проблемы, хотелось громко смеяться.

— А вы слышали, что он любит поджоги?

— Возможно, и слышал. Часть всего комплекта, с каким вы имеете дело. А мне кажется, вы все никак не поймете, с чем столкнулись.

— Мне доводилось уже сталкиваться с крепкими орешками.

— Крепкими орешками? Смешно даже! Дайте-ка расскажу вам одну историю про Питера — поймете тогда про крепких орешков. — Ангелидис подался вперед, распластал ладони по столу. — Были два города неподалеку друг от друга. И в каждом — сильный человек. Что создавало проблемы — в основном, кто и на что имеет право в отношениях между этими двумя городами. Города росли, сближались, проблемы тоже росли. Много случалось всякого плохого. Эскалация. — Он старательно выговорил это слово. — Эскалация, куда ни глянь. Наконец уже ни о каком мире и речи не шло.

По-доброму не договориться. Ну и один из этих людей решает, что второго надо убрать. Решает нанять маленького Питера. Питер тогда только входил в ремесло.

— В ремесло наемного убийцы? — напрямик уточнил Гурни.

— Ага. Это его профессия. Словом, он выполняет заказ. Быстро, чисто, без проблем. И приходит за платой. К заказчику. А тот говорит — подожди, мол, наличных сейчас нет. Питер говорит, плати сейчас. А тот ему — обождешь. Питер говорит, его это огорчает. Тот над ним смеется. Тогда Питер берет и стреляет в него. Бах! И все.

Гурни пожал плечами.

— Не самая удачная идея — не платить киллеру.

Губы Ангелидиса на долю секунды дрогнули в хмурой усмешке.

— Не самая, это точно. Но это еще не конец истории. Питер идет домой к заказчику и стреляет в его жену и двоих детей. Потом отправляется в обход города — убивает брата и пятерых кузенов заказчика, их жен и все их семьи. Двадцать один человек. Двадцать одна пуля в голову.

— Да уж, реакция нехилая.

Рот у Ангелидиса распахнулся, блеснув рядом коронок, из горла вырвался резкий рокочущий звук — нервный смешок, каких Гурни еще слышать не приходилось.

— Да. Реакция нехилая. Забавный вы малый, Гурни. Нехилая реакция. Надо мне это запомнить.

— Правда, довольно рискованная затея — с чисто деловой точки зрения.

— Рискованная? Вы о чем?

— Ну, я бы не удивился, если б после того, как он убил двадцать одного человека только потому, что денег вовремя не заплатили, — потенциальные клиенты

не захотели иметь с ним дело. Предпочли бы кого-нибудь не столь... ранимого.

— Ранимого? Ну, Гурни, вы даете! Ранимый — отлично сказано! Но вы не понимаете: у Питера есть одно большое достоинство. Он уникален.

— В каком это смысле?

— Он берется за невыполнимое. За такое, от чего все остальные отказываются, про что говорят — невозможно, слишком опасно, объект слишком хорошо защищен — и прочую фигню. И тут в дело вступает Питер. Любит доказывать, что круче всех. Понимаете, о чем я? Питер — самородок. Мощнейшая мотивация. Несусветная решимость. Выполняет задание девять раз из десяти. Одна беда... нет-нет, да устроит еще дополнительную бойню по ходу дела.

Гурни еле сдерживался, чтоб не расхохотаться в голос над манерой объясняться своего собеседника. Но, подавив смех, спросил, серьезно нахмурившись:

— Можете привести пример?

— Пример? Ну, скажем, тот случай, когда его наняли убить объект на одном из этих современных скоростных паромов в Греции — а он не знал, как тот тип выглядит, знал только, что в указанное время он там будет. И знаете, что сделал Питер? Взорвал на хрен весь паром. Сотни людей погибли. Бойня по ходу дела. Но я вам вот что скажу — дело не только в этом... а в том, что ему это нравится. Пожары. Взрывы. Чем больше, тем лучше.

Рассказ Ангелидиса заставил Гурни о многом задуматься. Однако все возвращалось к одному главному вопросу: почему Паникос оказался самой подходящей кандидатурой для убийства Спалтера? Почему эта задача была такой уж невозможной?

Ангелидис прервал его размышления.

— Да, чуть не позабыл, еще кое-что... те, кто там был, об этом до сих пор рассказывают. Проняло их. Готовы услышать? — Это был не вопрос. — Догадайтесь, что делал Питер, носясь по всему городу и стирая на хрен с лица земли эти разнесчастные семьи. — Он сделал паузу, в глазах его сверкнуло возбуждение. — Угадайте.

Гурни покачал головой.

— Даже и пробовать не стану.

— Ну и ладно. Все равно не угадаете. — Он еще чуточку подался вперед. — Пел.

Перед тем как уходить из сада, Гурни снова выглянул в проем распахнутых ворот. Отсюда был виден участок Спалтеров — весь целиком, без мешающего столба.

Ангелидис нервно барабанил пальцами по столу.

Гурни повернулся к нему.

— А вы думаете о Карле, глядя отсюда на “Ивовый покой”?

— Еще бы. Думаю.

Глядя, как пальцы Ангелидиса выбивают дробь по металлической столешнице, Гурни спросил:

— Известие, что киллером был Паникос, не позволяет вам предположить, кто был убийцей?

— Еще бы. — Дробь оборвалась. — Это значит, убийца человек бывалый. Нельзя же просто полистать записную книжку, найти телефон Паникоса и заявить: “Эй, у меня для тебя работка есть”. Так дело не делается.

Гурни кивнул с таким видом, точно говорит сам с собой.

— Мало кто знает, как с ним связаться.

— Питер заключает контракты с пятью-шестью людьми по всему миру, не больше. И надо иметь определенное положение в обществе, чтобы их знать.

Между ними повисло молчание. После паузы Гурни спросил:

— Как, по-вашему, у Кэй Спалтер такое положение было?

Ангелидис уставился на него, явно удивленный этим вопросом, но лишь пожал плечами.

Уже собираясь уходить, Гурни задал последний вопрос.

— А что он пел?

Ангелидис посмотрел на него с недоумением.

— Паникос, когда убивал.

— А, да. Да какую-то детскую песенку. Как вы их там зовете?..

— Не знаете, какую именно?

— Да откуда бы? Розочки, цветочки, что-то этакое.

— Он пел детскую песенку про цветочки? Расхаживая по городу и всаживая жертвам пули в голову?

— Усекли наконец. Улыбаясь, как ангел, и распевая детскую песенку тонким девчачьим голоском. Кто это слышал — в жизни не забудет. — Ангелидис помолчал. — Вы вот что про него должны знать, это самое важное. В нем два разных человека уживаются. Один — весь из себя расчетливый, собранный и хладнокровный. А второй — отчаянный псих.

Глава 42

Пропавшая голова

Гурни остановился на первой же бензоколонке по дороге из Лонг-Фоллса в Уолнат-Кроссинг: заправиться, выпить кофе (к чашечке в “Одиссее” он почти не приоткрылся) и послать очередное электронное письмо Йоне Спалтеру. Письмом он решил заняться в первую очередь.

Сверившись с тоном и выбором слов прошлого своего послания, новое он нарочно сделал более нервным, беспокойным, смутным, тревожным — скорее, похожим на торопливое текстовое сообщение, чем на электронное письмо: “Нарастающий поток новых данных, коррупция очевидна. Отмена приговора и агрессивное новое расследование неизбежны. Ключевой вопрос — внутрисемейные конфликты? Возможно ли, что все очень просто: ПРОСЛЕДИ ЗА ДЕНЬГАМИ? Как финансовые трудности Киберцеркви могут отразиться на расследовании? Необходима срочная встреча для обсуждения новых фактов”.

Он перечитал свое послание дважды. Уж если эти неясность и тревожность не заставят Йону ответить,

то непонятно, что вообще может расшевелить его. Затем Гурни отправился в обветшалый магазинчик за кофе и бейглом. Бейгл оказался черствым и затхлым, зато кофе, на удивление ароматный, на миг подарил ему ощущение гармонии с миром.

Гурни собирался уже подъехать заправиться, но тут понял, что еще не сообщил Хардвику о встрече с Клемпером в “Риверсайд-молле” и о последующем появлении в почтовом ящике видео с камеры наблюдения в Лонг-Фоллсе, так что решил сперва заняться этим.

Включился автоответчик, и Гурни оставил сообщение: “Джек, я тебе еще не рассказывал, как с Клемпером-то дела. Мы с ним слегка обсудили разные варианты дальнейшего развития событий, одни из которых лично для него не так болезненны, как другие, — и пропавшее видео волшебным образом появилось у меня в почтовом ящике. Паршивец пытается подстелить соломки, чтоб мягче падать было, так что нам бы поговорить на этот счет. Да и видео ты посмотреть захочешь. Очевидных неувязок с рассказами свидетелей нет, но взглянуть стоит, уж это точно. Заезжай ко мне, как только сможешь”.

Это, в свою очередь, напомнило ему еще об одном срочном деле, до которого руки никак не доходили: необходимо просмотреть видео с остальных трех камер — особенно подписанных “Запад” и “Восток”, ведь они должны были отследить тех, кто подходил к дому или выходил из него. Прикидывая, как все эти новые сведения могут подстегнуть расследование, Гурни весь остаток дороги до дома гнал, превышая все ограничения скорости.

Однако, уже приехав, удивился, потом растерялся, а потом разволновался, увидев, что машина Мад-

лен стоит, где стояла утром, когда он уезжал в Лонг-Фоллс. Он-то думал, она отправится к Уинклерам через несколько минут после его отъезда.

Озабоченно хмурясь, он вошел в дом и обнаружил, что Мадлен стоит у раковины на кухне и моет посуду.

— Что ты тут делаешь? — в голосе его прорывались обвинительные нотки, но Мадлен пропустила их мимо ушей.

— Да ты только уехал, я уже в машину садилась, как приехала Мина на своем мини-вэне.

— Мина?

— Из нашего клуба йоги. Помнишь? Ты совсем недавно с ней ужинал.

— Ах, эта Мина.

— Ну конечно, эта — не так много других Мин мы и знаем.

— Ну да. Так значит, она прикатила на мини-вэне. И чего ради?

— Ну, как бы для того, чтобы осыпать нас дарами своего сада. Загляни в кладовку — кабачки, чеснок, помидоры, перец.

— Поверю тебе на слово. Но это ж было сколько часов назад. И ты до сих пор...

— Приехала-то она много часов назад, а вот уехала только пятнадцать минут как.

— Бог ты мой!

— Мина любит поговорить. Ты, может, заметил за ужином. Но если уж по-честному, у нее и вправду сейчас большие трудности — семейные проблемы, так что ей требовалось выговориться, излить душу. Я просто не могла оборвать ее на полуслове.

— И какие у нее проблемы?

— Бог ты мой, да все подряд — от родителей с Альцгеймером до брата в тюрьме за наркотики и кучи племянниц и племянников со всеми мыслимыми и немыслимыми психиатрическими диагнозами. Неужели ты и вправду хочешь все это выслушивать?

— Вероятно, нет.

— Словом, я накормила ее обедом, напоила чаем, а потом все началось по второму кругу. Ушла она только пятнадцать минут назад. Не хотелось оставлять тебе грязную посуду, вот я и мою. А ты как? Судя по виду, очень спешишь чем-то заняться.

— Хотел пересмотреть записи с видеокамер из Лонг-Фоллса.

— Записи с видеокамер? Ой, чуть не забыла! Ты знал, что Джек Хардвик тоже был на “РАМ-ТВ” вчера вечером?

— Где?

— На “РАМ-ТВ”. В той жуткой передаче с Брайаном Борком, “Криминальный конфликт”.

— Откуда ты..?

— Час назад звонил Кайл — спрашивал, видел ли ты.

— Последний раз Хардвик звонил мне из Куперстауна.. вчера днем. И даже не упоминал, что собирается..

Мадлен оборвала его.

— Лучше сам посмотри. Передача у них сейчас висит на веб-сайте, в архиве.

— Ты смотрела?

— Взглянула наскоро после того, как Мина ушла. Кайл сказал, нам надо посмотреть прямо срочно.

— Эээ... проблемы?

Она указала на дверь в кабинет.

— Их сайт уже открыт на компьютере. Посмотри, а потом сам скажешь, проблемы это или нет.

Судя по ее встревоженному лицу, сама она для себя выводы уже сделала.

Через минуту Гурни уже сидел за столом, глядя на дежурное выражение озабоченности на лице Брайана Борка и его тщательно уложенную прическу. Ведущий “Криминального конфликта” сидел в одном из двух кресел, что стояли друг напротив друга за низким столиком. Он весь подался вперед, словно собирался сказать нечто очень-очень важное. Второе кресло пока пустовало.

— Добрый вечер, друзья, — обратился он напрямую в камеру. — Добро пожаловать на реалити-шоу “Криминальный конфликт”. Сегодня мы намеревались снова пригласить к нам в студию Лекса Бинчера, несговорчивого адвоката, ошеломившего нас несколько дней назад отважной атакой на бюро криминальных расследований — атакой, предпринятой с целью отменить приговор, вынесенный Кэй Спалтер за убийство ее мужа. Лекс Бинчер назвал этот приговор вопиющей несправедливостью. Со времени его визита к нам это и без того сенсационное дело получило новый, шокирующий оборот. Последней каплей стала невероятная история о хаосе и трагедии в идиллическом селении Куперстаун в штате Нью-Йорк. История эта включает в себя поджог, многочисленные человеческие жертвы и зловещее исчезновение самого Лекса Бинчера, который должен был присоединиться к нам сегодня вечером. Вместо него о развитии событий расскажет Джек Хардвик — частный сыщик, работавший вместе с Бинчером. Он сейчас находится в нашей студии в Олбани.

Экран разделился на две части: левая показывала Борка, а правая — Хардвика в такой же точно обстанов-

ке в другой студии. Хардвик, одетый в обычную свою черную футболку-поло, казался вполне непринужденным — Гурни было хорошо знакомо деланное выражение любопытства на лице у Хардвика, за каким тот подчас скрывал гнев. Ярость, которую он испытывал по поводу всего, случившегося в Куперстауне, и презрение к Борку и “РАМ-ТВ” в целом, совершенно не прорывались наружу.

Однако Гурни интересовало другое: почему Хардвик вообще согласился выступить в программе, которую ненавидел всем сердцем?

— Прежде всего, — продолжал Борк, — спасибо, что приняли мое приглашение присоединиться к нам буквально в последний момент, да еще при столь драматичных обстоятельствах. Я так понимаю, вы приехали сюда прямиком с того жуткого места преступления на Отсего-лейк?

— Верно.

— Можете описать нам, что там происходит?

— Три дома на берегу сгорели дотла. Шесть человек сгорели заживо, в том числе двое маленьких детей. Седьмую жертву обнаружили в озере под небольшим причалом.

— Удалось ли опознать эту последнюю жертву?

— Возможно, для опознания потребуется некоторое время, — ровным голосом произнес Хардвик. — У погибшего нет головы.

— Вы сказали — нет головы?

— Именно.

— Убийца отрезал жертве голову? И что дальше? Есть ли хоть какие-то указания на то, куда делась голова?

— Возможно, убийца где-то ее спрятал. Или выкинул. Или забрал с собой. Ведется расследование.

Борк покачал головой с видом человека, не понимающего, куда катится этот мир.

— Ужасно, просто ужасно. Детектив Хардвик, я должен задать вам напрашивающийся сам собой вопрос. Как, по-вашему, возможно ли, что изуродованное тело принадлежит Лексу Бинчеру?

— Да, возможно.

— Следующий напрашивающийся сам собой вопрос: что, черт возьми, происходит? У вас есть хоть какая-то гипотеза, которой вы могли бы поделиться с нашими зрителями?

— Все очень просто, Брайан. Кэй Спалтер присудили срок на основании обвинения, сфабрикованного насквозь продажным полицейским. Она стала жертвой крупномасштабной подтасовки улик, искажения свидетельских показаний и полностью некомпетентной защиты. Само собой, ее осуждение очень порадовало настоящего убийцу — ведь он остался на свободе и может дальше заниматься своим смертоносным ремеслом.

Борк начал было задавать следующий вопрос, но Хардвик перебил его.

— Представители власти, вовлеченные в это дело, — не только бесчестный полицейский, упрятавший невинную женщину за решетку, но вся команда, стоящая за этим смехотворным судом и приговором, — вот кто по-настоящему виновен в бойне, что произошла сегодня в Куперстауне.

Борк помолчал, словно пораженный услышанным.

— Серьезное обвинение. Очень серьезное. Собственно говоря, такое обвинение не может не вызвать взрыв

негодования среди представителей органов охраны правопорядка. Вас это не пугает?

— Я вовсе не обвиняю всю структуру охраны правопорядка в целом. Всего лишь указываю на вполне определенных сотрудников этих органов, которые фальсифицировали доказательства и вступили в заговор с целью неоправданного ареста и осуждения Кэй Спалтер.

— У вас есть доказательства, подтверждающие все эти обвинения?

— Да, — ответил Хардвик, не раздумывая, мгновенно и уверенно.

— Поделитесь с нами?

— Со временем.

Борк задал ему еще несколько вопросов, безуспешно пытаясь добиться более конкретных деталей, но потом вдруг резко перевел разговор в другое русло и поднял тему, которую явно считал самой провокационной:

— Что, если вы добьетесь своего? Что, если скомпрометируете всех, кто, по-вашему, не прав? Что, если вашими стараниями Кэй Спалтер выйдет на свободу — а после вы узнаете, что она все-таки виновна в убийстве? Что вы тогда будете чувствовать?

Презрение Хардвика к Борку все же слегка просочилось, отразившись на выражении его лица, — в первый раз за интервью.

— Что я буду чувствовать? Да чувства тут вообще ни при чем. Зато знать я буду ровно то же, что знаю и сейчас, — что весь процесс отправления правосудия был проведен вкрявь и вкось. С начала и до конца. И те, кто за это в ответе, сами все знают.

Борк скосил глаза вверх, словно проверяя время, а потом перевел взгляд в камеру.

— Что ж, друзья, вы сами все слышали. — Его изображение разъехалось на весь экран, вытеснив Хардвика. Сделав лицо отважного свидетеля жутких событий, он пригласил зрителей обратить внимание на сообщения спонсора, а закончил так: — Оставайтесь с нами. Через две минуты мы вернемся с новостями о шумном скандале вокруг направленного в Верховный суд дела, связанного с нарушением репродуктивных прав. А тем временем — с вами Брайан Борк, ведущий “Криминального конфликта” — вашего ежевечернего пропуски в мир самых громких сражений на полях юриспруденции.

Гурни закрыл окно с видео, выключил компьютер и откинулся на спинку кресла.

— Ну и что ты об этом думаешь? — голос Мадлен за спиной, совсем близко, заставил его вздрогнуть.

Он обернулся к ней.

— Вот гадаю.

— О чем?

— Чего ради он появился в этой программе.

— В смысле, помимо того, что она предоставила ему удачную платформу для удара по врагам — тем, кто вышвырнул его с работы?

— Ну да, помимо этого.

— Подозреваю, у всех этих обвинений была какая-то цель помимо желания просто выпустить пар. Возможно, он хочет привлечь максимальное внимание средств массовой информации: собрать как можно больше репортеров, чтобы они рылись в деле Спалтеров и оно как можно дольше оставалось в поле зрения. Думаешь, все ради того?

— А может, хочет спровоцировать полицию, чтобы та подала на него иск за клевету и очернительство — иск,

который он наверняка выиграет? Или хочет загнать полицию Нью-Йорка в угол, зная, что замешанные лица не могут подать на него в суд, потому что он выиграет, — а настоящая его цель в том, чтобы заставить их кинуть Клемпера волкам на съедение.

На лице Мадлен отразился скепсис.

— Вряд ли у него уж настолько тонкие мотивы. Уверен, что это все не просто старый добрый гнев и желание кого-нибудь треснуть хорошенько?

Гурни покачал головой.

— Джек любит прикидываться тупым орудием. Но мозг, управляющий бейсбольной битой, тупым не назовешь.

Мадлен смотрела на него все так же скептически.

— Не скажу, что ему совсем уж чуждо желание отомстить, — продолжал Гурни. — Далеко не чуждо, это само собой. Он бесится оттого, что его выгнали с любимой работы люди, которых он презирает. Теперь, понятно, презирает еще сильнее. Он зол как черт и хочет поквитаться — чистая правда. Я просто хочу сказать, что он не дурак и может действовать куда хитрее, чем кажется на первый взгляд.

За этим высказыванием последовала короткая пауза, нарушенная Мадлен.

— Кстати, ты мне не рассказал об этом... последнем ужасе.

Он вопросительно посмотрел на нее.

Она передразнила его взгляд.

— По-моему, ты знаешь, о чем я.

— А. Это вот про голову? Нет... не рассказал.

— Почему?

— Как-то... показалось слишком гадко.

— Побоялся, я струхну?

— Ну как-то так.

— Управление информацией?

— Прости?

— Помнится, какой-то скользкий политикан объяснял, что никогда не обманывал, всего лишь управлял информационными потоками так, чтобы не смущать публику.

Гурни испытывал искушение возразить, что это совсем другая ситуация, что он-то скрыл про голову лишь из самых благородных побуждений, заботился, — но Мадлен вдруг подмигнула, словно отпуская его с крючка, и на место этому искушению тут же пришло новое.

Умные женщины всегда оказывали на него самый что ни есть эротический эффект, а Мадлен была очень умна.

Глава 43

Видеоулики

Слишком уж часто за свою детективную карьеру Гурни начинало казаться, что он жонглирует ручными гранатами.

Он, разумеется, понимал, что винить в нынешней ситуации некого, кроме себя. С самого начала ясно было, что, скорее всего, задача будет непредсказуемым образом деформирована в угоду личным планам Хардвика. И все же Гурни согласился участвовать, ведомый своей собственной одержимостью — одержимостью, которую Мадлен отчетливо разглядела и часто указывала на нее, тогда как сам он упорно твердил, что лишь возвращает долг. Самообманом уговорив себя присоединиться к труппе этого безумного, неуправляемого цирка, он теперь пожинал плоды: всю ту неразбериху, что неразделимо связана с подобным положением дел.

Гурни попытался было убедить себя в том, что его нежелание отступать от расследования теперь, когда отмена приговора Кэй была делом решенным, объясняется исключительно благородным стремлением дойти до истины, — но сам себе не поверил. Он знал, что его

заикленность на работе имела более глубокие корни, нежели просто благородные побуждения.

Пытался он убедить себя и в том, что душевный дискомфорт, испытанный им из-за нападков Хардвика на Майкла Клемпера (не названного по имени, но вполне легко опознаваемого), обусловлен еще одним возвышенным убеждением: что любые соглашения, пусть даже заключенные с самыми прожженными мерзавцами, священны. Но подозревал, что на самом деле причиной всему — запоздалое осознание того, что он пообещал Клемперу больше, чем в силах дать.

Он отчетливо понимал, что бессознательно снова завел себя в крайне опасное и уязвимое положение идти на попятную совершенно невозможно. И остается лишь один путь — вперед. Мадлен была права. Отрицать бессмысленно: это закономерность, стереотип. С ним явно что-то не в порядке. Однако само по себе осознание этого факта не давало ответа на вопрос, что делать дальше. Он видел лишь один путь — вперед и только вперед, с ручными гранатами и всем прочим.

Включив компьютер, Гурни открыл видеофайлы с камер магазинчика в Лонг-Фоллсе.

Потребовался почти час, чтобы найти то, что он надеялся найти, — изображение миниатюрного человечка, шагающего по Экстон-авеню по направлению к камере. Гурни проследил, как он — а возможно, она — скрывается в подъезде. Гендерную идентификацию затрудняла дутая зимняя куртка; на голове была широкая шерстяная повязка, закрывающая уши, лоб и линию роста волос; солнечные очки оказались здоровенными, а толстый зимний шарф укутывал не только шею, но и подбородок. Можно было разглядеть только ост-

рый, чуть крючковатый нос и небольшой рот — как у курьера “Цветов Флоренции”, которого Гурни видел в записях с камеры в “Эммерлинг Оукс”. Собственно говоря, повязка на голове, очки и шарф вроде бы такие же, как те, что были на прошлом видео.

Гурни отмотал видео примерно на минуту назад и снова проиграл тот кусочек, где подозреваемый шел по улице к подъезду. В отличие от записи из “Эммерлинг Оукс”, сейчас он был без цветов. Зато со свертком. Узким свертком трех-четырёх футов в длину, завернутым в красно-зеленую рождественскую бумагу и с большим декоративным бантиком посередине. Гурни улыбнулся. Самый невинный способ пронести снайперскую винтовку по улице в декабре.

Гурни посмотрел на отмеченное внизу экрана реальное время, когда незнакомец зашел в дом. 10:03 утра. Семнадцать минут до выстрела, сразившего Карла Спалтера.

В 10:22 — всего через две минуты после выстрела — тот же человек преспокойно вышел из здания и зашагал дальше по Экстон-авеню, прочь из поля видимости камеры.

Гурни откинулся на спинку кресла, обдумывая всю важность увиденного.

Во-первых, из всего этого напрашивался вывод, что стреляли и в самом деле из той квартиры, где было найдено ружье. Время ухода предполагаемого снайпера делало все прочие сценарии в высшей степени затруднительными, если не вовсе невозможными — что лишь усложняло загадку с фонарным столбом.

Во-вторых, подозреваемый с видео явно не был Кэй Спалтер. На Гурни нахлынула волна гнева про-

тив Клемпера, смыв заодно и все переживания по поводу нарушенного “соглашения”. Одной этой видеозаписи было более чем достаточно, чтобы снять обвинение с Кэй Спалтер. Эта улика, как минимум, обеспечивала повод для оправданного сомнения и поддерживала вполне правдоподобную альтернативную версию произошедшего, демонстрируя другого потенциального подозреваемого. Одной этой записи хватило бы, чтобы предотвратить осуждение и заточение Кэй. И сознательное утаивание столь весомого доказательства — по всей вероятности, в отплату за сексуальные утехы с Алиссой Спалтер — было уже не только преступным, но и непростительным.

И в-третьих, пора наконец перестать думать о подозреваемом с видеозаписей, сделанных на Экстон-авеню и в доме престарелых как о просто “неизвестном”. Пора уже начать называть его тем именем, что он сам себе выбрал, — Петрос Паникос.

Вот это оказалось нелегко. Что-то в голове отчаянно сопротивлялось идее связать хрупкую, почти изящную фигурку с букетом хризантем в одном случае и ярким рождественским свертком в другом — и буйного психопата из описаний Интерпола и Адониса Ангелидиса. Психопата, забившего гвозди в глаза, уши и горло Гаса Гурикоса. Психопата, поджегшего три дома в Куперстауне и погубившего шестерых ни в чем не повинных людей, а потом отрезавшего голову жертве.

О господи, а в тот вечер он тоже пел? Гурни даже думать об этом не хотел. Это принадлежало к миру ночных кошмаров — а сейчас было время размышлять более здраво. Время обменяться мыслями с Хардвиком и Эсти. Согласовать следующие шаги.

Взяв телефон, он стал звонить Хардвику. Собираясь оставить сообщение и очень удивился, когда тот ответил на звонок сразу же — и с ходу занял оборонительную позицию.

— Звонишь устраивать разборки из-за Борка?

Гурни решил, что этот разговор лучше отложить на потом.

— Подумал вот, надо встретиться.

— Зачем?

— Планирование? Координация? Сотрудничество?

Настала короткая пауза. Потом очередной — короткий на этот раз — приступ кашля.

— Ну ладно. Конечно. Когда?

— Как можно скорее. Например, завтра утром. Ты, я и Эсти, если сумеет вырваться. Пора выложить на стол все факты, вопросы и гипотезы. Может, как сложим все детали вместе, поймем, чего не хватает.

— Давай. — Голос у Хардвика, как обычно, звучал скептически. — И где?

— У меня.

— С чего вдруг?

Честно говоря, основная причина заключалась в том, что Гурни хотел восстановить хоть какое-то подобие контроля над ситуацией — ощутить, что твердо держит штурвал в руках. Но сказал он иное:

— У тебя дом уже продырявлен пулями. А у меня нет.

Без особого энтузиазма согласившись встретиться завтра в девять утра у Гурни дома, Хардвик вызвался передать сообщение Эсти, поскольку все равно собирался о чем-то с ней говорить. О чем-то личном. Гурни предпочел бы сам позвонить ей — опять же, ради этого обманчивого ощущения руки на штурвале, — но не мог

придумать убедительную причину, чтобы на этом настаивать.

Они закончили разговор. Ни один, ни другой так и не затронули ни вопрос “сделки” с Клемпером, ни то, как Гурни сослался на нее в последнем голосовом сообщении.

Когда Гурни вышел из кабинета, Мадлен как раз показалась из спальни. Перетащив собранную утром спортивную сумку в машину, она вернулась еще раз напомнить ему про клубнику для кур.

— Знаешь, — откликнулся он, — Оззи Бэггот, тот, что живет чуть ниже по дороге, просто-напросто раз в день выносит курам ведро всяких объедков — и они, похоже, прекрасно обходятся.

— Оззи Бэггот — гнусный маньяк. Он бы швырял отбросы на задний двор, даже если б там никаких кур и не было.

Немного поразмыслив, Гурни понял, что с этим не поспоришь.

Они обнялись, поцеловались, и она ушла.

Когда ее машина скрылась за сараем, последний краешек закатного солнца исчез за западным гребнем.

Глава 44

Азарт погони

Гурни снова вернулся к себе в кабинет. В сгущающихся сумерках лес выше по склону из многоцветно-зеленого превратился в тусклый серо-зеленоватый. Гурни невольно вспомнился склон напротив дома Джека Хардвика — склон, откуда прогремел выстрел, перебивший электрические и телефонные провода.

Мысли Гурни снова начали вращаться вокруг обрывков и кусочков дела Спалтеров — особенно тех, что не состыковывались с общей картиной. На ум пришло правило, которое упорно вдабливал им один из инструкторов продвинутого курса по интерпретации улики: “В конечном итоге кусочки, которые никуда не влезают, оказываются самыми важными”.

Вынув из ящика стола блокнот с желтой бумагой, Гурни начал писать — а через двадцать минут перечитал результат: список из восьми проблем.

По свидетельским показаниям, в момент выстрела потерпевший находился в таком месте, куда невозмож-

но было выстрелить из квартиры, где найдены орудие убийства и следы пороха.

Убийство матери жертвы с целью обеспечить присутствие жертвы на кладбище кажется вычурным планом. Возможно ли, что мать убили по другим причинам?

Профессионал, убивший Карла Спалтера, известен тем, что берется только за самые сложные задания. Почему Карл попал в эту категорию?

Если Кэй Спалтер не стреляла сама, могла ли она нанять убийцу?

Мог ли Йона нанять убийцу, чтобы получить контроль над “Спалтер Риэлти”?

Могла ли Алисса не только сговориться с Клемпером после убийства о том, чтобы свалить вину на Кэй, но и сама нанять убийцу, чтобы получить наследство?

Какую тайну должно было защитить убийство — и ритуальное изуродование — Гаса Гурикоса?

Возможно ли, что Карла убили в отместку за его собственную попытку кого-то убить?

Перебрав все эти восемь пунктов по очереди, Гурни стал сам себе противен — никакого прогресса, ни в чем.

Однако в деле со многими странностями есть достоинство, что уж если ты придумал версию, в которую все эти странности укладываются, можешь быть уверен: она верна. Можно придумать массу различных объяснений какому-нибудь одиночному загадочному обстоятельству, но едва ли сыщется больше одной версии, объясняющей и факт перекрытой линии выстрела из квартиры, и гротескное осквернение

Гаса Гурикоса, и удивительно своевременную кончину Мэри Спалтер.

Когда он через несколько минут выглянул в северное окно кабинета, лес напротив уже совсем потускнел и померк. Деревья и тонущий в них гребень превратились в однородную темную массу на фоне гранитно-серого неба. Надвигающаяся на холмы ночь заставила Гурни вновь вспомнить про нападение на дом Хардвика и про то, как снайпер скрылся по лесным тропам на мотоцикле.

В этот-то момент и раздался треск мотоцикла. Сперва Гурни принял его за плод своего воображения, но шум становился все громче и отчетливее. Гурни вышел из кабинета в кухню и выглянул в окно, уже понимая, что слышит и вправду самый настоящий мотоцикл, едущий вверх по холму. Через минуту свет мотоциклетной фары вывернул из-за сарая и двинулся вверх по неровной дороге через луг.

Гурни зашел в спальню, взял со столика у кровати “Беретту” тридцать второго калибра, загнал патрон в магазин, сунул пистолет в карман и подошел к боковой двери, выждал, пока мотоцикл остановится рядом с его машиной, а потом включил свет снаружи.

Атлетически сложенная фигура в черной мотоциклетной кожаной куртке и черном шлеме с закрывающим все лицо визором вытащила из бокового кофра узкий черный чемоданчик и, подойдя к двери, уверенно постукала кулаком в черной перчатке.

Только тогда Гурни, уже потянувшийся в карман за пистолетом, узнал шлем.

Его собственный шлем, оставшийся со времен его увлечения мотоциклами — это было лет тридцать то-

му назад. Шлем, который он несколько месяцев назад отдал Кайлу.

Включив свет в прихожей, он открыл дверь.

— Привет, пап! — Кайл протянул ему чемоданчик, одной рукой снял с головы шлем, а второй провел по коротким черным волосам — точно таким же, как у отца.

Они улыбнулись друг другу почти одинаковыми улыбками, хотя к выражению Гурни примешивалась легкая озадаченность.

— Я пропустил письмо или сообщение?

— Что я заеду? Нет. Это я экспромтом. Решил, что мне тут будет легче заняться твоим видео, чем дома, — чтобы ты видел, что я делаю, и можно было все отшлифовать, как тебе нужно. Это основная причина, по которой я приехал. Но есть и еще одна.

— Да?

— Лото из коровьих лепешек.

— Прости, что?

— Лото из коровьих лепешек — на этой вашей летней горной ярмарке. Ты не знал, что там на самом деле такое бывает? И сыр во фритюре. А в воскресенье после обеда женские гонки на выживание. И соревнование по метанию гигантских кабачков.

— Что-что?

— Это, про кабачки, я сам придумал. Но какого черта — тамошние развлечения куда страннее. В жизни не был на настоящей сельской ярмарке. С настоящими коровьими лепешками. Решил, пора уже наконец. А Мадлен где?

— Долгая история. Гостит у друзей. Помогает с ярмаркой и... ну, ну вроде предосторожности. Потом

расскажу. — Он шагнул назад и придержал дверь открытой. — Входи, входи, снимай все это мотоциклетное барахло и устраивайся. Ты ужинал?

— Съел бургер и йогурт на заправке в Слоутбурге.

— Это ж больше сотни миль отсюда. Хочешь, приготовлю нам омлет?

— Класс. Спасибо. Я тогда притащу вторую сумку и переоденусь.

— Так что ты упомянул за предосторожности?

Гурни совсем не удивился тому, что через двадцать минут, когда оба они уселись есть, Кайл первым делом задал именно этот вопрос.

Не поддаваясь первому побуждению — приуменьшить опасность, Гурни напрямик описал нападение на дом Хардвика и зверскую бойню в Куперстауне. Раз уж он собирается уговаривать Кайла уехать домой или в какое-нибудь еще безопасное место — не сейчас, так хотя бы с утра, — нет смысла смягчать ситуацию.

Сын слушал с тихой тревогой, но и с заметным возбуждением, какое нередко вызывает у молодежи намек на опасность.

После еды Кайл водрузил на обеденный стол свой laptop, и Гурни дал ему флэшку с видеофайлами с Экстон-авеню. Отец с сыном вычленили два коротких отрывка, которые Гурни хотелось обработать и рассмотреть повнимательнее. Первый — на кладбище, с того момента, как Карл поднимается со стула, и до того, как он валится лицом вниз с пульей в голове. Второй — с улицы, там, где миниатюрная фигурка, которую Гур-

ни считал Петросом Паникосом, входит в дом с праздничным свертком, в котором, скорее всего, спрятана винтовка, позже найденная в квартире.

Кайл вглядывался в изображение на экране.

— Ты хочешь раздуть изображение с минимальной программной интерполяцией?

— Можешь повторить?

— Раздувая изображение, ты как бы растягиваешь имеющиеся цифровые данные. Изображение становится крупнее, но и более размытым, потому что так у тебя меньше информации на квадратный дюйм. Специальные программы могут скомпенсировать этот эффект, делая предположения и заполняя бреши, так что картинка становится более резкой и выравнивается. Однако тем самым вносится и элемент ненадежности — потому что не все, что есть на усовершенствованном изображении, присутствовало в оригинале. Чтобы компенсировать размытие, образующееся в результате увеличения, программа берет не исходные данные, а расчетные из числа наиболее вероятных.

— И что посоветуешь?

— Я бы посоветовал выбрать разумный компромисс между четкостью увеличения и надежностью данных, из которых оно состоит.

— Отлично. Тогда ориентируйся на тот баланс, какой сочтешь разумным.

Гурни улыбнулся не только тому, как его сын разбирается в теме, но и возбуждению в его голосе. Типичный пример поколения подростков детей чуть под тридцать, рожденных с природной склонностью ко всему компьютерному.

— Дай мне немножко времени, надо кое-какие тесты запустить. Я тебя позову, когда будет достигнут хоть какой-то результат, на который можно смотреть.

Кайл открыл панель управления программой, выбрал одну из иконок для увеличения, но вдруг остановился и посмотрел на Гурни, который как раз нес тарелки из-под омлета к раковине. А потом задал совершенно неожиданный вопрос:

— Если не считать расследований сенсационных убийств и всего такого прочего, как вы тут?

— Как мы тут? Ну, неплохо, наверное. А почему ты спрашиваешь?

— Такое впечатление, что ты занимаешься своим делом, а Мадлен своим.

Гурни медленно кивнул.

— Пожалуй, что и так. Мои дела и ее дела. В целом совершенно независимые друг от друга, но по большей части совместимые.

— И тебе это нравится?

Ответить на этот вопрос оказалось на удивление трудно.

— Нам так удобно, — наконец произнес Гурни, но ему самому стало неприятно, до чего механически прозвучал ответ. — Как-то слишком уныло и прагматично я сказал, я не то имел в виду. Мы любим друг друга. Нас тянет друг к другу. Нам нравится вместе жить. Но головы у нас устроены по-разному. Я как воткнулся во что-нибудь, так уже там и застреваю. А Мадлен умеет смещать фокус внимания на то, что перед ней вот прямо сейчас, — отдавать этому все внимание, приспосабливаться к моменту. Она всегда здесь, если понимаешь, о чем я. Ну и конечно, она куда открытее меня.

— Как и большинство людей. — Широкая ухмылка Кайла смягчала едкость фразы.

— И то правда. Так что по большей части мы занимаемся каждый своим. Или она что-то делает, а я о чем-то думаю.

— В смысле, она хлопочет снаружи и задает корм курам, а ты сидишь внутри и размышляешь, кто изрубил в куски труп из мусорного бака?

Гурни засмеялся.

— Не совсем. Когда Мадлен в клинике, она занимается тем, что происходит там — те еще ужасы, — а когда она тут, она занимается тем, что происходит тут. А я все больше сижу у себя в голове, поглощенный какой-нибудь актуальной проблемой, — где бы ни находился физически. Вот в чем разница между нами. Опять же, Мадлен проводит очень много времени, рассматривая что-то, делая что-то, узнавая что-то. А я — размышляю, анализирую, строю гипотезы. — Он помолчал и пожал плечами. — Наверное, каждый из нас занимается тем, от чего больше всего чувствует себя живым.

Кайл некоторое время просидел, задумчиво нахмурившись, словно пытался вникнуть в отцовский образ мышления, чтобы лучше понимать, о чем тот думает. Наконец он снова повернулся к экрану.

— Начну, пожалуй, а то как бы не оказалось труднее, чем я предполагал.

— Удачи.

Гурни вернулся к себе в кабинет, открыл электронную почту и пробежал взглядом пару дюжин накопившихся с утра писем. Одно из них привлекло его внимание. Отправитель именовался просто “Йона”.

Письмо было написано в ответ на просьбу Гурни встретиться и обсудить ход расследования.

“Я заинтересован в том, чтобы предложенный Вами разговор состоялся как можно скорее. Однако мое местоположение сейчас исключает возможность личной встречи. Предлагаю завтра в 8 утра поговорить при помощи интернета. Если такой вариант Вас устраивает, вышлите мне, пожалуйста, свое имя для связи по интернету. Если у Вас еще нет аккаунта, сгрузите программу со скайпа. Жду Вашего ответа”.

Гурни немедленно принял приглашение. Скайп у них на компьютере уже стоял — Мадлен установила его по просьбе живущей в Риджвуде сестры, когда они только переехали в горы. Щелкая по слову “Отправить”, он вдруг ощутил легкий прилив адреналина — будто что-то наконец изменится.

Нужно было подготовиться. До разговора в восемь утра оставалось меньше двенадцати часов. А в девять ему с Хардвиком и, надо надеяться, с Эсти, предстояло встретиться, чтобы поделиться новостями и идеями, еще раз попробовать разобраться в деталях дела.

Открыв сайт Церкви Киберпространства, он на сорок пять минут погрузился в незамысловатую ура-позитивную философию Йоны Спалтера и уже начал приходить к выводу, что тот — настоящий гений слащавости, этакий Уолт Дисней от самосовершенствования, как из соседней комнаты раздался голос Кайла:

— Пап? По-моему, все, что можно было из этого видео выжать, я выжал.

Гурни уселся за обеденный стол рядом с сыном. Кайл кликнул по иконке, и начал проигрываться усовершенствованный вариант записи с кладбища: уве-

личный, более резкий и на половинной скорости. Все было, как и запомнилось Гурни с первого раза, — только яснее и крупнее. Карл сидел на самом правом сиденье в первом ряду. Он поднялся, повернулся к трибуне по другую сторону могилы, шагнул вперед мимо Алиссы, начал было второй шаг, но дернулся, завалился в ту сторону, куда шел, и упал лицом вниз — как раз за последним стулом противоположного конца ряда. Йона, Алисса и представительницы “Старших сил” вскочили на ноги. Полетта бросилась вперед. Распорядитель и его помощники кинулись в обход кресел.

Гурни наклонился ближе к экрану и попросил Кайла поставить на паузу. Ему хотелось разглядеть выражения на лицах Йоны и Алиссы, но таких подробностей видно не было. Даже при увеличении лицо упавшего наземь Карла выглядело просто абстрактным профилем. Около линии волос на виске темнела точка — возможно, входное отверстие пули, а возможно — просто грязь, тень или какой-то дефект самого изображения.

Гурни попросил Кайла снова проиграть этот сегмент, надеясь на внезапное озарение. Но озарения не последовало. Гурни попросил проиграть в третий раз, пристально вглядываясь в голову Карла сбоку в тот миг, как тот повернулся к трибуне, сделал первый шаг, начал второй и, стремительно набирая скорость, завалился вперед. То ли от ветра на кладбище, то ли от резкого движения волосы у Карла растрепались, так что темное пятнышко было невозможно разглядеть, пока он не ударился головой о землю и не замер у ног Йоны.

— У ФБР наверняка есть программы, которые дали бы тебе изображение получше, — извиняющимся тоном заметил Кайл. — Я из своей выжимал все, что мог, но толковой картинки так и не выжал.

— Что ты, это гораздо лучше, чем было. Давай посмотрим вид с улицы.

Кайл закрыл несколько окон, открыл новое и нажал иконку запуска. Поскольку на этом видео объект находился гораздо ближе к камере и с самого начала занимал больше места на экране, то и изображение вышло куда более четким и детальным. Предполагаемый убийца Мэри Спалтер, Карла Спалтера, Гаса Гурико-са и Лекса Бинчера прошел по Экстон-авеню и вошел в дом. Гурни очень хотелось бы, чтобы лицо у него было не как закутано. Но, разумеется, убийца специально прятал лицо.

Кайл, похоже, думал о том же.

— Не очень-то много материала он дал нам для плаката “Разыскивается полицией”.

— Ни для плаката, ни для программы распознавания лиц.

— Потому что глаза прячет за этими огромными очками?

— Именно. Форма глаз, положение зрачков, уголки глаз. А шарф скрывает очертания подбородка. А повязка на голове — уши и линию роста волос. Ничего не осталось. Алгоритму распознавания просто работать не с чем.

— И все же, сдастся мне, если я это лицо еще увижу, то узнаю — по очертаниям рта.

Гурни кивнул.

— Рот и нос — насколько мне удалось разглядеть этот нос.

— Ну да, и нос. Этакий долбанный птенчик... прошу прощения за лексику.

Они сидели рядом на стульях, вглядываясь в экран. В почти полностью спрятанное лицо одного из необыкновеннейших убийц в мире. Петрос Паникос. Питер Пэн. Фокусник.

Ну и конечно, нельзя забывать и последнее определение, которое дал ему Донни Ангел: отчаянный псих.

Глава 45

От греха подальше

— Так что ты думаешь? — Кайл вопросительно поглядывал на отца, держа обеими руками кружку с горячим кофе и упершись локтями в стол.

— Насчет видео? — Гурни сидел по другую сторону круглого стола и держал свою кружку точно так же, грея ладони. За ночь температура упала почти на двадцать градусов — от семидесяти с небольшим до пятидесяти: обычное дело в северо-западной части Катскильских гор, куда осень нередко наведывается уже в августе. Низкие тучи скрывали солнце, которому при других обстоятельствах в это время, четверть восьмого утра, пора было бы уже появиться над восточным гребнем.

— Думаешь, они помогут тебе добиться... чего ты там хочешь добиться?

Гурни медленно отхлебнул из кружки.

— Отрывок записи с кладбища нам дает пару вещей. Точно устанавливает место, где находился Карл, когда в него попала пуля, — а поскольку прямая линия к этой точке из квартиры блокирована, то это опровергает по-

лицейскую теорию о том, откуда стреляли. А тот факт, что видео с самого начала находилось в руках полиции — в руках Клемпера, — будет поддерживать обвинение в утаивании доказательств.

Он на миг умолк, вспомнив о разговоре с Клемпером в “Риверсайд-молле”, но поймал на себе любопытный взгляд Кайла и продолжил:

— Отрывок записи с улицы полезен сразу в двух отношениях: тем, что на нем видно, — и тем, чего не видно. Тот простой факт, что на нем не зафиксировано, как в здание входит Кэй Спалтер, станет важным аргументом для линии защиты. Так что, как минимум, видео поддерживает очень серьезное обвинение в утаивании улики и злоупотреблении служебным положением.

— Тогда почему... почему ты не радуешься?

— Не радуюсь? — Гурни замялся с ответом. — Наверное, обрадуюсь, когда мы наконец подберемся к конечной точке.

— А что это за конечная точка?

— Ну это смотря на какую цель смотреть.

— В смысле?

— Есть заявленная цель всей команды, а есть цель Хардвика.

— И они не совпадают?

— Ну разумеется, нет. Так было бы слишком все просто. — Сам удивляясь раздражению в собственном голосе, Гурни чуть помолчал, прежде чем продолжать. — Общая согласованная цель — добиться, чтобы Кэй оправдали на том основании, что ей был вынесен несправедливый приговор. Эта цель уже практически достигнута — в том отношении, что найдено достаточно улик, чтобы обеспечить пересмотр дела и, скорее всего,

отмену приговора. Однако личная цель Джека состоит в том, чтобы отомстить — как можно сильнее насолить уволившей его организации, — и одному богу известно, когда он сочтет эту цель достигнутой.

Кайл медленно кивнул.

— А твоя-то цель в чем?

— Мне хочется узнать, что произошло на самом деле.

— В смысле, выяснить, кто убил Карла?

— Да. Потому что на самом-то деле это главное. Если Кэй невиновна, значит, кто-то другой желал смерти Карла и нанял Паникоса. И я хочу знать — кто. А сам этот маленький наемный убийца, нажавший на спусковой крючок? Он ведь по ходу дела прикончил уже девятих — не считая десятков людей, которых он убил прежде. И всякий раз умудрялся выйти сухим из воды и продолжать по накатанной. Не хотелось бы, чтоб он и на этот раз ушел.

— Как, по-твоему, ты близок к тому, чтобы его остановить?

— Сложно сказать.

Кайл не сводил с него умного, вопросительного взгляда, явно ожидая ответа потолковее. Но как ни пытался Гурни найти этот ответ, слова ускользали. Спас его звонок мобильного.

Звонил Хардвик. Как всегда, он не стал тратить времени на приветствия.

— Получил твое сообщение про видеосвязь с Йоной Спалтером. Где он, черт возьми?

— Понятия не имею. Но уже то, что он захотел поговорить хотя бы по скайпу, лучше, чем ничего. Хочешь подъехать к восьми, а не к девяти, и тоже поучаствовать?

— Раньше девяти не могу. Эсти тоже. Но мы оба безгранично верим в твое умение вести допрос. У тебя есть программа, чтобы записать разговор?

— Нет, но могу скачать. Хочешь, чтобы я задал какой-нибудь конкретный вопрос?

— А то! Спроси, не он ли нанял киллера, чтобы грохнуть братца.

— Блеск идея. Еще советы будут?

— Ага. Не провали все. В девять увидимся.

Гурни сунул телефон обратно в карман.

Кайл с любопытством наклонил голову.

— Что тебе надо скачать?

— Какую-нибудь программку для аудио и видеозаписи, которая совместима со скайпом. Можешь помочь?

— Скажи мне свое имя и пароль в скайпе, прямо сейчас все и сделаю.

Снабженный необходимыми сведениями Кайл отправился в кабинет, а Гурни улыбнулся его пылкой готовности помочь — а заодно и простой радости оттого, что он дома. И в который уже раз задумался, почему же они видятся так мало и редко.

Было время, когда ему казалось, будто он знает причину редких встреч — и кульминация этого периода прилась на ту пору два года назад, когда Кайл зарабатывал бешенные деньги на Уолл-стрит, куда его протаскил приятель по колледжу. Тогда Гурни был убежден, что прилагающийся к этому роду деятельности желтый “Порше” служит несомненным доказательством того, что в мальчике взяли верх унаследованные от матери Кайла, брокера по операциям с недвижимостью, гены одержимой погони за деньгами. Теперь же он подозревал, что это было всего лишь удобным домыслом, изви-

нявшим его собственное куда более глубокое и менее объяснимое неумение достучаться до сына. Он говорил себе: все потому, что Кайл напоминал ему бывшую жену и во многих других неприятных чертах — жестах, интонациями, выражением лица. Но и это тоже могло быть лишь предлогом. Между матерью с сыном было больше различий, чем сходств, да и если бы дело обстояло иначе — мелочно и нечестно отождествлять их друг с другом.

Иногда Гурни думал, что настоящее объяснение не так уж и сложно: защита его собственной весьма своеобразной зоны комфорта. Другие люди в эту зону комфорта не допускались. Именно этим упреком и припечатала Гурни много лет назад Джеральдина, его девушка в колледже, в тот день, когда бросила его. Рассматривая проблему под этим углом, Гурни видел в своем явном нежелании общаться с сыном лишь еще один симптом природной интровертности. Ничего особенного. Вопрос закрыт. Но едва он успокаивался на этой мысли, где-то на кромке уверенности начинало покусывать крохотное сомнение. Способна ли интровертность сама по себе объяснить, до чего же мало они видятся с Кайлом? Постепенно это легкое покусывание перерастало в гложущую тревогу. А потом — в вопрос, ответа на который не существовало: а вдруг присутствие одного сына всякий раз напоминало ему, что когда-то сыновей было двое — и было бы двое по сей день, если бы только...

Кайл снова появился в дверях кухни.

— Готово. Я оставил экран открытым. Все предельно просто.

— О, чудесно. Спасибо.

Кайл смотрел на него с любопытной улыбкой. Гурни вспомнилось выражение, что подчас появлялось на лице Мадлен.

— О чем думаешь?

— О том, как тебе нравится все распутывать. Как это важно для тебя. Пока программа загружалась, я тут думал... если бы полицейским была Мадлен, она стремилась бы решить головоломку, чтобы поймать преступника. А вот ты, по-моему, стремишься поймать преступника, чтобы решить головоломку.

Гурни улыбнулся: не столько своей роли в этом сравнении — она как раз не выглядела особо лестной, — сколько тому, что Кайлу хватило проницательности это заметить. У мальчика неплохие мозги — Гурни это радовало. Он ощутил прилив товарищеских чувств.

— А знаешь, что я думаю? Что ты используешь слово “думать” почти так же часто, как я.

Не успел он договорить, зазвонил телефон. Гурни отправился в кабинет, чтобы взять трубку. Это оказалась Мадлен — словно Кайл вызвал ее, упомянув ее имя.

— Доброе утро! — голос у нее звучал жизнерадостно. — Как дела?

— Отлично. А ты там как?

— Мы с Дейдре и Деннисом только позавтракали. Апельсиновый сок, черника, гренки и... бекон! — Последнее слово было исполнено притворной вины за притворное прегрешение. — Пойдем сейчас проведать животных и готовить их к перевозке на ярмарку. Собственно, Деннис уже там, в загончике, машет нам тоже выходить.

— У вас там, похоже, весело, — отозвался Гурни без особого веселья в голосе, в который раз дивясь на спо-

способность жены обретать крупницы чистой радости даже на фоне серьезных проблем.

— Так оно и есть. А как там сегодня мои курочки?

— Полагаю, прекрасно. Как раз собирався заглянуть к ним.

Она помолчала немного, а потом чуть подавленным тоном осторожно коснулась тех самых серьезных проблем, в которых так глубоко увяз он:

— Как продвигается?

— Ну, Кайл объявился. Сейчас здесь.

— Что? Зачем?

— Я спросил у него совета по поводу некоторых компьютерных программ, а он решил, что лучше сам заедет и все сделает. Надо сказать, очень мне помог.

— Ты отослал его домой?

— Собираюсь.

Она помолчала.

— Пожалуйста, будь осторожнее.

— Буду.

— Я серьезно.

— Знаю.

— Хорошо. Ну... Деннис опять машет, так что мне лучше идти. Я тебя люблю!

— И я тебя.

Он положил трубку и так и остался сидеть, невидящим взглядом уставившись на телефон, снова вспоминая лицо Паникоса на видео и слова “отчаянный псих”.

— Я не путаю, ты говорил, этот ваш разговор по скайпу назначен на восемь?

Голос Кайла, стоявшего в дверях, вернул Гурни к настоящему. Он посмотрел на часы в уголке экрана: 7:56.

— Спасибо. Что мне напоминаешь... Хотел попросить тебя во время звонка держаться вне поля видимости камеры. Хорошо?

— Без проблем. Собственно говоря, я тут подумывал, раз уж у тебя все равно следующая встреча в девять, а сегодня как раз идеальный денек... думал, не прокатиться ли на велосипеде в Сиракузы.

— В Сиракузы?

Были времена, когда название этого унылого городка, расположенного в снежном поясе, ничего не значило для Гурни, однако теперь оно стало для него навеки связано с жуткими событиями недавнего дела о Добром Пастыре.

По всей видимости, у Кайла оно вызывало более приятные ассоциации.

— Ну да, думал, прокачусь туда, раз уж я тут, может, пообедаем с Ким.

— Ким Коразон? Ты с ней все еще общаешься?

— Немножко. Все больше переписываемся. Она как-то заезжала в город. На прошлой неделе я дал ей знать, что собираюсь провести тут с тобой несколько дней, на полдороге до Сиракуз, так что, может, как раз представится удачная возможность повидаться. — Он умолк, настороженно поглядывая на отца. — Вид у тебя какой-то... потрясенный.

— Скорее скажи — удивленный. Ты никогда не упоминал о Ким после... после того, как дело было закрыто.

— Решил, тебе лучше обойтись без напоминаний о том, во что она тебя втянула. Хотя она, конечно, нечаянно. Но дело приняло в результате очень драматический оборот.

Дело было и правда не из тех, о которых Гурни лю-

бил говорить. Или думать. Как и большинство остальных дел. Собственно, он вообще редко вспоминал прошлые дела, если только там не оставалось каких-то оборванных нитей и не разъясненных деталей. Однако дело о Добром Пастыре к этому разряду не принадлежало. Дело о Добром Пастыре было решено и закрыто. В конце концов все кусочки головоломки встали на свои места. Можно было, конечно, поспорить, не слишком ли дорогой ценой. А роль, которая выпала Гурни в последнем акте этой драмы, стала одним из главных доводов Мадлен в ее вечном стремлении доказать, что он слишком охотно подвергает себя совершенно неоправданному риску.

Кайл встревожено смотрел на отца.

— Тебе не по сердцу, что я навещу ее?

В иных обстоятельствах честным ответом было бы “да”. Ким произвела на Гурни впечатление девицы крайне честолобивой, эмоциональной и наивной — сочетание куда более взрывчатое, чем он бы хотел видеть в подруге своего сына. Однако в нынешней ситуации план Кайла показался ему удивительно удачным — из того же разряда приятных совпадений, что и план Мадлен помочь Уинклерам.

— На самом деле, очень даже удачная идея, вот именно сейчас, — сказал Гурни. — Во всяком случае, так безопасней.

— Бог ты мой, пап, ты вправду считаешь, тут может что-то случиться?

— Я думаю, шанс очень и очень мал. Но мне не хотелось бы подвергать тебя риску.

— А ты? — Типичный вопрос Мадлен, даже тон совершенно как у нее.

— Это входит в мою работу — я на это подписывался, когда согласился помочь с расследованием.

— Я могу тебе как-то помочь?

— Нет, сынок, пока никак. Но спасибо.

— Ну ладно, — с сомнением протянул Кайл. Еще с минуту вид у него был слегка потерянный, словно он надеялся, что его вот-вот осенит какой-нибудь новый план действий, другой вариант.

Гурни молча ждал.

— Ну ладно, — повторил Кайл. — Вот только прихвати кое-что и сразу двинусь. Свяжусь с тобой, как доберусь до Сиракуз.

Озабоченно хмурясь, он вышел из кабинета.

Звонок с компьютера возвестил о начале видеосвязи.

Глава 46

Братья Спалтеры

Почти весь экран ноутбука Гурни заполнило взятое средним планом изображение мужчины, сидящего в удобном кресле. Гурни узнал Йону Спалтера по фотографии на веб-сайте Церкви Киберпространства. Освещение было налажено так, что ничто постороннее не отвлекало внимания от художавого волевого лица. Выражение этого лица излучало хорошо отработанное спокойствие, чуть приправленное легкой озабоченностью. Он смотрел прямо в камеру, отчего казалось, что смотрит он в глаза Гурни.

— Здравствуйте, Дэвид. Я Йона. — Будь его голос цветом, это были бы пастельные краски. — Ничего, если я буду звать вас Дэвидом? Или вы предпочтете “детектив Гурни”?

— Дэвид вполне годится. Спасибо, что согласились поговорить.

Еле заметный кивок, еле заметная улыбка, проблеск профессиональной участливости в глазах.

— Ваше письмо написано в крайне взволнованном тоне. И в тревожащих выражениях. Чем могу помочь?

— Что вам известно о попытках отменить приговор, вынесенный вашей невестке?

— Известно, что эти попытки уже привели к тому, что был убит ее ведущий юристконсульт, а заодно и шестеро его соседей.

— Еще что-нибудь?

— Еще то, что мистер Бинчер выдвинул серьезные обвинения в полицейской коррупции. В вашем мейле тоже говорилось о коррупции, а потом о “внутрисемейных размолвках”. Это может означать что угодно. Возможно, вы объясните?

— Это направление, в котором, скорее всего, будет двигаться официальное расследование.

— Официальное расследование?

— Убийство Лекса Бинчера заставит бюро криминальных расследований по-новому взглянуть и на убийство вашего брата. Причем не только бюро, но и, судя по всему, офис генерального прокурора, поскольку обвинения в коррупции по делу Кэй указывают на злоупотребления сотрудников бюро. В этот момент мы предоставим обнаруженные нами новые данные — улики, указывающие на то, что Кэй подставили. Поэтому, какая бы контора ни занялась этим делом, в любом случае встанет вопрос, кто, кроме Кэй, выгадал на смерти Карла.

— Сюда, безусловно, отношусь и я, — с демонстративно-наивным огорчением произнес Йона

— Правда ли, что вы с братом не ладили?

— Не ладили? — он рассмеялся, негромко и грустно. — Это еще мягко сказано. — Он на миг прикрыл глаза, покачивая головой, словно переполненный мыслями, что вызвала в нем эта тема. А потом заговорил снова, уже резче. — Знаете, где я сейчас?

— Понятия не имею.

— И никто не имеет. В том и суть.

— Суть чего?

— Мы с Карлом никогда не ладили. В юности это особой роли не играло. У него были свои друзья, у меня свои. Каждый из нас шел своей дорогой. Но потом, как вы наверняка знаете, это ведь не секрет, отец связал нас, объединил в чудовище, что носит имя “Спалтер Риэлти”. Вот тогда-то “нелады” превратились во что-то совсем уж взрывоопасное. Когда мне пришлось работать вместе с Карлом на ежедневной основе... я понял, что имею дело не просто с вздорным братцем. Я имел дело с чудовищем.

Йона помолчал, словно желая дать Гурни возможность охватить разумом весь смысл этого определения.

Гурни подумалось, что Йона уже произносил эту речь прежде — заезженное объяснение жутких отношений.

— На моих глазах из эгоистичного и агрессивного бизнесмена Карл превратился в законченного социопата. По мере роста его политических амбиций он становился все харизматичнее и привлекательнее — снаружи. Внутри же окончательно прогнил, прогнил насквозь, стал черной дырой алчности и честолюбия. Говоря библейским языком, сделался “гробом повапленным”. И дружбу водил с людьми того же склада. Безжалостными негодьями. Преступниками. Мафиози вроде Донни Ангела. Убийцами. Карл хотел выкачивать из “Спалтер Риэлти” какие-то немыслимые деньги, чтобы проворачивать со всем этим сбродом свои мегаломаньяческие проекты и спонсировать лицемерную губернаторскую выборную кампанию. Не давал

мне прохода, буквально заставлял соглашаться на неэтичные сделки, на которые я не мог, никак не мог пойти. Этика, моральные принципы, законность — он понятия не имеет, что это такое. Я начал бояться его. Собственно, это слабо сказано. Он приводил меня в ужас. Я начал верить, что он не остановится ни перед чем — ни перед чем! — лишь бы добиться своего. Иногда... его взгляд... совершенно дьявольский. Словно вобрал в себя все зло этого мира.

— И как вы с этим справлялись?

— Как справлялся? — Снова та же полуулыбка и чуть виноватый смех. А потом, понизив голос, точно признаваясь в грехе:

— Я сбежал.

— Как?

— Переезжая с места на место. В буквальном смысле слова. Одно из благословений современных технологий — вы можете делать, что угодно и откуда угодно. Я купил автофургон, оснастил его всем необходимым оборудованием и превратил в передвижную штаб-квартиру Церкви Киберпространства. И знаете, сумел узреть в этом руку Провидения. Порой даже зло порождает добро — если мы стремимся к добру.

— А добро в данном случае...

— Отсутствие точного местоположения. Единственным моим местопребыванием стал интернет, а интернет — он же везде. Что и оказалось идеальным местом для моей Церкви. Вездесущая, повсеместная Церковь Киберпространства. Понимаете, Дэвид? Необходимость скрыться от брата и его жутких знакомцев преобразилась в дивный дар. Воистину, неисповедимы пути Господни. Мы снова и снова открываем для себя эту

истину. Открытый разум, открытое сердце — больше ничего и не требуется.

С каждым словом Йона сиял все лучезарнее.

Гурни задумался, не объясняется ли этот эффект каким-то незаметным изменением в освещении. Хотелось прямо-таки слегка притушить это сияние.

— Тогда вы получили и второй дар, причем немаленький, со смертью Карла.

Улыбка Йоны стала холодной.

— Это правда. Зло снова породило добро.

— И, судя по всему, уйму добра. Я слышал, будто “Спалтер Риэлти” оценивается в более чем пятьдесят миллионов долларов. Это правда?

Йона нахмурился, но улыбаться не перестал.

— При нынешнем состоянии рынка трудно сказать. — Он помолчал и пожал плечами. — Но, полагаю, плюс-минус довольно приличную сумму, догадка не хуже прочих.

— А правда ли, что до смерти Карла вы не могли трогать эту сумму, но теперь все переходит вам?

— Не мне. Церкви. Я лишь проводник. Церковь — вот что по-настоящему важно. Куда важнее любых отдельных людей. Труды Церкви — единственное, что имеет хоть какое-то значение. Единственное.

Гурни задумался, вправду ли он различает в этой подчеркнутой расстановке приоритетов не такую уж и скрытую нотку угрозы. Но вместо того, чтобы ломиться напролом и выяснять, предпочел сменить курс.

— Вас удивила смерть Карла?

Вопрос заставил Йону впервые за время разговора заметно замешкаться с ответом. Он сложил руки перед собой, прижимая друг к другу кончики пальцев.

— И да, и нет. Да — потому что столь крайняя форма насилия всегда изумляет. А нет — потому что при жизни, которую вел Карл, убийство — вовсе не удивительный конец. И мне нетрудно представить, что кто-то из его окружения мог дойти до такой крайности.

— Даже, например, Кэй?

— Даже, например, Кэй.

— Или вы?

Йона честно наморщил лоб.

— Или я.

И, не очень-то украдкой, покосился на часы.

Гурни улыбнулся.

— Еще буквально пара вопросов.

— Через десять минут у меня запланирован выход в живой эфир, но продолжайте, пожалуйста.

— Какого вы были мнения о Майкле Клемпере?

— О ком?

— Главном следователе по делу Карла.

— А, да. Какого я о нем мнения? Ну, мне казалось, у него, возможно, проблемы с алкоголем.

— Он вас допрашивал?

— Я не назвал бы это допросом. Он задал несколько общих вопросов в тот же день на кладбище. Взял мою контактную информацию, но так больше со мной и не связывался. Он не показался мне особенно дотошным... или надежным.

— Вы удивились бы, услышав, что он виновен в подтасовке улики?

— Не сказал бы, что это меня бы потрясло. — Йона с любопытством наклонил голову набок. — Хотите сказать, он засадил Кэй незаконными способами? Но почему?

— Опять же, на данной стадии процесса апелляции эта информация разглашению не подлежит. Однако поднимает другой важный вопрос. Если предположить, что Кэй не убивала Карла — со всей очевидностью, это сделал кто-то еще. Вас не тревожит тот факт, что настоящий убийца так и гуляет на свободе?

— Не боюсь ли я за себя? Ничуть. Мы с Карлом занимаем противоположные позиции по поводу любого делового решения, любого предполагаемого шага — как и любого личного вопроса, что только вставал между нами. У нас не было ни общих друзей, ни общих целей — вообще ничего общего. Наверяд ли у нас отыщется общий враг.

— И последний вопрос. — Гурни немного помолчал — больше ради драматического эффекта, а не из нерешительности. — Что бы вы сказали, если бы я вам сообщил, что смерть вашей матери, возможно, тоже не случайна?

— О чем это вы? — Йона заморгал в явном ошеломлении.

— Всплыли некоторые улики, позволяющие связать ее смерть со смертью Карла.

— Какие еще улики?

— Не могу вдаваться в подробности. Однако выглядят они убедительно. Вы можете назвать хоть какую-либо причину, по которой убийца Карла хотел бы убить и вашу мать?

На лице Йоны застыла сложная смесь разных эмоций. Легче всего распознавался страх. Но был ли то страх перед неизвестным? Или перед тем, что неизвестное станет известным? Он покачал головой.

— Я... даже не знаю, что сказать. Послушайте, мне необходимо знать, что... ну то есть, о каких доказательствах вы говорите?

— Пока это не подлежит разглашению. Я позабочусь, чтобы вас проинформировали, как только будет возможно.

— Но это же все... нелепица какая-то.

— Так и должно казаться. Но если вам в голову придет хоть какое-либо объяснение, хоть какой-то сценарий, способный связать эти две смерти, прошу вас, как можно скорее расскажите мне.

Собеседник лишь слабо кивнул в ответ.

Гурни решил в очередной раз резко сменить тему.

— А какого вы мнения о дочери Карла?

Йона сглотнул, неуютно поерзал в кресле.

— Вы спрашиваете, могла ли она... могла ли она убить отца? И бабушку за компанию? — Вид у него был потерянный. — Понятия не имею. Алисса, она... не совсем здорова, но... родного отца? Бабушку?

— В каком смысле — не совсем здорова? Поясните, пожалуйста.

— Нет. Не сейчас. — Он снова поглядел на часы, словно бы ошеломленный тем, что на них увидел. — Мне и правда пора. На самом деле. Прошу прощения.

— Последний вопрос. Кто еще мог бы желать смерти Карла?

Йона досадливо развернул руки ладонями вверх — словно вопрос его разочаровал.

— Да кто угодно. Любой, кто оказался достаточно близко к нему, чтобы разглядеть за улыбкой гнилое нутро.

— Большое спасибо за помощь, Йона. Надеюсь, мы еще побеседуем. Кстати, а какая тема вашей речи?

— Простите, чего?

— Вашей сегодняшней речи.

— А. — Йона скривился. — Сегодняшняя тема — “Наш путь к радости”.

Глава 47

Все еще не найдена

Четверть часа, оставшуюся до назначенной на девять встречи с Хардвиком и Эсти, Гурни употребил на то, чтобы набрать на компьютере и распечатать три копии того, что он накануне набросал в блокноте, — ключевых проблем дела.

Эсти приехала первой, но опередила Хардвика лишь на минуту. Когда она парковала свой синий “Мини-Купер” у грядки с аспарагусом, его красный “Понтиак” прогремел мимо сарая.

Эсти вылезла из автомобиля. Ее футболка, обрезанные джинсы и беззаботная улыбка свидетельствовали о взятом на работе выходном. Кожа с карамельным отливом сияла под утренним солнцем. Подойдя к боковой двери, она с любопытством покосилась на плоские камни, отмечавшие могилу петушка.

Гурни открыл двери и пожал гостье руку.

— Денек-то какой роскошный, — заметила Эсти. — Может, устроимся снаружи?

Гурни улыбнулся ей в ответ.

— Оно бы здорово. Беда в том, что мне надо показать вам с Джеком пару видеозаписей.

— Так, просто подумала. Очень уж приятно, когда солнце пригревает кожу.

Хардвик припарковался рядом с машиной Эсти, захлопнул тяжелую дверцу. Не удосужившись даже ни с кем поздороваться, он прикрыл глаза рукой от солнца и принялся осматривать поля и поросшие лесом склоны холмов.

Эсти покосилась на него.

— Кого-то высматриваешь?

Он ничего не ответил, продолжая шарить взглядом по окрестностям.

Догадываясь, к чему это он, Гурни проследил за его взглядом, пока тот не остановился на Барроу-хилл.

— Самая вероятная позиция, — сказал Гурни.

Хардвик кивнул.

— С верха той узкой тропинки?

— На самом деле, это заросшая дорога.

Эсти заметно встревожилась.

— Вы это что, про снайпера?

— Про возможную позицию для снайпера, — уточнил Гурни. — Если бы я метил в кого-то, кто живет в этом доме, я выбрал бы место близ вершины того вон холма. Хорошо просматривается боковой вход, хорошо видны машины.

Она повернулась к Хардвику.

— Ты теперь каждое место анализируешь? На позицию для снайпера?

— Ну да, учитывая две пули у меня в стенке дома, я и правда теперь об этом задумываюсь. Особенно меня волнуют места прикрытые, куда легко подобраться.

Глаза у Эсти расширились.

— Так может, чем стоять тут, точно живые мишени,

и глазеть на место, откуда нас легче всего подстрелить, пойдем в дом, а?

Судя по всему, Хардвик уже собирался отпустить какую-нибудь глупую шуточку, но лишь ухмыльнулся и вошел в дом вслед за Эсти. Гурни последовал за ними, бросив последний взгляд на холм.

Он принес из кабинета лэптоп и список проблем, и вся троица уселась за обеденным столом.

— Ну что, для начала обменяемся новостями? — предложил Гурни. — Вы с Эсти собирались сделать кое-какие звонки. Есть что-нибудь новенькое?

Эсти начала первой.

— Этот греческий мафиози, Адонис Ангелидис. По словам моих друзей из отдела по борьбе с организованной преступностью, он большая шишка. В отличие от итальянцев и русских, он не высовывается, держится вроде как в стороне, но страшно влиятельный. Работает со всеми семействами. То же самое было и с Гурикосом — тем, которому заколотили гвозди в голову. Он устраивал большие убийства для больших игроков. Крупные связи. Очень доверенное лицо.

— Тогда почему его хлопнули? — спросил Хардвик. — У этого твоего приятеля никаких идей?

— Ни малейших. Насколько им известно, Гурикос всех устраивал. Все шло как по маслу. Он был ценным ресурсом.

— Ну, кого-то он явно не устраивал.

Она кивнула.

— Может, все и правда было, как Ангелидис Дэй-ву сказал: Карл обратился к Гурикосу, чтобы кого-то убрать, а этот кто-то узнал и нанял Паникоса убрать их обоих. Вполне логично, да?

Хардвик развернул руки ладонями вверх в знак неуверенности.

Эсти поглядела на Гурни.

— Дэйв?

— В некотором смысле мне бы хотелось, чтобы версия Ангелидиса оказалась правдой. Но по ощущениям — тут что-то не складывается. Вроде и логично — да не совсем. Проблема в том, что гвозди в голове Гаса в картину не вписываются. Практичное, предупредительное устранение Карла и Гаса — это одно. А жутковатое предупреждение о том, что не следует выдавать какие-то тайны, — совсем другое. Как-то не сочетается.

— И та же проблема с матерью, — прибавила Эсти. — Никак не пойму, ее-то зачем убивать.

— Ну, не такая уж это и тайна, — нетерпеливо вмешался Хардвик. — Чтобы Карл пришел на похороны и подставился, когда будет произносить надгробную речь.

— А чего тогда Паникос не выждал, пока он поднимется на трибуну? Зачем стрелять в него, пока он еще не дошел?

— А черт его знает. Может, чтобы он там чего не сболтнул.

Гурни не видел в этом никакой логики. К чему строить изошренные планы, в результате которых жертва будет должна произнести речь, если боишься, что она скажет лишнее?

— И еще, — продолжила Эсти, — про пожар в Куперстауне. Я выяснила кое-что интересное, но странное. Все четыре зажигательных устройства, использованные в доме Бинчера, были разных типов и размеров. — Она перевела взгляд с Хардвика на Гурни и обратно. — Это вас ни на какие мысли не наводит?

Хардвик поцыкал зубом и пожал плечами.

— Может, они просто оказались в тот момент в ящике для игрушек у маленького Питера.

— Или, может, они нашлись у его поставщика? Дэйв, будут идеи?

— Совершенно абстрактное предположение... что он экспериментировал.

— *Экспериментировал?* С какой стати?

— Понятия не имею. Может, оценивал разные устройства на будущее.

Эсти поморщилась.

— Будем надеяться, причина не в этом.

Хардвик чуть поерзал в кресле.

— Еще что-нибудь, радость моя?

— Да. То безголовое тело, найденное на месте преступления, наконец сумели опознать. — Она выждала пару мгновений для драматического эффекта. — Лекс Бинчер. Вне всяких сомнений.

Хардвик настороженно смотрел на нее. Эсти медленно продолжила.

— Голова... все еще не найдена.

У Хардвика дернулся мускул на челюсти.

— Боже! Как в фильме ужасов каком-нибудь.

Эсти поморщилась.

— Не понимаю, с чего ты так напрягаешься. Взять хоть обстоятельства, при которых вы с Дэйвом познакомились, — ведь в том деле фигурировала разрубленная на пополам женщина, разве нет? И я сама слышала, как ты над этим смеялся и отпускал всякие дурацкие шуточки.

— Ну да.

— Так почему тогда тебя так колбасит, когда речь заходит об этой голове?

— Послушай, ради всего святого... — Он вскинул руки, точно сдаваясь, и покачал головой. — Найти разрубленное тело — это одно. Хотя на десять кусков. Ты уже давно полицейский, давно служишь в городе, на всякое насмотрелся. Уж как есть. Но между тем, чтобы найти отрезанную голову, и тем, чтобы ее не найти, — большая разница. Понимаешь? Хренова башка так и пропала, бесследно! А значит, кто-то где-то припрятал ее. Невесть зачем. Для своих, невесть каких целей! Поверьте, она, чтоб ее, еще объявится — когда мы меньше всего ожидаем.

— Когда мы меньше всего ожидаем? По-моему, ты пересмотрел “Нетфликса”, — Эсти ласково подмигнула ему. — Как бы там ни было, а у меня с новостями пока все. А у тебя как? Есть что-нибудь?

Хардвик с силой потер лицо ладонями, словно прогоняя дурной сон и пытаясь начать день заново.

— Мне удалось отыскать одного из пропавших свидетелей — Фредди, того самого, что показал, будто видел Кэй в доме на Экстон-авеню во время стрельбы. Фредерико Хавьер Розалес, если официально. — Он бросил взгляд на Гурни. — А нельзя ли кофе?

— Запросто. — Гурни подошел к кофеварке возле раковины, чтобы запустить новый цикл.

Хардвик продолжал:

— Мы с ним, с Фредди, дружески поболтали. Особенно сосредоточились на любопытном разрыве между тем, что он видел на самом деле, и тем, что велел ему рассказывать Мак Мудак.

Глаза у Эсти расширились.

— Он признался, что Клемпер ему сказал, какие показания давать на суде?

— И не просто сказал, какие давать показания, но прибавил, что это на его же благо.

— А иначе?

— У Фредди проблемы с наркотой. Мелкий дилер на службе большого бизнеса. Еще один привод — и ему с гарантией влепят двадцатку без права на досрочное освобождение. Когда бродяга в таком вот положении, гаду вроде Мака легко диктовать условия.

— Так почему он с тобой-то разоткровенничался?

Хардвик неприятно усмехнулся.

— У парней вроде Фредди мыслишки в голове коротенькие. Для них всегда максимальная угроза — тот, кто перед ними прямо сейчас, а это был я. Вы только не подумайте плохо. Я был страшно вежлив. Объяснил ему, что для него единственный способ избежать серьезного наказания за лжесвидетельство по делу об убийстве — это разлжесвидетельствоваться обратно.

— Разлжесвидетельствоваться? — Эсти уставилась на него, не веря ушам.

— Отличная концепция, тебе не кажется? Я ему сказал, что он может выбраться из-под лавины дерьма, которое вот-вот обрушится ему на голову, если подробно опишет, как Мак Мудак изменил его первоначальные показания.

— И он записал?

— И подписался. Я даже отпечаток пальца его туда поставил.

Вид у Эсти был сомневающийся, но довольный.

— А Фредди думает, ты из бюро расследований?

— Ну, может, у него и сложилось впечатление, будто я связан с ними теснее, чем на самом деле. Плевать мне, что он там думает. А тебе?

Она покачала головой.

— Да тоже, если это поможет убрать Клемпера. А ни-
точки к другим двум пропавшим свидетелям ты не нашел?

— Еще нет. Но показаний Фредди, да еще вместе с за-
писями разговора нашего малыша Дэйва с Алиссой,
будет более чем достаточно, чтобы доказать полицей-
ские злоупотребления — что, в свою очередь, приведет
к победе апелляции и приговора аннуляции.

Глупая рифма Хардвика корбила слух Гурни, точ-
но гвоздем провели по доске. Но потом до него дошло,
что, возможно, досада его порождена совсем другим об-
стоятельством: так и не разрешенным вопросом вины
или невиновности Кэй, вне зависимости от честности
или нечестности суда над ней. Не приходилось сомне-
ваться: злоупотреблений и подтасовок в деле хватало.
Но они сами по себе еще не делали Кэй Спалтер неви-
новной. И покуда личность человека, нанявшего Пе-
троса Паникоса для убийства Карла Спалтера, остае-
тся загадкой, Кэй Спалтер остается вполне возможной
подозреваемой.

Голос Эсти прервал размышления Гурни.

— Ты вроде говорил, хочешь нам какие-то видеозапи-
си показать?

— А. Да. Помимо записи моего разговора с Йоной
по скайпу, у меня есть пара кусочков видеозаписей с Экс-
тон-авеню: какой-то субъект, заходящий в дом перед
стрельбой, с близкого расстояния, и дальним планом —
как Карла пристрелили. — Он посмотрел на Хардви-
ка. — Ты рассказывал Эсти, откуда у меня записи?

— Слишком уж быстро развивались события. Да и
в том тридцатисекундном сообщении, что ты мне оста-
вил, информации было не много.

— А ту, что все же была, ты решил пропустить мимо ушей, да?

— Какого хрена ты имеешь в виду?

— В сообщении я предельно ясно сказал главное. Я пообещал Клемперу, что для него все обернется лучше, если видеоматериалы попадут ко мне в руки. Ну вот они и попали. А ты потом появляешься в этом “Криминальном конфликте”, весь такой бескомпромиссный, и с размаху обрушиваешься на “насквозь коррумпированного” детектива по делу Кэй за подделку улики и лжесвидетельство. А все в полицейском мире прекрасно знают, что дело Кэй вел Майкл Клемпер, — это все равно что ты назвал его по имени и обвинил напрямую, начисто проигнорировав мою с ним договоренность.

Хардвик помрачнел.

— Да говорю же, события развивались слишком быстро. Я только вернулся с пожара у озера — погребло семеро человек, Дэйв, семеро! — и был куда более сосредоточен на главной битве, чем на тонкостях твоего тет-а-тет с Маком.

Он продолжал в том же духе, напоминая Гурни, что двусмысленные обещания и сообразный случаю обман — по сути, скрытые от глаз корни самой системы правосудия. Завершил свою речь он полуриторическим вопросом:

— И вообще, какого черта тебе заботиться о таком дерьме, как Клемпер?

Гурни выбрал разумный и простой ответ, вызванный воспоминаниями о том, как пахло алкоголем от детектива, и о почти бессвязном сообщении, оставленном в голосовой почте на следующий день.

— Меня, знаешь ли, заботит то, что Мак Клемпер —

загнанный в угол, разгневанный пьянчуга и что с отчаяния он может выкинуть что-нибудь глупое.

Хардвик промолчал, а Гурни продолжил:

— Так что теперь я держу “Беретту” под рукой, просто на всякий случай. А Эсти интересовалась видеозаписями. Так что давайте посмотрим. Я сперва проиграю кусочек с улицы, а потом отрывок подлиннее, с кладбища.

Глава 48

Монтелл Джонс

После того как они дважды пересмотрели отрывки с камеры видеонаблюдения, Хардвик спросил:

— А мы можем доказать, что все эти записи были у Клемпера во время процесса?

— Не уверен, что мы сможем вообще хоть что-нибудь доказать. Ну разве что удастся уговорить хозяина магазина дать показания и сказать, что он предоставлял видео полиции, но этот тип еще сомнительнее Клемпера. А кроме того...

— Но ведь ты попросил Клемпера предоставить тебе записи — и он их предоставил.

— Я сказал ему — будь у меня записи, для него все обернулось бы не так скверно. И на следующий день они появились в моем почтовом ящике. Мы с вами знаем, что это значит. Но в официальном смысле — это еще далеко от доказательства, что он их хотя бы в руках держал. В любом случае, это все — у кого или где были записи — не так уж важно. Куда важнее, что на них.

Хардвик, похоже, собирался возразить, но Гурни перебил его.

— Важность записи с видом на кладбище состоит в том, что на ней видно, как Карла подстрелили именно в том месте, где все и показывали, — а это подтверждает, что выстрел никак не мог быть сделан из окна квартиры, которую команда Клемпера определила как местонахождение убийцы.

Эсти заметно встревожилась.

— Я уже в четвертый раз слышу, как ты говоришь про проблему с местом выстрела. А по-твоему, как объяснить эту нестыковку?

— Честно, Эсти? Тут я хожу по кругу. Физические и химические свидетельства из квартиры, где найдено орудие убийства, указывают на то, что пуля была выпущена именно оттуда. Но линия стрельбы демонстрирует, что такого просто быть не может.

— Это мне напоминает заварушку с Монтеллом Джонсом. Помнишь, Джек? Пять-шесть лет назад.

— Наркоторговец-то? И обсуждение вопроса, было ли это правомерным убийством с целью самозащиты?

— Именно. — Она повернулась к Гурни. — Молодой полицейский в патрульной машине совершает объезд одного криминального райончика — ясным и солнечным днем, — как вдруг получает звонок с сообщением: “У нас тут стрельба”, то есть в двух кварталах от него. Через десять секунд он на месте, выскакивает из машины. Народ вокруг показывает на проход между двумя складами, откуда, мол, пару минут назад прозвучали два выстрела. Он на месте происшествия первый, ему бы подождать, но он не ждет, а вытаскивает девятимиллиметровый ствол и айда в проход. А в пятидесяти футах перед ним — Монтелл Джонс, местная притча во языцах, наркоторговец, список изнасилований — длиннее

некуда. Послушать полицейского, в руках у Монтелла тоже пистолет — и он его медленно поднимает, целясь в полицейского. Тот кричит ему бросить оружие. Пистолет все поднимается. Полицейский стреляет один раз. Монтелл падает. Тем временем подоспели другие патрульные. У Монтелла хлещет кровь из дырки в животе. Приезжает “скорая”, Монтелла увозят и по прибытии в больницу констатируют смерть. Все кажется вполне правоммерным. Молодой полицейский на сутки становится героем. А потом ад срывается с цепи. Его вызывают в отдел внутренних расследований и просят отчет о стрельбе. У него никаких сомнений. Все яснее ясного — Монтелл стоит перед ним, день солнечный, видимость превосходная, Монтелл наводит на него оружие. Полицейский стреляет, Монтелл падает. Конец истории. Следователь просит его рассказать еще раз. Он рассказывает снова. И снова. Все записывают на пленку. Распечатывают, дают ему подписать. А потом швыряют гранату: “У нас, понимаешь, проблема. Врачи говорят, рана в животе — это выходное отверстие пули, а не входное”. Полицейский теряет дар речи, ушам своим не верит. Спрашивает, о чем это они вообще. Ну они ему и объясняют. Он выстрелил Монтеллу в спину. И им теперь хочется знать, почему.

— Прямо-таки классический кошмар любого копа, — заметил Гурни. — Но заряженный пистолет-то у этого Монтелла и вправду был?

— Был. Тут все в порядке. Но вот с пулей в спину — неувязочка.

— А полицейский не пытался ухватиться за старое доброе “он просто повернулся ко мне спиной, когда я нажимал на спусковой крючок”?

— Нет. Твердил свое: все было, как он описал. Наоборот, даже настаивал на том, что Монтелл совершенно точно никуда не отворачивался, а с начала и до конца смотрел ему в лицо.

— Интересно, — протянул Гурни с задумчивым огоньком в глазах. — И в чем соль?

— В том, что Монтеллу и в самом деле выстрелили в спину — за несколько минут до того, кто-то неизвестный. Отсюда и переполох насчет стрельбы, и вызов полиции. А Монтелл, после того как его бросили умирать в переулке, каким-то образом сумел подняться на ноги — как раз к тому времени, как на сцене появился наш герой. Монтелл, надо полагать, находился в шоке и вообще не понимал, что он там делает со своей пушкой. Полицейский стреляет — *промахивается!* — и Монтелл снова падает.

— И как бюро внутренних расследований до всего этого докопалось?

— При повторных и более тщательных поисках на месте преступления, в канаве за переулком, была обнаружена пуля со следами ДНК Монтелла — заметим, в канаве за тем местом, где стоял полицейский, что означало, что исходный выстрел был сделан с другой стороны.

— Удачная находка, — заметил Гурни. — Все могло бы обернуться и совсем иначе.

— Не пренебрегай удачей, — отозвалась Эсти. — Иной раз только на ней и выезжаешь.

Хардвик барабанил пальцами по столу.

— И какое отношение эта история имеет к делу Спалтеров?

— Не знаю. Почему-то вдруг вспомнилось. Так что, может, какое-то отношение и имеет.

— Но какое? Думаешь, Карла подстрелили с другой стороны? Не из того дома?

— Не знаю, Джек. Мне просто вспомнилось. Не могу объяснить, с чего вдруг. А ты, Дэйв, что думаешь?

— Интересный пример того, как два независимых события происходят таким образом, что все считают, будто они между собой связаны, — с расстановкой произнес Гурни.

— Какие два события?

— То, что полицейский выстрелил в Монтелла, и то, что Монтелла застрелили.

Глава 49

Сущий дьявол

Под вторую порцию кофе Гурни проиграл запись разговора по скайпу с Йоной Спалтером.

Когда запись закончилась, Хардвик первым прокомментировал увиденное:

— Прямо не знаю, кто из них худшее дерьмо — Мак Мудак или эта сволочь.

Гурни улыбнулся.

— Полетта Парли, управляющая “Ивовым покоем”, убеждена, что Йона — святой, спасает мир.

— Всех этих спасающих мир святых лучше всего пустить на удобрения. Навоз для почвы очень полезен.

— Пусть лучше удобряют почву, а не души, да, Джек?

— Можешь повторить, братан.

— И в результате смерти брата он получил пятьдесят миллионов долларов? — спросила Эсти. — В самом деле?

— Он этого не отрицал, — ответил Гурни.

— Еще какой мотив, — сказал Хардвик.

— Собственно говоря, — продолжил Гурни, — он вообще не пытался что-либо отрицать. Преспокойно признал, что здорово выгадал от смерти Карла. Запро-

сто согласился, что ненавидел его. Безмятежно перечислил причины, по которым вообще все должны были ненавидеть его.

Эсти кивнула.

— Назвал его чудовищем, социопатом, мегаломаньяком...

— И сущим дьяволом, — добавил Хардвик. — В противоположность себе, любимому, которого мы должны считать сущим ангелом.

Эсти продолжала:

— И еще подтвердил, что ради этой своей Церкви сделал бы что угодно. Что угодно. Звучало так, словно он хвастается. — Она помолчала. — Странно. Он признавал то, что служит мотивами для убийства, так невозмутимо, точно это совершенно не важно. Словно знает, что мы ничего ему не сделаем.

— Как человек со связями, — уточнил Хардвик.

— Но в самом конце разговора он ведет себя иначе, — сказал Гурни.

Эсти нахмурилась.

— Ты о той части, где вы говорите про мать?

— Если только он не величайший актер в мире, то мне кажется, это его и вправду зацепило. Но я знаю точно, что именно его взволновало: то, что ее убили, или то, что мы об этом знаем. И еще интересно — он стремился узнать, какие у нас есть доказательства, но так и не задал основного вопроса: зачем кому-то убивать его мать?

Хардвик оскалил зубы в невеселой ухмылке.

— Вот как-то поневоле думаешь, что этому душевному и расчудесному Йоне на всех плевать с высокой колокольни. В том числе и на родную мать.

Лицо у Эсти было растерянное.

— И куда это нас ведет?

Ледяная улыбка Хардвика сделалась еще шире. Он показал на лежащий рядом с открытым ноутбуком список нерешенных вопросов, составленный Гурни.

— Ну, это проще простого. Движемся по расчерченной нашим асом карте улики и ключевых вопросов.

Все взяли себе по распечатке и молча прочитали восемь пунктов.

По мере чтения лицо у Эсти становилось все более обеспокоенным.

— Какой-то этот список... угнетающий.

Гурни поинтересовался, что именно создает у нее такое впечатление.

— Становится до боли ясно, что мы до сих пор так толком ничего и не знаем — выяснили куда как меньше, чем хотелось бы. Ты не согласен?

— И да, и нет, — ответил Гурни. — Тут перечислено множество вопросов без ответа, но я убежден, что стоит найти ответ на любой из них, как сразу же и все остальное станет понятно.

Эсти неохотно кивнула, но, похоже, он ее не убедил.

— Я вот тебя слушаю, но... с чего мы начнем? Если бы мы могли скоординировать действия соответствующих спецслужб — бюро криминальных расследований, Интерпола, отдела национальной безопасности, полиции Нью-Йорка, дорожных патрулей и так далее, — да еще и бросить на это дело побольше людей, выследить Паникоса было бы, наверное, возможно. Но в нашей ситуации... что нам делать-то? Если не брать в расчет Паникоса, у нас просто нет рук, ног и времени всматриваться во все прочие конфликты и отношения в жизни

Карла, Йоны, Кэй и Алиссы, не говоря уже про Ангелидису, Гурикосу и бог весть кого еще.

Она беспомощно покачала головой.

Воцарилось молчание — самое долгое за всю встречу.

Хардвик сперва не выказывал вообще никакой реакции. Казалось, он сравнивает большие пальцы на руках, изучая их размер и форму.

Эсти пристально посмотрела на него.

— Джек, а у тебя какие-нибудь соображения на этот счет имеются?

Он поднял голову и откашлялся.

— Само собой. У нас тут две отдельные ситуации. Одна — процесс апелляции по делу Кэй, и партнер Лекса говорит, тут все схвачено. А вторая — попытки ответить на вопрос “Кто убил Карла?”, что куда сложнее. Но вон у нашего мозговитого Шерлока в глазах оптимистический блеск.

Эсти перевела встревоженный взгляд на Гурни.

— Оптимизм? Ты его и впрямь ощущаешь?

— Собственно говоря, да, в известной степени.

Произнося эти слова, он вдруг сам подивился, до чего же изменилось его восприятие ситуации за короткое время, минувшее с тех пор, как он впервые записал проблемы. И впал в уныние при мысли о сложности задачи и нехватке официальных ресурсов, на которые привык полагаться прежде: именно то, на что и жаловалась сейчас Эсти.

И по части сложности, и по части ресурсов ничего не изменилось. Но Гурни наконец осознал, что для того, чтобы найти отгадку, ему вовсе не требуется отвечать на бесконечную серию головоломных вопросов.

Эсти смотрела на него скептически.

— Откуда оптимизм, когда мы столько всего не знаем?

— Может, ответов у нас пока и немного, но... у нас есть персонаж.

— Персонаж? Какой еще?

— Питер Пэн.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что он где-то здесь. Поблизости. Что-то такое в нашем расследовании удерживает его здесь.

— И что именно?

— Думаю, он боится, что мы раскроем его тайну.

— Тайну, стоящую за гвоздями в голове Жирдяя Гаса?

— Да.

Хардвик снова забарабанил пальцами по столу.

— А почему ты считаешь, что это тайна Паникоса, а не того, кто его нанял?

— Из-за слов Ангелидиса. Он сказал, Паникос принимает лишь контракты на убийство, без перечня условий. Никаких инструкций. Никаких особых указаний. Хочешь, чтобы кого-то убрали, — даешь ему деньги, и твой враг считай, что уже мертв. Но детали он прорабатывает сам. Так что если гвозди в голове Гаса и несли чье-то послание, так только самого Паникоса — о чем-то, важном для него самого.

Хардвик снова скроил кислую гримасу.

— А ты, похоже, веришь на слово Ангелидису — мафиози, который зарабатывает себе на жизнь тем, что врет, жульничает и крадет.

— Ему не было смысла врать о том, как Паникос ведет дела. Да и все остальное, что мы узнали о Паникосе, особенно от твоего кореша из Интерпола, подкрепляет рассказ Ангелидиса. Питер Пэн действует по своим правилам. Никто не дает ему указаний.

— Полагаешь, парень слегка заиклен на том, чтобы все контролировать?

Гурни улыбнулся столь мягкой формулировке.

— Никто не приказывал ему перебить провода у тебя дома, Джек. Он таких приказов не принимает. Не думаю, чтобы кто-нибудь велел ему сжечь те дома в Куперстауне или уйти с места преступления, унося в пакете голову Лекса Бинчера.

— Очень уж ты уверенно рассуждаешь обо всей этой чертовщине.

— Долго вертел в голове. И вот как раз сумел четко разглядеть хотя бы одну деталь.

Эсти досадливо вскинула руки.

— Прости за тупость, но что ты вдруг сумел четко разглядеть?

— Открытую дверь, которая маячила перед нами с самого начала.

— Какая еще открытая дверь?

— Сам Питер Пэн.

— Ты о чем?

— Он отвечает на наши действия, на наше расследование убийства Карла. Ответ равносителен связи. А связь равносильна открытой двери.

— Отвечает на наши действия? — повторила Эсти недоверчиво, почти сердито. — Ты имеешь в виду — открыв огонь по дому Джека? Убив Лекса и его соседей в Куперстауне?

— Он пытается остановить нас.

— То есть, мы расследуем, а он в ответ стреляет, поджигает и убивает. Ты это называешь открытой дверью?

— Все это доказывает, что он обращает на нас внимание. Доказывает, что он еще здесь. Не покинул страну.

Не ускользнул в свою нору. Это доказывает, что мы можем его достать. Надо только придумать, как до него дотянуться таким образом, чтобы спровоцировать на реакцию, которую мы сможем держать под контролем.

Эсти прищурилась. На смену недоверию пришел расчет.

— Ты имеешь в виду, например, использовать средства массовой информации — хоть того же придурка Борка, — чтобы предложить Паникосу нечто вроде сделки с целью узнать, кто его нанял?

— Борк мог бы сыграть определенную роль, но только никаких сделок предлагать не нужно. Думаю, наш маленький Питер Пэн настроен на другую длину волны.

— Какую длину волны?

— Ну... посмотри хоть, что нам о нем известно.

Эсти пожала плечами.

— Что он профессиональный убийца.

Гурни кивнул.

— А еще что?

— Что его услуги стоят очень дорого и что он специализируется на сложных заказах.

— *Невозможные задачи, за которые никто другой не возьмется*, — так охарактеризовал это Донни Ангел. Что еще?

— Психопат, да?

— Психопат из преисподней, — наконец вступил в разговор Хардвик. — Из кошмаров. Насколько мне представляется, мелкий засранец — настоящая машина для убийства: злобный, кровожадный и совершенно ненормальный — и вовсе не собирается меняться. А ты, Шерлок, что скажешь? Еще пара-другая светлых мыслей найдется?

Гурни допил последний глоток почти остывшего кофе.

— Я тут пытался сложить все вместе и посмотреть, что получится. Его заикленность на том, чтобы делать все на свой манер, острейший ум в сочетании с абсолютным отсутствием эмпатии, патологическая жестокость, умение убивать, любовь к массовым убийствам — все это, вместе взятое, делает крошку Питера самым отъявленным маньяком, одержимым страстью держать все под контролем. Добавим теперь последний взрывчатый элемент: тайну, в чем бы она ни заключалась, он страстно желает скрыть ее и боится, что мы докопаемся до разгадки. О да, и еще одна милая деталь, поведенная мне Ангелидисом, совсем забыл упомянуть: убивая, крошка Питер обожает петь. Сведите все это воедино — интересный получится рецепт для эндшпиля.

— Или для общемировой катастрофы, — прибавил Хардвик.

— А это уже в недостатках плана.

Глава 50

Подначить психа

— А достоинства-то у него есть? — На лице Эсти надежда боролась с дурными предчувствиями. Дурные предчувствия побеждали.

— Думаю, да, — небрежно ответил Гурни. — По моим ощущениям, главнейшая движущая сила для Паникоса — это ненависть, направленная, скорее всего, на каждого человека на земле. Но его тактика и план действий — эти аспекты всегда хорошо продуманы и логичны. Его успех на выбранном поприще базируется на умении поддерживать тонкий баланс между жаркой страстью к убийствам и холодным расчетом. Это совершенно очевидно как по тому, что мы видели сами, так и по тому, что рассказывал мне Донни Ангел. На первый взгляд Паникос кажется бизнесменом, хладнокровно берущимся за самые сложные задания. А внутри него сидит злобное маленькое чудовище, главная — возможно, даже единственная — радость которого состоит в том, чтобы убивать.

Хардвик засмеялся, отрывисто и резко.

— Малютка Питер мог бы послужить отличным при-

мером на лекции какого-нибудь психолога школы “внутреннего ребенка”.

Гурни не удержался от короткого смеха.

Эсти повернулась к нему.

— Итак, он отчасти стратег, отчасти псих. Мотив безумен, зато метод рационален. Допустим, ты прав. И куда это нас приведет?

— Поскольку, судя по всему, этот деликатный баланс между безумием и логикой у него отлажен очень хорошо, надо его как-то нарушить.

— Как?

— Ударив в его самое доступное слабое место.

— Какое?

— Тайна, которую он старается уберечь. Вот наш путь к нему. Путь в его сознание. Путь к пониманию убийства Карла и того, кто это убийство заказал.

— Неплохо еще было бы знать эту драгоценную тайну, чтоб ее, — перебил Хардвик.

Гурни пожал плечами.

— Все, что нам надо, — это *внушить ему*, что мы знаем... или вот-вот узнаем. Вот в какую игру мы должны сыграть — у него в голове.

— А какая у этой игры цель? — поинтересовалась Эсти.

— Подорвать тщательный расчет, необходимый ему для успеха и выживания. Вбить клин между внутренним маньяком и рациональной системой жизнеобеспечения.

— Что-то не догоняю.

— Мы на него надавим — так, чтобы под угрозой оказалось его ощущение контроля над происходящим. Если его главная страсть — контроль, то в том же и его

основная слабость. Лишите маньяка, одержимого желанием все контролировать, чувства контроля — и решениями его начнет управлять паника.

— Слышь, что он предлагает? — снова перебил Хардвик. — Собирается потыкать массового убийцу в глазик острой палочкой и посмотреть, что получится.

Такая формулировка, судя по всему, лишь подстегнула нарастающее беспокойство Эсти. Она повернулась к Гурни.

— А предположим, после того как мы “надавим” на Паникоса, он убьет еще шесть-семь человек. Что тогда? Надавим еще? А если он убьет очередной десяток случайных жертв? Тогда что?

— Я не говорю, что риска совсем нет. Но альтернатива — позволить ему снова залечь на дно. Сейчас мы вытянули его почти к самой поверхности. Почти туда, где можем дотянуться до него. Вот мне и хочется удерживать его здесь, расшевелить в нем страх, заставить совершить какую-нибудь глупость. Что же до возможного убийства невинных людей, мы можем лишить его решение фактора случайности. Подставим ему конкретную цель — на нее и будем ловить.

— Цель? — шоколадно-карие глаза Эсти распахнулись еще шире.

— Надо заставить его сфокусироваться на том, что мы выберем сами в качестве наживки. Просто повысить уровень угрозы, вывести его из равновесия — еще недостаточно. Надо как-то контролировать провоцируемый ответ — направить его в нужном нам направлении и в предсказуемое время.

Похоже, его слова Эсти не убедили.

Гурни продолжал:

— Мы подманим его, спровоцируем нужную нам реакцию — а потом подсечем и вытащим из воды: в том месте и в то время, что сами выберем.

— Тебя послушать, так это плевое дело. Но ведь и очень рискованное, да?

— Да. Но не такое рискованное, как альтернатива. Джек назвал Питера Пэна машиной для убийства. И я согласен. Он именно этим и занимается. Всегда. С самого детства. И, дай ему волю, всегда будет заниматься. Он как смертельный недуг, который еще не умеют лечить. Я тут не вижу вообще никаких вариантов без риска. Либо мы позволяем машине для убийства и дальше работать, превращая людей в трупы, либо делаем все, что в наших силах, чтобы вывести ее из строя.

— Или, — нерешительно предложила Эсти, — можно прямо сейчас передать все, что у нас есть, в бюро криминальных расследований — и пусть сами с ним разбираются. У них для того все возможности. А у нас нет. Эти их возможности...

— К черту бюро! — прорычал Хардвик.

Эсти тихонько вздохнула и повернулась к Гурни.

— Дэйв? А ты что скажешь?

Гурни промолчал. На него вдруг нахлынули яркие, слишком яркие воспоминания. Болезненный звук глухого удара. Красный “БМВ”, уносящийся прочь... по длинной городской улице... заворачивающий за угол в визге шин... исчезающий навсегда. Остающийся лишь в его памяти. И отброшенная на обочину жертва. Маленький четырехлетний мальчик. Дэнни. Его Дэнни. И голубь, за которым Дэнни бесечно погнался через дорогу, — голубь, взлетающий в вихре крыльев и уносящийся прочь, напуганный, но невредимый.

Почему он, полицейский, не остановил любую проезжающую мимо машину, прямо там, на месте, сразу?

Почему не преследовал убийцу по горячим следам, хоть до ворот ада?

Иногда эти воспоминания вызывали в нем слезы. Иногда — лишь тупое жжение в горле. А иногда — неукротимый гнев.

Сейчас он испытывал гнев.

— Дэйв?

— Да?

— Тебе не кажется, что пора передать дело в бюро?

— Передать? И прекратить делать то, что мы делаем?

Она кивнула.

— Это ж и вправду в их...

Он не дал ей договорить.

— Нет. Еще не время.

— Что ты имеешь в виду — еще не время?

— Не думаю, что мы можем позволить Паникосу сбежать. А если мы остановимся, так и произойдет.

Если у Эсти еще и оставалось желание спорить, то все оно растаяло без следа. Возможно, причиной тому была твердость в голосе Гурни. Или решимость в глазах. Суть была ясна. Он никому ничего не передаст.

Нет, пока убийца еще достигим.

Пока красный автомобиль не скрылся из виду.

После небольшого перерыва на то, чтобы проверить почту и ответить на электронные письма и смски, Гурни поставил вариться третью порцию кофе и открыл двойные двери, впуская в комнату ароматный августов-

ский воздух. И в очередной раз поразился свежести запахов нагретой земли, травы и цветов — словно никак не мог запомнить, как пахнет природа.

Все снова уселись за столом. Эсти посмотрела Гурни в глаза.

— Из нас всех ты, похоже, единственный, кто знает, что делать дальше. Уже наметил какие-то конкретные шаги?

— Сначала надо определиться с содержанием нашего послания Паникосу. Потом подобрать способ коммуникации, объект, на который мы хотим его натравить, подходящее время, совершить необходимые приготовления и...

— Не гони, ладно? По одному шагу за раз. Содержание послания? То есть мы скажем, будто знаем что-то о той тайне, которую он оберегает?

— Именно. И собираемся в определенный момент ее раскрыть.

— А способ коммуникации? Как мы передадим ему это послание?

— Ты сама сказала сегодня утром. “Криминальный конфликт”. Брайан Борк. Ручаюсь, Паникос видел интервью с Лексом и, скорее всего, интервью с Джеком после пожара в Куперстауне.

Эсти поморщилась.

— Я, конечно, упоминала Борка... но теперь, как снова обо всем этом думаю, просто не представляю, чтобы наш псих часами просиживал у телевизора...

— Может, у него поисковик выставлен на определенные имена — Спалтер, Гурикос, Бинчер — так что, если средства массовой информации передают анонс новостей или еще что-нибудь, имеющее отношение к этому делу, он о том узнает.

Эсти настороженно кивнула в ответ.

Зато глаза Хардвика засверкали.

— Мерзавец Борк призывал меня держать его в курсе касательно развития ситуации. Так что я могу передать любое сообщение, какое мы только захотим.

Эсти повернулась к Гурни.

— Что подводит нас к тому, что мне особенно не понравилось в твоём плане. Наживка. Что ты под этим подразумевал?

Хардвик перебил ее.

— Все просто, детка. Он хочет натравить крошку Питера на нас.

Она заморгала.

— Дэйв? Ты вправду это имел в виду?

— Только если мы будем твердо уверены, что способны сохранить контроль над ситуацией — и что он попадет в нашу ловушку, а не мы в его.

На ее лице читалась тревога.

— Но, — быстро прибавил Гурни, — я не собирался делать мишенью нас.

Она уставилась на него во все глаза.

— А кого тогда?

Он улыбнулся.

— Себя.

Хардвик покачал головой.

— Куда логичней выбрать мишенью меня. Это ведь я появлялся в “Криминальном конфликте”. Он будет считать меня врагом номер один.

— Если я правильно помню, что ты там болтал, скорее — врагом полиции штата.

Хардвик проигнорировал эту колкость и подался вперед, для убедительности подняв указательный палец.

— Тут ведь, знаете, и еще один аспект есть. Я все думал про те выстрелы, которыми мне перебило провода и кабель. Помимо возможного предупреждения — не видеть зло, не слышать о зле, не говорить о зле, — там ведь могла иметься и дополнительная цель. Более практическая.

Он помолчал, чтобы удостовериться, что полностью овладел вниманием аудитории.

Гурни догадывался, что последует дальше.

— Этот Боло, с которым ты разговаривал, утверждал, что Паникос посещал дом на Экстон-авеню почти за неделю до того, как грохнул Карла. Вопрос — зачем? Ну, мне в голову приходит одна причина. Такой одержимый невротик захотел бы пристрелять ружье заранее — в нужном месте. Что скажешь?

Гурни одобрительно кивнул. Приятно было хоть время от времени убеждаться, что под раздражающей скорлупой Хардвика прячется крепкий и проникательный детектив.

Эсти нахмурилась.

— А какое отношение это имеет к выстрелам по твоему дому?

— Если он в состоянии уловить в перекрестье этого своего инфракрасного прицела мои провода и перебить их с первого выстрела, то может рассчитывать, что и мне между глаз пулю влепит с того же расстояния, едва я переступлю порог.

Вид у Эсти был такой, точно она изо всех сил старается не выказывать потрясения.

— Пристрелка на местности? Подготовка? Ты думаешь, цель тех выстрелов с холма именно в этом и состояла?

По холодному блеску в глазах Хардвика было совершенно ясно, что именно так он и думал.

Эсти что-то сказала.

Хардвик ответил.

Она сказала что-то еще.

Он ответил и на это.

Но мозг Гурни уже не воспринимал сказанное — ни единого слога после того, как Эсти произнесла “цель тех выстрелов с холма”.

А все потому, что он мысленно перенесся из дома Хардвика к себе. И теперь не мог думать ни о чем, кроме того, что в состоянии натворить один-единственный выстрел со склона Барроу-хилл.

Через двадцать минут, поставив обратно в угол лопату с налипшей на нее свежей землей, Гурни стоял около раковины в кладовой, с мрачной сосредоточенностью рассматривая слегка отмытые останки петуха, которого он только что выкопал из могилки под камнями. На грязной сушилке рядом с раковиной лежал шарфик Мадлен, весь в пятнах крови и грязи, — она завернула в него тельце Горация.

Эсти с Хардвиком, не получив ответа ни на один из града вопросов, которыми они забросали Гурни, стояли в дверях, с нарастающей тревогой наблюдая за ним. Гурни, то и дело задерживая дыхание, чтобы спастись от тухлого запаха, склонился над тушкой, вглядываясь в нее и стараясь выяснить, что стало причиной гибели петушка. Уверившись наконец, что неформальное дознание сказалось ему все, что можно было сказать, он выпрямился и, обернувшись к друзьям, объяснил:

— У Мадлен было три курицы — и петух. Она назвала его Горацием. — Произнося это имя, он ощутил легкий укол грусти. — Несколько дней назад она нашла его на траве мертвым и подумала, что ему откусил голову хорек. Кто-то нам рассказывал, что у них это в обыкновении. — От злости губы у него начали деревенеть. — В каком-то смысле она оказалась права. Это был хорек со снайперской винтовкой.

На лице Эсти сначала отобразилось лишь недоумение. Но потом вся важность сказанного дошла до нее.

— О господи!

— Твою мать! — пробормотал Хардвик.

— Не знаю уж, пристреливался он на будущее или хотел послать мне какое-нибудь сообщение, — произнес Гурни. — Но как бы там ни было, а маленький мерзавец меня на заметку тоже взял.

Глава 51

План

Мертвый петух, очевидный метод его убийства и стоящие за этим возможные мотивы еще более омрачили настрой совещавшихся.

Даже Хардвик словно бы приуныл: стоял у открытых французских дверей и смотрел через западное поле на Барроу-хилл. А потом перевел взгляд на Гурни, сидевшего за столом вместе с Эсти.

— По твоему мнению, стреляли с того места, что ты показал с утра, с верха тропы?

— Думаю, да.

— Диспозиция — дом, холм, лес, тропы — примерно такая же, как и у меня. Разница только та, что по моему дому он стрелял ночью, а по твоему петуху днем.

— Верно.

— Есть предположения, почему?

Гурни пожал плечами.

— Только самые очевидные. Ночь — самое драматическое время для того, чтобы вырубить электричество. Но если хочешь застрелить нашу курицу, придется стрелять днем. Ночью они заперты в сарае.

Пока Хардвик обдумывал услышанное, наступила тишина — нарушенная Эсти.

— Так вы, парни, считаете, что Паникос послал вам обоим одно и то же предупреждение — бросить дело, потому что вы попали в поле его зрения?

— Ну, что-то типа того, — согласился Гурни.

— Тогда позвольте задать один важный вопрос. Сколько, по-вашему, ему понадобится, чтобы перейти от стрельбы по курам к..?

Она многозначительно умолкла.

— Если он и вправду хочет, чтобы мы бросили дело, то, бросив, мы можем предотвратить его дальнейшие действия. Если же мы не бросим, он может нанести удар довольно быстро.

Ей потребовалась пара секунд, чтобы уяснить суть.

— Отлично. Тогда что мы намерены делать? Или — не делать?

— Продолжать. — Сообщи Гурни, что хочет досыпать соли в солонку, голос его не мог бы звучать более буднично. — Мы продолжаем, тем самым дав ему убедительные причины убить меня. Плюс необходимость спешить. Место можно не выбирать — он уже сам выбрал.

— Ты имеешь в виду... здесь, у тебя?

— Ну да.

— И как, по-твоему, он..?

— Возможностей уйма. Самая правдоподобная догадка? Попытается поджечь дом, когда я внутри. Скорее всего, при помощи зажигательного устройства с дистанционным управлением, как в Куперстауне. А потом застрелить меня, когда я выскочу.

Она снова широко распахнула глаза.

— Откуда тебе знать, что он сначала займется тобой, а не Джеком? Или даже мной?

— Мы можем указать ему нужное направление при помощи Брайана Борка.

Как Гурни и предполагал, Хардвик принялся возражать — повторяя аргументы, что уже успел пригрозить Паникосу, а значит, его легко будет выставить в качестве мишени, — но аргументам этим уже не доставало обоснованности и весомости.

Похоже, петух склонил чашу весов в сторону Гурни.

Оставалось лишь обсудить подробности, логистику и кто за что отвечает.

Через час, испытывая смешанное чувство решимости и неясных опасений, они разработали план.

Эсти, делавшая во время обсуждения короткие пометки, казалась наименее удовлетворенной итогом. Когда Гурни спросил, что ее волнует, она замялась.

— Может... может, пройдемся по всей схеме еще разок? Если ты не против?

— Против? Держи карман шире! — пробурчал Хардвик. — Шерлок весь этот стратегический вздор просто обожает. — Он поднялся из-за стола. — Ладно, пока вы проходите по плану еще разок, я займусь чем-нибудь полезным, да хоть теми же звонками. Надо как можно скорее привлечь к игре Борка — а еще надо убедиться, что у Скрэнтонна есть в наличии все, что нам потребуется.

“Скрэнтон. Слежка и Самооборона” был чем-то вроде магазина всевозможной техники и оружия, основную клиентуру которого составляли охранные агентства, антиправительственные параноики и быто-

вые маньяки разного калибра. На логотипе фирмы красовались три гремучие змеи с торчащими ядовитыми зубами. Продавцы щеголяли в беретах в стиле коммандос и камуфляже. Гурни заходил туда один раз, из чистого любопытства, — и ушел с неприятным чувством, будто побывал в другой вселенной. Тем не менее это был наиболее удобный источник электронного оборудования, которое им сейчас понадобилось.

Хардвик вызвался туда съездить — но хотел сперва убедиться, что в магазине все есть. Он повернулся к Гурни.

— Где тут у вас телефон лучше всего ловит?

Отправив его к боковой двери с другой стороны от двора, Гурни повернулся к Эсти, все еще сидевшей за столом с беспокойством на лице.

Усевшись напротив, он повторил план, который они обсуждали весь минувший час.

— Наша цель — внушить Паникосу, будто я собираюсь появиться в понедельник в “Криминальном конфликте” и рассказать там все, что нарыл по убийству Спалтера, в том числе раскрыть ту самую тайну, которую он так усиленно оберегает. Джек уверен, что сможет убедить Брайана Борка и “РАМ-ТВ” все воскресные крутить анонсы, в которых это будет говориться.

— Но что потом, в понедельник, когда настанет время выступить в программе? Что ты на самом деле скажешь?

Гурни уклонился от вопроса.

— Если нам повезет, к тому времени игра уже закончится и нам не придется показываться на этой передаче. Вся суть — в рекламе наших предполагаемых сенсационных улик и в угрозе, адресованной Паникосе, —

чтобы ему стало необходимо заставить меня замолчать до времени выхода понедельничного выпуска.

Похоже, все это не слишком приободрило Эсти.

— А что будет говориться в этой рекламе?

— Мы поработаем над формулировками позже, но главное — заставить Паникоса поверить, будто я знаю о деле Спалтеров что-то суперважное, чего не знает никто, кроме меня.

— А он не предположит, что ты поделился своими открытиями с Джеком и мной?

— Скорее всего, предположит, — улыбнулся Гурни. — Вот почему я и думаю, что вам с Джеком придется погибнуть в автокатастрофе. Борк будет только счастлив включить в анонс еще и это. Трагедия, разлад, драма — все сплошь волшебные слова “РАМ-ТВ”.

— В автокатастрофе? Это ты еще о чем?

— Только что придумал. Но мне нравится идея. И уж точно сузит круг потенциальных мишеней для Паникоса.

Эсти посмотрела на него долгим скептическим взглядом.

— По мне, это чересчур. Ты уверен, что команда “РАМ-ТВ” согласится на это дерьмо?

— Как мухи, слетающиеся на эту же самую субстанцию. Ты забываешь, что “РАМ” дерьмом и живет. От дерьма рейтинги выше. У них весь бизнес на нем построен.

Она кивнула.

— Так это все — как воронка. Все так подстроено, чтобы направить Паникоса на одно решение, одного человека, одно место.

— Именно.

— Но воронка-то ненадежная. А сосуд, в который она ведет, — вдруг там дырки?

— Какие еще дырки?

— Ну допустим, твой план сработает, Паникос услышит в воскресенье анонс, купится на все это дерьмо, поверит, что ты знаешь его тайну, а мы с Джеком вышли из игры — автокатастрофа там или еще что, — сочтет, что неплохо бы тебя убрать и заявится сюда... когда? Ночью с воскресенья на понедельник? Утром?

— Я бы сделал ставку на ночь.

— Хорошо. Допустим, он придет за тобой ночью. Может, пешком через лес, может, на мотоцикле. Может, с зажигательными бомбами, может, с ружьем или с тем и другим сразу. Так?

Гурни кивнул.

— А какая у нас защита против всего этого? Камеры на лугу? Камеры в лесу? Передатчики, по которым изображения подаются в дом? Джек с “Глоком”, я с “Зигом” и ты со своей крошкой “Береттой”? Я правильно уловила смысл?

Он снова кивнул.

— И я ничего не упустила?

— Например?

— Ну, например, идею позвать кавалерию, чтобы та спасла наши задницы! Вы с Джеком что, забыли, чтостряслось в Куперстауне? Три огромных дома сгорело, семеро погибших, одной головы не хватает. Память вам, что ли, отшибло?

— Не нужно никакой кавалерии, детка, — с усмешкой перебил ее Хардвик, возвращаясь со двора. — Просто позитивный настрой и наилучшие на рынке инфракрасные камеры. Я только что договорился о краткосрочной аренде всего, что нам понадобится. Плюс полное сотрудничество ребят с “РАМ-ТВ”. Так что

планчик крошки Дэйва, как бы заставить леопарда напасть на ягненка, может и сработать, чтоб его.

Она смотрела на него, как на ненормального.

Хардвик повернулся к Гурни и продолжал, будто тот попросил его уточнить:

— У Скрэнтоня приготовят все завтра к четырем часам.

— То есть, ты вернешься сюда, когда уже стемнеет, — заметил Гурни. — Не лучшее время, чтобы расставлять оборудование по лесу.

— Ну и ладно. У нас на установку есть еще воскресное утро. А потом займем позиции. Продюсер Борка сказал, они начнут давать анонсы во время утреннего воскресного выпуска, а потом весь день, до самого последнего выпуска новостей.

— И они на это согласились? — кисло спросила Эсти. — Вот так просто?

— Вот так просто, крошка.

— И их не волнует, что это сплошь брехня и выдумки?

Хардвик прямо-таки сиял.

— Ничутьточки. А с какой бы стати? Борк обожает всевозможные катастрофы, а все это напоминает именно катастрофу.

Эсти легонько кивнула — скорее смирившись, чем соглашаясь.

— Кстати, Дэйви, — продолжал Хардвик. — На твоём месте я убрал быдохлого петуха из раковины. Во-нища от него та еще.

— Ладно, я им займусь. Но сначала — хорошо, что ты мне напомнил, — один нюанс. У нас тут еще маленькое дополнение к анонсу на “РАМ-ТВ”. Трагическая автокатастрофа.

Глава 52

Флоренция в огне

После того как Хардвик и Эсти уехали — ее юркий “Мини” и его громыхающий “Понтиак” завернули за сарай и покатали вниз по дороге, — Гурни остался сидеть, глядя на грудку досок и раздумывая над проектом постройки курятника, для которого эти доски предназначались.

От курятника мысли его вернулись к Горацию. Гурни заставил себя вылезти из кресла и отправиться в кладовую.

Чуть позже, снова захоронив петуха и вернувшись в дом, он осознал, что организованность и собранность, владевшие им во время встречи с Хардвиком и Эсти, куда-то улетучились. Теперь он сам поражался, до чего же схематично и обрывочно, зависит от импровизаций то, что он так отважно называет планом. Теперь вся эта скороспелая затея казалась полнейшим дилетантством, плодом злости, самоуверенности и необоснованного оптимизма, без учета фактов и реальных возможностей. Ни его спокойствие, ни бравада Хардвика тут были неуместны. Гораздо адекватнее — тревожная неуверенность Эсти.

Да что они, в конечном итоге, знали про Петроса Паникоса помимо сплетения слухов и рассказней, исходящих из источников самой разной степени надежности? Недостоверность информации открывала двери очень широкому спектру возможностей.

Так в чем же он все-таки уверен?

По правде сказать, мало в чем. Если не считать непримиримости и жестокости врага — его не раз доказанной готовности пойти на что угодно, лишь бы достичь цели и настоять на своем. Если, как учил один из профессоров Гурни по философии, зло — это “разум на службе у аппетита, не сдержанного никакой моралью”, то Питера Пэна можно было назвать настоящим воплощением зла.

Хорошо. А еще в чем он уверен?

Коли уж на то пошло, не оставалось сомнений и в том, что карьера Эсти под угрозой. Эсти поставила на карту все, лишь бы помочь им в предприятии, более всего напоминающем сейчас летящий под откос поезд.

И еще один неоспоримый факт. Гурни вновь подставился под прицел безжалостного убийцы. Хотелось бы, конечно, хоть самому поверить, что на сей раз все обстоит иначе — что обстоятельства требовали подобного риска, но он знал, что никого не сумеет убедить в этом. Уж точно не Мадлен. Уж точно не Малькольма Кларета.

В жизни нет ничего важнее любви.

Так сказал Кларет, когда Гурни уходил из его маленького кабинета, переделанного из летней веранды.

Размышляя теперь над этой фразой, Гурни осознал две вещи. Во-первых, это абсолютная правда. И во-вторых, совершенно немыслимо всегда держать эту исти-

ну в голове на переднем плане. Противоречие поразило Гурни, показалось очередной пакостной шуточкой, какую разыгрывает с людьми их природа.

От дальнейшего сползания в омут бессмысленных умопостроений и депрессии его спас звонок домашнего телефона в кабинете.

На экране высветилось имя Хардвика.

— Да, Джек?

— Через десять минут после того, как я уехал, мне позвонил кореш из Интерпола. Судя по его тону — в последний раз позвонил. Слишком уж настойчиво я вытягивал из него все мельчайшие детали, какие он только мог раскопать в старых документах по семейству Паникосов. Прилепился к нему, как пиявка, — что вообще-то не в моей натуре, но ты ведь хотел побольше информации, а я живу ради служения тем, кто достойнее меня.

— Похвальное качество. И что ты обнаружил?

— Помнишь пожар в деревне Ликонос, при котором сгорела семейная сувенирная лавка? И погибло все семейство, кроме усыновленного поджигателя. Так вот, выяснилось, что это была не просто сувенирная лавочка, а у нее еще был маленький филиал, вроде дочернего предприятия, которым заправляла мать. — Он помолчал. — Продолжать надо?

— Дай, угадаю. Это была цветочная лавка. А мать звали Флоренс.

— Флоренсия, если уж совсем точно.

— Она погибла со всей семьей, да?

— Ну да, в огне — все до одного. А теперь маленький Питер разъезжает в фургончике с надписью “Цветы Флоренции”. Какие идеи на этот счет, старичок? По-твоему, убивая людей, он о мамочке думает?

Гурни ответил не сразу. Второй раз за день употребленное собеседником словосочетание — в первый раз это были слова Эсти про “выстрелы с холма” — заставило его отвлечься от темы. На сей раз эту роль сыграло Хардвиково “в огне”.

Ему вдруг вспомнилось одно из старых дел, где фигурировал сгоревший автомобиль. Он потом использовал это дело в качестве примера на семинаре “Психология расследования” в академии. Странность же заключалась в том, что вот уже в третий раз за последние дни то дело всплывало у него в памяти. Сейчас отправная точка — слова “в огне” — вроде бы логична, но в двух предыдущих случаях никакой явственной связи не просматривалось.

Гурни считал, что лишен суеверий и предрассудков, но когда что-то такое — в данном случае одно конкретное дело — снова и снова вторгалось в его сознание, он научился не игнорировать эту подсказку. Вопрос только в том, что ему теперь с ней делать.

— Эй, старичок, ты еще там?

— Здесь, здесь. Просто задумался кое над чем из твоего рассказа.

— Тебе тоже сдается, что у нашего маньячка были проблемы с мамочкой?

— С серийными убийцами случается.

— Верно. Материнская магия. В общем, пока все. Просто решил, ты захочешь знать про Флоренсию.

Хардвик разъединился. Гурни, мысли которого были заняты старым делом со сгоревшим автомобилем, не возражал. В прошлый раз это же дело всплыло у него в памяти после истории Эсти о стрельбе в переулке. Что же между этими случаями общего? Возможно ли,

что оба каким-то образом соотносятся с делом Спалтеров? Лично он никакой связи не улавливал. Но, может, Эсти найдет?

Он позвонил ей на мобильник, нарвался на автоответчик и оставил короткое сообщение.

Она перезвонила минуты через три.

— Привет. Случилось что-нибудь? — В голосе слышались отзвуки все той же тревоги, что и с утра, на встрече.

— Ничего плохого. Может, я только зря тебя дергаю. Но у меня вдруг возникло ощущение, будто существует связь между двумя старыми делами — тем, вашим, со стрельбой, и еще одним. И возможно, вдобавок между ними и делом Спалтеров.

— Какая еще связь?

— Да вот не знаю. Может, если я тебе изложу то старое дело, ты заметишь что-то, что я упустил?

— Конечно. Отчего бы нет? Не знаю, смогу ли помочь, но выкладывай.

Гурни чуть извиняющимся тоном начал рассказывать:

— На первый взгляд казалось, что место происшествия вопросов не вызывает. Мужчина среднего возраста возвращался вечером домой с работы. Дорога шла под гору и внизу поворачивала. Но его машина поехала прямо вперед, проломила ограждение и застряла в расщелине носом вниз. Бензобак взорвался. Пламя было сильное, но от водителя осталось достаточно, чтобы провести вскрытие, которое показало, что перед пожаром с ним приключился обширный инфаркт. Что и посчитали причиной потери управления и последующего несчастного случая. На том бы и делу конец, если бы следователя не одолевали какие-то непонятные

и неотвязные сомнения. Он отправился туда, куда эвакуировали автомобиль, и еще раз его хорошенько осмотрел. И заметил, что места самых сильных повреждений от аварии и от пожара в самой машине не соответствуют повреждениям снаружи. Тогда он отправил автомобиль на всестороннюю экспертизу.

— Постой секундочку, — перебила Эсти. — Ты сказал, повреждения внутри и снаружи не стыковались?

— Следователь заметил, что пассажирское отделение носило следы ударного теплового повреждения, не соответствующие наружным повреждениям. А разгадка, найденная при экспертизе, состояла в том, что взрывов было два. Еще до того, как взорвался бензобак, произошел небольшой взрыв внутри, в салоне, — под водительским сиденьем. Именно этот первый взрыв и стал причиной потери управления и сердечного приступа у водителя. Дальнейшие химические исследования показали, что и первый взрыв, и взрыв бензобака были активированы дистанционно.

— Откуда?

— Скорее всего, из машины, ехавшей вслед за машиной жертвы.

— Гмм. Интересно. Но к чему ты это все?

— Не знаю. Может, и ни к чему. Но почему-то мне снова и снова вспоминается эта история. Первый раз — когда ты рассказала про стрельбу в переулке за складом. Один мой знакомый психолог говорит, есть такое явление — резонанс паттерна, — когда одно явление напоминает нам другое потому, что структура у обоих сходная. Даже если мы на сознательном уровне не осознаем этого сходства.

Эсти лишь еле слышно хмыкнула в ответ.

Гурни испытывал неловкость, отчасти даже смущение. Он всегда охотно делился идеями, опасениями, гипотезами. Но совсем другое дело — делиться ощущением, что зашел в тупик, что не можешь уловить связи, которая, как ты надеешься, должна существовать.

Когда Эсти наконец заговорила, голос у нее звучал неуверенно.

— Кажется, я понимаю, о чем ты. Дай мне время поразмышлять об этом, ладно?

Глава 53

Жуткое затишье

Ощущение, что он поступил нечестно, перевалив свою проблему на Эсти, не оставляло Гурни и вечером. Ведь умение найти закономерности в происходящем, связать разные части головоломки между собой всегда считалось именно его сильной стороной, не чьей-то еще.

Солнце село, на холмах и полях вокруг дома медленно меркли краски. Время ужина давно наступило, но есть не хотелось. Он сварил себе кофе и выпил без молока. Единственная уступка необходимости подкрепиться состояла лишь в дополнительной ложке сахара.

Возможно, он всматривался в проблему слишком пристально, слишком прямолинейно. Возможно, это еще один пример эффекта тусклой звезды — феномена, открытого им как-то ночью, когда он лежал в гамаке и смотрел на небо. Некоторые звезды находятся так далеко, что центральная часть сетчатки глаза, чуть менее чувствительная, чем остальная поверхность, просто не регистрирует их слабые лучики света. Увидеть такие звезды можно лишь, когда смотришь на несколь-

ко градусов вбок. Для прямого взгляда звезда невидима. Но посмотри в сторону — и вот она!

С обескураживающими загадками сплошь и рядом та же история. Отпусти загадку ненадолго, отвлекись — кто знает, вдруг ответ появится сам собой. Имя или название, которое ты так мучительно вспоминаешь, могут всплыть из памяти, когда ты прекратишь мучиться. Гурни отлично знал это, даже разработал собственную теорию о том, как это работает, но природное упорство — Мадлен называла это упрямством — мешало хоть ненадолго отрешиться от проблемы. Иногда помогало банальное утомление. Иногда — внешнее вмешательство, например, вот как сейчас: телефонный звонок.

Звонил Кайл.

— Привет, пап, как там у тебя?

— Отлично. Ты еще в Сиракузах?

— Ага. На самом деле, я подумал, задержусь тут, наверное. В университете в эти выходные большущая выставка, и у Ким там тоже кое-что, какие-то видео. Ну вот я и решил, останусь тут до обеда, а потом... посмотрим. Вообще-то с самого начала, собираясь к тебе, я подумывал, не съездить ли на ярмарку, но теперь... учитывая твою ситуацию...

— Нет никаких причин не ездить! Я слегка беспокоился только о том, что ты будешь сидеть здесь, дома — да и на этот счет, скорее всего, волновался куда сильнее, чем следует. Если хочешь на ярмарку — на здоровье.

Кайл неуверенно вздохнул.

— Нет, правда. Езжай. Никаких причин не ездить.

Еще один вздох, потом пауза.

— Субботний вечер — большое событие, да? Все эти основные мероприятия?

— Насколько я знаю.

— Ну, может тогда, я заскочу взглянуть одним глазком на обратной дороге. Может, как раз на гонки на выживание. Свяжусь с тобой, когда определюсь с планами.

— Отлично. И не волнуйся. Тут все будет хорошо.

— Ладно, пап. Но ты там поосторожнее, а?

Хотя звонок продолжался меньше двух минут, он на битых полчаса увел мысли Гурни в новое русло — от треволнений с расследованием к отцовскому беспокойству.

Наконец, сказав себе, что возможный роман Кайла с Ким Коразон — не его ума дело, он попытался вновь сосредоточиться на неразберихе вокруг дела Спалтеров и на Питере Пэне.

На сей раз помехи в виде звонка уже не потребовалось — вмешалось изнеможение: усталость, при которой уже невозможно думать четко и логично.

Тогда-то, сидя перед еще открытыми двойными дверями и наблюдая, как сумерки перетекают в ночь, он и услышал знакомый заунывный звук в лесах — прежний дрожащий вой, — за которым последовала глубочайшая тишина, еще более странная и тревожная, чем сам вой. Усталому, оцепенелому разуму Гурни она казалась безмолвием пустоты и одиночества.

Молчание прервал тихий рокот, исходящий непонятно откуда — казалось, от самой земли. Или от неба? Скорее всего — дальние раскаты грома, подхваченные и приглушенные окрестными холмами и долинами. Когда рокот умолк, словно ворчание старого пса, его сменило неуютное безмолвие, жуткое затишье, которое в силу каких-то прихотливых игр сознания вызвало в памяти Гурни детское воспоминание о мертвя-

щей полосе отчуждения, ничьей земле между его родителями.

Именно этот неприятный поворот потока сознания наконец убедил Гурни, что ему отчаянно требуется сон, и погнал в постель — но сперва Гурни запер все окна и двери, прочистил и зарядил “Беретту” тридцать второго калибра и положил надежный маленький револьвер рядом с собой на ночной столик.

Часть четвертая
Триумф
справедливости

Пролог

Тигриный рык

Дрозды галдят отчаянно.

Он отрывает взгляд от телефона, в который вводил особый список номеров. Он знает: для дроздов этот галдеж — способ защиты территории, сигнал тревоги для всех собратьев, призыв объединиться против чужака.

Впрочем, ни одно из собственных его электронных охранных устройств не мигает — а значит, людей вокруг нет. Но он все равно по очереди выглядывает в каждое из четырех маленьких окошек в стенках крохотного строеньица из шлакобетона, осматривает бобриную заводь и болотистый лесок вокруг.

На верхушках трех торчащих из воды мертвых деревьев покачиваются вороны. Ага, вот они, виновницы переполоха среди дроздов. Вот кому адресованы высокие, пронзительные крики. Мысли о бдительности дроздов очень его ободряли. Совсем как скрипящие ступеньки — вовремя предупредят о незваных гостях.

Или как сама эта тесная, унылая хибарка посреди сотен акров чахлых, низкорослых деревьев и болот. Находиться в ней очень спокойно. До нее трудно до-

браться, и на вид она совсем утлая — идеальное временное пристанище. У него было много таких временных жилищ. Мест, где можно устроиться на время очередного задания. На время выполнения контрактов. Конкретно это место, куда не вело ни одной тропы, видимой с проезжей дороги, всегда казалось ему надежнее остальных.

Жирдяй Гас олицетворял другой тип улик. Улик, связанных с секретной информацией. Потенциально губительной информацией. Однако эти улики стерты, стерты совсем. Отчего дело с Бинчером, Хардвиком и Гурни становится особенно непостижимым. Особенно бесит.

При мысли о Бинчере взгляд его скользит в темный угол голого, точно гараж, помещения. К синему с белым пластиковому переносному холодильнику для пикников. Питер Пэн улыбается. Однако улыбка быстро гаснет.

А все потому, что кошмар возвращается к нему, как и прежде, — теперь он даже еще живее. Кошмарные образы теперь почти не покидают его — с того самого мгновения, как он заметил колесо обозрения на ярмарке.

Колесо обозрения просочилось в его кошмар — встало в один ряд с несущейся от каруселей музыкой, жутким смехом. Отвратительный, вонючий, сопливый клоун. Басовитый, вибрирующий тигриный рык.

А теперь еще Хардвик и Гурни.

Кружат вокруг, все ближе и ближе.

Воронка сужается, решающее столкновение неизбежно.

Риск велик, но и награду сулит немалую. Неимоверное облегчение.

Возможно, удастся наконец стереть тот кошмар.

Он идет в самый темный угол комнаты к маленькому столику. На столе стоит большая свеча, рядом коробок спичек. Взяв спички, он зажигает свечу.

Зажигает свечу и смотрит на язычок пламени. Ему нравятся форма, чистота, сила огня.

Он рисует в воображении открытое столкновение. Языки пламени. По лицу снова расплывается улыбка.

Он возвращается к телефону — продолжает вбивать особые номера.

Пронзительно галдят дрозды. Вороны беспокойно покачиваются на верхушках черных сухих деревьев.

Глава 54

Загнан в угол

Гурни не придавал особого значения снам. В противном случае фантасмагорический марафон этой ночи дал бы ему пищу для доброй недели непрерывного анализа. Однако он придерживался прагматической точки зрения — и, как правило, весьма невысокого мнения — об этой диковинной веренице образов и событий.

Он давно привык верить, что все они — не больше, чем побочный продукт еженощного процесса обработки и каталогизации, проводимого мозгом в ходе переноса записанного опыта из краткосрочной памяти в долгосрочную. Обрывки зрительной и слуховой информации перемешиваются, налетают друг на друга, нити повествования натягиваются, эпизоды разыгрываются — но смысла во всем этом не больше, чем если нарезать лапшой ворох старых фотографий, любовных писем или деловых бумаг и дать их перетасовать обезьяне.

Единственным практическим результатом ночи беспокойных видений стала повышенная потребность в сне, отчего Гурни встал на час позже обычно

го и с легкой головной болью. Когда он наконец сделал первый глоток кофе, солнце, бледное в тонкой утренней дымке, уже поднялось над восточным гребнем. Гурни все не покидало ощущение неестественной тишины, возникшее минувшей ночью после зловещего воя в холмах.

Он чувствовал, что загнан в угол. Загнан в угол собственным нежеланием вовремя прекратить всю эту игру. Собственным стремлением держать все в своих руках, допытываться, доводить до конца. Своим же собственным “планом” переломить ход событий, спровоцировав убийцу на глупый и роковой риск. Болтаясь взад-вперед по воле разнонаправленных течений, одно из которых сулило успех, а второе — полное поражение, Гурни предпочел искать утешения в действии.

Хардвик должен был к вечеру привезти от Скрэнтона видеокамеры. Значит, остается завтрашнее, воскресное утро на то, чтобы установить их так, чтобы засечь любого, кто приблизится на расстояние мили к дому Гурни. Продуманная установка камер наблюдения играла в этой задаче жизненно важную роль, а выбрав места сегодня, можно сэкономить драгоценное время завтра.

Гурни отправился в кладовку и натянул резиновые сапоги до колен — защиту от колючих веток чертополоха, ежевики и дикой малины. Заметив, что в помещении еще пахнет тухлым после вчерашнего петуха, он открыл окно и впустил свежего воздуха, а тем временем пошел к груде материалов, предназначенных для постройки курятника, и выудил оттуда металлическую рулетку с метром, моток желтой бечевки и складной нож. Захватив это все с собой, он двинулся к лесу

на дальней стороне пруда, чтобы начать поиск и разметку мест для видеокамер.

Цель состояла в том, чтобы выбрать такие точки, чтобы установленные там видеокамеры, активируемые движением, и беспроводные передатчики полностью просматривали лес и луга на подходе к дому. По словам Хардвика, каждая камера должна была определять координаты местоположения и отображать эту информацию вместе с самим видео на приемный монитор в доме, так что местонахождение Питера Пэна — или любого другого чужака — мгновенно станет известно.

Размышляя над техническими характеристиками оборудования, Гурни испытывал если и не оптимизм, то хотя бы некоторое освобождение от страха, что план слишком ненадежен и не сработает. Процесс сосредоточенного измерения углов и расстояний тоже возымел на него благотворное воздействие. Принявшись за дело с решимостью и твердой дисциплиной, он справился с задачей за четыре с небольшим часа.

Гурни распланировал обход принадлежавшего им участка в пятьдесят акров так, чтобы описать полный круг вокруг вершины Барроу-хилл. Он был уверен: Паникос выберет именно это место. А потому и сам хотел удержать в памяти все особенности этого места, со всем его множеством троп и подъемов.

К дому он вернулся уже в середине дня. Утренняя поволока сгустилась, затянула небо безликим серым пологом. Не было ни ветерка — но это бездвижие не несло с собой покоя. Стягивая в кладовке сапоги, он скользнул взглядом по раковине и вдруг задумался, когда и как рассказать Мадлен о причине смерти петушка. Вопросы “говорить ли вообще” не возникало. Мадлен

всегда предпочитала правду уклончивости — и за важные упущения пришлось бы заплатить слишком высокую цену. Немного поразмыслив над тем, как и когда рассказать, он решил, что чем скорее, тем лучше — и с глазу на глаз.

Получасовая дорога до фермы Уинклеров прошла в предчувствии неприятного разговора. Ясно было, что необходимо рассказать правду, но легче от этого осознания не становилось.

Уже за четверть мили до фермы до него дошло, что стоило бы позвонить. А вдруг сейчас все на ярмарке? Или Уинклеры-то дома, а Мадлен еще не вернулась? Однако, едва вырулив на подъездную дорожку к дому, он заметил Мадлен: стоя в загоне, она любовалась маленькой козочкой.

Гурни припарковался у дома и подошел к загону. При виде его Мадлен не выказала ни малейшего удивления: лишь короткая улыбка и долгий изучающий взгляд.

— Общаешься с козами? — спросил Гурни.

— Говорят, они на редкость умные.

— Да-да, я слышал.

— Что обдумываешь?

— В смысле, зачем приехал?

— Нет, в смысле — вид у тебя такой, точно ты что-то обдумываешь, что тебе покоя не дает. Вот и интересуюсь.

Он вздохнул и попытался сбросить напряжение.

— Дело Спалтеров.

Она ласково гладила козу по голове.

— Что-то конкретное?

— Да так, пара вещей. — Он предпочел рассказывать сначала о менее пугающих вещах. — Почему-то мне все

время вспоминается одно старое расследование по делу об автокатастрофе.

— Есть какая-то связь?

— Не знаю. — Он поморщился. — Боже!

— Что?

— Ну и воняет же здесь навозом.

Она кивнула.

— Мне даже нравится.

— Нравится?

— Такой естественный запах фермы. Как и должно быть.

— Боже.

— Так что с той автокатастрофой?

— А нам обязательно стоять среди коз?

Мадлен огляделась и махнула рукой на изъеденный непогодой стол для пикников на лужайке за домом.

— Пойдем туда?

— Давай.

Она еще несколько раз легонько погладила козу по голове, а потом вышла из загона, заперла калитку и первой направилась к столу.

Они сели напротив друг друга, и Гурни рассказал ей историю про автокатастрофу и взрывы: как сперва ситуацию истолковали неправильно и что сумели обнаружить потом — совсем как недавно излагал эту же историю Эсти.

Когда он закончил, Мадлен посмотрела на него озадаченно.

— И что?

— Ну просто все время вспоминается, а я не понимаю, почему. Есть идеи?

— Идеи?

— Показалось ли тебе что-нибудь в этой истории особенно важным?

— Да нет, не особо. Кроме самого очевидного.

— И это очевидное...

— Последовательность.

— То есть?

— Ошибочное предположение, что сердечный приступ приключился до аварии, а авария — до взрыва, тогда как на самом деле сперва был взрыв, а уже потом все остальное. Хотя, конечно, предположение-то было очень логичное. У мужчины средних лет случается сердечный приступ, он теряет управление, съезжает с дороги, разбивает машину, бензобак взрывается. Все очень логично.

— Логично, да, только неверно. Я именно поэтому всегда привожу в пример этот случай на семинарах: как версия может казаться совершенно логичной, но при этом быть ошибочной. Наш мозг так любит связность, что путает логичность с истиной.

Мадлен с любопытством наклонила голову набок.

— Если ты сам это все знаешь, зачем меня спрашиваешь?

— Вдруг ты увидишь что-то, что я упустил.

— Прodelал всю дорогу сюда, чтобы рассказать мне эту историю?

— Не только. — Он замялся было, но потом заставил себя произнести: — Я кое-что выяснил насчет петушка.

Она заморгала.

— Горация?

— Выяснил, отчего он погиб.

Она сидела совсем неподвижно, выжидая.

— Это был не дикий зверь. — Гурни снова замялся. — Кто-то его застрелил.

Она распахнула глаза.

— Кто-то?

— Я точно не знаю, кто.

— Дэвид, не надо... — в голосе ее появилась предостерегающая нотка.

— Не знаю точно, но вполне возможно, что Паникос.

Дыхание Мадлен сбилось, лицо залила еле сдерживаемая ярость. — Тот ненормальный убийца, которого ты выслеживаешь? Он... убил Горация?

— Точно не знаю. Я сказал — возможно.

— Возможно. — Она повторила это слово, точно оно было начисто лишено значения. Глаза впились в глаза Гурни. — Зачем ты приехал мне это рассказать?

— Думал, так будет правильно.

— Это единственная причина?

— Какая еще?

— Вот ты мне и скажи.

— Не понимаю, к чему ты. Я просто решил, что надо тебе сказать.

— Как ты это выяснил?

— Что его застрелили? Осмотрев тело.

— Ты его выкопал?

— Ну да.

— Зачем?

— Затем... затем, что... ну, просто наш вчерашний разговор навел меня на мысль, вдруг его застрелили.

— Вчерашний разговор?

— Встреча с Хардвигом и Морено.

— И сегодня ты решил, что мне надо знать? А вчера мне еще не надо было знать?

— Я тебе все рассказал, как только понял, что нужно это сделать. Может, стоило рассказать еще вчера, да. К чему ты это все?

— Я как раз спрашиваю себя — к чему это ты?

— Не понимаю.

Губы ее скривились в ироничной улыбке.

— Что у тебя там дальше по расписанию?

— По расписанию? — До Гурни начало доходить, о чем был весь этот разговор. Понял он и то, что Мадлен, как это за ней водилось, на основании очень скудных данных быстро добралась до финишной черты. — Надо взять Паникоса, пока он не убрался обратно невесть куда, где отсиживается между заданиями.

Мадлен кивнула, но кивок этот не выражал ровным счетом ничего.

— Пока он верит, что мы способны здорово ему навредить, он будет околачиваться вокруг и... пытаться нам помешать. Мелькнет в поле нашего зрения, так что его можно будет поймать.

— Можно будет поймать. — Мадлен произнесла эту фразу медленно и раздумчиво — как будто суммируя все самые обманчивые формулировки в мире. — И ты хочешь, чтобы я оставалась тут, чтобы ты сам мог рисковать жизнью, не волнуясь за меня.

Это был не вопрос, так что Гурни и не стал отвечать.

— И в этой игре приманкой снова будешь ты?

Это тоже был не вопрос.

Оба долго молчали. Низко нависшее небо потемнело, налилось свинцовым оттенком, точно уже смеркалось. В доме зазвонил телефон, но Мадлен даже не шелохнулась, чтобы ответить. Он прозвонил семь раз.

— Я спросила Денниса о той птице, — сказала она.

— Какой птице?

— Той, странной, которую мы иногда слышим под вечер. Деннис с Дейдре тоже ее слышали. Он справлялся

в горном центре охраны дикой природы. Ему там сказали — это такая редкая разновидность плачущей горлицы, водится только в горах штата Нью-Йорк и кое-где в Новой Англии, но только в горах, на определенной высоте. Местные аборигены считали ее священной птицей. Называли Духом, Говорящим за Умерших. Шаманы интерпретировали ее крики. Иногда слышали в них обвинения, иногда — слова прощения.

Гурни гадал, что за цепь ассоциаций привела Мадлен к плачущей горлице. Иногда, когда ему казалось, что она сменила тему разговора, потом выяснялось, что вовсе и не сменила.

Глава 55

В кольце букетик роз

На обратном пути с фермы Уинклеров Гурни попеременно ощущал то свободу, то скованность по рукам и ногам.

Свобода — претворять план в жизнь. Скованность — от ограничений этого самого плана, шатких догадок, на которых он зиждется, от собственного стремления ломиться вперед. Наверное, Малькольм Кларет и Мадлен все же правы: в этом стремлении к риску есть что-то патологическое. Однако самопознание — еще не панацея. Знание, кто ты такой, не заставляет тебя измениться.

Самое главное для него сейчас заключалось в том, что Мадлен собиралась оставаться у Уинклеров по меньшей мере до вечера вторника, последнего дня ярмарки. На ферме, в безопасности. А сейчас еще только суббота. Анонсы его разоблачительного выступления в понедельникном выпуске “Криминального конфликта” — в прямом эфире, из дома в Уолнат-Кроссинге — начнутся завтра, в воскресной утренней программе. Причем в них будет обещано разоблаче-

ние не только личности стрелка из дела Спалтеров, но и тайн, которые он пытался сохранить. Если Паникос захочет предотвратить выход в эфир этой передачи, временное окно для того, чтобы нанести удар, у него будет очень узкое: с утра воскресенья до вечера понедельника. И Гурни собирался как следует подготовиться к его приходу.

Ведя машину по темнеющей дороге вверх по холму, к дому, он пытался набраться уверенности, но загадочная история Мадлен про чертову птицу, вестника духов, на корню убивала все прагматичные соображения.

Вывернув из-за сарая и увидев впереди дом, он обнаружил, что над боковым входом и в кладовой горит свет. Быстрый выброс адреналина почти тут же сошел на нет, сменившись беспокойным любопытством при виде отсвета фар на хромированном боку “БСА” Кайла. Проехав через луг, он припарковался рядом с чуть поблескивающим в глубоких сумерках мотоциклом.

Войдя в дом, он услышал шум воды в душе наверху. В кухне и коридоре тоже горел свет. Беспокойство Гурни сменилось *déjà vu* — скорее всего, из-за того, что Кайл подростком, когда он жил с матерью и приезжал к отцу на выходные, вечно забывал тушить свет, выходя из комнаты.

Гурни прошел в кабинет проверить, нет ли сообщений на домашнем телефоне и на мобильнике, который он не стал брать с собой к Мадлен. На домашнем ничего не оказалось, зато на мобильнике целых три. Первое от Эсти, но шум и помехи не давали разобрать ни слова.

Второе сообщение было от Хардвика: сплошной поток ругани, за которой с грехом пополам можно было разобрать, что он застрял на шоссе I-81 в жуткой пробке из-за каких-то дорожных работ, “только никаких долбанных работ, мать их, и в помине нет, зато мили и мили долбанных ограждений, перекрывших, мать их, два из трех рядов”, — так что он привезет камеры не раньше полуночи, черт подери. Или, мать твою, вообще неизвестно когда.

Сама по себе задержка представляла, конечно, неудобство для Хардвика, но никоим образом не препятствовала плану в целом: все равно ведь они не собирались расставлять камеры раньше завтрашнего утра. Гурни прослушал третье сообщение — снова от Эсти, трескучее, неразборчивое и под конец затихшее, как будто у нее разрядился аккумулятор.

Гурни уже собрался сам ей перезвонить, как услышал шаги в коридоре. В дверях кабинета показался Кайл в джинсах и футболке, с мокрыми после душа волосами.

— Привет, пап. Что у тебя тут?

— Уезжал ненадолго. Повидать Мадлен. Здорово удивился, обнаружив у дома твой мотоцикл. Не ждал, что ты сюда вернешься. Я пропустил какое-нибудь сообщение?

— Нет, прости. Я собирался ехать прямиком на ярмарку, а потом, проезжая через деревню, вдруг подумал заскочить, принять быстренько душ и переодеться. Надеюсь, ты не против.

— Да просто... неожиданно. Я сейчас больше обычного циклюсь на всем, что выбивается из общего ряда.

— Кстати, раз уж речь зашла об этом. А твой сосед ниже по дороге — он охотник или что?

— Охотник?

— Когда я сюда ехал, в сосняке у следующего дома, с полмили примерно от твоего сарая, был какой-то тип — кажется, с винтовкой.

— Когда это было?

— С полчаса назад? — глаза Кайла расширились. — Черт, ты же не думаешь...

— А какого он был роста, тот тип?

— Какого роста? Не знаю... может, чуть выше среднего. Ну, то есть, он же держался в стороне от дороги, так что я не очень уверен. И уж, во всяком случае, он был на соседской земле, не на твоей.

— С винтовкой?

— Или дробовиком. Я ж видел совсем мельком, проезжая.

— Ничего такого особенно не заметил в ружье? На дуле — ничего необычного?

— Боже, пап, не знаю. Надо было, конечно, присмотреться повнимательнее. Наверное, я просто решил, у вас тут в деревне все охотятся. — Он помолчал, все сильнее морща лицо, точно от боли. — Ты думаешь, это никакой не сосед?

Гурни показал на выключатель у двери.

— Погаси свет на минутку.

Когда свет был погашен, он опустил жалюзи на обоих окнах кабинета.

— Отлично, теперь можешь снова включать.

— Боже. Что происходит?

— Просто предосторожность.

— Против чего?

— Сегодня, скорее всего, повода для тревоги нет. Не бери в голову.

— Тогда кто... кто тот тип в лесу?

— Наверное, как ты и решил, сосед.

— Но сезон сейчас вроде не охотничий, да?

— Не охотничий, но если тебе досаждают койоты, или там сурки, опоссумы, или дикобразы, сезон не имеет значения.

— Ты только что сказал, что сегодня, скорее всего, повода для тревоги нет. А когда, по-твоему, будет?

Гурни вообще-то не собирался объяснять сыну всю ситуацию, но теперь это казалось единственным честным вариантом.

— Очень запутанная история. Ты садись.

Они вместе устроились на диване, и следующие двадцать минут Гурни излагал Кайлу те подробности дела Спалтеров, которых сын еще не знал, рассказывал о нынешнем состоянии дел и о плане, намеченном на завтра.

Выражение лица у Кайла становилось все растерянее.

— Погоди-ка. Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что “РАМ-ТВ” начнет давать анонсы завтра утром?

— Именно это и имею в виду. Начиная с утреннего выпуска — и потом весь день.

— То есть анонсы, что ты, мол, намерен рассказать какие-то сенсационные новости про дело и снайпера?

— Ну да.

— И начинать должны завтра?

— Да. А почему ты..?

— А разве ты не знаешь? Не знаешь, что эти анонсы уже идут со вчерашнего вечера? И сегодня весь день?

— Что-что?

— Да анонсы, про которые ты говорил, — их крутят по “РАМ-ТВ” уже по меньшей мере двадцать четыре часа.

— Откуда ты знаешь?

— У Ким этот чертов телевизор не умолкает. Боже, я не сообразил... прости... я не знал, что их не должны были давать раньше воскресенья. Надо было позвонить тебе.

— Ты ж не знал, — борясь с подкатившей от потрясения дурнотой, Гурни обдумывал все возможные последствия случившегося.

А потом позвонил Хардвику и рассказал.

Хардвик, все так же глухо торчащий в пробке, сдаленно зарычал.

— Вчера? Они, мать их, начали давать анонсы вчера?

— Ага, вчера до позднего вечера и сегодня весь день.

— Ублюдок Борк! Вонючий ублюдок! Сволочь! Я этому гаденышу, мать его, голову оторву и в жопу засуну!

— Отличный план, Джек, удачи тебе, но сперва нам надо разобраться с несколькими более насущными вопросами.

— Говорил же я этому ублюдочному Борку, что время для нас играет критическую роль — что это, мать его, вопрос жизни и смерти! Объяснил этому склизкому дерьмоеду доходчиво!

— Рад слышать. Но сперва необходимо внести в план кое-какие коррективы.

— Что тебе действительно необходимо в первую очередь, так это на хрен убратся оттуда. Вали из дома! Немедленно!

— Я согласен, что ситуация требует принятия немедленных мер. Но прежде, чем прыгать за борт...

— ВАЛИ ОТТУДА НА ХРЕН! Или сделай то, что Эсти с самого начала предлагала, — вызывай, твою мать, подмогу!

— Похоже, ты предлагаешь делать ровно то, чего мы добиваемся от Паникоса, — впадать в панику и совершать ошибки.

— Слушай, я восхищен твоим стилем “спокоен под обстрелом”, но пора признать, что план провалился, бросить карты и выйти из-за стола.

— Ты где сейчас?

— Что?

— Где именно?

— Где я? Да все еще в Пенсильвании, милях, наверное, в тридцати от Хэнкока. Да какая, к черту, разница, где я?

— Еще не знаю, какая. Просто хочу все хорошенько обдумать, а уже потом с воплями бросаться с откоса.

— Дэйви, ради Христа, либо бросайся уже с этого чертового откоса, либо вызывай, твою мать, подкрепление.

— Очень тронут заботой, Джек. Нет, правда. Сделай одолжение, расскажи Эсти об изменившейся ситуации. Скоро перезвоню. — Гурни прервал разговор, не слушая новый взрыв протестов. Через тридцать секунд мобильник затрезвонил снова, но он не стал отвечать.

Кайл смотрел на него огромными глазами.

— Это ведь ты с Хардвигом разговаривал, да?

— Ага.

— Он так орал на тебя, что я каждое слово разобрал.

Гурни кивнул.

— Да, он слегка волнуется.

— А ты нет?

— Ну конечно, и я тоже. Но бить сейчас тревогу — только время зря тратить. Как оно почти всегда в жизни и бывает, сейчас важен только один вопрос: а что теперь делать?

Кайл смотрел на него, явно ожидая продолжения.

— Я так полагаю, первое, что стоит сделать, это выключить, по возможности, свет в доме и опустить жалюзи во всех комнатах, где мы его оставим. Я проверю ванны и спальни, а ты выключи в кухне и кладовке.

Кайл вышел через кухню к кладовке, а сам Гурни двинулся к лестнице. Но не успел подняться, как Кайл окликнул его.

— Эй, пап, подойди на минуточку.

— Что там еще?

— Иди, посмотри.

Гурни обнаружил, что Кайл стоит в коридоре у боковой двери и показывает сквозь стекло наружу.

— У тебя колесо спустило. Ты в курсе?

Гурни тоже выглянул. Даже в тусклом свете висевшей над дверью сороковаттки не оставалось никаких сомнений, что переднее колесо с водительской стороны совершенно сдулось. Точно так же не сомневался Гурни в том, что полчаса назад, когда он подъезжал к дому, оно было в полном порядке.

— У тебя найдется в багажнике запаска и домкрат?

— Да, но нам они не понадобятся.

— Почему?

— А почему, по-твоему, колесо спустило?

— На гвоздь наехал?

— Возможно. А возможно, его прострелили уже тут. И если так, вопрос — для чего?

Глаза у Кайла снова расширились.

— Чтобы не дать нам уехать?

— Не исключено. Но если я снайпер и моя задача — не дать кому-то уехать, я, скорее, прострелю не одну шину, а все, сколько смогу.

— Тогда зачем он прострелил одну?

— Может, потому что одно спустившее колесо можно заменить — как ты и сказал, если есть домкрат и запаска.

— И...

— Домкрат, запаска — и кто-то из нас пять-десять минут возится у машины, меняя колесо.

— В смысле — служит легкой добычей?

— Да. Кстати, о легкой добыче — давай-ка потушим свет в кладовке и отойдем от двери.

Кайл сглотнул.

— Потому что возможно, тут где-то крутится и выжидает тот психованный коротышка, о котором ты мне рассказывал?

— Возможно.

— Тип, которого я видел в соснах с ружьем... он был не такой уж маленький. Может, все-таки просто твой сосед?

— Не знаю. Знаю лишь, что по телевизору крутят в высшей степени провокационное сообщение, цель которого — заставить Питера Пэна явиться сюда по мою голову. Остается предположить, что оно сработало. И еще было бы логично предположить...

Его прервал телефонный звонок в кабинете.

Звонила Эсти. Голос у нее звучал встревоженно.

— Ты где?

Гурни ответил.

— Почему ты до сих пор там? Убирайся ко всем чертям, пока ничего не случилось.

— Ты прямо как Джек.

— Потому что он прав. Тебе надо немедленно смытываться. Я тебе сегодня два раза звонила, как выясни-

ла про этот прокол с анонсами. Звонила, чтобы ты немедленно уносил ноги.

— Теперь, боюсь, уже поздно.

— Почему?

— Кажется, мне прострелили переднее колесо.

— О, черт! Правда? Если да, тебе надо немедленно вызывать подкрепление. Сейчас же. Хочешь, приеду? Я могу быть у тебя минут через сорок пять.

— Не очень удачная мысль.

— Хорошо, тогда звони девять один один.

— Говорю же, ты прямо как Джек.

— Да кого волнует, как Джек я или нет? Суть в том, что тебе нужна помощь немедленно.

— Мне нужно все обдумать.

— Обдумать? Ты этим сейчас собираешься заниматься? Думать? Когда в тебя уже стреляют?

— Пока только в колесо.

— Дэвид, ты ненормальный. Ты в курсе? Ненормальный! В него стреляют — а он думает!

— Эсти, мне пора. Позвоню тебе чуть позже.

Он оборвал разговор так же, как с Хардвиком — прямо посреди бури протестов.

Только теперь ему вспомнилось голосовое сообщение, полученное после того, как он отключил Хардвика. Тогда он подумал, это Джек хочет договорить, но теперь, проверив, обнаружил, что звонок был не от Хардвика, а с неизвестного номера.

Он прокрутил сообщение.

И пока слушал, по спине у него прокрался холодок, а волосы на шее стали дыбом.

Хриплый, словно металлический, не вполне человеческий голос тонким фальцетом распевал самую

несуразную и невразумительную из детских песенок — бессмысленную веселенькую аллюзию на розовые округлые язвы, на цветы, которыми заглушали вонь гниющей плоти, на пепел сжигаемых трупов, усыпавший страну во время одной из самых смертоносных во всей истории Европы эпидемий.

“В кольцо букетик роз, карман цветов принес, пепел, пепел, вниз и вниз”.

Глава 56

Роковая ярость

— Пап?

Кайл с отцом неприкаянно стояли в гостиной у камина — с другой стороны от кухни, подальше от дверей. Жалюзи на всех окнах были опущены, комнату освещала лишь маленькая настольная лампа.

— Да?

— Перед тем как телефон зазвонил, ты начал говорить, что разумно было бы предположить, что этот самый Питер Пэн где-то рядом? — Кайл бросил быстрый нервный взгляд на стеклянную дверь.

Гурни ответил не сразу. Мысленно он все возвращался и возвращался к той зловещей детской песенке — в нелепых словах которой нашли отражение не только причины чумы, но и “Цветы Флоренции”, и излюбленный Паникосом метод поджога.

— Да, он вполне может быть рядом.

— А как, по-твоему, где именно?

— Если я прав насчет спущенной шины, то где-то с запада от нас, скорее всего — на Барроу-хилл.

— Думаешь, он попытается проскользнуть сюда, в дом?

— Сомневаюсь. Если я прав насчет шины, у него снайперская винтовка. В этой игре расстояние дает ему огромное преимущество. Я бы предположил, что он останется...

Раздался оглушительный взрыв, полыхнула ослепительно яркая вспышка, в кухонное окно влетело что-то тяжелое. По комнате полетели осколки.

— Что за... — вскрикнул Кайл.

Гурни схватил его и повалил на пол, а сам вытащил из кобуры на лодыжке “Беретту”, потушил лампу, выдернув шнур из розетки, и подполз к ближайшему окну. Выждав пару секунд, прислушиваясь, он чуть раздвинул две нижние планки жалюзи и выглянул в образовавшуюся щель. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать увиденное. За двором валялись разбросанные во все стороны обломки досок для строительства курятника, многие куски горели.

— Какого черта... — донесся сзади хриплый шепот Кайла.

— Строительный материал... он... взорвался...

— Взорвался... что... как?

— Какое-то... не знаю... зажигательное устройство?

— Зажигательное? Какого черта?

Гурни сосредоточенно разглядывал окрестности, насколько мог что-то разглядеть в почти кромешной темноте.

— Пап?

— Погоди.

В крови бушевал адреналин. Прищурившись, Гурни разглядывал пространство вокруг дома, не шевельнется ли что-нибудь. И что там с горящими обломка-

ми? Большая часть их уже потухала — из-за сырости они гасли почти так же быстро, как вспыхнули.

— Но зачем?

Отчаяние в голосе Кайла побудило Гурни ответить.

— Не знаю. Возможно, для того же, что и трюк с шиной? Хочет выманить меня из дома? Похоже, он очень спешит.

— Боже! Ты хочешь сказать... он был... был прямо тут, сам... чтобы подложить бомбу?

— Скорее всего, чуть раньше, пока я был у Уинклеров. Еще до твоего возвращения из Сиракуз.

— Боже! Бомба? С часовым механизмом?

— Скорее, управляемая по телефону. Так вернее и надежнее.

— Так... что теперь?

— Где у тебя ключи от мотоцикла?

— В зажигании. А что?

— Давай за мной.

Ползком он вывел Кайла из комнаты — освещенной теперь мерцающими отсветами горящих за стеклянной дверью досок. Ощупью пробрался среди мебели к окну на северную сторону, поднял жалюзи, открыл окно и, по-прежнему с “Береттой” в руке, осторожно вылез наружу.

Кайл последовал его примеру.

В пятидесяти футах впереди, между домом и лугом, темнела, едва различимая за внешним кругом слабых отсветов, маленькая рощица, где Гурни иногда оставлял газонокосилку. Гурни показал на черную махину огромного дуба.

— Сразу за тем деревом два больших валуна, а между ними небольшая щель. Забейся туда и не выходи, пока я тебя не позову.

— А ты что будешь делать?

— Устраню проблему.

— Что?

— Некогда объяснять. Делай, что говорю. Пожалуйста. — Он снова показал на рощицу и сказал уже настойчивее: — Туда. За дерево. Между камней. Времени очень мало. Давай!

Кайл торопливо шмыгнул вперед и исчез в темноте за кругом мерцающих отсветов. Гурни двинулся за угол — туда, где был припаркован возле дома “БСА”. Он был почти уверен, что с вершины Барроу-хилл это место не просматривается. И очень надеялся, что Кайл не ошибся насчет ключа. Если того не окажется в зажигании... Но он там был.

Сунув “Беретту” обратно в кобуру на лодыжке, Гурни оседлал мотоцикл. Последний раз он ездил на чем-то подобном лет двадцать пять назад — на стареньком “Триумфе-650”, еще в студенческие годы, — и теперь наскоро проверил, где расположены тормоза, рычаг переключения передач и сцепление. Глядя на бензобак, ручки, хромированные фары, переднее крыло, переднее колесо, он ощутил, как сноровка возвращается. Даже физическая память, ощущение баланса и инерции — все это никуда не делось, словно бы сохранялось в наглухо закрытых контейнерах памяти, живое и яркое, бери да пользуйся.

Взявшись за ручку газа, он начал было выправлять мотоцикл, как вдруг короткая вспышка пламени догорающих досок выхватила из мрака что-то большое и темное возле грядки с аспарагусом. Опустив мотоцикл обратно на подставку, Гурни медленно вытащил из кобуры пистолет. Насколько он мог разглядеть в этом неверном свете, предмет на земле лежал неподвижно. Размером

он был как раз с человека. Что-то темное сбоку вполне могло сойти за откинутую руку.

Подняв пистолет, Гурни осторожно слез с мотоцикла и двинулся к углу дома. Он уже не сомневался, что видит перед собой распростертое на земле тело, а на конце той предположительно откинутой в сторону руки смутно различалось что-то вроде ружья.

Опустившись на колени, он бросил быстрый взгляд за угол — удостовериться, что его автомобиль закрывает линию обзора между Барроу-хилл и тем участком, что ему требуется пересечь, чтобы добраться до тела. И без дальнейших проволочек быстро пополз вперед, сжимая “Беретту” и не сводя глаз с ружья. Когда до цели оставалось примерно три фута, земля под рукой вдруг стала влажной и липкой.

Слабый, но отчетливо узнаваемый запах сообщил, что он угодил в лужу крови.

— Черт! — тихое восклицание было столь же рефлексивным, как и порыв отшатнуться. Прослужив много лет в полиции в самый разгар страха перед СПИДом, Гурни привык считать кровь смертельным ядом, пока не будет доказано, что она не заразна, — и не утратил этого убеждения по сей день. И хотя он мысленно сокрушался об отсутствии перчаток, но все же было жизненно важно понять, что происходит, так что он заставил себя двинуться дальше. Угасающий свет догорающих рядом с аспарагусом обломков варьировался где-то в пределах от нуля до двух по десятибалльной шкале.

В первую очередь Гурни дотянулся до ружья и, крепко ухватив ствол, вытащил из сжимавшей его руки. Обычная винтовка с рычажным затвором — с такими сплошь да рядом охотятся на оленей. Но до сезо-

на оленьей охоты оставалось еще добрых четыре месяца. Закинув ружье за спину, Гурни придвинулся ближе к телу и обнаружил, что источником крови на земле была рваная рана на шее сбоку — глубокая, перерезающая всю сонную артерию: наверняка смерть наступила за считанные секунды.

Предмет, послуживший орудием смерти, обнаружился прямо там, в ране. С виду он походил на два лезвия от ножа, соединенные концами. Только потом Гурни понял, что же это такое — один из острых металлических хомутов для крепления, привезенных вместе с досками. Напрашивалось объяснение, что взрывом этот смертоносный кусок железа с ужасной силой отбросило в сторону — аккуратно в горло незнакомцу с винтовкой. Однако сразу же возникали новые вопросы.

Сам ли убитый подготавливал взрыв, случайной жертвой которого пал? Но вряд ли он активировал бы устройство, пока не отошел на безопасное расстояние. Может, он это по неосторожности? Или недооценивал силу заряда? Или же он был незадачливым сообщником второго злоумышленника, поспешившего привести план в исполнение? Однако все эти вопросы зияли на куда более фундаментальной загадке.

Кто он, черт возьми, такой?

Грубо нарушая сцену преступления, Гурни ухватил труп за крепкое мускулистое плечо и не без труда перекатил, чтобы рассмотреть лицо.

Первое, что он понял: это точно не сосед. А второе — с некоторым запозданием из-за темноты и из-за того, что нос убитого, скорее всего в результате падения, был весь вмятку, — что он уже видел это ли-

цо прежде. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы опознать погибшего.

Майкл Клемпер.

Тогда-то Гурни различил и второй запах, не такой тонкий, как у крови. Алкоголь. Что повлекло за собой третий вывод — базирующийся на догадках, но очень правдоподобный.

Клемпер, как, надо думать, и Паникос, видел анонсы понедельничного выпуска “Криминального конфликта” с обещанными сенсационными разоблачениями — или услышал о них от кого-нибудь, — что и побудило его к действию. Пьяный и вне себя от бешенства — возможно, в безумной попытке предотвратить последствия или же просто обезумев от злости, что его обманули, — он явился по душу обидчика, предателя, человека, который, по его представлениям, намерен был загубить и карьеру его, и саму жизнь.

Пьяный и вне себя от бешенства, он явился по душу Гурни и засел на опушке леса, а когда стемнело, подобрался к дому. Пьяный и вне себя от бешенства, он даже не подумал, каким опасным может оказаться сейчас это место.

Глава 57

Карман цветов принес

Перед Гурни снова встал простой и неотложный вопрос: что делать дальше?

В менее отчаянном положении он бы, скорее всего, выбрал самый разумный и безопасный вариант: немедленно звонить 911. Убит полицейский — пусть даже привели его сюда совершенно безумные побуждения. Смерть его, пусть и непреднамеренная, едва ли могла считаться случайной. Учитывая, что она стала непосредственным результатом преступления — активации взрывного устройства, — это было убийство. Недонесение надлежащим органам о случившемся и об обстоятельствах, непосредственно с этим связанных, могло быть сочтено препятствием правосудию.

С другой стороны, многое можно оправдать погоней за подозреваемым.

И, может, еще есть способ призвать сюда местную полицию, но самому не застрять на неминуемом продолжительном допросе и не потерять тем самым шанс — возможно, последний шанс! — поймать Паникоса и распутать узел дела Спалтеров.

Перевернув тело Клемпера в первоначальное положение и надеясь, что экспертам, которые будут осматривать место происшествия, не хватит проницательности различить следы вмешательства, Гурни ползком добрался обратно до угла и, завернув за него, негромко окликнул Кайла.

Не прошло и полминуты, как тот уже был рядом.

— Боже, вон там... вон то... это что... там, на земле?

— Да. Но пока забудь. Ты этого не видел. У тебя телефон с собой?

— Телефон? Ну да. Но что...

— Звони девять один один. Расскажи им все, что тут произошло до того момента, как мы вылезли в окно, — сдутая шина, взрыв и что, как я считаю, колесо прострелили. Скажи им, что я бывший коп, что после взрыва я увидел какое-то движение на холме, велел тебе спрятаться в кустах, взял твой мотоцикл и отправился в погоню. И что больше ты ничего не знаешь.

Кайл все не мог отвести взгляда от тела Клемпера.

— Но... как же?

— У нас свет не горел, вокруг темно, отец отправил тебя прятаться в кустах. Тела ты даже и не видел. Пусть спасатели его сами найдут. А ты имеешь полное право быть столь же потрясен и поражен, как и они.

— Потрясен и поражен — да уж, нетрудно будет.

— Оставайся в укрытии, пока не увидишь на лугу первую полицейскую машину, и тогда выходи. Только медленно. И держи руки на виду.

— Ты мне так и не сказал, что там случилось... с ним.

— Чем меньше знаешь, тем меньше тебе понадобится забывать — и тем легче будет выглядеть растерянным и потрясенным.

— А ты-то что собираешься делать?

— Смотря по ситуации. Обдумаю по дороге наверх. Но как бы там ни было, действовать надо срочно.

Гурни снова вернулся к мотоциклу, стараясь действовать как можно тише, завел его, развернул и медленно объехал дом сзади. Удостоверившись, что дом надежно прикрывает его, он включил фары и направил тихо рокочущий мотоцикл к старой коровьей тропе, что вела на большое поле, отделяющее его владения от Барроу-хилл.

Он был твердо уверен, что на выбранном им маршруте — по широкой дуге в объезд холма — свет фар будет не замечен с вершины. А там уже можно подняться по серпантину на северном склоне — этой тропы с вершины тоже не видно.

План казался неплох, и пока все шло хорошо. Вопрос только в том, долго ли так будет продолжаться. Слишком уж много неизвестного. Гурни не мог отделаться от ощущения, что сломя голову несется навстречу ситуации, в которой у его партнера по игровому столу не только карты лучше, но и стул повыше, а ствол подлиннее. Уж не говоря о привычке выигрывать.

Конечно, очень подмывало обвинить во всем циничных и двуличных мерзавцев с “РАМ-ТВ”. Наверняка их “ошибочка” со временем выпуска анонсов “Криминального конфликта” на самом деле хорошо продумана. Чем дольше идут анонсы, тем шире зрительская аудитория, а увеличение аудитории — их главная цель. Собственно говоря, не главная, а единственная. Ну а если в результате этого решения кто-то погибнет, что ж... рейтингу оно пойдет только на пользу.

Однако винить во всем телевизионщиков, пусть даже самых что ни на есть гнусных, мешало сознание, что он к нынешним своим проблемам тоже приложил руку. Тем, что старательно делал вид (в основном перед самим собой), будто придуманный им план разумен и трезв. Теперь — с трудом удерживая мотоцикл на ухабистой тропе — сохранять эту иллюзию было нелегко. Холмики от сурковых нор, колючие кусты и заросли молодых, по пояс, осинков превращали край нескошенного луга в полосу препятствий для мотоцикла даже среди бела дня, а уж ночью это был сущий кошмар.

По мере приближения к холму местность становилась все бугристее. Свет фары плясал и дергался в зарослях, наполняя их хаотическим метанием теней. Гурни уже не раз доводилось попасть в переплет под конец схватки с опасным врагом, но так туго не было еще никогда. Он был вынужден действовать наобум, не успев даже ничего обдумать, оценить степень риска, взвесить доводы за и против.

“Вынужден” — это еще мягко сказано. Теперь, в непосредственной близости от Паникоса, Гурни была невыносима мысль о том, что он может упустить его. Гравитационное поле погони все сильнее овладевало им, а способность разумно оценивать риск тускнела и блекла.

И не только это. Еще кое-что. Очень специфическое.

Эхо прошлого — сила, побуждающая, подгоняющая изнутри, — гораздо мощнее здравого смысла.

Застарелое жгучее воспоминание об уносящейся вдаль машине и сбитом Дэнни на мостовой. И порожденная этим воспоминанием твердая решимость, что

никогда больше — никогда, никогда, невзирая ни на какую опасность! — убийца, оказавшийся в такой близости от него, не уйдет.

Убежденность далеко за гранью рациональности и здравого смысла. Выжженная горем потеря прямо на подкорке, в мозгу.

Когда Гурни добрался до начала северной тропы, назрела необходимость принять решение: немедленно, сейчас — и ни один из вариантов не обнадеживал. Поскольку у Паникоса почти наверняка есть при себе инфракрасный прицел и бинокль, попытка подняться на самый верх холма станет роковой задолго до того, как Гурни окажется в пределах длины выстрела “Беретты”. В голову пришел лишь один способ нейтрализовать это техническое преимущество противника: обратить его в бегство. А единственный способ обратить его в бегство, который пришел в голову, — внушить ему, что на стороне Гурни численное превосходство. Задача не из легких, когда подкрепления у тебя никакого. Гурни несколько секунд всерьез размышлял над тем, не стоит ли пореветь мотором мотоцикла на тропинке, выкрикивая приказы воображаемым подчиненным и перекликаясь на разные голоса. Но тут же отбросил эту идею: слишком уж белыми нитками шито.

И тут до него дошло, что решение-то здесь, под рукой. Ну да, настоящего подкрепления нет — но хватит и *видимости*, ведь на сцене скоро появится очень внушительная с виду подмога. На луг вот-вот выедет вызванная звонком Кайла по номеру 911 полицейская машина, а то и две-три, и, надо надеяться, с мигалками. С вершины, где предположительно засел Паникос, их будет отлично видно — и они создадут достаточ-

но убедительную видимость численного превосходства, чтобы спугнуть Паникоса и заставить его отступить по дальней тропе к Бивер-Кросс-роуд.

Конечно, этот план не сработает, если Паникос достаточно хорошо понимает Гурни и просто-напросто ускользнет в ночь — или, хуже того, незаметно сойдет с тропы и спрячется в засаде. Чтобы избежать такого варианта развития событий, Гурни решил как можно бесшумнее проехать вверх по тропе примерно три четверти пути, подождать появления полицейских машин, а там уже действовать по обстоятельствам в зависимости от реакции Паникоса.

Долго ждать не пришлось. Буквально через минуту-другую после того, как Гурни занял намеченную позицию на тропе — на расстоянии короткого броска от вершины, — он различил сквозь деревья мигалки на дальнем краю луга. И почти сразу же услышал то, что и надеялся услышать, — рев квадроцикла, сперва громкий, потом тише. По крайней мере, пока Паникос реагировал предсказуемо.

Тронув с места стоявший на холостом ходу “БСА”, Гурни преодолел оставшиеся отрезки серпантина — с максимальной скоростью, на какую отважился. Добравшись до прогалины возле карового озера, он на миг снова приглушил мотор, прислушиваясь к шуму квадроцикла и прикидывая, где Паникос и быстро ли едет. Похоже, он всего в сотне ярдов ниже по тропе.

Едва мотоцикл вывернул к началу тропы и свет фары скользнул по прогалине, взгляд Гурни выхватил сперва одну неожиданную деталь, а потом и вторую. На плоском камне, откуда дом Гурни просматривался лучше всего, лежал букет цветов. Стебли их бы-

ли обернуты желтой тканью, а сами цветы — темного красно-бурого оттенка, типичного для засохшей крови. Самый распространенный оттенок местных августовских хризантем.

Немедленно напрашивался вопрос, уж не предполагался ли этот букет (или “букетик”, как пелось в детской песенке) в качестве дара ему лично, скорее всего — прощального послания.

Второй неожиданной деталью оказался лежавший на земле между Гурни и букетом черный металлический предмет размером примерно вдвое меньше сигаретной пачки. Гурни отреагировал мгновенно и инстинктивно — рванул руль мотоцикла вправо и дал газу. Мотоцикл резко развернулся и, обрушив в темноту град грязи и мелкой гальки, понесся по краю озера.

Замешкайся Гурни хоть на долю секунды, его убило бы взрывом. Так же лишь больно ударило в спину землей и галькой.

— Всем отделениям сходиться! Дальний склон Барроу-хилл! — заорал он самым командирским тоном, на какой только был способен. — Радиоуправляемый взрыв. Жертв нет.

Идея состояла в том, чтобы прибавить ситуации напряженности. Заставить Паникоса занервничать, ошибиться, потерять контроль над происходящим. Например, налететь на дерево, свалиться в канаву. Главное — остановить его так или иначе.

Нельзя, никак нельзя, чтобы он ушел!

Нельзя, чтобы красный “БМВ” скрылся вдали и исчез навсегда.

Нет! Только не это! Такого больше не произойдет — ни за что!

И еще нельзя было позволить Паникосу уйти далеко. Расстояние в пару сотен футов позволит ему резко остановиться, развернуться, прицелиться и выстрелить, пока Гурни еще вне радиуса действия “Беретты”.

Еле успевая отслеживать и задние фары квадроцикла, и ухабы неровной тропы, Гурни не настигал противника, но и не отставал. С каждой секундой езды к нему возвращались навыки управления мотоциклом. Все равно что после долгого перерыва встать на лыжи. Спуск по тропе постепенно воскрешал в нем ловкость и привычку — и к тому моменту, как они все с прежним разрывом в сто ярдов вырулили на асфальтированную поверхность дороги Бивер-Кросс, Гурни ощущал в себе уже достаточно уверенности, чтобы выкрутить газ до упора.

Квадроцикл мчался на удивление быстро — скорее всего, был сделан или переделан именно для гонок, но мотоцикл все же гнал быстрее. Через милю Гурни сократил расстояние до пятидесяти, а может, даже всего сорока ярдов: по-прежнему слишком далеко до Паникоса, на ходу стрелять не станешь. По его расчетам, еще какие-нибудь полмили — и дистанция будет в самый раз.

По всей видимости, смекнув, что происходит, Паникос свернул с асфальтированной дороги на неровный проселок, тянувшийся параллельно ей вдоль края длинного кукурузного поля. Гурни последовал за ним, опасаясь, как бы коротышка не рванул через само поле.

Проселок, еще более ухабистый, чем тропа с Барроу-хилл, не позволял мотоциклу разгоняться более чем до двадцати-тридцати миль в час, тем самым лишая его преимущества и не позволяя сократить разрыв.

Напротив, дистанция даже чуть увеличилась, поскольку квадроцикл был приспособлен к тряске не в пример лучше.

Склон, по которому спускались проселок и поле, сменился практически плоским, но все еще неровным участком долины. Там проселок обрывался, но Паникос двинулся через заброшенный луг — Гурни слышал, что некогда там располагалось крупное молочное хозяйство. Теперь же оно превратилось в лоскутное одеяло из травяных кочек и заболоченных ручейков, что давало квадроциклу несомненное преимущество, так что разрыв между преследователем и преследуемым снова увеличился до ста ярдов и даже больше, заставляя Гурни гнать мотоцикл на безумной скорости по местности, сравнимой разве что с неосвещенной трассой для слалома. Первобытный азарт погони заглушал страх, не позволяя разумно оценить риск.

Помимо красных огней фар, за которыми он гнался, Гурни скоро начал различать чуть дальше в долине проблески других огней. Цветные, белые — одни вроде бы стоят на месте, другие движутся. Это все сбилось Гурни с толку. Где он, черт возьми? Скопища огней были в здешних краях явлением столь же редким, как и, например, жаворонок на Манхэттене. Но тут он увидел дугу медленно вращающихся оранжевых огоньков, и до него наконец дошло.

Это же колесо обозрения на летней горной ярмарке!

На болотистом участке земли, отделявшем заброшенное пастбище от сухого поля площадью около квадратной мили, на котором раскинулась ярмарка, Паникос еще увеличил разрыв. На несколько жутких секунд

Гурни даже подумал, что потерял его в море машин, выстроившихся по периметру поля. Однако потом заметил знакомые огни задних фар, скользящие вдоль парковки к входу для посетителей.

Когда Гурни добрался до входа, квадроцикл уже въехал внутрь. Стоявшие там три молодые женщины с повязками на рукаве растерянно топтались на месте. На повязках значилось “Охрана” и, по всей видимости, троице полагалось контролировать вход. У одной женщины в руках был уоки-токи, у другой мобильник. Гурни притормозил рядом с третьей и махнул перед ней полицейским удостоверением.

— Здесь проезжал квадроцикл? Вот только что?

— Еще как! Парнишка на камуфляжном четырехколеснике. Вы по его душу?

На долю секунды его смутило слово “парнишка”, но он тут же сообразил, что на первый беглый взгляд Паникос наверняка производит именно такое впечатление.

— Да, мэм. Во что он был одет?

— Во что? Боже... я не... кажется, в такую черную блестящую куртку. Типа нейлоновой ветровки... Не запомнила толком.

— Спасибо. Вы заметили, куда он поехал?

— Еще бы не заметить, паршивец он этакий! Прямо вон туда. — Она показала на узкий коридор между одним из крупных павильонов и длинным рядом автофургонов и трейлеров.

Гурни проехал в ворота и дальше по коридору до дальнего конца, выходявшего на одну из главных аллей ярмарки. Глядя на беззаботных посетителей ярмарки, сложно было вообразить, что недавно здесь

пронесся на полной скорости квадроцикл — а значит, Паникос, скорее всего, проскользнул в какой-нибудь из многочисленных проемов между трейлерами и мог теперь быть где угодно.

Развернув мотоцикл, Гурни пронесся обратно к воротам, где обнаружил, что к трем хмурым девушкам присоединился еще и полицейский с кислым лицом — наверняка один из местных, внеурочно подрабатывающий на охране ярмарки, седой и с заметным брюшком, которое отчетливо обозначалось под формой, бывшей ему впору лет десять назад.

На “БСА” Гурни он смотрел с завистью и презрением.

— Что тут у вас?

Гурни показал удостоверение.

— Парень, проехавший в эти ворота пару минут назад, вооружен и очень опасен. У меня есть причины полагать, что он прострелил шину моего автомобиля.

Полицейский разглядывал удостоверение Гурни с таким видом, точно это был северокорейский паспорт.

— Вы при оружии?

— Да.

— Тут сказано, вы уже вышли в отставку. Разрешение на ношение оружия при себе?

Гурни торопливо показал ему отделение в бумажнике, где хранилось разрешение.

— Офицер, время не ждет. Тот парень на квадроцикле представляет серьезную опасность.

— Вытащите разрешение и дайте мне, — перебил полицейский.

Гурни повиновался, но повысил голос.

— Послушайте же! Парень на квадроцикле подозре-

вается в убийстве. И упускать его сейчас совершенно не стоит.

Полицейский вдумчиво изучал разрешение.

— Не горячитесь... детектив. Вы тут не у себя в Гнилом Яблоке. — Он презрительно поморщился. — Имя у него имеется, у этого вашего подозреваемого?

Гурни не собирался касаться этой щекотливой темы, но тут уж выбора не оставалось.

— Петрос Паникос. Профессиональный киллер.

— Кто-кто?

Все три девицы, приставленные к воротам, выстроились в рядок за спиной у копа, распахнув глаза от изумления.

Гурни с трудом сохранял терпение.

— На этой неделе Петрос Паникос убил семерых человек в Куперстауне. Возможно, он послужил причиной смерти полицейского полчаса назад. А сейчас он где-то на территории вашей ярмарки. Доходит?

Коп опустил руку на кобуру пистолета.

— Да кто ты, черт возьми, такой?

— У меня в удостоверении написано — Дэвид Гурни, детектив первого класса, нью-йоркская полиция, в отставке. Я уже сказал вам, что преследую подозреваемого в убийстве. А теперь добавлю еще кое-что. Вы создаете препятствия его поимке. Если в результате этого ему удастся скрыться, ваша карьера окончена. Слышите меня?

Мутная враждебность в глазах полицейского кристаллизовалась в нечто более опасное, губы разомкнулись, демонстрируя стиснутые желтые зубы. Он медленно сделал шаг назад, сжимая рукой пистолет, — угрозы в том было больше, чем если бы он шагнул вперед.

— Вот оно что. А ну слезай.

Гурни посмотрел на ошарашенных девиц за спиной у копа и произнес громко и отчетливо:

— Вызовите руководителя службы безопасности! К этим воротам. Немедленно!

Полицейский обернулся к девицам, поднимая свободную руку в останавливающем жесте.

— Не надо никого звать. Ни к чему. Никуда не звоните. Я сам разберусь.

Вот он — возможно, единственный шанс, дошло до Гурни. Да будь он проклят, потерять сейчас Паникоса — это не вариант! Он газанул, рванул руль вправо, резко развернул мотоцикл на сто восемьдесят градусов — и помчался в коридор за фургонами, да так, что задняя шина задымилась. На полпути к главной аллее он резко свернул в щель между двумя трейлерами и оказался в лабиринте автофургонов всевозможных сортов и размеров. Вскоре он вынырнул в каком-то ярмарочном проходе поуже, где палатки торговали всем на свете: от ярких перуанских шапок до резных деревянных медведей. Он оставил мотоцикл в незаметном уголке между двумя палатками, одна из которых предлагала толстовки из Волнат-Кроссинга, а другая — соломенные ковбойские шляпы.

Гурни во внезапном порыве купил и то, и другое, а потом завернул в туалет, располагавшийся чуть дальше по проходу, и надел поверх своей темной футболки светло-серую толстовку. Переложив “Беретту” из кобуры на щиколотке в карман толстовки, он посмотрелся в зеркало и убедился, что теперь, тем более в надвинутой почти на глаза ковбойской шляпе, узнать его будет не так-то просто — как Паникосу, так и придиричивому копу, особенно издалека.

Тут он сообразил, что и Паникос может принять аналогичные меры, чтобы затеряться в толпе. А следом вставал очевидный вопрос: если прочесывать ярмарку в поисках коротышки, какими критериями руководствоваться?

Рост — примерно от четырех футов десяти дюймов до пяти футов и двух дюймов, как у большинства школьников средних классов. К сожалению, в десяти тысячной толпе посетителей ярмарки их наберется по меньшей мере несколько сотен. Как еще можно сузить область поиска? Просмотренные им видео с камер безопасности сыграли свою роль в установлении некоторых фактов, но вот с точки зрения портрета Паникоса были полезны мало, поскольку на записях его волосы и лицо были скрыты солнечными очками, повязкой на голове и шарфом. Нос, правда, был вполне различим, да и рот тоже — но только и всего. Не слишком-то надежный ориентир, чтобы выхватить нужное лицо в водовороте толпы.

Встревоженная девица на входе сказала, он вроде бы одет в черную куртку, но Гурни не очень полагался на ее слова. Она и сама-то сомневалась, а даже если бы и сказала про куртку с уверенностью, рассказы взволнованных очевидцев чаще всего оказываются далеки от истины. Во что бы ни был одет Паникос, он мог, оказавшись на ярмарке, переодеться так же легко и просто, как Гурни. Так что, по крайней мере, сейчас, только и оставалось, что выглядывать кого-нибудь низкого, шуплого, остроносого, с детским ртом.

Словно бы для того, чтобы подчеркнуть недостаточность этих примет, в аллею прямо перед Гурни высыпала стайка мальчишек — добрая дюжина детей деся-

ти-двенадцати лет. Примерно половина из них не удовлетворяла параметрам — с точки зрения либо роста, либо комплекции, но Паникос вполне мог бы затеряться среди другой половины группы, слиться с ней.

Да, собственно, уже и слился. Предположим, он среди них, прямо тут, перед Гурни. Как его опознать?

Обескураживающая задача — особенно учитывая, что вся группа, похоже, побывала у ярмарочного гримера, разрисовавшего мальчишкам лица и превратившего их в каких-то персонажей — насколько мог судить Гурни, в супергероев. А сколько еще таких вот стаек бродит по ярмарке — и Паникос может пристать к любой.

Только теперь Гурни заметил, что мальчишки именно из этой группы заняты чем-то странным. Они подходили к посетителям, в основном взрослым, с букетиками цветов. Гурни подстроился под их шаг и двинулся следом, чтобы приглядеться получше.

Ребята продавали цветы — сказать точнее, раздавали бесплатно букетики всем, кто пожертвует местному Фонду помощи жертвам наводнения хотя бы десять долларов. Что по-настоящему привлекло внимание Гурни — завладело его вниманием безраздельно, — так это то, какие именно букетики они раздавали.

Ржаво-красные хризантемы, обернутые желтой бумагой, — неотличимые от букета, оставленного Паникосом на валуне возле озера.

Что это означало? Гурни быстро пришел к выводу, что цветы у озера почти наверняка отсюда, а значит, Паникос успел побывать на ярмарке до визита на Барроу-хилл. Напрашивался следующий интересный вопрос: зачем?

Уж ясно, не для того лишь, чтобы купить букетик и прихватить его с собой во владения Гурни, — не мог же он заранее знать, что эти букетики тут окажутся, логичнее было бы заглянуть в местный цветочный магазин. Нет, на ярмарку он явился с какой-то иной целью, а хризантемы просто попались на глаза.

Так что же это за цель? Что ему там понадобилось? Не сельские же забавы, сахарная вата и коровье бинго. Тогда, черт возьми, что?

Ход его мыслей прервал звонок мобильного.

Это оказался Хардвик, весь взбудораженный.

— Черт возьми, чувак. С тобой там все в порядке?

— Да вроде бы. Что происходит?

— Именно это меня и интересует! Ты вообще где?

— На ярмарке. Как и Паникос.

— Тогда что там стряслось у тебя дома?

— А откуда ты...

— Еду по проселку к вашему повороту, а тут их целая свора — две патрульные машины, шериф и плюс еще внедорожник бюро криминальных расследований. И все, твою мать, в вашу сторону. Что там, черт возьми, стряслось?

— Там Клемпер. У моего дома. Мертвый. Долгая история. Похоже, первый наряд нашел тело и вызвал подкрепление. Ты, надо понимать, видел вторую волну.

— Клемпер? Мертв? Мак Мудак? Это как?

Гурни как можно короче пересказал ему все произошедшее — начиная со спущенной шины и кончая роковым попаданием железной скобы в шею Клемпера и цветами на Барроу-хилл и на ярмарке.

По ходу дела он понял, что надо звонить Кайлу — и срочно.

Хардвик слушал, не проронив ни слова, до самого конца.

— Что теперь тебе нужно, — сказал Гурни, — так это ехать на ярмарку. Ты видел ту же записку, что и я, поэтому наши с тобой шансы опознать Паникоса равны.

— То есть, шансов почти никаких.

— Знаю. Но надо же попытаться. Он где-то здесь. Он явился сюда не просто так.

— А зачем?

— Понятия не имею. Но он уже был здесь — и вернулся сюда снова. Это не совпадение.

— Послушай, я знаю, что для тебя ключ ко всему — поймать Паникоса. Но не забывай: его кто-то нанял. Лично я считаю, что Йона.

— Узнал что-то новенькое?

— Нутром чую, только и всего. Уж больно скользкий ублюдок, есть в нем что-то двуличное.

— Помимо мотива в пятьдесят миллионов долларов?

— Да. На мой взгляд. Слишком уж улыбчивый да лохотечный.

— Может, просто у них, у Спалтеров, харизмы хоть отбавляй?

Хардвик издал вялый смешок.

— Вот уж на что мне начхать.

Гурни сгорал от нетерпения поговорить с Кайлом, начать поиски Паникоса.

— Ну ладно, Джек. Давай быстрее. Позвони, как доберешься.

Отсоединяясь, он услышал первый взрыв.

Глава 58

Пепел, пепел

Он распознал звук — приглушенный, сдавленный хлопок небольшого взрывного устройства.

Едва он добрался до места происшествия, расположенного через две аллеи от дорожки, где он стоял, первоначальное впечатление подтвердилось. Маленькая палатка тонула в дыму и пламени, но туда уже спешили, покрикивая на встревоженных посетителей, чтобы посторонились, двое мужчин с повязками “Служба безопасности ярмарки” на рукаве и огнетушителями в руках. Две женщины из организаторов ярмарки тоже примчались и принялись обходить палатку сзади, выкликая: “Есть там кто? Есть там кто?”

По аллее пробиралась машина “скорой помощи” с сиреной и мигалкой.

Видя, что никакой непосредственной помощи он сейчас оказать не может, Гурни принялся разглядывать толпу, собравшуюся вокруг места пожара. Известно, что поджигателей вечно тянет полюбоваться плодами своих рук, но если Гурни и питал надежды обнаружить кого-то, подходящего хоть под самое общее описание Паникоса,

эти надежды быстро развеялись. Однако Гурни заметил кое-что иное. Обгоревшая вывеска над палаткой гласила: “Фонд помощи жертвам наводнения, Уолнат-Кроссинг”. А среди разметанных взрывом обломков чернели обугленные букетики ржаво-красных хризантем.

Похоже, Паникос относился к хризантемам — а может, ко всем цветам или вообще ко всему, что напоминало ему о Флоренсии, — с любовью на грани ненависти. Однако это еще не могло объяснить, зачем его понесло на ярмарку. Была, конечно, и вторая возможность, куда более пугающая. Крупные общественные мероприятия — заманчивые места для диверсий.

Возможно ли, что первый раз Паникос ездил на ярмарку, чтобы как раз подготовить почву для такой вот диверсии? А именно — мог ли он нашпиговать тут все взрывчаткой? Уж не являлся ли взрыв палатки фонда лишь преамбулой?

И нужно ли Гурни немедленно поделиться этим вероятным сценарием со службой безопасности ярмарки? С отделом полиции Уолнат-Кроссинга? С бюро криминальных расследований? Или на попытки объяснить, почему этот сценарий столь вероятен, уйдет слишком много времени? В конце концов, если его догадка верна и если их ждет именно такое развитие событий, к тому моменту, как он все расскажет и сумеет убедить в своей правоте служащих, будет уже слишком поздно даже пытаться что-то предотвратить.

Каким нелепым ни казался этот вывод, но Гурни решил, что единственный возможный вариант сейчас — действовать в одиночку. И главной задачей было опознать Питера Пэна — задачей практически невозможной. Однако выбора не оставалось.

И Гурни ничего не оставалось, как пробираться сквозь толпу, разглядывая людей и используя рост как первый критерий отбора, вес как второй и черты лица как третий.

Когда он шел по следующей аллее, всматриваясь не только в каждого прохожего среди текучей толпы, но и в каждого покупателя в каждой палатке, у каждого лотка, ему в голову вдруг пришла ироническая мысль: главный плюс самого ужасного сценария, сводившегося к тому, что Питер Пэн явился на ярмарку, чтобы разнести ее на куски, — состоит в том, что сейчас-то он и сам здесь. А пока он здесь, его можно поймать. Не успел Гурни как следует помучиться скользким вопросом морали — на какие человеческие жертвы и разрушения он готов ради того, чтобы добраться до Питера Пэна, — как позвонил Хардвик. Сказал, он у главных ворот, а где встречаться будем?

— Встречаться нам ни к чему, — возразил Гурни. — Порознь мы большую территорию охватим.

— Отлично. Тогда что мне делать — высматривать коротышку?

— Ну да, руководствуясь тем, что помнишь по видеозаписям. Обрати особое внимание на группки детей.

— С целью...

— Он ведь хочет выглядеть как можно безобидней. Взрослый ростом в пять футов выделяется из толпы, а ребенок такого же роста нет, поэтому велик шанс, что он попытается притвориться ребенком. Лицо выдает возраст, так что, думаю, он придумает какой-нибудь способ замаскироваться. Многие дети сегодня разрисовывают лица — так что это решение напрашивается само собой.

— Допустим, но зачем ему приставать к какой-нибудь компании?

— Опять же, чтобы не выделяться. Ребенок, который держится сам по себе, привлекает больше внимания, чем в группе с другими детьми.

Хардвик вздохнул, вложив в этот вздох максимум скептицизма.

— По-моему, сплошное гадание на кофейной гуще.

— Не спорю. И вот еще что. Исходи из предположения, что он вооружен — и ради всего святого, не недооценивай его. Помни, он жив и здоров, а множество тех, кому не повезло с ним пересечься, мертвы.

— А если я его засеку, какой план действий?

— Не выпускай его из виду и звони мне. И я тебе, если что, позвоню. Тут уж надо будет друг друга прикрывать. Кстати, после твоего последнего звонка он цветочный ларек взорвал.

— *Взорвал?*

— Похоже на взрывное устройство малого радиуса поражения. Скорее всего, примерно как в Куперстауне.

— А почему цветочный ларек?

— Я, Джек, не психоаналитик, но цветы — особенно хризантемы, — похоже, для него много значат.

— Ты ведь знаешь, что их тут в народе называют “мамками”?

— Ну да, но...

Ответ его прервала серия трескучих взрывов, при первом же звуке которых Гурни инстинктивно присел. Звучали они откуда-то сверху.

Торопливо оглядевшись вокруг, он снова поднял телефон к уху — как раз вовремя, чтобы услышать возглас Хардвика:

— Боже! А сейчас-то он что взорвал?

Ответ явился через долю секунды повторной серией взрывов и раскрасившими ночное небо полосами света и россыпью разноцветных искр.

— Фейерверк! Да это ж просто фейерверк!

— Фейерверк? Какого черта? Четвертое июля было месяц назад.

— А я почему знаю? Просто так устроили.

Прозвучала третья серия — громче и с большим треском.

— Уроды, — пробормотал Хардвик.

— Ну да. Ладно, пора заняться делом.

Хардвик несколько секунд помолчал, а потом резко сменил тему.

— Так что ты думаешь насчет Йоны? А то ты мне ничего так и не ответил. По-твоему, я прав?

— Что за убийством Карла стоит именно он?

— Ему же от этого сплошная выгода. Сплошная. И согласись, он скользкий тип.

— А Эсти что по этому поводу думает? Согласна с тобой?

— Нет, черт возьми. Она подозревает Алиссу. Убеждена, что вся эта история — месть Карлу за то, что он ее изнасиловал, хотя твердых доказательств нет, сплошь голословные утверждения, через Клемпера. Кстати о Маке Мудаке — надо мне сказать Эсти, что он дал дуба. Зуб даю, она на радостях в пляс пустится.

Гурни потребовалось несколько секунд, чтобы выгнать эту картинку из головы.

— Ладно, Джек, давай займемся делом. Паникос где-то здесь. Как и мы. Его можно поймать. Так что пора на поиски.

Едва он договорил, небо озарилось последним залпом оглушительных фейерверков. Гурни в сотый раз за последние пару дней вспомнил дело о взорвавшемся автомобиле. А оно, в свою очередь, заставило его вспомнить и рассказ Эсти о стрельбе в переулке. После чего он снова задумался, что же у этих двух историй общего с делом Спалтерова. Однако, каким бы важным ни казался этот вопрос, сейчас отвлекаться на него было нельзя.

Гурни снова двинулся по ярмарке, вглядываясь в лицо каждого встречного тощего коротышки. Лучше проверить слишком много народа, чем слишком мало. Если человек подходящего роста и телосложения смотрел в другую сторону — или если лицо было скрыто очками, бородой или широкополой шляпой, Гурни потихоньку шел следом, пока не удавалось рассмотреть подозрительного типа получше.

С чувством все нарастающей подозрительности он двигался за крохотным существом неопределенного пола и возраста в мешковатых джинсах и бесформенном свитере, пока какой-то жилистый загорелый мужчина в охотничьей шляпе не окликнул это существо у палатки Евангелической Церкви Христа Воскресшего и, назвав его Элеонорой, не спросил, как там поживают коровки.

Следующие два эпизода того же рода, случившиеся в двух следующих проходах и окончившиеся столь же нелепо, лишь подчеркнули полную безнадежность всей затеи. Льющаяся с огромного четырехстороннего экрана в центре ярмарки музыка в стиле кантри насыщала атмосферу обескураживающей сентиментальностью. Примерно такой же обескураживающей сентимен-

тальностью атмосферу насыщала и витающая в воздухе смесь запахов, в которой преобладали попкорн, жареная картошка и навоз.

Завернув за угол здорового, с целую комнату холодильника, за стеклянной стенкой которого красовалась огромная вырезанная из масла фигура быка, Гурни заметил все ту же стайку мальчишек с раскрашенными лицами, которую уже видел прежде, и постарался подобраться к ним поближе.

Похоже, сбор пожертвований шел успешно. Только пара ребят из дюжины еще несли в руках букетики и, кажется, не спешили расставаться с ними. Наблюдая за детьми, он вдруг заметил, что с другого конца прохода в его сторону шагает тот въедливый полицейский, чинивший ему препятствия у ворот, а рядом с ним, судя по всему, двое коллег в штатском.

Торопливо нырнув в первый же дверной проем, Гурни оказался на выставке какого-то клуба из детской организации “4-Н” — в окружении роскошных глянцевитых овощей.

Когда злополучный поисковый отряд прошел, Гурни снова выбрался на аллею и уже догонял ту стайку школьников, когда услышал очередной взрыв, причем довольно близко. Резкий глухой звук, типичный для взрывного устройства, раза в два мощнее, чем тот, что разнес цветочную палатку. Однако гуляющая толпа на него практически не отреагировала — должно быть, потому, что фейерверки трещали гораздо громче.

А вот размалеванные мальчишки на взрыв внимание обратили: остановились, переглянулись с таким видом, словно в них пробудился аппетит к катастрофам, и, дружно повернувшись, заспешили к источнику звука.

Гурни догнал их примерно через два прохода. Они подтянулись к краю толпы и зачарованно глазели на происходящее. С арены, где должны были проходить гонки на выживание, валил густой дым, а вокруг царила суматоха. Одни бежали к арене, другие торопились прочь оттуда, волоча за собой детей. Третьи, встревожено тараща глаза, засыпали окружающих вопросами. Где-то в отдалении завывала сирена.

И тут раздался очередной взрыв, едва различимый за общим гамом.

Лишь несколько человек из стайки, за которой наблюдал Гурни, встрепнулись на звук, но зато они, похоже, сразу пересказали новость своим товарищам. Судя по всему, в результате группка разделилась на тех, кто слышал последний взрыв, и тех, кто не слышал (или слышал, но решил, что суматоха возле арены интереснее). Как бы там ни было, трое мальчишек отделились от общей стайки и двинулись по направлению к месту новой катастрофы.

Заинтересовавшись схемой атак Паникоса, Гурни решил последовать за троими отделившимися и, проходя мимо оставшихся у края толпы местных зевак, постарался хорошенько всмотреться в каждое маленькое личико и прикинуть, не найдется ли совпадений с запечатлевшимся в памяти обликом существа с видеозаписи.

Не усмотрев ни малейшего сходства, достойного более внимательного рассмотрения, он зашагал за удаляющейся троицей.

Продвижение замедляла толпа, хлынувшая наконец прочь от арены. Судя по услышанным Гурни обрывкам разговоров, свидетели произошедшего пока даже не начали осознавать всего значения увиденного —

внезапного и разрушительного взрыва одной из машин финальной гонки, ужасной гибели гонщика и множества ранений у других участников. Похоже, пока зрители списывали все это на счет какой-то неисправности бензобака или неправильный тип бензина. Самые мрачные догадки сводились к намеренному вредительству из-за какой-нибудь семейной распри.

Итак, две бомбы за двадцать минут — и ни малейшей паники. Это хорошо. Хуже то, что единственная причина отсутствия паники состоит в том, что никто еще ничего не понял. Интересно, изменит ли положение вещей прогремевший только что третий взрыв?

В паре сотен ярдов впереди, отчаянно гудя, пыталась пробиться через толпу пожарная машина. Чуть дальше, там, куда она направлялась, поднимался по ветру столб дыма. Вечер был облачный и безлунный, так что огни ярмарки зловеще подсвечивали черное облако.

Народ вокруг начал проявлять признаки беспokoйства. Многие двигались в ту же сторону, что и пожарная машина, — кто брел рядом, кто даже забежал вперед. На лицах отражался весь спектр эмоций от страха до радостного возбуждения. Три фигурки, за которыми следил Гурни, растворились в движущейся людской реке.

Гурни шел примерно в ста ярдах за машиной. Завернув за угол на очередном перекрестке, он увидел вздымающиеся к небу языки пламени над крышей длинного одноэтажного строения. Гурни узнал помещение — там располагались почти все животные, задействованные в выставках и соревнованиях. Приблизившись, он увидел, как молодые служащие выводят через большие ворота коров и лошадей.

Из других дверей сарая повалили остальные животные, напуганные, сорвавшиеся с привязи. Одни нерешительно мялись в проходе, роя копытами землю, другие бросились прямо в толпу. Раздались встревоженные крики.

— Задавили! — истошно завопил какой-то нервный зевака, как назло, не обделенный драматическим чутьем. Та самая паника, отсутствие которой Гурни отмечал лишь несколько минут назад, вдруг заразила всю толпу разом. Люди толкали и пихали друг друга, сясь пробиться туда, где им казалось безопаснее. Шум нарастал. Ветер тоже. Пламя на крыше сарая металось в стороны. Провисшие полотняные стенки шатров надувались и дергались.

Похоже, надвигалась гроза. Резкая вспышка в толще туч и громыхание между холмов подтвердили эту догадку. Через несколько мгновений сверкнула новая молния, ярче первой, загрохотало уже громче.

Глава 59

Вниз и вниз

На место происшествия стекалось все больше охранников. Одни пытались отвести публику подальше от сарая и пожарной машины, чтобы посетители не путались под ногами у разворачивающих шланги пожарных. Другие старались хоть как-то справиться с разбегающимися лошадьми, коровами, овцами, свиньями и парой огромных быков.

Гурни заметил, что по толпе начал разлетаться слух о первых двух взрывах. Общий страх и смятение сразу резко возросли. По меньшей мере треть окружающих уже вцепились в телефоны — звонили, слали сообщения, фотографировали пожар и царящую вокруг суматоху.

Высматривая в колышущейся массе народа потерявшуюся троицу или еще кого-нибудь, хоть отдаленно напоминающего Паникоса, Гурни вдруг с изумлением заметил, что из сарая выскакивает Мадлен. Шагнув в сторону, чтобы разглядеть ее, он обнаружил, что с двух сторон от себя она ведет под уздцы двух альпака. По пятам за ней таким же манером шел Деннис Уинклер.

Выйдя за пределы зоны действий пожарной коман-

ды, они остановились о чем-то наскоро переговорить — собственно, говорил в основном Уинклер, а Мадлен согласно кивала. Потом они двинулись дальше по проходу, организованному в толпе для вывода животных, только теперь впереди шел Уинклер.

Так они оказались в нескольких шагах от Гурни.

Уинклер заметил его первым.

— Эй, Дэвид — хочешь помочь?

— Прости, прямо сейчас не могу.

— У меня тут, знаешь ли, чрезвычайная ситуация, — оскорбился Уинклер.

— Как и у всех нас.

Уинклер смерил его злобным взглядом и зашагал дальше, пробормотав под нос нечто, потонувшее в раскате грома.

Мадлен остановилась и с любопытством посмотрела на Гурни.

— Что ты тут делаешь?

— Нет, это что ты тут делаешь?

— Помогаю Деннису и Дейдре. Я же тебе говорила.

— Ты должна срочно уйти. Немедленно.

— Что? Что за муха тебя укусила? — Ветер швырял ее волосы вперед, на лицо. Обе руки у Мадлен были заняты, так что ей приходилось встряхивать головой, чтобы волосы не лезли в глаза.

— Тут опасно.

Она непонимающе заморгала.

— Из-за пожара в сарае?

— И в сарае, и на арене, и в цветочной лавке...

— Ты о чем?

— Тот человек, за которым я охочусь... который поджигает дома в Куперстауне...

Вспыхнула молния, гром грянул оглушительнее прежнего. Мадлен вздрогнула.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она, повышая голос.

— Он здесь. Петрос Паникос. Сегодня вечером, прямо сейчас. Подозреваю, он нашпиговал взрывчаткой всю ярмарку.

Ветер все так же задувал волосы ей в лицо, но она уже не пыталась с этим бороться.

— Откуда ты знаешь, что он тут?

— Я за ним гнался, прямо до ярмарки.

— Откуда?

Новая вспышка, новый раскат.

— От Барроу-хилл. На мотоцикле Кайла.

— Что стряслось? Почему?

— Он убил Майкла Клемпера.

— Мадлен! — донесся до них нетерпеливый голос Денниса Уинклера, он остановился футах в тридцати и ждал ее. — Мадлен! Идем! Мы теряем время.

— Клемпера? Где?

— У нашего дома. Нет времени объяснять. Паникос здесь. Взрывает и поджигает все кругом. Уноси ноги, черт возьми.

— А как же животные?

— Мэдди, ради всего святого...

— Они боятся огня. — Она горестно взглянула на альпака. Вид у тех был до смешного задумчивый.

— Мэдди...

— Ладно, ладно... дай только хоть этих выведу. А потом уеду. — Решение явно давалось ей нелегко. — А ты сам-то как? Ты что тут делаешь?

— Пытаюсь найти и остановить его.

Глаза Мадлен затопил откровенный страх. Она начала было возражать, но Гурни перебил ее.

— Я должен. А ты должна убраться отсюда ко всем чертям — пожалуйста, — немедленно!

На долю мгновения она застыла, словно парализованная страхом, потом шагнула к Гурни, почти отчаянно обняла его и, без единого слова повернувшись, повела своих подопечных туда, где ее ждал Уинклер. Они обменялись парой слов и быстро зашагали бок о бок по расчищенному в толпе проходу.

Гурни несколько секунд смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду. Его вдруг кольнуло острое чувство, названия которому он не знал, — до того невыносимо слаженной, сработавшейся парой они выглядели: точно заботливые родители, торопящиеся укрыть малышей от грозы.

Он закрыл глаза, стараясь выкарабкаться из ямы, наполненной кислотой.

А когда через миг открыл их, перед ним словно бы из ниоткуда вынырнула та нелепая размалеванная троица. Мальчишки шагали в ту же сторону, что Мадлен с Уинклером, — и у Гурни сложилось неприятное впечатление, будто на одной из раскрашенных физиономий играет улыбка.

Пропустив их футов на пятьдесят вперед, он двинулся следом. На аллее впереди сталкивались разнонаправленные потоки. Любопытство гнало толпища легкомысленных зевак к горящему сараю, а сотрудники службы безопасности отчаянно пытались развернуть их и при этом еще сохранять проход для животных и сопровождающих их людей, двигавшихся в другую сторону, к череде загонов с другого конца ярмарки.

Вне зоны прямой видимости пожара и, соответственно, первобытной тяги к подобным зрелищам угроза дождя заставила многих посетителей променять ярмарочные аллеи на палатки или машины. В поредевшей толпе следить за троицей стало легче.

Под завершающие аккорды долгого раската грома, сотрясшего долину, он осознал вдруг, что у него звонит телефон.

Это оказался Хардвик.

— Ну как, не видал засранца?

— Пару раз видел кого-то отдаленно похожего, но лишь очень отдаленно. Ты уже какие участки проверил?

Ответа не было.

— Джек.

— Секундочку.

Прошло несколько секунд. Гурни поймал себя на том, что делит внимание между троицей и огромным видеокубом, который возвышался в центре ярмарки и сопровождал происходящий кошмар музыкой в стиле кантри. Дожидаясь, пока Хардвик возобновит разговор, Гурни никак не мог до конца отрешиться от этакого эдипова хора, исполнявшего песню под названием “День матери” — о дальнобойшике, трудяге и выпивохе, который все никак не мог встретить девушку с такой же любящей душой, как у его мамочки.

— Я снова тут.

— Что там у тебя?

— Иду за одной компашкой, не хотел упустить. Выряжены, как оборванцы. У парочки лица раскрашены.

— Чем-нибудь выделяются?

— Все вроде как сбиты в группу, а один держится сбоку, чуть поодаль.

- Поодаль?
- Ну да. Вроде как с компанией, а вроде и сам по себе, как белая ворона.
- Интересно.
- Это да, но не спеши с выводами. В любой компании всегда сыщется пацан, который будет слегка выбиваться. Это может ничего не значить.
- Не видишь, что у него на лице нарисовано?
- Придется подождать, пока он не повернется.
- Где ты?
- Прохожу мимо прилавка с чучелами белок.
- Господи. А примет покрупнее нет?
- Чуть дальше какое-то здание с изображением чудовищной тыквы на двери, а рядом зал игровых автоматов. Собственно-то, мои оборванцы туда и зашли, к автоматам.
- А белая ворона?
- Ага, и он тоже. Все там внутри. Пойти за ними?
- Не стоит. Рано еще. Убедись только, что выход всего один и ты их не упустишь.
- Постой, они как раз выходят. Идут дальше.
- Все? И белая ворона тоже?
- Ага. Дай посчитаю... восемь, девять... да, все.
- В какую сторону они движутся?
- Мимо тыквы и дальше к концу ряда.
- Значит, мы скоро встретимся. Я в соседнем ряду, иду в ту же сторону — позади животных и моей раскрашенной группки.
- Животных?
- Их переводят из сарая в загоны за колесом обозрения. Сарай горит.
- Черт! Я слышал, кто-то говорил, что там пожар.

Думал, просто путают с ареной. Ладно, конец связи, не стоит отвлекаться. Хотя постой! Есть новости? Что там у тебя дома происходит?

— Надо позвонить сыну и выяснить.

— Дай мне знать.

Когда Гурни закончил разговор, Мадлен с Уинклером как раз свернули на дорогу, шедшую в обход вокруг каруселей и загонов. Через минуту троица Гурни свернула туда же, а к тому времени, как он сам добрался до перекрестка, они встретились с компанией, за которой следил Хардвик.

Дюжина низкорослых фигурок юрко лавировала среди животных и тех зрителей, которые еще не знали о происходящем и не уstraшились надвигающейся грозы, сводя на нет все попытки Гурни вычислить, нет ли среди них подозрительного чужака — зловещего карлика, маскирующегося под ребенка. Один за другим, все прилипли к невысокому ограждению, отделявшему круговую дорогу от аттракционов.

Мадлен и Деннис с альпака шагали мимо каруселей к загонам. Гурни встал так, чтобы как можно лучше видеть дорогу к загонам, но и не терять собравшуюся у ограждения компанию. Неподалеку он углядел Хардвика — тот занимал позицию там, где аллея, по которой он пришел, выходила на круговую дорогу. Чтобы не выдавать, что они напарники, Гурни не стал подходить к Хардвику, достал телефон и позвонил.

Хардвик ответил, глядя прямо на Гурни.

— Что это за плебейская шляпа?

— *Ad hoc* камуфляж. Долгая история, потом расскажу. Скажи, ты заметил еще кого интересного или все основные подозреваемые здесь, перед нами?

— Все как есть. И половину можно смело вычеркнуть по критерию жирдяйства.

— Какому-какому критерию?

— Смотри, сколько среди этих пацанов толстяков. А наш крошка Питер, насколько я мог судить по видео, вид имеет тощий и недокормленный.

— Что оставляет нам около шести вариантов?

— Я бы сказал, скорее два-три. Помимо критерия жирдяйства есть еще критерий роста и критерий черт лица. Что оставляет нам одного из твоей группы, двух из моей. Да и то с большой натяжкой.

— Ты каких троих имеешь в виду?

— Тот, что ближе всего к тебе, в дурацкой бейсболке, рука на поручне. Потом тот, что за ним, в черной толстовке, руки в карманах. И самый ближний ко мне, в синей баскетбольной форме на три размера больше, чем ему надо. У тебя есть иные варианты?

— Дай приглядеться. Я тебе перезвоню.

Он сунул телефон в карман, рассматривая двенадцать маленьких фигурок у ограждения и обращая особое внимание на тех, о ком сказал Хардвик. Но одно выражение, которое тот употребил, усилило его сомнения: с натяжкой.

Вот уж точно, с натяжкой. Гурни и так не мог отделаться от гнетущего, тошнотворного ощущения, что вся гипотеза — будто один из этих непоседливых и нелепо одетых школьников может оказаться Питером Пэном — просто смехотворна. Переместившись на новую позицию, чтобы лучше разглядеть лица мальчишек, он боролся с искушением бросить всю эту затею, признать, что, скорее всего, Питер Пэн давно сбежал с ярмарки и направляется сейчас в иные, неведо-

мые края, куда-нибудь подальше от Уолнат-Кроссинга. Уж явно это куда более разумная версия, чем та, согласно которой один из мальчишек, прилипших к перилам и околдованных ревом и лязгом, — на самом деле безжалостный убийца.

Возможно ли, чтобы тот, кому Интерпол приписывает пятьдесят убийств, кто разmozжил голову Мэри Спалтер о край ванны, вбил гвозди в глаза Гаса Гурикоса, сжег семерых ни в чем не повинных людей в Куперстауне и отрезал голову Лексу Бинчеру, сейчас выдавал себя за одного из этих вот детей? Неторопливо проходя мимо них, словно бы с целью получше рассмотреть огромное колесо обозрения, Гурни осознал, что решительно не в состоянии вообразить кого-либо из них профессиональным убийцей — и не простым, а специализирующимся на заказах, которые все остальные считают невыполнимыми.

Эта последняя мысль обходным путем привела его все к тому же вопросу, над которым он ломал голову последние несколько дней, — но ему никогда не хватало времени поразмыслить над ним как следует. Самый, пожалуй, непостижимый вопрос из всех.

Что такого трудного было в убийстве Карла Спалтера?

В чем состояла в данном случае “невыполнимость”? Что вообще сделало это убийство задачей, которая по плечу только Паникосу?

Вероятно, ответ на этот один-единственный вопрос мог бы пролить свет и на все остальные загадки дела. Гурни решил наконец хорошенько обдумать его со всех сторон — и не успокаиваться, пока не доберется до сути. Простота вопроса указывала на то, что сфор-

мулирован он верно. Это даже возродило в Гурни некоторый сдержанный оптимизм. Он чувствовал, что на верном пути.

И тут случилось поразительное.

Ему вдруг явился ответ — столь же простой, как и сам вопрос.

Гурни затаил дыхание, словно отгадка была так эфемерна, что могла улетучиться легким дымком от любого дуновения. Но чем больше он вертел ее в голове, чем больше испытывал на подлинность, тем сильнее убеждался в ее истинности. А если она истинна, дело об убийстве Спалтера, считай, наконец решено.

По мере того как умопомрачительно простое объяснение обретало четкие контуры у него в голове, на Гурни накатило знакомое звенящее возбуждение, неизменно сопровождающее у него обнаружение истины.

Он повторил про себя ключевой вопрос. *Что такого трудного было в убийстве Спалтера? Что делало его невыполнимым?*

И рассмеялся вслух.

Потому что ответ был и вправду проще некуда. Ничего.

В этом убийстве не было ничего сложного. Ничего невыполнимого.

Шагая обратно мимо фигурок у ограждения, он заново проверил на прочность свое прозрение и все, что из ответа на этот вопрос вытекало, спросив себя, какой свет оно проливает на темные уголки дела. И с нарастающим возбуждением наблюдал, как загадки решаются одна за другой.

Теперь он понимал, почему Мэри Спалтер должна была умереть.

Теперь он знал, кто заказал выстрел, оборвавший жизнь Карла Спалтера. Мотив стал ясен, как день. И темнее, чем ночь в аду.

Он знал, в чем состояла страшная тайна убийцы, что обозначали гвозди в голове Гаса и какая цель была у поджогов в Куперстауне.

Он видел, какие места в этой головоломке занимают Алисса, Клемпер и Йона.

Загадка выстрела, сделанного из комнаты, откуда его нельзя было сделать, перестала быть загадкой.

Собственно говоря, все в деле Спалтеров внезапно стало совсем простым. До тошноты простым.

И все выявляло одну непреложную истину: Питера Пэна необходимо остановить.

Гурни задумался над этой последней нелегкой задачей, как вдруг бешеный бег мыслей в его голове был прерван очередным взрывом.

Глава 60

Безупречный крошка Питер Пэн

Иные из посетителей ярмарки, бредущих мимо колеса обозрения, остановились, вопросительно наклоня головы набок и обмениваясь тревожными взглядами. Но у ограждения, похоже, никто не замечал ничего необычного за громоханием аттракционов и счастливыми воплями катающихся. Если кто-то из стоящих там и нес ответственность за череду приглушенных взрывов — если это он выставил таймер на взрывном устройстве или тайком послал дистанционный сигнал детонатора, — то он уж явно никак не выдал себя.

Сообразив, что это, надо думать, лучшая, а возможно, последняя возможность определиться, заслуживает ли кто-нибудь из ватаги мальчишек более пристального внимания или же погоня по горячим следам зашла в тупик, Гурни выбрал себе позицию у ограждения, откуда открывался относительно удачный вид на ватагу в профиль.

Отбросив сформулированные Хардвиком критерии отбора, он поочередно осмотрел каждого — и лицо, и фигуру. Девятерых из двенадцати подозреваемых

он мог разглядеть достаточно хорошо, чтобы вынести уверенное суждение — и все суждения оказались негативны. Среди этих девяти была и та троица, за которой следил он, что заставило его пожалеть о потраченном понапрасну времени, хотя он и знал, что задача следователя — не только подтвердить личность подозреваемого, но и исключить непричастных.

Как бы там ни было, оставалось разобраться лишь с тремя. Они стояли как раз ближе всего к Гурни, но отвернувшись. И все трое — в типичной одежде бунтующей молодежи.

Подобно множеству других маленьких провинциальных городков, словно бы на много лет застрявших во временном омуте старомодных порядков и манер эпохи сериала “Положись на Бивера”, Волнат-Кроссинг постепенно сдавался (как уже сдался Лонг-Фоллс) перед натиском ядовитой культуры рэпа, одежды гангста-стиля и дешевого героина. Трое юнцов, за которыми наблюдал Гурни, похоже, стремились не отставать от новых веяний. Он, впрочем, надеялся, что двое из них — просто болваны, а вот третий...

Дико звучит, но он надеялся, что третий окажется воплощением зла.

А еще надеялся, что у него не останется никаких сомнений на этот счет. Славно было бы, если б это можно было прочесть по глазам — если бы он мог с одного взгляда запросто определить зло или исключить такую возможность. Однако Гурни побаивался, что так не выйдет и что в столь важном вопросе простым наблюдением ограничиться не удастся. Почти наверняка придется судить по каким-то брошенным фразам, придется выдумывать способ поставить подозреваемого пе-

ред серией проверок, требующих какой-то реакции. Реакция выражается самым разным образом — словами, тоном, выражением лица, языком тела. Правда всплывает из совокупности всего этого.

Основной вопрос, конечно же, состоял в том, как на основании имевшихся данных прийти к верному заключению.

Дело чуть упростилось, когда один из оставшейся тройцы внезапно повернулся в сторону Гурни, обратив к тому лицо, решительно не похожее на лицо человека с видеозаписи. Мальчишка сказал двум другим что-то про колесо обозрения — похоже, сперва уговаривал их пойти с ним, а потом пытался взять на слабо. Собственно, как оказалось, он брал на слабо и всех остальных в компании, так что теперь они возбужденно просачивались через проем в ограде к очереди на аттракцион. Под конец он бросил двух остающихся и, обозвав их трусливыми неженками, тоже встал в очередь.

Тогда-то один из оставшейся пары — тот, что стоял ближе к Гурни, наконец тоже повернул голову. Он был в черной толстовке с капюшоном, надвинутым почти до глаз и скрывающим волосы и лоб. Лицо было размаковано тошнотворной желтой краской. Нарисованная рыжевато-ржавая улыбка маскировала контуры губ. На всем лице отчетливо различима была только одна деталь. Но она мигом привлекла внимание Гурни.

Нос: небольшой, острый, чуть крючковатый.

Гурни не мог бы поклясться, что этот нос в точности соответствует тому, который он видел в записях, однако сходства все же хватало, чтобы выделить этого

подозреваемого как возможный вариант. Чтобы перевести его из разряда возможных в разряд более вероятных, требовалось, однако, хоть что-нибудь еще. Не говоря о том, что Гурни не успел толком разглядеть последнего спутника Черного Капюшона.

Он собирался передвинуться на новое место, когда последний юнец облегчил ему задачу, повернув голову ровно настолько, чтобы исключить себя (вместе со своей широкой плоской физиономией) из дальнейшего рассмотрения. Он что-то спросил у Черного Капюшона. Гурни не расслышал, но звучало похоже на: “А еще у тебя есть?”

Ответ Черного Капюшона потонул в общем гаме, но на лице его спутника отразилось недвусмысленное разочарование:

— А будет?

И снова ответа слышно не было, но тон звучал не слишком приятно. Явно струхнув, второй парень помялся немного, а потом попятился, развернулся и поспешил прочь, по тому ряду, у которого караулил Хардвик. После короткого колебания Хардвик двинулся вслед за ним, и скоро оба они пропали из виду.

Черный Капюшон остался у ограды один. Снова повернувшись к аттракционам, он с почти мечтательной задумчивостью смотрел на яркие огни колеса обозрения. В движениях его сквозила размеренная плавность, а замер он так неподвижно, что Гурни это показалось скорее взрослой, чем детской чертой.

Черный Капюшон (как называл его Гурни про себя, не желая преждевременно присваивать ему имя убийцы) держал руки в карманах толстовки — куда более удобный способ скрыть руки, кожа на которых очень

сильно выдает возраст, чем перчатки, которые в августе выглядели бы странновато. Рост его — не более пяти футов — соответствовал росту Питера Пэна, да и тип сложения, оставляющий открытым вопрос о том, какого он пола, совпадал тоже. На черных тренировочных штанах и кроссовках виднелись пятна грязи, что было бы неудивительно после бешеной гонки на квадроцикле по склонам Барроу-хилл и по заболоченному пастбищу за ярмаркой. А подслушанный обрывок разговора у ограды наводил на мысль, что сегодня вечером Черный Капюшон еще и торговал наркотиками — что объяснило бы, как чужак с такой легкостью затесался в компашку местных подростков.

Пока Гурни рассматривал эту фигурку во всем черном и взвешивал косвенные свидетельства, заполнявший ярмарку поток бренчащей и звенящей кантри-музыки вдруг остановился, на несколько секунд сменившись громким шумом помех, а затем объявлением: *“Дамы и господа, просим внимания. Передаем срочное объявление. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Срочное объявление. На ярмарке произошло несколько пожаров неизвестного характера. Для безопасности всех присутствующих мы отменяем намеченную на вечер программу и приступаем к эвакуации ярмарки в безопасном и организованном порядке. По завершении уже начатых на аттракционах туров и заездов новых проводиться не будет. Просим всех участников ярмарки закрыть выставки и прекратить торговлю. Просим всех исполнять указания сотрудников службы безопасности, пожарных и медицинского персонала. Это срочное объявление. Все посетители ярмарки должны организованно проследовать к выходам и парковкам. Повторяю, произошло несколь-*

ко пожаров неизвестного характера. Для общей безопасности необходимо начать организованную эвакуацию...»

Объявление прервал новый, самый громкий за все это время взрыв.

Паника ширилась. Крики. Матери в ужасе звали детей. Посетители растерянно оглядывались по сторонам. Иные застыли на месте, иные бросались сломя голову неизвестно куда.

Черный Капюшон у перил, глядевший на огромное колесо обозрения, не проявил ни тени эмоции. Ни потрясения, ни любопытства. Что, по мнению Гурни, было самым уличающим доказательством. Как мог он сохранять такое спокойствие — если только происходящее вовсе не было для него неожиданностью?

Впрочем, как то часто бывало с умозаключениями Гурни, нарастающая уверенность пришла вместе с нарастающей осторожностью. Он слишком хорошо сознавал, как от излишней уверенности подчас начинаешь подтасовывать факты, подстраиваешь их под нужный тебе вывод. Как только ответ, пусть даже ошибочный, начинает обретать форму — разум неосознанно выбирает все факты, которые поддерживают ответ, и отбраковывает те, что ему противоречат. Результат может быть весьма плачевен, а уж в расследовании — катастрофичен.

Предположим, Черный Капюшон — просто-напросто жалкий наркоман, накачавшийся до полной потери осознанности, так что огни ярмарки занимают его куда больше любой реальной опасности. Предположим, он просто-напросто один из пятидесяти или ста тысяч людей на планете, обладающих маленьким крючковатым носом. Предположим, пятна грязи у него на штанах оставлены неделю назад?

Предположим, все, что казалось подтверждением его догадок и ясным ответом, и не ответ вовсе.

Чтобы снять все эти сомнения, Гурни должен был что-нибудь предпринять — неважно, что. Причем — в одиночку. Причем — быстро. Для изящных маневров времени не оставалось. Как и для работы в команде. Одному богу известно, где сейчас Хардвик. А шансов на сотрудничество с местными полицейскими — никаких, они, скорее всего, уже из сил выбиваются, пытаются обуздать воцарившийся хаос. Не говоря уже о том досадном обстоятельстве, что он успел обзавестись врагом из их числа. Если сейчас обратиться к ним за помощью, его скорее арестуют, чем станут помогать в разрешении вопроса с Черным Капюшоном.

Аттракционы все еще скрежетали и громыхали вокруг своих механических остовов. Колесо обозрения крутилось медленно, сам размер и относительная бесшумность движения наделяли его неким подобием величия на фоне меньших и более шумных конструкций. У ограждения скапливалось все больше встревоженных родителей — вероятно, чтобы забрать детей, как только те сойдут на землю.

Гурни не мог дольше ждать.

Сжав в болтающемся кармане толстовки “Беретту” и сняв ее с предохранителя, он прошел вдоль ограды так, чтобы оказаться в нескольких шагах за спиной Черного Капюшона и, действуя на основании чего-то большего, чем просто инстинкт и импульс, тихонько запел:

В кольцо букетик роз,
Карман цветов принес,
Пепел, пепел, вниз и вниз.

Мужчина с женщиной, стоящие рядом с Гурни, покосились на него подозрительно. Черный Капюшон не шелохнулся.

Аттракцион под названием “Бешеный волчок” остановился с лязгом, точно в классную доску забивали гигантские гвозди, и изрыгнул несколько десятков чуть ошалелых детей, большинство из которых быстро разобрали родители. Пространство вокруг Гурни слегка расчистилось.

Нацелив спрятанную в кармане “Беретту” в спину стоявшего перед ним человека, он снова еле слышно запел — стараясь сохранять тот же бестолковый живенький мотивчик детской песни, но уже на свои слова:

Питер Пэн, чудесный крошка,
С планом налажал немножко.
Питер-клоун, что ж ты скис?
Пепел, пепел, вниз и вниз.

Черный Капюшон слегка повернул голову — ровно настолько, чтобы краем глаза различать габариты и местоположение того, кто стоит у него за спиной. Но по-прежнему ничего не сказал.

Гурни различил у него на щеке сбоку несколько темно-красных круглых отметин величиной с горошину — примерно там, где у бандитов нередко бывают вытатуированы слезинки: порой в память об убитых друзьях, а порой в знак убийств, которые они сами совершили.

И вдруг его бросило в дрожь — он осознал, что это не просто красные точки, и даже не слезы.

Это были крохотные красные цветы.

Руки Черного Капюшона скользнули чуть глубже в объемистые карманы его толстовки.

Указательный палец Гурни лег на спусковой крючок “Беретты”.

В проходе позади них, в какой-нибудь сотне ярдов, не больше, прозвучал очередной взрыв — а за ним крики, вопли, проклятия, резкий вой нескольких взывавших одновременно пожарных сирен, снова крики, топот бегущих ног. Кто-то отчаянно выкрикнул имя Джозеф.

Черный Капюшон не шелохнулся.

В Гурни начал вскипать гнев при мыслях о том, что происходит у него за спиной, о том, что вызвало все эти крики боли и ужаса. Гнев заставил его произнести следующую фразу:

— Паникос, ты покойник.

— Ты это мне? — Тон вопроса был подозрительно лишен даже намека на беспокойство. Акцент похож на городской, очень небрежный. Сам голос, казалось, принадлежал человеку без возраста — или странному ребенку, и определить по нему пол говорившего было так же невозможно, как по фигуре.

Гурни вглядывался в те немногие черты, которые мог рассмотреть на этом выкрашенном в желтый цвет лице, тонувшем в тени черного капюшона. Яркие ярмарочные огни, вопли ужаса и смятения, доносившиеся с места взрыва, и едкий запах плывущего по ветру дыма преобразили стоявшее перед ним существо: оно словно явилось из потустороннего мира. Миниатюрная копия мрачного жнеца. Малолетний актер в роли демона.

— Это я безупречному Питеру Пэну, застрелившему не того человека.

Лицо под капюшоном медленно повернулось к нему. Следом начал разворачиваться и корпус.

— Стой, где стоишь, — велел Гурни. — Не двигайся.

— Как же не двигаться, мужик, — в голосе Черного Капюшона зазвучали скулящие, испуганные нотки. — Как мне не двигаться?

— А ну стой!

Тот замер. Взгляд немигающих глаз на желтом лице был устремлен на карман, в котором Гурни сжимал “Беретту”, готовый выстрелить в любую секунду.

— И что делать будешь, мужик?

Гурни промолчал.

— Щас застрелишь, да? — Стиль речи, интонации, акцент — все выдавало манеру разговора трудного подростка с улицы.

Но все же, подумал Гурни, не совсем так. Сперва он не мог бы объяснить, в чем тут дело, но потом сообразил. Черный Капюшон говорил, как “среднестатистический уличный подросток”, без привязки к конкретному району конкретного города. Все равно что британские актеры, играющие жителей Нью-Йорка: акцент плавает от района к району, и получается, что они ниоткуда.

— Застрелю ли? — Гурни задумчиво нахмурился. — Застрелю, если не будешь делать то, что я велю.

— Например, что, мужик? — Черный Капюшон снова начал поворачиваться, словно бы желая заглянуть Гурни в глаза.

— Стой! — Гурни чуть выставил “Беретту” в кармане толстовки вперед, явственнее обозначая ее присутствие.

— Понятия не имею, кто ты, мужик, но крыша у тебя поехала.

Он повернулся еще чуть-чуть.

— Еще дюйм, Паникос, и я спускаю курок.

— Да кто такой, черт возьми, этот Паникос? — тон неожиданно переполнился недоумением и возмущением. Даже чересчур.

— Хочешь знать, кто такой Паникос? — Гурни улыбнулся. — Величайший мазила в своей профессии.

И в этот миг в холодных глазах произошла перемена. Что-то мелькнуло и вновь исчезло, почти мгновенно. Если бы Гурни попросили охарактеризовать то, что он видел, он назвал бы это проблеском чистейшей ненависти.

На смену ей пришла брюзгливая гримаса.

— Да ты спятил, мужик. Двинулся.

— Возможно, — спокойно отозвался Гурни. — Может, я и сошел с ума. Может, застрелю сейчас не того, кого нужно, — совсем как ты. Может, тебе суждено сейчас схлопотать пулю только потому, что ты оказался не в том месте и не в то время. Знаешь ведь, как оно бывает?

— Мужик, ты гонишь! Не можешь же ты как ни в чем не бывало застрелить меня на глазах у тысяч посетителей этой долбанной ярмарки. Только попробуй — и тебе конец, мужик. Раз — и крышка. Только представь себе газетные заголовки: *“Псих полицейский убивает беззащитного ребенка”*. Хочешь, чтобы твоя семья такое увидела?

Гурни улыбнулся еще шире.

— Вижу, к чему ты клонишь. Очень интересно. Ты мне вот что скажи — откуда ты знаешь, что я полицейский?

И во второй раз в этих глазах что-то промелькнуло. Уже не ненависть — скорее, секундная заминка, как

на видео, когда запись на миг тормозит, а потом продолжается, как ни в чем не бывало.

— Но ты ж полицейский, верно? Кто же еще? Непременно коп. Ну видно же.

— И что тут такого очевидного?

Черный Капюшон покачал головой.

— Видно, да и все, мужик. — Он невесело рассмеялся, демонстрируя мелкие острые зубы. — И хочешь знать? Я тебе кое-что скажу. Весь этот разговор — хрень собачья. Ты просто чокнутый. Разговор окончен. — Одним быстрым и плавным движением он повернулся к Гурни, приподняв локти, словно птенец — крылья. Глаза у него были расширенны и безумны, обе руки все так же таились в складках огромной, не по размеру, черной толстовки.

Гурни выхватил “Беретту” и выстрелил.

Глава 61

Полный хаос

Первым звуком, который услышал Гурни после того, как резко щелкнул выстрел и хрупкая фигурка в черном упала на землю, был исполненный ужаса крик Мадлен.

Она стояла в каких-нибудь двадцати футах от него — должно быть, как раз возвращалась от загонов. На лице у нее отражалось не только естественное потрясение человека, на глазах у которого кого-то застрелили, но и полнейшее непонимание, как стрелявший мог оказаться ее мужем, а жертва, по всей видимости, ребенком. Она застыла на месте, прижимая руку к губам, словно попытка осознать происходящее требовала усилия настолько непомерного, что она не могла даже пошелохнуться.

Другие люди вокруг тоже находились в полном смятении — кто пятился, кто, наоборот, тянул шею, чтобы лучше разглядеть происходящее. Все спрашивали друг у друга, что случилось.

Несколько раз выкрикнув: “Полиция!”, Гурни вытащил бумажник и свободной рукой открыл его, поднимая над головой и демонстрируя полицейское удо-

ствоверение, чтобы свести к минимуму риск вмешательства вооруженных штатских.

Когда он приблизился к распростертому на земле телу, чтобы удостовериться в том, что опасность нейтрализована, и проверить показатели жизнедеятельности, встревоженный гомон толпы у него за спиной пререзала резкая команда:

— Стой, где стоишь!

Гурни тут же замер. Он множество раз слышал такой тон на работе — ломкий слой гнева, прикрывающий расшалившиеся нервы. Единственная безопасная линия поведения тут состояла в том, чтобы не делать ровным счетом ничего, кроме как повиноваться любым приказам беспрекословно и в точности.

Безошибочно узнаваемый полицейский в штатском подошел к Гурни справа, крепко стиснул его правую руку пониже плеча и забрал у него пистолет. Кто-то другой, подойдя сзади, вынул из поднятой левой руки Гурни бумажник.

Через несколько секунд, потраченных, по всей вероятности, на проверку удостоверения Гурни, нервный голос воскликнул:

— Черт побери... да это ж мы его ищем!

На этот раз Гурни распознал голос того полицейского в форме, что подрабатывал в составе охраны ярмарки.

Встав перед Гурни, полицейский посмотрел на него, потом на лежащее на земле тело, потом снова на Гурни.

— Что это за чертовщина? Ты застрелил этого парнишку?

— Это не парнишка. Это тот беглый преступник, о котором я вам говорил у ворот, — Гурни говорил

громко и отчетливо, чтобы как можно больше свидетелей слышало его описание ситуации. — Проверьте его показатели жизнеспособности. Пулевое отверстие должно находиться между правым плечом и правой плевральной полостью. Пусть врач как можно скорее убедится, нет ли артериального кровотечения.

— Да кто ты, черт возьми, такой? — полицейский снова посмотрел на тело. Теперь к его враждебности примешивалось удивление — впрочем, ничуть не уменьшая ее. — Это же просто ребенок. Без оружия. На кой ты в него стрелял?

— Это не ребенок. Его зовут Петрос Паникос. Свяжитесь с бюро криминальных расследований в Саспарилле и ФБР в Олбани. Он — наемный убийца, который застрелил Карла Спалтера.

— Наемный убийца? Да ты, твою мать, шутить вздумал? Зачем ты в него стрелял?

Гурни дал ему единственный приемлемый по закону ответ. Который, уж так получилось, был чистой правдой.

— Потому что верил, что моей жизни грозит непосредственная опасность.

— От кого? От чего?

— Если вы вынете его руки из карманов, то в одной из них обнаружите оружие.

— Точно-точно? — Он поискал взглядом своего спутника в штатском, который, похоже, как раз заканчивал обсуждать по радиации порядок оказания медицинской помощи. — Двейн. Эй, Двейн! Вытащи-ка у парнишки руки из карманов, а? Чтоб мы видели, что у него там. А то этот вот умник утверждает, ты там найдешь пушку.

Двейн сказал еще пару слов по радиации и пристегнул ее обратно к поясу.

— Да, сэр. Без проблем. — Он опустился на колени возле тела. Глаза у Черного Капюшона были еще открыты. Похоже, он находился в сознании. — Малыш, у тебя есть пушка?

Ответа не последовало.

— Мы не хотим тебя обижать, понимаешь? Я просто проверю, посмотрю, вдруг у тебя там пистолет, про который ты позабыл? — Прохлопав по карманам черной толстовки, он нахмурился. — Похоже, малыш, у тебя там что-то есть. Скажешь мне, что там такое? Чтобы никто не пострадал.

Глаза Черного Капюшона теперь были устремлены на Двейна, но он ничего не сказал. Двейн залез одновременно в оба кармана толстовки и медленно вытянул руки раненого.

Левая оказалась пустой. В правой был сжат несуровый, девчачий розовый мобильник.

Полицейский в форме бросил на Гурни взгляд превеличественно насмешливого сочувствия.

— Ууупс, вот уж не повезло. Ты застрелил мальчика за то, что у него в кармане был телефон. Безобидный такой телефончик. Не повезло, так не повезло. Большие сомнения насчет “непосредственной угрозы для жизни”. Эй, Двейн, проверь-ка состояние парнишки и вызывай “скорую”. — Он оглянулся на Гурни и покачал головой. — Вот уж не повезло, мистер, так не повезло.

— У него есть какое-то оружие. Я совершенно уверен. Проверьте получше.

— Совершенно уверен? Да как ты тут можешь быть в чем-то уверен?

— Как прослужишь пару десятков лет в городской полиции, начнешь понимать, когда у кого-нибудь что-то есть.

— В самом деле? Снимаю шляпу. Что ж, полагаю, у него и впрямь что-то есть. Только вот, — добавил он с кривой усмешкой, — не пистолет. Что, понимаешь ли, меняет всю картину — и не в твою пользу. Это сложно назвать оправданным применением оружия, даже если б ты и по сей день служил в полиции, а ты-то ведь даже и не служишь. Боюсь, мистер Гурни, придется тебе отправиться с нами.

Гурни заметил, что Хардвик вернулся и пробился к внутреннему краю толпы зевак. Он стоял неподалеку от Мадлен, которая казалась уже не такой остолбеневшей, но все такой же испуганной. Взгляд Хардвика стал леденяще неподвижным, точно у маламута, — и эта неподвижность обозначала полнейшее равнодушие к опасности. У Гурни возникло ощущение, что, кивни он только в сторону враждебно настроенного полицейского, Хардвик преспокойно всадил бы тому в грудь пулю девятого калибра.

В этот-то момент внимание Гурни привлекло тихое гудение — едва различимое среди нарастающего со всех сторон грохота пожарного и медицинского оборудования. Пока он пытался вычислить источник этого подозрительного звука, гудение стало громче, приобрело явственно выраженный мотив. А потом этот мотив стало можно распознать.

“В кольце букетик роз”.

Гурни сперва узнал мелодию, а уже потом вычислил источник звука — приоткрытые губы лежавшего на земле раненого... губы, приоткрытые по центру намалеванной кроваво-ржавой улыбки. Такая же кровь, только чуть красней, чем улыбка, уже начала просачиваться сквозь плечо черной толстовки, пятная пыльный

асфальт. И пока все, услышавшие пение, недоуменно уставились на раненого, сквозь мелодию постепенно прорезались слова: *“В кольцо букетик роз. Карман цветов принес. Пепел, пепел, вниз и вниз”*.

Напевая, раненый медленно поднял розовый телефон, так и оставшийся у него в руке.

— О боже! — вскричал Гурни, сообразив, что происходит. — Телефон! Отнимите его! Это детонатор! Отберите!

Видя, что ни один из полицейских не понимает, о чем это он, он ринулся вперед и яростным пинком выбил телефон из руки — в тот же миг, как оба полицейских накнулись на него, оттаскивая назад. Розовый мобильник отлетел в сторону и заскользил по асфальту.

Но Питер Пэн уже успел нажать на кнопку.

Через три секунды прогремела быстрая серия из шести мощных взрывов — резкие, оглушительные взрывы, ничуть не похожие на приглушенные хлопки предыдущей серии.

У Гурни звенело в ушах — так, что он не слышал ничего больше. Когда полицейские, оттаскивавшие его, начали подниматься на ноги, земля совсем рядом с ними сотряслась. Гурни бешено озирался в поисках Мадлен и увидел, что она, по всей видимости, оглушенная, цепляется за поручень ограждения. Он бросился к ней, протягивая руки. Но в тот миг, как он обнял ее, она пронзительно закричала, показывая на что-то у него за спиной.

Он обернулся, моргая, не в силах в первый момент осознать, что видят его глаза.

Колесо обозрения оторвалось от креплений.

Но все еще вращалось.

Все еще вращалось. Но не вокруг своей оси, стальные балки которой, похоже, снесло взрывом, — в туче удушающей пыли оно катилось вперед, прочь от расстрескавшегося бетонного постамента.

А потом вырубился свет — сразу везде, — и воцарившаяся темнота немедленно усилила и умножила доносящиеся со всех сторон вопли ужаса.

Гурни с Мадлен прижались друг к другу. Прорезавшая низкие тучи вспышка молнии выхватила силуэт огромного колеса, что катилось мимо, сминая ограждения. От вибрирующего остова доносились не только крики пассажиров, но и жуткий, точно удары стального бича, скрежет и лязг гнущегося, ломающегося и трещающегося металла.

Территорию ярмарки освещали сейчас лишь частые вспышки молний и разрозненные огни пожаров, разносимых и раздуваемых ветром. Сорвавшееся с креплений колесо обозрения плавно, словно на сделанных замедленной съемкой кадрах из снятой Феллини кошмарной сцены ада на земле, катилось к центральному проходу ярмарки — в крошечной мгле, лишь иногда выхватываемое иссиня-белой вспышкой молнии.

Пальцы Мадлен впивались в руку Гурни. Голос срывался.

— Что происходит, во имя всего святого?

— Электричество отключилось, — ответил он.

Абсурдность этого ответа дошла до обоих в один и тот же миг, вызвав у них приступ нервного смеха.

— Паникос... он... напшиговал взрывчаткой всю ярмарку, — ухитрился добавить Гурни, ошалело осматриваясь по сторонам. Тьма вокруг наполнилась ядовитым дымом и пронзительными криками.

— Ты убил его? — вскричала Мадлен — словно в ужасе спрашивала, и вправду ли гремучая змея перед ними мертва.

— Ранил. — Гурни посмотрел в ту сторону, где выстрелил в Паникоса, и подождал вспышки молнии, осветившей темный силуэт на асфальте. До него дошло вдруг, что колесо прокатилось ровно по тому месту, и при мысли, что он сейчас может увидеть, к горлу подкатила тошнота. Первая вспышка дала ему возможность подойти достаточно близко. Мадлен все так же цеплялась за его руку. Вторая вспышка показала Гурни то, чего он так не хотел видеть.

— Боже мой! — воскликнула Мадлен. — Боже мой!

Похоже, одно из многотонных стальных колец колеса обозрения прокатилось по телу — практически разрезав его надвое.

Пока они стояли там в темноте, на доли секунды перемежаемой вспышками молний, начался дождь, скоро перешедший в ливень. Молнии высвечивали колышущуюся, спотыкающуюся человеческую массу. Должно быть, только темнота и дождь еще удерживали людей от безудержной слепой давки.

Судя по всему, при виде угрожающе приближающегося колеса Двейн и полицейский в форме отскочили от тела Паникоса — и теперь оба мчались вслед за колесом к главному проходу, на крики попавших в ловушку пассажиров, помочь которым они все равно никак не могли.

Вся несусветная чудовищность происходящего, вся душевная, умственная и эмоциональная перегрузка отразились именно в этом — в том, как легко, даже не обернувшись, два служителя закона покинули место убийства.

Голос Мадлен дрожал, точно она отчаянно старалась говорить спокойно:

— Боже мой, Дэвид, что нам теперь делать?

Гурни не ответил. Он смотрел вниз, дожидаясь, пока следующая вспышка молнии осветит лицо под темным капюшоном. И когда дождался, беспощадный дождь успел уже смыть почти всю желтую краску.

Он увидел то, что хотел увидеть. От сомнений не осталось и следа. Теперь Гурни был уверен, что видел на записях с камер слежения именно этот нежный рот в форме сердечка.

Исковерканное тело у его ног и в самом деле принадлежало Петросу Паникосу.

Знаменитого убийцы больше не существовало.

Питер Пэн превратился в жалкую грудку переломанных костей.

Мадлен потянула Гурни из лужи крови и дождевой воды, в которой он стоял, и все тянула его прочь, пока они не добрались до исковерканного ограждения. Вспышки молний и раскаты грома, перемежаемые ужасным грохотом, лязгом, скрежетом металла и людскими воплями, доносившимися от все еще катящегося колеса обозрения, напрочь лишали возможности думать и рассуждать рационально.

Как ни старалась Мадлен держать себя в руках, голос у нее начал срываться.

— Боже, Дэвид, тут же люди гибнут... гибнут... что нам делать?

— Одному богу известно.... Что сумеем... но сперва... прямо сейчас... мне надо забрать тот телефон... мобильник Паникоса... детонатор... пока он не потерялся... пока не запустил очередной взрыв.

Гурни чуть не подскочил от неожиданности, когда знакомый голос вдруг произнес, точнее, почти прокричал, перекрывая шум вокруг:

— Оставайся с ней. Я принесу.

Сзади — за остатками ограждения, за местом крепления колеса обозрения — внезапно занялась ярким огнем деревянная платформа, по которой пассажиры поднимались к кабинкам. В пляшущих отсветах рыжих языков пламени Гурни видел, как Хардвик шагает сквозь косые струи дождя к распростертому на земле телу.

Добравшись до места, он чуть помедлил и нагнулся, чтобы подобрать блестящий розовый телефон, все еще зажатый в руке Паникоса. Прошло слишком мало времени, чтобы трупное окоченение начало сковывать суставы, и вытащить телефон, должно быть, оказалось несложно. Когда Хардвик начал его поднимать, рука Паникоса поднялась следом.

Даже в неверных отсветах пламени Гурни отчетливо видел, почему так получилось. К телефону крепился короткий вытяжной шнур, конец которого был обвязан вокруг запястья Паникоса. Крепко ухватив телефон, Хардвик дернул шнур — от рывка рука Паникоса поднялась выше, а когда распрямилась до конца, грянул выстрел.

Гурни услышал, как коротко и глухо вскрикнул Хардвик, падая лицом вниз на маленькое тело.

Какой-то помощник шерифа бежал, освещая себе дорогу фонариком, по круговой аллее в сторону тяжело катившегося колеса обозрения. Заслышав выстрел, он резко остановился, схватившись за рукоять пистолета в кобуре, и многозначительно посмотрел сперва на Гурни, а потом на два тела на мостовой.

— Что тут, черт возьми, творится.

Ответил ему Хардвик, пытаясь сползти с тела Паникоса. Слова вырывались у него сквозь стиснутые зубы вместе с шипением, исполненным муки и ярости.

— Этот мертвый засранец только что всадил в меня пулю.

Помощник шерифа замер во вполне понятном недоумении. Но стоило ему подойти поближе, как эмоции его перехлестнули за рамки простого недоумения.

— Джек?

Ответом был неразборчивый, сдавленный рык.

Помощник шерифа обернулся к Гурни.

— Это... это Джек Хардвик?

Глава 62

Фортели разума

Иногда случалось так, что в самый разгар сражения, в момент полного хаоса, когда атака на умственные и душевные ресурсы Гурни казалась уже невыносимой, вдруг открывался неожиданный путь к спасению. На сей раз он явился в образе помощника шерифа Дж. Ользевски.

Ользевски узнал Хардвика, с которым познакомился на проводимом для разных подразделений семинаре по воплощению в жизнь “Патриотического акта”. О том, что Хардвик ушел из нью-йоркской полиции, он не знал, так что заручиться его сотрудничеством оказалось проще, чем если бы он был в курсе дела.

Гурни очень вкратце — что выглядело вполне уместно в условиях чрезвычайной ситуации — обрисовал ему ситуацию. И Ользевски согласился выставить ограждение вокруг тела Паникоса, официально взять на хранение розовый телефон, вызвать на место происшествия не здешнюю полицию, а сотрудников своего отдела, лично провести обыск тела для выявления спрятанного оружия, выстрелившего, когда Хард-

вик поднял руку Паникоса, и проследить, чтобы это оружие также было отдано на хранение в управление шерифа.

Хотя переносить Хардвика и было рискованно, они все согласились, что дожидаться приезда “скорой помощи” в сложившихся обстоятельствах еще опаснее.

Пулевая рана в боку Хардвика сильно кровоточила, однако он твердо решил встать — что и умудрился сделать с помощью Гурни, Ользевски и отборной ругани — и двигаться к воротам, куда будут подъезжать машины “скорой помощи”. Словно в поддержку такого решения, наконец заработал электрогенератор и часть фонарей вспыхнули снова, хотя светили лишь в малую долю обычной своей яркости. По крайней мере, теперь можно было идти, полагаясь не только на отсветы пожаров и вспышки молний.

Кривясь от боли и опираясь на Гурни с одной стороны и Мадлен с другой, Хардвик заковылял вперед, как вдруг колесо обозрения — верхняя его часть, видневшаяся над пологом главного шатра в следующем ряду, — начало трястись и шататься. Послышался треск металла, глухой стук чего-то тяжелого об асфальт. А затем неестественно медленно, словно в замедленной съемке, вся махина скрылась за шатром. Секундой позже землю сотряс оглушительный удар.

Гурни затошнило. Мадлен заплакала. Хардвик издал какой-то гортанный звук — не то от боли, не то от ужаса. Трудно было понять, насколько он осознает окружающий кошмар.

Однако по пути к воротам он передумал и дожидаться там “скорой” не захотел.

— Слишком много пострадавших, врачи заняты

по горло, не хочу ни у кого отнимать шанс, не хочу, чтобы кто-то из-за меня дольше дожидался помощи.

Голос его звучал еле слышно, скорее хриплым шепотом.

Гурни наклонился к нему удостовериться, что слышал правильно.

— Чего ж ты тогда хочешь, Джек?

— В больницу. Не из самых ближних. В местных будет столпотворение. Им не справиться. В Куперстаун. Да, Куперстаун самое оно. И прямо в неотложку. Ты как, старичок? Сладишь с моей машиной?

Идея показалась Гурни совершенно немислимой — перевозить человека с пулевым ранением на пятьдесят пять миль в машине без какого бы то ни было медицинского оборудования. И все-таки он согласился. Потому что идея перепоручить Хардвика до отказа перегруженной системе медицинской помощи в самый разгар катастрофы, подобной которой эта система еще не видала, казалась еще ужаснее. Одному богу известно, сколько изувеченных, еле живых пострадавших с колеса обозрения, не говоря уже о жертвах предыдущих взрывов, окажутся в очереди впереди него.

Так они проковыляли через ворота для автотранспорта, заодно служившие и воротами для устройств выставки, — за этими воротами, на обочине, Хардвик припарковал свой старенький “Понтиак”. Перед тем как садиться в машину, Гурни снял футболку, которая была на нем под толстовкой, и разорвал на три части. Свернув два куска в толстые валики, он зажал одним входное отверстие пули, а вторым — выходное и плотно перевязал третьим куском, чтобы они держались. Потом вместе с Мадлен усадил ране-

ного на переднее пассажирское сиденье, до предела откинув спинку.

Едва придя в себя от боли настолько, чтобы говорить, Хардвик вытащил из футляра на поясе телефон, выбрал номер быстрого набора, немного подождал и оставил сообщение — слабым, но жизнерадостным голосом, надо полагать, для Эсти. “Приветик, крошка. У меня тут проблемка. Стормозил и схлопотал пулю. Позорище. Схлопотать пулю от мертвеца. Сложно объяснить. Еду в больницу в Куперстауне. Шерлок за рулем. Люблю тебя, Персик. Потом поговорим”.

Это напомнило Гурни, что надо бы позвонить Кайлу. На его звонок тоже откликнулся автоответчик. “Привет, сынок. Как ты там? Я гнался за нашим приятелем до ярмарки. Там началось черт знает что. Джек Хардвик ранен, везу его в больницу в Куперстаун. Надеюсь, у тебя все в порядке. Как только сможешь, позвони мне и все расскажи. Я тебя люблю”.

Как только он договорил, Мадлен уселась на заднее сиденье, Гурни — на водительское, и они тронулись в путь.

С ярмарки спешило уехать столько машин, что образовалась чуть ли не пробка — почти сюрреалистическое зрелище здесь, где коровы, как правило, встречались гораздо чаще, чем машины, а немногочисленные помехи движению создавались разве что тихходными фургонами с сеном.

К тому времени как они выбрались на дорогу пошире, полоса грозových туч уже сдвинулась на восток в сторону Олбани, а вертолеты с журналистами и телевизионщиками обшаривали долину лучами прожекторов — выискивая, должно быть, наиболее зрелищные

ракурсы трагедии. Гурни представлял, как задыхающиеся от восторга креативщики с “РАМ-ТВ” рапортуют о том, как “обезумевшие от ужаса люди во мраке спасаются с места трагедии, которую многие считают результатом террористической атаки”.

Вырвавшись из временного затора, Гурни гнал машину со всей скоростью, на какую только отважился, — и еще чуть-чуть сверх того. Почти всю дорогу выжимая от пятидесяти до ста миль, он добрался до больницы в Куперстауне минут за сорок пять. Удивительно, но по пути никто не произнес ни слова. Тревожное сочетание предельно допустимой скорости, агрессивной манеры Гурни не сбавлять хода на поворотах и практически ничем не заглушаемого рева мощного восьмицилиндрового мотора, похоже, на корню пресекало любую возможность беседы — сколько бы ни оставалось нерешенных проблем и оставшихся без ответа вопросов.

Через два часа, однако, ситуация коренным образом переменилась.

Хардвика осмотрели, обследовали, сделали анализы, уколы и переливание крови, зашили, перевязали, поставили капельницу с антибиотиками, болеутоляющими и электролитами и велели ему провести в больнице, по крайней мере, ночь. Неожиданно объявился Кайл и остался дежурить с Гурни и Мадлен в палате Хардвика. Все трое сидели в креслах рядом с его кроватью.

Кайл рассказал, что произошло с момента появления полиции до того, как увезли тело Клемпера, а на-

чавшееся было расследование внезапно оборвалось, потому что всех полицейских и спасателей в округе срочно вызвали на территорию ярмарки, и следователи умчались, оградив большой участок вокруг дома желтой лентой как место преступления. Сам Кайл разобрал достаточно из переговоров полицейских, чтобы понять — произошла какая-то катастрофа, и, оставшись один, заменил спущенное колесо отцовского автомобиля и тоже поспешил на ярмарку, но по пути, взглянув на телефон, обнаружил сообщение от Гурни, что они поехали в Куперстаун.

Когда он закончил рассказ, Мадлен рассмеялась чуть нервным смехом.

— Я так понимаю, ты рассудил, что раз какой-то псих взорвал ярмарку, именно там-то твой отец и окажется?

Кайл смущенно покосился на Гурни и ничего не ответил.

Мадлен засмеялась и пожала плечами.

— Я тоже именно так рассудила бы. — И спросила обманчиво небрежным тоном, ни к кому конкретно не обращаясь: — Первым был Лекс Бинчер. Потом Гораций. Потом Мак Клемпер. Кто намечался следующим?

Кайл снова покосился на отца.

Хардвик лежал на груди подушек, отдыхая, но не упуская ни единого слова.

Наконец Гурни ответил, но так уклончиво, что это и ответом считать было трудно.

— Ну, самое главное — все позади. А сейчас только это и важно.

Все дружно уставились на него — Кайл с любопытством, Хардвик скептически, а Мадлен озадаченно.

— Ты, твою мать, верно, шутишь, — произнес Хард-

вик очень медленно, словно ему было больно говорить быстрее.

— Да не то чтобы. Все наконец стало ясно, — отозвался Гурни. — Твоя клиентка, Кэй, выиграет апелляцию. Исполнитель мертв. Опасность нейтрализована. Дело закрыто.

— Закрыто? Забыл про труп на твоем газоне? И вдобавок у нас ни малейших доказательств, что коротышка, которого ты застрелил, и в самом деле Питер Пэн. И еще вся эта реклама по “РАМ-ТВ”, что ты, мол, собираешься выступить со сногшибательными разоблачениями по делу Спалтеров. Да после этого все копы, которые над делом работали, наверняка твоей крови жаждут.

Гурни улыбнулся.

— Я сказал, дело закрыто. На то, чтобы разобраться с осложнениями и конфликтами, понадобится еще немало времени. И взаимные обиды никуда не денутся, и обвинения еще какое-то время будут звучать. И с фактами смириться удастся не сразу. Но сейчас уже слишком много правды вышло на свет, и снова зарыть ее не под силу никому.

Мадлен смотрела на него во все глаза.

— Хочешь сказать, ты с делом Спалтеров покончил?

— Вот именно.

— Выходишь из игры?

— Ну да.

— Вот так просто?

— Вот так просто.

— Не понимаю.

— Чего ты не понимаешь?

— Ты же никогда не бросал головоломку, в которой недостает большого куска.

— Верно.

— А сейчас — бросаешь?

— Да нет же! Напротив.

— То есть, ты имеешь в виду, дело закрыто, потому что ты его разгадал? И знаешь, кто нанял Питера Пэна убить Карла Спалтера?

— Собственно говоря, его вовсе не нанимали убивать Карла.

— Ты о чем?

— Убивать Карла не предполагалось. Все дело с самого начала было комедией — или трагедией — ошибкой. Вот увидишь, оно еще войдет во все учебники. Причем под заголовком “Роковые последствия привычки руководствоваться разумными предположениями”.

Кайл подался вперед на кресле.

— Убивать Карла не предполагалось? Но как ты догадался?

— Поломав голову над всеми остальными составляющими этого дела, абсолютно бессмысленными, если мишенью был Карл. Версия о жене, убившей мужа, рассыпалась на куски, стоило лишь присмотреться пристальнее. Куда вероятнее казалась версия, что Кэй или еще кто-нибудь нанял для убийства Карла профессионала. Но даже в этом сценарии имелись неувязки — откуда все-таки стреляли, и зачем столько сложностей, и почему для такого простого дела понадобилось привлекать такого дорогого и неуправляемого киллера, как Питер Пэн. Как-то это все не складывалось. И еще эти случаи, которые постоянно всплывали в памяти, — про стрельбу в темном переулке и про взрыв машины.

Кайл вытаращил глаза.

— Они как-то связаны с убийством Карла?

— Не напрямую. Но оба замешаны на ложных предположениях насчет взаимосвязи и последовательности событий. Возможно, я чувал, что и в деле Спалтеров без таких же предположений не обошлось.

— Каких еще предположений?

— В деле о стрельбе в переулке таких предположений два, причем серьезных. Первое — что жертва убита выстрелом полицейского. И второе — что тот солгал о том, в какую сторону был обращен лицом подозреваемый в момент выстрела. Оба предположения казались совершенно разумными. Но оба — ложные. Пулевое ранение, от которого скончалась жертва, было нанесено до того, как на месте происшествия появился полицейский. И тот говорил чистую правду. В деле с машиной предположение состояло в том, что машина взорвалась в результате того, что водитель потерял управление и съехал с трассы. А на самом деле водитель потерял управление и свалился в ущелье из-за взрыва в машине.

Кайл задумчиво кивнул.

Хардвик состроил одну из типичных своих обескураженных гримас.

— Ну и какое отношение это все имеет к Карлу?

— Да прямое: последовательность событий, их взаимосвязь, предположения.

— Может, изложишь это все простым языком для такого тупицы, как я?

— Все предполагали, что Карл оступися и упал потому, что в него попала пуля. Но предположим, пуля попала в него именно потому, что он оступися и упал.

Хардвик заморгал, в глазах у него замелькала торопливая переоценка ситуации.

— В смысле — оступился и упал прямо перед намеренной жертвой?

Судя по выражению лица Мадлен, эти доводы ее отнюдь не убеждали.

— Вам не кажется, что это уже натяжка? Что его застрелили случайно, лишь потому, что он споткнулся перед человеком, в которого на самом деле целился убийца?

— Но ведь все именно это и видели, только потом переосмыслили увиденное, потому что мозг у всех соединяет точки на картинке самым легким способом.

Кайл озадаченно посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду — все именно это и видели?

— Все участники похорон говорили, что в первый момент они подумали, будто Карл оступился — или споткнулся обо что-то, или, например, ногу подвернул и потерял равновесие. А потом, когда обнаружили пулевое ранение, все автоматически пересмотрели свое первое впечатление. Мозг каждого из них бессознательно сравнил относительную вероятность двух возможных вариантов развития событий — и сделал выбор в пользу того варианта, который казался правдоподобнее.

— Ну ведь мозгу и полагается работать именно так, разве нет?

— До определенного предела. Проблема в том, что как только мы признаем за данность определенную последовательность событий — в нашем случае, “был ранен, потерял равновесие, упал”, а не “потерял равновесие, был ранен, упал”, — мы невольно сбрасываем второй вариант со счетов, забываем о нем. Новая версия становится единственной. Мозг так устроен, чтобы устранять двусмысленности и противоречия и работать

дальше. На практике же это нередко означает скачок без оглядки от разумного предположения к признанной истине. Ну и само собой, если разумное предположение в результате оказалось шатким, то все, построенное на основе этого предположения позже, — сплошная ерунда и рано или поздно развалится.

На лице Мадлен появилась легкая тень нетерпения, с которой она встречала почти любые подобные теоретизирования Гурни.

— И в кого целился Паникос, когда Карл оказался на пути пули?

— Ответ получить нетрудно. Тот, кто, заняв место жертвы, объяснит все прочие странности дела.

Кайл впился глазами в отца.

— Ты ведь уже знаешь, кто это, да?

— У меня есть кандидат, удовлетворяющий моим критериям, но это еще не значит, что я непременно прав.

— Я все время слышу от тебя, — продолжала Мадлен, — что странность, которая больше всего тебя смущает, — это участие в деле Питера Пэна, который якобы берется только за самые трудные задачи. Отсюда два вопроса. Первый — кого из присутствовавших на похоронах Мэри Спалтер было бы труднее всего убить? И второй — проходил ли Карл Спалтер мимо этого человека, направляясь к трибуне?

Хардвик перебил ее. Голос его звучал уверенно, хотя и не совсем бодро.

— Ответ на первый вопрос — Йона. Ответ на второй — да.

Сам Гурни пришел к такому же выводу примерно четыре часа назад, в ярмарочном проходе рядом с колесом обозрения, но очень приятно было убедиться,

что другие независимо от него проделали в уме тот же путь. Если в жертвы намечался Йона, все темные места дела прояснялись сами собой. В обычных условиях обнаружить фактическое местопребывание Йоны было не то что сложно, а скорее невозможно, и это делало его идеальным кандидатом для Паникоса, любителя сложных дел. Собственно говоря, похороны матери были, вероятно, единственным событием, гарантирующим, что он окажется в предсказуемое время в предсказуемом месте, — вот почему Паникос и убил ее. На кладбище Йона сидел, а не стоял, — что разрешало загадку с траекторией выстрела, сделанного из квартиры на Экстон-авеню. Карлу не могли всадить пулю в голову оттуда, когда он шел мимо Алиссы, — но вот когда он падал перед Йоной, предназначенная тому пуля запросто могла в него угодить. Этот сценарий объяснял и вопрос, не дававший покоя Гурни с самого начала: как Карл умудрился пройти еще десять-двенадцать шагов после того, как пуля поразила моторный центр у него в мозгу. Простой ответ состоял в том, что он и не проходил. И наконец, нелепый результат — ведь “фокусник” застрелил не ту жертву, рискуя стать посмешищем в тех самых кругах, где репутация была для него важнее всего, — объяснял то, как он потом лез вон из кожи, чтобы этот позорный факт навеки остался тайной.

Следующий вопрос напрашивался сам собой.

Задал его Кайл с видимой неловкостью:

— Если на самом деле мишенью был Йона, то кто тогда нанял Паникоса?

С точки зрения *cui bono*, ответ казался Гурни очевидным. Лишь один человек значительно выиграл бы от смерти Йоны — выиграл бы очень крупно.

Судя по лицам всех присутствующих, для них ответ был столь же очевиден.

— Скользкий засранец, — пробормотал Хардвик.

— О господи, — у Мадлен было такое лицо, словно ее представления о человеческой природе серьезно подкопились.

Все четверо смотрели друг на друга, точно гадая, не сыщется ли иного объяснения.

Однако деваться от неприглядной правды было некуда.

Выстрел, убивший Карла Спалтера, был заказан не кем иным, как самим Карлом Спалтером. Стремясь избавиться от брата, он сам навлек на себя ужасный конец — медленную смерть в полном осознании того, что виной всему он сам.

Ужасно — и в то же время до смешного нелепо.

Однако была в том и жуткая, неоспоримая справедливость.

Мстительная карма.

И, наконец, это объясняло то выражение ужаса и отчаяния во взгляде умирающего в зале суда — взгляд человека, еще при жизни угодившего в ад.

Примерно с четверть часа после того беседа колебалась между сумрачными рассуждениями о братоубийстве и попытками разобраться с безрадостными практическими сторонами запутанной ситуации, в которой они все оказались.

Хардвик медленно, но решительно сформулировал суть дела так:

— Ладно, помимо всей этой трагической хрени про

Каина с Авелем, нам надо прояснить, на чем мы стоим. Сейчас начнется феерическая грызня между всеми замешанными в эту историю органами — и каждый постарается оказаться тем, кто грызет, а не пострадавшим.

Гурни кивнул.

— С чего предлагаешь начать?

Не успел Хардвик ответить, в двери показалась запыхавшаяся Эсти, на лице у которой быстро пронеслись страх, облегчение и любопытство.

— Эй! Персичек! — хриплый шепот Хардвика сопровождался нежной улыбкой. — Как это тебе удалось вырваться, когда там, небось, все черти с цепи сорвались?

Проиигнорировав вопрос, она подбежала к кровати Хардвика и сжала его руку.

— Ты как?

Он кривовато улыбнулся.

— Расчудесно. Очень ловкая оказалась пуля. Прошила меня насквозь, не задев ничего важного.

— Слава богу! — голос у нее был встревоженный и счастливый одновременно.

— Так расскажи же, как тебе удалось улизнуть?

— На самом деле я не то чтобы улизнула — во всяком случае, официально, — просто сделала по дороге крюк. Буду регулировать движение. Можете себе представить, сейчас больше идиотов спешит к месту происшествия, чем старается оттуда уехать. Любители острых впечатлений, зеваки, уроды!

— Так они теперь следователей посылают движение регулировать?

— Они сейчас кого угодно куда угодно посылают. Не поверите, что там сейчас творится! И сколько всяких слухов ходит. — Она многозначительно посмотре-

ла на сидевшего в ногах кровати Гурни. — Говорят, какой-то чокнутый киллер взорвал всю ярмарку. Говорят, какой-то нью-йоркский детектив застрелил подростка. Или все-таки того чокнутого киллера? Или какого-то неизвестного карлика? — Она перевела взгляд на Хардвика. — Один из помощников шерифа сказал мне, что карликом был Паникос и что именно он-то тебя и прострелил — причем каким-то образом умудрился это сделать уже после смерти. Видишь, о чем я? Миллион слухов, а смысла — никакого. Помимо всего прочего началась безобразная свара по поводу полномочий между окружным шерифом, местной полицией, полицией штата, а может, скоро и федералы подтянутся. Чем больше гомона, тем веселее, правда? И все это, пока придурки на парковке таранят друг друга, каждый спешит первым выбраться. А другие придурки, еще почище этих, спешат, наоборот, к ярмарке — небось, чтобы нащелкать фотографий и выложить в Фейсбуке. Вот так сейчас все и идет. — Она переводила взгляд с Хардвика на Гурни. — Вы же там были. Что за парнишка? Вы его застрелили? Он в вас стрелял? И для начала, как вас вообще туда занесло?

Хардвик посмотрел на Гурни.

— Уступаю эту честь тебе. Мне сейчас говорить трудновато.

— Ладно. Постараюсь изложить кратко, но придется начать с самого начала.

Эсти взволнованно и потрясенно выслушала короткий пересказ основных событий вечера — начиная от взрыва кучи досок и гибели Клемпера до погони на мотоцикле и смерти Питера Пэна среди воцарившихся на ярмарке хаоса и смятения.

Первый вопрос, который она задала после ошеломленного молчания, бил в самую точку:

— Ты можешь доказать, что человек, которого ты застрелил, и в самом деле Паникос?

— И да, и нет. Мы, безусловно, можем доказать, что человек, которого я застрелил, именно тот, кто подстроил серию взрывов на ярмарке, — и что Хардвик ранен именно из его пистолета. Его тело, пистолет и мобильник, который он использовал как дистанционный детонатор, находятся сейчас в распоряжении управления шерифа. Записи с ближайшей вышки сотовой связи покажут, что он звонил по ряду номеров, находившихся в той же области. И я не сомневаюсь, что время этих звонков будет достаточно точно соответствовать времени взрывов, которое можно выверить по записям ярмарочных систем безопасности. Если нам повезет, среди осколков бомб на ярмарке найдутся кусочки взрывателей, активируемых звонком, — и система совпадет с той, что использовалась в доме Бинчера. И мы почти точно обнаружим совпадение между химическим составом зажигательной смеси, использовавшейся на ярмарке, и составом смеси у Бинчера. После взрывов и отключения электричества там такой дурдом начался, что было не до обыска тела, но как только его все же обыщут, наверняка найдут оружие — и если оно уже использовалось где-то еще, перед нами откроются новые двери. Установить связь по ДНК между нашим трупом и Паникосом, находящимся в розыске в Европе, будет задачей для Интерпола и их партнеров. А тем временем можно сравнить сделанные перед вскрытием посмертные фотографии его лица — когда я видел его

последний раз, оно оставалось неповрежденным — с лицом человека на имеющихся у нас записях с видеокамер.

Когда Эсти медленно кивнула, явно стараясь понять и запомнить все это, Гурни заключил:

— Лично я на сто процентов уверен, что тело принадлежит Паникосу. Но с чисто практической точки зрения, для прикрытия моей задницы перед законом, это совершенно неважно. Мы можем доказать, что это тело того, кто виновен в гибели одному богу известно скольких людей за последние пару часов.

— На самом деле, не одному богу. По последним подсчетам, где-то от пятидесяти до ста.

— Что?

— Это последние подсчеты, сделанные перед тем, как я уехала на задание. Ожидается, что это число увеличится. Сильные ожоги, два обрушившихся здания, драки на парковке, затоптанные дети. И еще — много жертв с колеса обозрения.

— От пятидесяти до ста? — в ужасе прошептала Мадлен.

— Боже.

Гурни откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Он снова видел, как кренится и медленно заваливается набок, исчезая за шатром, колесо обозрения. Снова слышал жуткий треск и прорезавшие чудовищный шум душераздирающие вопли.

В палате надолго воцарилось молчание. Нарушил его Хардвик:

— Могло быть и хуже или даже гораздо хуже, — пробурчал он, возвращаясь к жизни, — не останови Дэйв этого маленького ублюдка.

Это наблюдение было встречено мрачными кивками.

— Плюс, — добавил Хардвик, — он ухитрился прямо посреди всей этой чертовщины решить дело об убийстве Спалтера.

— Решил... — поразились Эсти. — Как?

— Расскажи ей, Шерлок.

Гурни пересказал весь сценарий с Карлом в роли трагического злодея, начавшего интригу, которая роковым образом провалилась.

— Выходит, план состоял в том, чтобы убрать брата, завладеть “Спалтер Риэлти” и ликвидировать активы для личного пользования?

Гурни кивнул.

— Так мне это представляется.

Хардвик тоже кивнул.

— Пятьдесят миллионов баксов. Как раз хватит на покупку особняка губернатора.

— И он был твердо уверен, что мы никогда не припомним его за убийство? Боже, что за высокомерный ублюдок! — Она с любопытством покосилась на Гурни. — У тебя какое-то странное выражение лица. О чем ты думаешь?

— Да просто о том, что убийство брата могло пойти Карлу в его кампании только на пользу. Он мог бы преподнести это как попытки мафии запугать его, заставить бросить политику... чтобы в правительство не попал честный человек. Интересно, может, в его планы входило выставить убийство брата за доказательство собственной добродетели?

— А что, мне нравится, — глаза Хардвика цинично блеснули. — Въехать в губернаторы на этом трупе, точно на белом коне, — прямо, твою мать, к инаугурации!

Гурни улыбнулся. Возвращение Хардвика к вульгарной манере изъясняться было показателем улучшающегося самочувствия.

Эсти сменила тему.

— А Клемпер с Алиссой, значит, просто-напросто мелкие хищные стервятники, норовящие поживиться за счет Кэй?

— Можно и так сказать, — согласился Гурни.

— На самом-то деле, — с видимым удовольствием добавил Хардвик, — скорее, один хищный стервятник по имени Алисса и один безмозглый стервятник-идиот по имени Мак Мудак.

Эсти несколько долгих секунд смотрела на него с болезненной нежностью, точно на милого, но невыносимого ребенка, а потом снова взяла его за руку и стиснула ее.

— Пойду, пожалуй. Давно пора перехватывать и перенаправлять транспорт — всех этих идиотов, что ломятся с трассы на ярмарку.

— Перестреляй ублюдков, — с жаром посоветовал Хардвик.

После ее ухода разговор плавно съехал на теории о чувстве вины и стремлении к саморазрушению — темы, которые, судя по всему, нагоняли на Хардвика сон.

Вспомнив курс психологии, который он посещал в колледже, Кайл рассказал про фрейдовскую теорию о несчастных случаях: они все вовсе не “случайны”, а отвечают некоторой цели — предназначены предотвратить какое-либо действие, вызывающее внутренний конфликт, или же покарать за него.

— Я вот думаю, может, то, что Карл споткнулся прямо перед братом, как раз чем-то таким и объясняется?

Развивать эту тему никому не захотелось.

Тогда Кайл завел речь о карме — словно ему отчаянно требовалось встроить весь хаос произошедшего хоть в какую-нибудь упорядочивающую структуру.

— И ведь не один Карл расплатился за то, что натворил. Ну вы только подумайте. С Паникосом то же самое — его придавило колесом обозрения, которое он сам же и взорвал. А с Клемпером что случилось, когда он явился по папину душу! Даже Лекс Бинчер — он ведь как с цепи сорвался на “РАМ-ТВ”, пытался присвоить себе лавры за все расследование — это его и погубило. Ей-ей, так и кажется, что карма и впрямь существует!

Голос у него был такой взволнованный, возбужденный, искренний — и такой юный, ни дать ни взять загоревшийся новой идеей подросток, — что Гурни вдруг захотелось его обнять. Однако он не привык поддаваться спонтанным побуждениям, особенно на людях.

Скоро в палату пришли две медсестры, чтобы забрать Хардвика на рентген для каких-то дополнительных обследований. Когда его устраивали на каталке, он повернулся к Гурни:

— Спасибо, Дэйви. Я... думаю, ты мне жизнь спас... так быстро сюда довез.

Он произнес это без тени иронии — явление почти неслыханное.

— Ну... — промямлил Гурни, которому всегда делалось неловко, когда его благодарили, — у тебя резвая тачка.

Хардвик издал короткий смешок, оборвавшийся вскриком от боли, и его увезли.

Мадлен, Кайл и Гурни остались в палате около опустевшей постели. Все уже падали с ног от усталости. Говорить было не о чем.

Молчание нарушил звонок телефона — как оказалось, Кайла. Он бросил взгляд на экран.

— Боже, — произнес он, ни к кому конкретно не обращаясь, а потом посмотрел на отца. — Это Ким. Я же обещал ей позвонить, но во всем этом... — И прибавил после короткого колебания: — Надо с ней поговорить.

Он вышел в коридор и, негромко разговаривая, отошел подальше, чтобы его не было видно и слышно.

Мадлен смотрела на Гурни. Взгляд ее был полон неимоверного облегчения и неимоверной усталости — как и ее голос.

— Ты все это преодолел, — сказала она. И прибавила: — А это главное.

— Да.

— И все разгадал. В который раз.

— Да. По крайней мере, мне так кажется.

— О, даже не сомневайся.

На лице ее играла нежная загадочная улыбка.

Наступило молчание.

Помимо волны эмоционального и физического истощения Гурни ощутил, что у него все тело болит и ломит, и не без удивления понял, что это результат грубых манипуляций двух полицейских, которые оттаскивали его, когда он пытался выбить телефон из рук Паникоса.

На него вдруг накатила такая усталость, что он не мог ни думать, ни даже держаться на ногах.

Стоя там, в больничной палате, Гурни на миг прикрывает глаза. И видит Питера Пэна — тот застыл спиной к нему, весь в черном. А потом начинает поворачиваться. Ядовито-желтое лицо, кроваво-алая улыбка. Поворачивается, поворачивается, поднимая руки, точно крылья хищной птицы.

Но глаза на этом желтом лице — глаза Карла Спалтера. Полные ужаса, ненависти и отчаяния. Глаза человека, жалеющего, что родился на свет.

Гурни отгоняет прочь это видение, старается перевести взгляд на Мадлен.

Та предлагает ему лечь на кровать. Предлагает помассировать шею, плечи и спину.

Он соглашается и скоро уже качается на волнах полузабытья, ощущая лишь теплое и нежное касание ее рук.

Слыша лишь ее голос, ласковый и успокаивающий.

Где-то между сном и усталостью расположена область полнейшей отрешенности, простоты и ясности — область, где он часто обретал безмятежность, какой не знал больше нигде. Ему казалось, это нечто вроде “прихода” у героинщика — прилив чистейшего, безмятежнейшего покоя.

Обычно такое состояние сопровождалось для него полной изоляцией от каких бы то ни было внешних стимулов, блаженной неспособностью отличить, где кончается его тело и начинается остальной мир, — но сегодня все иначе. Сегодня в кокон вплетены голос Мадлен и всепроницающее тепло ее рук.

Она говорит о том, как они будут гулять по набережью в Корнуолле, о пологих зеленых склонах, каменных изгородах, высоких утесах над морем...

Как будут плавать на каяках по бирюзовому озеру в Канаде...

Кататься на велосипеде в долинах Катскилла...

Собирать чернику...

Строить скворечники на краю луга.

Пробираться по тропинке, что ведет через ферму “Шотландское пастбище”...

Голос у нее нежный и теплый — совсем как прикосновение ладоней к плечам Гурни.

Он представляет ее на велосипеде — в белых кроссовках, желтых носках, ярких карминных шортах и сверкающей на солнце сиреневой ветровке.

Солнце прорывает облака огромным кругом света. Колесом света.

Улыбка Мадлен — улыбка Малькольма Кларета. Голос ее — его голос.

“В жизни нет ничего важнее любви. Нет ничего, кроме любви”.

CORPUS 446

СЕРИЯ MASTERDETECTIVE

литературно-художественное издание

ДЖОН ВЕРДОН

ПИТЕР ПЭН ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

18+

Главный редактор ВАРВАРА ГОРНОСТАЕВА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Редактор ОЛЬГА ПОЛЯК

Ответственный за выпуск ОЛЬГА ЭНРАЙТ

Технический редактор НАТАЛЬЯ ГЕРАСИМОВА

Корректор МАРИНА ЛИБЕНЗОН

Верстка МАРАТ ЗИНУЛЛИН

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 27.07.17. Формат 84×108 1/32

Бумага офсетная. Гарнитура *OriginalGaramondC*

Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6

Тираж 2000 экз. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А, www.pareto-print.ru

ООО “Издательство АСТ”

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: info@corpus.ru

“Баспа Аста” деген ООО

129085, Мәскеу қ., Жұлдызды гүлзар 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: info@corpus.ru

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:

123317, Москва, Пресненская наб., д. 6, стр. 2, БЦ “Империя”, а/я № 5

Тел.: 8 (499) 951 6000, доб. 574

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-

талаптарды қабылдаушының өкілі “РДЦ-Алматы” ЖШС,

050039, Алматы қ., Домбровский көш., 3 “а”, литер Б, офис 1

Тел.: 8 (727) 251 5989, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 5812, доб. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

